

Дикая Европа

ДИКАЯ Европа

Божидар Езерник

Божидар Езерник

Божидар Езерник

В книге "Дикая Европа" известный словенский антрополог, социолог и культуролог профессор Божидар Езерник анализирует комплекс культурных и политических стереотипов, сформировавшийся у западных европейцев по отношению к балканским странам как к «дикой», воинственной и нецивилизованной части Европы. В основе исследования многочисленные воспоминания путешественников, свидетельствующие, что «непостижимые» Балканы издавна притягивают к себе внимание европейцев. История, культура, традиции балканских народов представлены в весьма необычном ракурсе.

Божидар Езерник

ДИКАЯ Европа

Балканы
глазами западных
путешественников

Москва
«Лингвистика»
2017

УДК 930.85
ББК 63.5(47)-7
Е42

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Государственного агентства
по исследовательской деятельности Республики Словении
(Javna agencija za raziskovalno dejavnost Republike Slovenije)
и философского факультета Люблянского университета
(Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani)

Перевод осуществлен при поддержке
Института славяноведения Российской академии наук

Ответственный редактор русского перевода:
к. ф. н. Ю. А. Созина

Дизайн обложки:
Наталья Морозова

Божидар Езерник

Е42 Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников: Монография / Пер. со словен. Л. А. Кирилиной. — М.: Лингвистика, 2017. — 358 с.: ил., 9 отд. л. цв. ил.

ISBN 978-5-91922-061-9

В книге словенского антрополога, социолога и культуролога Б. Езерника анализируется комплекс культурных и политических стереотипов, сформировавшийся у западных европейцев по отношению к балканским странам как к «дикий», воинственной и нецивилизованной части Европы. В основе исследования — многочисленные воспоминания путешественников, свидетельствующие, что «непостижимые» Балканы издавна притягивают к себе внимание европейцев. История, культура, традиции балканских народов представлены в весьма необычном ракурсе. Книга вызовет интерес не только специалистов — историков, культурологов, антропологов, — но и широкого круга читателей.

УДК 930.85
ББК 63.5(47)-7

ISBN 978-5-91922-061-9

© Божидар Езерник (Božidar Jezernik), 2011
© Любовь Кирилина, перевод, 2017
© ООО «Лингвистика», издание на русском языке, 2017
© ООО «ПОЛИМЕДИА», оформление, 2017

Содержание

Где начинается Восток	5
Неизвестный уголок Европы	8
Черно-белые изображения	12
Ковер-самолет Востока	17
Глубокие реки, высокие горы	21
Балканская этика убийства	26
Ислам против прогресса	27
Европейские предметы роскоши в руках варваров	32
Дамы с жирными пальцами	37
Неизменность восточных привычек	40
Работа наблюдателей никогда не кончается	45
Пестование предрассудков	47
Волосатые рыбы	49
Преимущества и недостатки эмпирического метода	56
Дерзкие воры	61
Грудь до пупка	64
Люди с хвостами	75
Острова сатиров	78
Сербское море	87
Очи, которые не видят	91
Очи принцессы Симониды	92
Муки ада, о которых не знал Данте	95
Материальная основа суеверия	100
Романтический шарм свободы	107
Вымышленный роман или реальная история	107
Национальность и свобода	110
Окаменелый океан	111
Крещение мусульман в канун Рождества	114
Сильный пол и слабый пол	116
Фотогеничные рыцари	122
Тюрьма как критерий	126
Страстные охотники за человеческими головами	129
Первые сообщения	131
Игра в кегли головами	133
Головы в сумках	136
Сила обычая	137
Нос врага на свадьбу	141

Вино чести	144
Достопримечательности, которые путешественники не могли не заметить на Востоке.....	147
Трудно добраться до небес на одной ноге	155
Четыре глаза видят больше, чем два	156
Башня из черепов	159
Где рай был потерян лишь из-за глотка адского отвара.....	165
Черный как черт	165
Кофе и сигареты для людей с железными нервами.....	168
Балканские кофейни.....	172
Кофейни в столице	173
Политические дискуссии в кофейнях	180
Пушечные ядра, начиненные национальной музыкой	182
Мир в душе и аксиома Локка	186
Настоящая комедия ошибок	193
Masédoine	194
Сыновья Александра Великого.....	195
География и статистика Балкан.....	197
«Мегали идея»	204
Национальность и вера.....	206
Потомки французских крестоносцев	209
Болгарская угроза	212
Великая Сербия	214
Мост между варварством и цивилизацией	223
Окаменевший полумесяц над бурной рекой	223
Римские мосты XIX в.	228
Значение идентичности	236
Маленькие Парижи и большие Бухаресты ...	241
Восточная королева с грязными щеками	241
Мечети и минареты	247
Ценители искусства на Акрополе	253
Данте и Боккаччо в албанских городах	259
Европа и Азия: лицом к лицу	260
Сцены из «Тысячи и одной ночи»	263
Изгнание балканского духа	269
Примечания	278
Избранная библиография	321

Где начинается Восток

Балканский полуостров до начала XIX в. не имел названия. Лишь в 1808 г. прусский географ Август Цейне назвал эту область «*Nämushalbinse*l». Позже, в соответствии с общепринятой практикой того времени давать название области по ее наиболее главному горному массиву, он заменил это название на «Балканский полуостров». Выбор Цейне был достаточно произвольным, поскольку горы «*Naemus*» (от «*haim*», кровь Тифона) — как первоначально назывались Балканские горы, находящиеся в современной Болгарии и называющиеся Стара-Планина, — не являются ни самым обширным, ни самым высоким горным массивом на полуострове¹. В английском языке наименование «*The Great Balcan*» (Великие Балканы) вместо «*Naemus*» впервые ввел в употребление Фредерик Калверт в 1767 г.² Однако новое название поначалу не могло считаться равноценным предыдущему. В 90-е годы XVIII в. британский путешественник Джон Моритт отметил это в своих дневниковых записях: «Мы спали у подножия горы (перевал Шипка), на следующий день мы ее перешли. Эта гора отделяет Болгарию от Румынии (античной Тракии) и, хотя сейчас она унижена названием *Bal. Kan*, она не стала от этого ничуть менее впечатляющей, чем античный *Naemus*»³.

Более того, по всей видимости, это название возникло вследствие недопонимания. В турецком языке существительное «балкан» обозначает неровную гористую местность или горную цепь, покрытую густыми лесами, так называли игорный массив⁴. В XIX в. эту тавтологию стали использовать как название области в связи с необходимостью дать краткое обозначение новым государствам,

возникшим на месте прежней европейской Турции. Впрочем, вполне вероятно, что выбор названия хотя бы отчасти следует приписать тому обстоятельству, что эти горы в первой половине XIX в. стали известны как арена русско-турецких войн и что это естественное препятствие вплоть до 1877 г. являлось второй и важнейшей линией обороны «хорошо укрепленного города», как называли османы свою столицу⁵. Поэтому британский врач в османской армии в середине XIX в. Дж. Нойеси пришел к выводу, что следует трактовать название «Балканы» как «защитная горная цепь»⁶.

Поскольку какого-либо четкого разграничения между полуостровом и остальной Европой не было, у авторов часто складывались совершенно различные представления о точных границах Балкан, сведения о географии этого полуострова были довольно неточны. Ведь размеры области были нестабильны и постоянно изменялись: они расширялись или сужались вместе с политическими границами. Так, например, в энциклопедии «*Britannica*» в 1911 г. приводятся сведения, что Балканы охватывают Албанию, Боснию и Герцеговину, Болгарию, Хорватию и Славонию, Добруджу, Грецию, Иллирию, Македонию, Черногорию, Нови-Пазар, Сербию и Турцию. В течение XX в. этот состав много раз менялся. Так, в издании «*Encyclopaedia Britannica Macropaedia*» 1995 г. среди балканских государств упомянуты не только Румыния и Воеводина, но также Молдавия и Словения, Греция же из их числа исключена. Место, которое занимают Балканы в топографии западного имаджинария, пожалуй, лучше всего проиллюстрировано в работе немецкого писателя Б. Руланда, сравнившего Балканы с садовым сараем: он стоит у прекрасной западноевропейской виллы, и в нем живет множество людей, которые не могут найти общего языка и постоянно конфликтуют⁷.

Хотя в действительности по вопросу о том, куда точно простираются Балканы, и не было единого мнения, по

поводу неевропейского характера Балкан и их стремления к европеизации, напротив, разногласий было очень мало — это воспринималось как факт⁸. После эпохи Просвещения на Балканы смотрели как на нечто близкое (географически) и вместе с тем далекое (в плане культуры). Томас Арнольд, директор знаменитой школы в Регби и автор книги «История Рима», описал восточное побережье Адриатического моря как «одну из тех несчастных областей Земли, которые, несмотря на свой непосредственный контакт с цивилизацией, остались варварскими»⁹. Соответственно и в рассказах западных европейцев зачастую намеренно подчеркивались особенности, отличающие Балканы от остальной Европы, а в многочисленных путевых очерках содержались ассоциации с путешествием назад во времени, прочь от «нетерпимого, беспокойного, торопливого мира западной цивилизации» к «мечтательному Востоку»¹⁰. Если факты не удовлетворяли ожиданий читателей, авторы их перекраивали, акценты смещались, усиливалось экзотическое начало: «Это до сих пор мир “Тысячи и одной ночи”, и отсюда, из Европы, до Востока и Средних веков всего один день пути на поезде из Вены»¹¹.

Как правило, географические термины нейтральны, но Балканы и в этом плане — исключение, бросающееся в глаза. Когда термин «Балканы» используется для обозначения чего-либо другого, помимо названия гор в Болгарии, дело никогда не обходится без идеологических клише и негативных определений, как, например: грязь, пассивность, ненадежность, пренебрежение к женщинам, интриганство, бессовестность, оппортунизм, лень, суеверие, медлительность, слабо функционирующая и занимающаяся личным обогащением бюрократия и т. п. Также и в языках самих балканских народов слово «Балканы» вскоре стало синонимом нехватки цивилизованности и отсталости. В начале XIX в. разговоры между западными европейцами и балканскими жителями часто начинались пример-

но так: «Ваше превосходительство увидит, какая бедная у нас страна. Но что мы можем сделать, это не христианский мир, тут мы живем среди турок, среди зверей»¹².

Таким образом, название «Балканы» обозначало не только определенную область, но, прежде всего, понятие локализованного хаоса, *балканизацию*, примитивные споры и первобытные способы разрешения конфликтов. Достопочтенный Роберт Уолш говорил, что в Западной Европе «человечность смягчила даже способы ведения войн», чего нельзя было сказать о балканских странах, «ведь греки даже в самый славный период своей истории совершали страшнейшие злодеяния по отношению друг к другу и к чужеземцам, и одновременно были готовы к соответствующей мести, и страдали от нее»¹³. Поэтому нет ничего удивительного, что вежливым и любезным людям слово «Балканы» казалось слишком грубым для того, чтобы произносить его в присутствии кого-нибудь из пацифистов¹⁴.

|| Известный уголок Европы

В XVII и XVIII веках в Европе мало знали о полуострове. Дидро в своей «Энциклопедии» пишет, что Босния граничит с Албанией¹⁵ и что Герцег-Нови — столица Герцеговины¹⁶. В XIX в. на Западе вышел ряд книг о Балканах, некоторые из них были серьезными научными трудами, другие — бабочками-однодневками, однако этот регион оставался таким же неизученным, как «глубинка Татарии или центральная Африка»¹⁷, «дикие местности Азии»¹⁸, или даже «еще менее известным, чем вершины Гималаев и Памира»¹⁹. Во второй половине XIX в. на Балканы устремились толпы путешественников и были опубликованы сотни путевых заметок об этой области, однако и в начале XX в. о ней все еще говорили как о «наименее известном уголке Европы»²⁰.

Объяснить это трудно. Мне кажется, что Запад в целом никогда не был готов видеть Балканы такими, какими они являлись в действительности. Вместо этого постоянно вычленялись такие характерные черты, которые были бы ясными, недвусмысленными и прежде всего неизменными, однако найти таковые было трудно. Как отметил Мартин Конвей, жители Запада могли «вообразить себе образ жизни африканских дикарей и даже сформировать некоторое представление об их занятиях, их племенных обычаях и языческих верованиях, и о мире, в котором они живут», но они не могли понять «совершенно ничего о людях и процессах, происходящих на Балканах». География полуострова казалась им слишком запутанной, этнография слишком неясной, история слишком сложной, а политика чересчур непонятной. Хотя во многих книгах эти вопросы рассматривались, каждый год появлялись поводы и для новых публикаций, поскольку ситуация в этом регионе непрерывно менялась и все время предоставляла новые материалы для сообщений, новые темы для описаний, новые проблемы, требовавшие разъяснений, и головоломки, которые нужно было распутать²¹. Так что образы балканцев в западных текстах мало соответствовали — если вообще когда-либо соответствовали — реальным людям, они скорее отражали ностальгические проекции авторов и их представления о том, что дозволено, а что нет. Чем больше выходило книг, с разных точек зрения рассматривавших различия между европейцами и балканцами, тем туманнее становилась картина.

В первой половине XVII в. сэр Генри Блаунт утверждал, что углублению нашего понимания человеческих проблем более всего способствуют наблюдения за жизнью народов, чьи общественные институты сильно отличаются от наших, «ведь обычаи, подобные нашим или тем, которые мы уже знаем, просто повторяют наши старые наблюдения и приносят мало нового»²². Много де-

сятилетий спустя британский путешественник так описал свои впечатления о европейской Турции:

«Ощущение, возникающее, когда ты видишь мир в новом обличии и встречаешься с неизвестными обычаями и привычками, способом потребления пищи и языком, нельзя назвать неприятным. Когда человек покидает Раб или Комаром, ему кажется, что он прощается с этим миром, и в течение нескольких дней, до прибытия в Буду, он чувствует, что оказался в каком-то новом мире, очень отличном от мира западных стран — ведь он прощается с волосами на голове, лентами, манжетами, шляпами, перчатками, кроватями и пивом. Здесь начинаются привычки, обычаи и образ жизни, подобные которым распространены вплоть до Китая и самых отдаленных краев Азии»²³.

Многие авторы в течение нескольких веков были убеждены, что различия между европейскими народами, по сравнению с очевидным между ними сходством, крайне незначительны. По приезду в европейскую Турцию они вступали в «новый мир», где видели «большие и поразительные отличия в облике страны, способах строительства и одежде, в обычаях и общем виде жителей»²⁴. Путешественники, пересекавшие границы Османской империи в XIX в. или позже, ехали «не просто с запада на восток, но из цивилизации в дикость, из свободы в тиранию»²⁵. Они попадали «на арену великой битвы между Востоком и Западом — между варварством и цивилизацией»²⁶.

Из-за различий в образе жизни в XIX в. путешественники, покидая Земун на пути к Белграду, представляли себе, что «расстались с цивилизованным миром», а некоторые из них так торжественно обставляли свой отъезд, будто «прощались с жизнью»²⁷. Британский путешественник Джеймс Фрезер, отправившийся в 1836 г. в Тегеран, записал, что перед переправой через Дунай он почувствовал священный трепет, «как будто бы сме-

нял мир живых на мир мертвых». Когда он обменялся рукопожатием со своими последними двумя друзьями и спустился в лодку, то «не мог не думать о Хароне и реке Стикс»²⁸.

В XIX и XX веках на Балканы приезжали сотни западных путешественников, разделявших мнение Блаунта: они пересекли полуостров вдоль и поперек, однако многие из них так и не увидели региона таким, каков он был на самом деле. Регион и его жители были для них просто своего рода зеркалом, в котором они видели самих себя и при этом — прежде всего и многократно — отмечали, какие они сами прогрессивные и цивилизованные. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что Европы без Балкан не было бы. Европейцы в течение столетий проводили разграничения между представителями «цивилизованных обществ», с одной стороны, и «примитивными людьми», «варварами» и «дикарями» — с другой, для того чтобы самоопределиться в качестве цивилизованных людей. Поэтому они нуждались в своей противоположности, в своем «ином», и балканские народы очень хорошо подходили для этой цели. Трудно представить себе более четко определенного «иного», нежели балканцы. Они как будто в живописной и экстравагантной манере олицетворяли все то, что было отвергнуто Западом уже много поколений назад. Юлия Кристева назвала это психологическое явление «беспокоящая чуждость», «отличность нашей самости», нечто такое, что приводит нас в недоумение. Другими словами, жители Балкан представляли собой то, чем некогда были европейцы, но позже европейцам уже не было дозволено оставаться прежними²⁹.

В соответствии с этими представлениями даже в XX в. некоторые авторы были убеждены, что на Балканах можно найти даже людей с хвостами (см. главу 4). В конце XX в. один американский специалист по этому региону пошел еще дальше и утверждал, что на Балканах следу-

ет искать истоки нацизма³⁰. Хотя большинство авторов в XX в. и не разделяло экстремистских взглядов Пауля Зиберта, Филипа Торнтона или Роберта Каплана, Балканский полуостров обычно никто не воспринимал как часть Европы, «этого самого цивилизованного из континентов», хотя географическая карта и свидетельствовала об обратном³¹.

Чтобы обосновать свои рассуждения о том, почему Балканы являются не частью Европы, а скорее частью Азии, западные писатели приводили тот убедительный аргумент, что балканцы редко причисляют себя к европейцам (если это вообще когда-либо происходит) и что они всегда говорят о Европе как о совершенно отдельном от них регионе. Если они отправлялись в какую-то из стран на своем западе, то говорили, что «едут в Европу»³². С другой стороны, западные европейцы считали великим подвигом во время своей поездки посетить места, «в которых до них не побывал еще ни один европеец», будь они в центре Албании или старой Македонии, на берегах Крита или под горой Олимп, мифическим домом богов и богинь античной Греции³³.

|| Черно-белые изображения

До конца XVIII в. путешествия по Балканам в основном происходили от случая к случаю. Большинство путешественников пересекало Балканы, поскольку у них были дела в Стамбуле или дальше на Востоке, а другого, более безопасного пути из Западной Европы в Малую Азию не было. В путевых заметках они описывали, что видели и пережили, уделяя особое внимание всему чуждому, необычному и колоритному. Подробно рассказывая о своих впечатлениях, они, прежде всего, стремились понравиться читателям и развлечь их. Если их приключения не были такими же захватывающими, как «Тысяча и одна ночь», они недолго думая «улучшали» факты,

чтобы у читателей захватывало дух. Авторы, наделенные самым богатым воображением, развлекали своих читателей даже подробными описаниями султанского гарема — забавный вымысел, ведь даже взгляд на одну из жен султана считался преступлением, искупить которое могли только, говоря словами архитектора Людовика XIV, «смерть или лишение того, что делает мужчину мужчиной»³⁴. Но, несмотря на это, некоторым путешественникам якобы удавалось наблюдать за любовными играми султана с избранницами, и они изображали для читателей картины «всех различных любовных сцен из каждодневной любовной жизни султана и его дам»³⁵. Некоторые ухитрялись поведать даже о том, с какой стороны дамы лежали в постели султана, в ногах или сбоку³⁶.

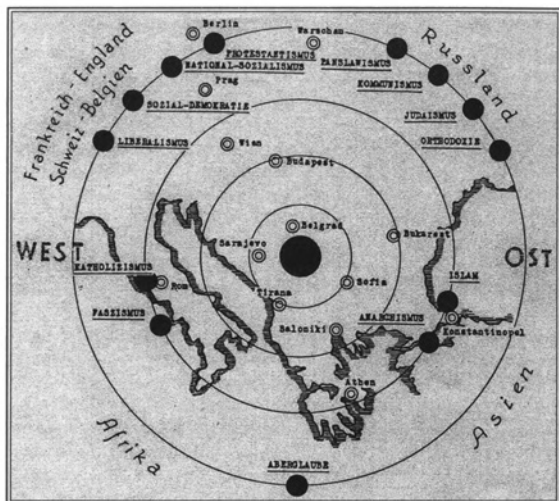
Авторы XVII в. обнаружили, что на Востоке все отличается от того, к чему они привыкли у себя дома, поскольку жители Востока, как записал Вильям Литгоу Скотус, «являются полной противоположностью всему христианскому»³⁷. В последующий период это суждение стало почти стереотипом, и те, кто интересовался подобными произведениями, узнавали, что на Востоке в XVIII в. ничего не изменилось, так как «практически все, что делают турки, противоречит европейским привычкам»³⁸. В трудах начала XX в. мы снова можем прочесть о том, «как жители Востока ровно наоборот делают то, что сделали бы европейцы в сходных обстоятельствах, и как можно увидеть в этом более глубокое значение, чем вся их колоритность, выставленная напоказ»³⁹.

С конца XVIII в. путешественники представляли собой совершенно другую картину, хотя среди них всё еще редко встречались те, кто приезжал на Балканы как любознательный гость или турист. Преобладали путешественники, имевшие четко обозначенную цель: изучить определенный регион с политической, экономической или военной точки зрения. Эти задачи начинали выполнять методично, с высокопрофессиональным усердием и прово-

дя детальные наблюдения, однако вовсе не избавившись от предрассудков. Балканцев по-прежнему представляли как «народ Антитезы»⁴⁰, поскольку «привычки и обычаи турок настолько отличаются от наших, что мы приезжаем к ним с таким ощущением, будто идем на выставку»⁴¹.

Путевые заметки писались для широкой и полной энтузиазма аудитории, для которой не было ничего скучнее голых фактов. Как и современные журналисты, авторы путевых очерков оказывали воздействие на общественное мнение и выражали преобладавшие в их время пристрастия и предрассудки⁴². Их сообщения должны были удовлетворить ожидания читателей, которым казалось само собой разумеющимся, что путешественники были свидетелями «необычных происшествий в необычных странах»⁴³. Так что образ Балкан в путевых заметках часто искажался из-за присутствовавших в них в той или иной степени пристрастности, поспешных суждений и тенденциозности. И в XX в. кое-кто утверждал, что на Балканах даже слова «да» и «нет» высказывают «ошибочным способом»⁴⁴.

Восприятие Балкан и их народов часто окрашивалось политическими симпатиями авторов и их читателей. Так, например, немецкоговорящие авторы представляли боснийских сербов как заговорщиков, искавших повод развязать Первую мировую войну. Православных они описывали негативно, а мусульман позитивно, восхваляя их молчаливость и сдержанность, их благородство и гордость⁴⁵. Русские авторы, наоборот, расхваливали православных, в то время как католикам и мусульманам приписывали ряд негативных качеств⁴⁶. При этом не следует забывать, что многие путевые очерки писались вовсе не на основе собственных наблюдений, они часто базировались на слухах или информации, полученной из других рук, переписанной из произведений предшественников. Для некоторых писателей характерно весьма вольное отношение к заимствованию из текстов других

*Балканы как центр
(иллюстрация из путевых заметок
Луиса Матцхольда, 1936 г.)*

авторов, поэтому их суждения следует принимать с оговоркой, о чем свидетельствуют следующие случаи. В начале XX в. исследователь Джордж Фредерик Эббот под эгидой Кембриджского университета отправился в поездку по Македонии с целью изучить местный фольклор. Он описал свое путешествие и дал зарисовки мужчин, женщин и государственных чиновников. Среди множества приведенных им сведений содержится также упоминание об описании его собственной внешности в *тескере* (турецком паспорте, с которым можно было путешество-

вать по стране). Согласно этому описанию, он был «роста выше среднего, светловолосый и с глазами небесной голубизны», хотя на самом деле, как отмечал автор, он был «среднего роста (недоброжелатели могли бы сказать, что маленького, недалеко отступив от истины), черноволосый и темноглазый»⁴⁷. Полицейский контролер, «который выполнял функцию Цербера на железнодорожной станции в Сересе», четыре раза проверил паспорт исследователя и каждый раз снова вносил то же описание в свой реестр. Так как контролер не был слепым, то, по мнению Эббота, могло быть только одно объяснение его толерантному поведению, а именно — ход его мыслей: «Англичанин <...> высок, светловолос и голубоглаз. Этот господин англичанин. Значит, он должен быть высок, светловолос и голубоглаз...” То, что я в действительности был полной противоположностью всему этому, была просто случайность, не повлиявшая на силлогизм турецкого чиновника»⁴⁸.

Через семь лет другой путешественник, посетивший страну с другими целями, написал о Балканах и о людях, которых он встретил. Также и он посмотрел в свой *тескере* и с удивлением обнаружил, что описывается как «очень высокий, светловолосый и голубоглазый», хотя был «едва ли среднего роста и, несомненно, черноволосый и темноглазый». Когда путешественник указал на это обстоятельство, ему объяснили, что турки считают большинство англичан высокими, светловолосыми и голубоглазыми, из чего следует, что и он должен вписываться в этот стереотип⁴⁹. (Много лет спустя, когда бывшие узники Освенцима давали свидетельства против одиозного военного преступника Йозефа Менгеле, часто оказывалось, что их восприятие этого человека не соответствовало действительности. Менгеле описывали как мужчину «типично арийской внешности» или как «высокого и светловолосого», хотя на самом деле он был «цыганского типа», не выше 160 см, черноволосый и с «темной, почти цыганской кожей»⁵⁰.)

Как объяснить тот факт, что турецкие чиновники настолько неточно описали обоих англичан? Может быть, они прочитали книгу какого-нибудь из своих предшественников, в которой был описан способ, подсказывавший, что англичан «с легкостью отличишь от турок благодаря их светлой коже, ясным голубым глазам, статной фигуре и общей дисциплинированности»⁵¹.

|| Ковер-самолет Востока

Для многих путешественников состояние дорог являлось главным критерием, согласно которому они оценивали уровень цивилизации в стране, которую посещали⁵². Поскольку дороги на Балканах «не заслуживали этого названия»⁵³, путешествие по полуострову не было удобным и путникам приходилось преодолевать много препятствий и сталкиваться с неприятностями. Прежде всего, они должны были осознать факт отсутствия прямых путей сообщения между провинциями, поэтому им часто приходилось вместе с багажом ехать конными тропами. В труднопроходимой местности неизвестной и гористой страны было легко заблудиться даже на дорогах, соединяющих крупные балканские города. Например, от Сараева до Мостара 135 км, но в конце XIX в. из-за плохих дорог путь между этими двумя городами обычно длился три дня⁵⁴. Учитывая эти обстоятельства, с конца XVII в. путники предпочитали сделать большой крюк и обогнуть Балканский полуостров и по возможностиплыли в Стамбул на корабле из Мальты, Марселя или Венеции.

Не только дороги, но и возможности размещения являлись важным показателем общей ситуации в регионе. Западные путешественники ранних времен терпеть не могли останавливаться на ночлег в придорожных постоялых дворах, считая, что они «совершенно в турецком стиле». Это означало, что общие помещения с голыми стенами, обычно без окон и какой-либо мебели, помимо тюфяков, набитых соломой, использовались как для при-

нения пищи и курения, так и для сна. В них размещались вместе как бедные, так и богатые, и путешественникам приходилось спать вперемешку с «турками», под одной крышей с их конями и верблюдами. Такие ночевки исключали какую-либо приватность. Каждый мог видеть, что делают другие, за исключением ночных часов. Обычное разграничение между понятиями «рассматривать» и «быть объектом наблюдения» стиралось, потому что теперь уже местные жители пристально разглядывали путешественников и удивлялись их привычкам⁵⁵. К тому же, по сообщениям некоторых путешественников XX в., в этих заведениях не было купален и обычно всем гостям предлагались «только один таз и одно полотенце для общего пользования»⁵⁶.

В XIX в. жители Запада обычно считали самих себя критерием истины и путешествовали повсюду с твердым убеждением, что «нигде не бывает так хорошо, как дома»⁵⁷. «Примитивные ночлежки», в которые они попадали во время поездок по Балканам, по их мнению, были «ничуть не краше или удобнее, чем те, которые встретились Аврааму на пути в Ханаан»⁵⁸. А встречавшиеся им люди находились «все еще на первой стадии перехода от турецкого варварства к европейской цивилизации»⁵⁹. До середины XIX в. владельцы гостиниц на Балканах, как правило, не предоставляли гостям комнат, только постели, а это означало, что те, кто не желал делить комнату еще с десятком «сомнительных спутников», не имели другого выбора, нежели оплачивать все помещение, предназначенное для нескольких человек. Иными словами, за «болгарский комфорт» платили по «парижским ценам»⁶⁰. Если путешественникам случайно попадалась гостиница, которой они оставались довольны, то в этом они видели знак прогресса и цивилизованности⁶¹.

В XX в. поездки по железной дороге стали важным критерием оценки того, являются ли Балканы частью Востока, «неисторического королевства экзотических

наслаждений», или же частью «пунктуального» Запада. Главную роль в этом играл «Восточный экспресс», с 1833 г. курсировавший между Западной Европой и Малой Азией. В 20-е годы XX в. его называли «восточным ковром-самолетом»⁶². Он возил путешественников из Западной Европы через Лондон, Париж, Рим и Афины (то есть в направлении, прямо противоположном тому, в котором, по западным представлениям, развивалась мировая история)⁶³ до знаменитых развалин Семибашенного замка в Константинополе. Путешественникам больше не требовалось утруждать себя чтением Вальтера Скотта или Гаррисона Эйнсворта; «Восточный экспресс» мог примчать их в Средние века за три дня⁶⁴.

В начале XX в. «Восточный экспресс» преодолевал первую тысячу километров по Франции и Швейцарии за 16 часов. В Италии он начинал уменьшать скорость, потом она и дальше продолжала снижаться. Когда поезд пересекал югославскую границу, назвать его «экспрессом» можно было только в шутку: для преодоления следующей тысячи километров через Югославию ему требовалось 26,5 часов⁶⁵. В первой половине XX в. весь мир узнал, что турецкие и/или балканские поезда «никогда не приходят вовремя»⁶⁶. Если приходили, это воспринималось как знак того, что «Балканы больше не являются «балканскими»»⁶⁷.

Многие неприятности, связанные с поездками по Балканам, могли происходить также из-за того, что местные паши не доверяли путешественникам, подозревая, что они прокладывают дорогу будущим завоевателям⁶⁸. Например, Феликс, назначенный в конце XVIII в. французским вице-консулом в Сараеве, напрасно дожидался *фирмана* от султана. Несмотря на хлопоты французского посла в Стамбуле, он так и не получил его и не смог начать свою дипломатическую службу⁶⁹. Подобное недоверие было не совсем безосновательным: как записал французский офицер, боснийцы не настолько глупы,

чтобы не распознать в переодетых путешественниках политических агентов, которые под разными предложениями прочесывали всю область явно с целью разведать состояние дорог, природные богатства региона и возможные пути продвижения армии захватчиков. К этому автор еще добавил, что Россия и Бонапарт «не единожды» использовали этот «подлый прием» по отношению к своему верному союзнику, Турции⁷⁰. Путешественники часто оказывались мишенью для нападений — особенно со стороны женщин, обзывавших их, и детей, осыпавших их как оскорблениями, так и камнями. Дети не слушались своих отцов и рисковали получить «безжалостную» трепку за то, что так нападают на иностранцев⁷¹.

Незнание местных языков в значительной мере препятствовало попыткам путешественников ознакомиться с образом жизни какого-либо края. И поскольку западные путешественники, как правило, не знали балканских языков и ненадолго задерживались на балканской территории, объясняться с местным населением для них было очень проблематично. Они могли наблюдать лишь за внешней стороной жизни местных жителей или за их общением в *ханах* (ночлежках) и кофейнях, где им иногда удавалось завести беседу, в которой было очень мало слов и много достоинства. Повседневная жизнь местного населения, главным образом мусульман, оставалась тайной⁷². Некоторые путники пробовали превозмочь трудности общения, нанимая переводчика. Однако так они создавали почти непреодолимую преграду для коммуникации, поскольку сложности, вытекавшие из различных и противоречивших друг другу предрассудков, обычаев и убеждений, удваивались. Переводчики не дерзали задавать вопросы, которые могли показаться хоть чуточку оскорбительными, и поэтому часто случалось, что и вопросы и ответы на них они придумывали сами⁷³. То, что путешественники нанимали переводчика, было не лучшим выходом из положения еще и потому, что знание

переводчиком языка в большинстве случаев не соответствовало ожидаемому уровню. Например, один британский путешественник попросил у своего переводчика объяснений, но тот отвечал все время одно и то же: «Sì, sì». Он его спросил, понимает ли тот по-итальянски, и переводчик ответил: «Sì, sì». Потом путешественник спросил, говорит ли он по-итальянски, и снова услышал в ответ: «Sì, sì». И когда он спросил его, почему тот не говорит по-итальянски, ответ снова был утвердительным: «Sì, sì»⁷⁴.

|| Глубокие реки, высокие горы

До эпохи романтизма путешественники смотрели на природу глазами практичных людей, которые не слишком ценили живописность и не имели времени любоваться красотами природы. Природа была для них более или менее опасным препятствием, которое нужно преодолеть⁷⁵. Такое отношение драматически изменилось в эпоху романтизма, принесшую с собой тягу к дальним и трудным путешествиям в те уголки мира, куда цивилизация еще не проникла и не уничтожила первобытные обычаи, где интересные древние обряды еще были живы, где было переменчивое очарование дикого, возвышенного и живописного, где повсюду привлекали внимание красота и великолепие и где рука человека еще не испортила природы. В результате некоторые люди, как, например, Проспер Мериме, автор сборника баллад «Гусли» (1840), считавшие себя романтиками и «умиравшие от желания» отправиться «на край света» для того, чтобы увидеть местный колорит, удовлетворяли свою любознательность вымышленным путешествием на Балканы. Усилия тех, кто действительно туда отправился, сторицей окупались «поразительными картинами Ориента», для которых были характерны «просторы и обилие красот природы». Им казалось, что на Западе горы и долины «очерчены границами, которые наверняка изобрела цивилизация, поэтому

они производят впечатление скорее мнимых, чем настоящих». На Востоке же, «возможно, именно из-за отсутствия этой самой цивилизации», они не могли представить себе границ за величественными горами⁷⁶.

Не все были полностью удовлетворены путешествиями, некоторым даже Аркадия, это совершенство живописной красоты, которое избрали своим домом фавны, нимфы и сатиры, казалась прекрасней в воображении, нежели в действительности. Те, кто посетил эту знаменитую область, были разочарованы, когда обнаружили, что она на самом деле «довольно красива» со своими овцами и пастухами, «но не похожа на оперную пастораль, которой восхищаешься в театре на Хаймаркте. Народ — куча бедных, жалких дикарей на службе у турок, которых здесь мало, но они абсолютные хозяева, — это настоящий позор для области»⁷⁷.

В XIX в. путешественников по Балканам по-прежнему привлекали природные богатства стран, которые они посещали, и они часто думали о том, что «тут можно легко разбогатеть»⁷⁸. Интересовало их не только то, что лежало на поверхности земли, но также и скрытые под ней богатые залежи руды. Они были уверены, что жителей Востока они не слишком интересуют, поскольку, якобы, как утверждал анонимный французский путешественник, лень турок «сильнее, чем их любовь к серебру»⁷⁹. И поскольку добыча руды была «чужда природе турок», они будто бы были «довольны, что большая часть минеральных богатств оставалась закопанной в боснийских горах»⁸⁰.

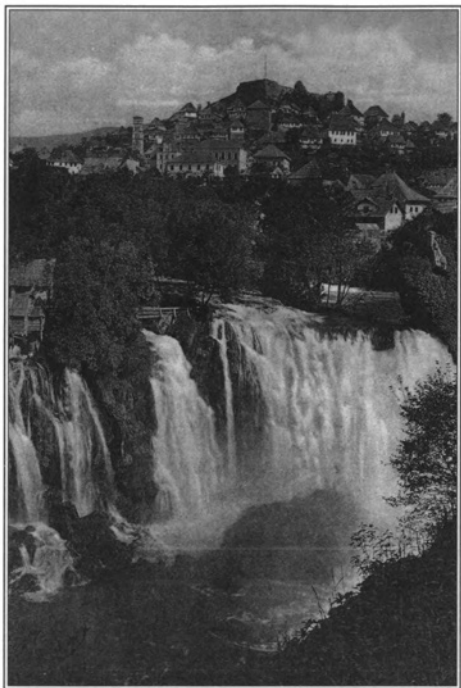
В XIX и XX веках путешественники по Балканам не переставали восхищаться романтической красотой дикой природы и не тронутых цивилизацией гор, ущелий и широких водопадов. Они выбирали возвышенные эпитеты для описания видов, казавшихся им невыразимо прекрасными⁸¹. И по-прежнему они волновались, услышав, что пересекут границы *Балкан*, а затем разочаровывались, обнаружив, что «это звучное название обозначает

всего лишь гребень, разделяющий водоемы, или горный перевал, и оно вовсе не подразумевает каких-либо величественных или романтических видов»⁸².

И поскольку путешественники ранних времен интересовались природой, они испытывали сильное разочарование, увидев, что она «в основном неухожена и запущена, но не по естественным причинам, а из-за равнодушия жителей; было много темных и опасных лесов, в которых на путешественников нападали гайдуки»⁸³. Благодаря новому романтическому отношению к природе всё в целом виделось иначе, но разочарование ничуть не становилось меньше. Обработанные поля уже не казались такими романтическими. «Очевидно, “цивилизация” убивает традиционное чувство эстетики, и очень жаль», — вспоминал один бельгийский барон, не разделявший воодушевления статистиков, поскольку: «Не столь важно увеличить в два раза поголовье наших жирных свиней и [число] наших паровых машин. *Non de solo pane vivit homo**. Какая польза человеку от богатства, если он не может наслаждаться красотой, которую ему дарят природа, искусство и одежда? Если фабрики покрывают землю пеплом, заволакивают дымом синее небо, отравляют воду в реках и уничтожают обычаи, соответствующие климату и сформированные инстинктивными наклонностями народов»⁸⁴.

Романтическое восхищение красотой природы так сильно охватывало некоторых путешественников, что они преисполнялись уверенностью, что оно развито только у европейцев, тогда как туркам нет до нее дела. Красота природы будто бы скрыта от глаз райя, «*Natürsohne*» (детей природы). «Как сильно бы мы завидовали тому валлаху, у которого нет ничего, кроме маленького кукурузного поля и нескольких овец, и который свил себе гнездышко в самом прекрасном месте на берегу Дуная, если бы он был способен чувствовать всю эту красоту»⁸⁵.

* Не хлебом единым жив человек (лат.).

*Река Плива в Яйце
(почтовая карточка 1911 г.)*

Однако еще в XVII в. Эдвард Брауне сообщил, что летом 1669 г. султан прожил на горе Олимп более двух месяцев — не только из-за свежего воздуха, но главным образом потому, что наслаждался видами равнин и Эгейского моря⁸⁶. А знаменитый британский востоковед XIX в. отмечал, «что красоты природы всегда возбуждают аппетит у жителей Востока, особенно у турок, которые, кажется, жаждут природных красот так же, как англичане хороших новостей»⁸⁷. Сколько предрассудков было в этих суждениях и как можно было представить реальную ситуацию без преувеличения, нам показывает Эвлия Целеби, турецкий охотник и путешественник середины XVII в., который сумел найти верные слова для описания вида места слияния рек Пливы и Врбаса близ г. Яйце, который жителям Запада и через несколько столетий казался захватывающе красивым, но «неописуемым»:

«Именно в этом месте могучая река Плива падает водопадом с обрыва и вливается в нижнюю реку [Врбас]. Водопады Пливы, высотой в три минарета, создают арку, подобную Римской дороге. На месте слияния рек легкий туман поднимается прямо до небесного свода. Роса из тумана падает на дома в крепости. На скалах в русле реки Пливы, протекающей под городскими стенами, множество мельниц. В скалах над ними выбиты дыры, сквозь которые сыпают молотое зерно.

Посмотри, сидеть в заросших зеленью беседках, находящихся перед мельницами, и наблюдать за течением реки Пливы, широкой как море, текущей с божественной мощью и знанием, смотреть, как она водопадом низвергается со скального навеса, — это такое интересное и уникальное зрелище, что человек лишается дара речи и замирает перед всемогуществом Создателя. Вид на реку Плива, сияющую на солнце и сверкающую как камень из Неджефа, и на стайки маленьких и больших рыб, молниеносно выпрыгивающих из воды, удивительно красив!»⁸⁸

|| Балканская этика убийства

Западные путешественники задерживались на Балканах лишь на короткое время, поэтому их контакты с местным населением часто ограничивались общением с представителями османских властей, они же являлись для них и главным источником информации. С одной стороны, «турки» часто враждебно относились к «франкам», как они называли тех, кто приезжал с Запада, так как их оскорбляло «легкомыслие во внешности, речи и движениях христиан, из-за которого их называют обезьянами и козами»⁸⁹ или «бесхвостыми обезьянами»⁹⁰. Эта враждебность почти не уменьшилась и в XX в., когда мусульмане Османской империи считали всех, кто отличался от них, никчемными собаками, свиньями и чертями, независимо от того, шла ли речь о русских или английских, французских или немецких христианах⁹¹.

С другой стороны, на Западе, в основном начиная с XIX в., преобладало мнение, что в Османской империи по отношению к христианам ущемляются права человека. Так, британский консул в Сараеве считал, что притеснения и несправедливости всех видов были не временным, а постоянным явлением под властью турок, в политической структуре которых существовало деление на победителей и побежденных, угнетателей и угнетенных⁹². Со временем христиане научились оборачивать эти предрассудки в свою пользу. Они составили некий список классических «страшилок», связанных с «отвратительным турком», и представили его жителям Запада. Например, Мери Эдит Дурхэм во время своего пребывания в Косово, а перед этим в Македонии, выяснила, что «испытанным методом было спровоцировать резню, а потом звать Европу на помощь»⁹³. Этот односторонний взгляд на проблему она описала как балканскую этику убийства:

«Если мусульманин убивает мусульманина, это только к лучшему. Если христианин убивает христианина, не стоит об этом говорить, поскольку соотечественники этого не поймут; если же христианин убивает мусульманина, это справедливое и святое деяние. Если мусульманин убивает христианина, это злодеяние, о котором надо немедленно телеграфировать всем газетам»⁹⁴.

|| Ислам против прогресса

До XIX в. христиане в Османской империи не считались достойными сострадания, западные путешественники смотрели на них с презрением и в то же время восхищались гордой осанкой и силой турок. Христианам же, хоть и были они «дикого вида», не хватало «достойного и боевого духа». Полагали, что это было последствием рабства, которое «наложило сильнейший отпечаток на все их черты» и оказало прискорбное воздействие на «характеры многих людей, которым, возможно, было бы суждено стать Мильтиадами, Кононами и Филопомена-ми»⁹⁵. Так, например, болгары описывались как «скифские татары, которые говорят на каком-то из наречий славянского языка», едят «сырую конину». Они напомнили автору «об ужасном описании антропофагов, приведенном Ювеналом в своей пятнадцатой сатире»⁹⁶. Позже это клеймо поставили на «турок», «врагов цивилизации и человеческой расы»⁹⁷, ведь «во всей Европе, и особенно в Англии, <...> слово “турок” употребляется уничижительно, для обозначения кровожадности, насилия или дикости»⁹⁸. Французский консул в Травнике также описал балканцев как один из «самых диких народов в Турции» и сравнил их со скифами и гиперборейцами. Еще один французский путешественник охарактеризовал боснийских турок как «исключительных невежд», которых даже «турки» из Македонии, Греции и Стамбула считают «невеждами и варварами»⁹⁹. В книге о жителях Боснии,

написанной в начале XIX в. французским консулом в Травнике, читателям часто встречались слова «дикий», «безжалостный» и «каннибальский». В этом контексте «цивилизаторская» миссия Франции казалась необходимой, что можно было использовать как предлог для оккупации Боснии. Автор неоднократно повторяет, используя различные выражения, что эта страна и ее жители изменились бы «под каким-нибудь другим правлением»¹⁰⁰.

По мнению жителей Запада, главной причиной плохого экономического положения османского режима являлась коррупция, из-за которой уникальные природные ресурсы Балкан не использовались во благо их цивилизации, в то время как «предприимчивость Европы сначала должна была удовлетворить — что было невозможно — алчность *дивана*»¹⁰¹. Даже если нереально было изменить «нравы турок», то существовала возможность обеспечить им хорошее правительство и таким образом улучшить их материальное положение¹⁰². Эта логика подвигла европейские державы в 1878 г. санкционировать оккупацию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. До оккупации Босния и Герцеговина считались «самой бедной, самой варварской, самой неприятной областью в Европе»¹⁰³. Потребовалось всего лишь несколько лет австро-венгерского правления, чтобы все переменялось к лучшему, чтобы «страна, которая до вчерашнего дня была глубоко погружена в варварство», чудесным образом преобразилась и стала «образцовым примером цивилизованного мира»¹⁰⁴.

Для западных авторов военные и политические условия в той или иной стране входили в число важнейших критериев, на основе которых они выносили свое суждение о ней. Когда Османская империя являлась мировой державой, все приезжали восхищаться великолепным двором и военным потенциалом «великой и могучей» империи. В XVI и XVII веках европейские послы целовали султану руку¹⁰⁵. Когда в 1593 г. королева Елизавета на-

ITINERARIUM
Wegrayß Kü. May. pot-
schafft/gen Constantinopel/zü dem
Türkischen Kayser Soleyman. Anno rrr.

M. D. XXXI.

*Австрийские посланники на аудиенции
у султана Сулеймана Великолепного в 1530 г.*

значила сэра Эдварда Бартонна своим послом в Высокой Порте, в тексте капитуляции было зафиксировано, что «королева послала благородного человека с дарами к победоносной Порте, которая является приютом и прибежищем для всех королей мира». С того времени установился обычай, что каждый последующий европейский посол при смене им предшественника приносил подарки или деньги османским властям¹⁰⁶. Согласно консульским записям XVII в., английская Левантийская компания также вела себя по отношению к султану очень почтительно и даже подобоострастно, а свои права защищала больше подкупом, нежели оружием, ведь англичанам так и не пришлось на ум использовать боевые корабли, как это стали делать мировые державы во второй половине XIX в.¹⁰⁷

Пока Османская империя переживала период подъема, ее гражданские и военные институты описывали до определенной степени идеализируя, полагая, что они значительно превосходят другие подобные институты своего времени. Посол императора Фердинанда II в Высокой Порте в период правления султана Сулеймана в 1554–1562 гг. Аугериус Гислениус записал, что османы могут похвалиться «могущественной, сильной и богатой империей, большими армиями, военным опытом, военными ветеранами, длинной чередой побед, трудолюбием, согласием, порядком, дисциплиной, хозяйственностью и бдительностью», тогда как Запад отличают «дефицит общественных финансов, личная роскошь, потеря силы, безволие, непривычка к труду и оружию, непослушание солдат, жадность офицеров, презрение к дисциплине, разнузданность, неосмотрительность, пьянство и обжорство». Хуже всего было то, что первые, по его мнению, «привыкли побеждать», а вторые — «быть побежденными»¹⁰⁸.

Из-за разгрома османской армии в войне 1863 г. и затем еще одного — в начале XX в. — авторитет Османской империи и ее цивилизации начал падать. Одним из первых и наиболее заметных свидетельств того, что возник-

ла новая ситуация, стали изменения в стиле одежды. До начала XVIII в. посланники европейских королей при встречах с султаном должны были облачаться в турецкие одежды. Мирный договор, заключенный в Пожаревце в 1718 г., официально отменил этот «унизительный маскарад». Послы Англии и Голландии, участвовавшие в подписании договора в качестве посредников, использовали падение мощи Османской империи, чтобы ввести обычай, согласно которому европейские посланники могли прийти на аудиенцию к султану «в одежде по своему желанию»¹⁰⁹. Несмотря на это, в первой половине XIX в. дипломаты, удостоившиеся аудиенции при дворе султана, при входе должны были отдать свой меч и принять накидку, которой они полностью покрывали свою одежду; и делалось это не в знак уважения, как утверждали некоторые из них, а для того, чтобы они выглядели как вассалы султана»¹¹⁰. Согласно старому обычаю, «одежду дарил вышестоящий нижестоящему или слуге»¹¹¹.

Когда в XIX в. положение дел переменилось, некогда могущественную империю представляли как «больного Европы». Прежние более или менее идеализированные представления об империи поблекли, им на смену пришли более темные и мрачные образы. В глазах жителей Запада, даже соседей хорватов, Османская империя в целом и, особенно, ее балканские пределы стали символом отсталости¹¹². Западные авторы в общем не сомневались в том, что главной причиной незавидного положения Османской империи является ислам, и начиная с конца XVII в. неустанно повторяли, что «истинным мусульманам» нет дела до прогресса, нововведений и образования, что им хватает Корана, что они довольны своей судьбой:

«Если их жены добродетельны, кони хорошо ухожены и рабы подобострастны и уважительны, они не забивают себе голову тем, что творится в остальном мире. Довольные своей судьбой, они целый день просиживают на диване без какого-либо дела, только попивают кофе, курят табак или

ласкают своих жен. Так их жизнь постоянно крутится вокруг еды, напитков и сна, иногда очередь доходит еще до какого-либо скучного времяпрепровождения»¹¹³.

Авторы подобных утверждений особо не питали надежды на то, что османы достигнут прогресса цивилизации, если останутся фаталистами (то есть пока они являются мусульманами), ведь за ослаблением способностей вследствие «омертвения» обязательно последует и неспособность к длительной борьбе с трудностями и препятствиями, которые бы возникали, стремились они к лучшим порядкам¹¹⁴.

Если жители Запада уже при одном взгляде на «пассивные» субъекты начинали «нервничать», на доиндустриальном Востоке в начале XX в. время еще не стало деньгами¹¹⁵. Западные авторы ни в малейшей степени не сомневались в том, что ситуация, сложившаяся на Востоке, является результатом лени и безамбициозности турок, единственной целью жизни которых якобы было получать наслаждение от *кайфа**, удовольствие от еды и ничего не делать. Считалось, что большую часть дня они проводили в кофейнях, курили трубки и слушали истории, не утруждая себя размышлениями; они пассивно наблюдали, как культурные эпохи сменяют одна другую¹¹⁶.

|| Европейские предметы роскоши в руках варваров

Западные путники воспринимали любое несходство своих привычек и обычаев с теми, которые они встречали во время своих путешествий, не просто как факт, но как проявление отличий, недостаточную цивилизованность и отсталость. С другой стороны, образы и картины, связывавшие их с цивилизацией и прогрессом, на Балканах воспринимались как нечто раздражающее чуждое¹¹⁷.

* Удовольствие, наслаждение (*араб.*), приятный отдых.

Артуру Джону Эвансу, в 1875 г. предпринявшему пешее путешествие по Боснии и Герцеговине, боснийцы, носившие тюрбаны, казались просто «дураками». Ему претила «настырная фамильярность этих людей» и было неприятно, если эти «варвары» называли его «братом»: «Каждый встречавший меня, автора этих строк, варвар говорил, что он мужчина и брат. Я верю, что существуют неполноценные расы, и хотел бы, чтобы их истребили»¹¹⁸.

Хотя большинство авторов XX в. не придерживались таких экстремальных взглядов, им по-прежнему казалось, что балканцев любить невозможно, ведь те были «такими грязными, неотесанными, необразованными, похожими на животных и жили в таких жутких трущобах в невыносимом смраде»¹¹⁹.

На Западе в XIX в. гигиена стала очень важным критерием оценки степени цивилизованности. Многие авторы в своих записках о Балканах сосредотачивались на гигиенических условиях, увиденных во время путешествия. Чем большее значение приобретала гигиена как мерило цивилизованности, тем более «грязными» «турки» представляли в этих записках. Получили распространение поговорки: «грязен как турок», «нечистоплотен как турок». Их обвиняли в незнании основных правил личной гигиены, впрочем, они мыли ноги не реже двух раз в день согласно заповедям Корана. Поскольку в Коране не указывалось, сколько воды надо для этого использовать, вполне возможно, что «многие турки просто плевали себе в ладони и растирали подошву слюнями в убеждении, что таким образом соблюдают букву закона»¹²⁰.

Такие замечания относились не только к «туркам», но и к другим обитателям Балкан, казавшимся жителям Запада «отвратительно грязными»¹²¹. Фредерик Мур, к примеру, был твердо убежден, что воинская повинность — полезная учеба для болгарских крестьян. Он писал, что коренные жители Македонии «моются, когда жеңятся, один или два раза в жизни». Новорожденных

они также не мыли в воде, боясь, что они переохладятся, и поэтому при крещении вместо воды использовали растительное масло. Мур цитирует открытое письмо одного греческого священника американским миссионерам, в котором говорится об использовании растительного масла вместо воды при крещении. В защиту помазания маслом он приводит довод, что македонские крестьяне, которые никогда не моются, именно благодаря тому, что их крестили маслом, позже в течение своей жизни никогда не воняют так, как крестьяне, крещенные водой¹²². А некоторые другие авторы заметили у болгар «невероятный контраст между их чистоплотностью и нечистоплотностью турок, хотя все они жили под одной властью»¹²³.

До XVI в. жители Западной Европы подтирали носы руками и ели руками. Через два столетия среди людей, претендовавших на «хорошие манеры», использование носовых платков стало модой, но одновременно — и оружием против низших слоев, способом подчеркнуть различия, поскольку носовые платки так же, как вилки и тарелки, стали играть особую социальную роль¹²⁴. Как убедительно свидетельствует следующий отрывок, путешественники по Ближнему Востоку обращали внимание на это отличие еще в XIX в.:

«Османы в Константинополе начали понимать, что такое европейские предметы роскоши, хотя иногда используют их странным способом. Я вспоминаю турецкого офицера, который, ощутив потребность высморкаться, сначала воспользовался средствами, данными ему природой, и лишь потом, напоследок, прибег к носовому платку — дару культуры и правил хорошего тона»¹²⁵.

В XIX в. путешественники тоже удивлялись разнообразию способов использования этого предмета в Турции — в тех случаях, когда им вообще пользовались¹²⁶.

Еще один автор, не отличавшийся правдолюбием, сообщал, что «очевидно, турки часто не знают, как обращаться с собственными приспособлениями». Он проил-

люстрировал это рассказом о том, как турки носят зонты; будто бы они выставляли его перед собой, когда он был закрыт, и вбок, подальше от головы, когда он был открыт¹²⁷.

Такие сообщения, как правило, больше свидетельствуют о привычках и манерах не Востока, а Запада. Приведем еще один пример. В XVIII в., когда еще можно было обсуждать плевки, не нарушая рамки приличий, известный французский путешественник Ж. де Турнефор долго и пространно объяснял своим читателям, что турки «проглатывают свои слюни по привычке, из чистоплотности, без всяких предрассудков», после чего добавил, что, когда он «сдерживался перед людьми, которые придают большое значение манерам и запрещают плевать, на сердце был камень: все же правила приличия требуют, чтобы человек плевал в носовой платок и тем самым падал ковер на полу, или же он должен сесть в угол, подвинуть ковер и плюнуть на пол»¹²⁸. Позже, например у авторов второй половины XVIII в., записей о плевках мы больше не встречаем, ведь в приличном обществе об этом уже не говорили. С середины XIX в. и позже, когда об этой ужасной привычке упоминали исключительно с отвращением¹²⁹, в одном произведении, со ссылкой на источник из Далмации того времени, сообщалось, что «как морлаки, так и черногорцы этой омерзительной привычкой напоминают американцев»¹³⁰.

Сообщения об отпращивании физиологических потребностей еще лучше иллюстрируют это правило. Поскольку в XVII в. еще считалось приличным говорить о них, один английский путешественник без смущения поведал своим читателям, как ночью во время поездки в открытой карете помочился прямо из кузова, чтобы не задерживать попутчиков, которым пришлось бы ждать, пока он выйдет из кареты и справит нужду¹³¹. В произведениях XVI и XVII веков можно встретить подробные описания (которые показывают, насколько педантично чистоплот-

ными были турки!) того, как турки «мочились как женщины», а потом мыли руки, и как они ругали христианина, если видели, что он «мочится у стены, а иногда даже били его»¹³². Член Королевской Академии наук и главный ботаник французского короля в подробностях рассказал своим читателям необычную историю на эту тему:

«Когда они мочатся, то садятся на корточки, как женщины, и при этом внимательно следят, чтобы не запачкать капельками мочи свои широкие шаровары. Чтобы избежать этой неприятности, они очень осторожно берут эту штуку и вытирают головку о стену; из-за этого во многих местах можно увидеть источенные камни. Чтобы досадить им, христиане иногда мажут камни индийским перцем и корнем, называющимся “телячье копыто”, или каким-нибудь другим жгучим растением, которое часто вызывает воспаление у того, кто потрется о такой камень. Поскольку это очень мучительно, бедные турки часто бегут за помощью прямо к тем самым христианским врачам, которые и заварили всю эту кашу. Те же при таком раскладе не преминут сообщить им, что у них очень тяжелый случай и, возможно, потребуется ампутация: турки в ответ протестуют и утверждают, что не имели связей ни с одной женщиной сомнительного поведения. В конце концов врачи обматывают больной член тканью, смоченной уксусным раствором, окрашенным желтой глиной, и рекомендуют это как лучшее лекарство от подобного рода недугов»¹³³.

Дамы с жирными пальцами ||

В качестве наглядного примера различий между восточным и западным образами жизни во многих путевых записках с Востока даны подробные описания блюд и правил поведения за столом, которые скорее раскаляли, нежели удовлетворяли воображение читателей. Например, когда наступало время обеда, приносили *софру*, низкий шести- или восьмиугольный столик, за которым гости сидели по-турецки, что было для жителей Запада «довольно неудобно»¹³⁴. Вместо того чтобы положить салфетки на стол, слуги покрывали ими колени своих хозяев. Затем вставали за их спинами и нарезали мясо, «ведь турецкому великашу не подобает что-либо делать самому»¹³⁵. Тарелок не было, и все ели руками. Порядок чередования блюд также не соответствовал западноевропейским правилам. Блюда подавались на стол в закрытой посуде, которая всегда ставилась на середину стола. На столе всегда находилась только одна миска, которую уносили, когда она опустошалась. Блюда чередовались «совершенно произвольно», например соленое подавалось после сладкого или же ванильный крем перед рагу из мяса и овощей — доказательство того, что «гастрономия на Востоке не являлась искусством»¹³⁶.

Итальянский дипломат первой половины XVI в. Бенедетто Рамберти полагал, что турки не умеют вести себя за столом. С его мнением, что они «едят как животные»¹³⁷, были согласны и авторы записок более позднего времени, утверждавшие, что пища турок «далеко не роскошна и мало отличается от той, которой довольствуются обычные люди»¹³⁸, и она «так несообразно и плохо сдобрена приправами, что человеку нужно сильно голодать

не меньше месяца, прежде чем он сможет проглотить один-единственный кусок»¹³⁹. Несмотря на то что на столах богатых людей сменялось от 20 до 30 блюд, Жан Дю Мон писал в конце XVII в., что турок «нельзя обвинить в чревоутодии, поскольку лучшим блюдом, которое они предлагают тому, кто зарабатывает 20 000 ливров в год, является тушеная курица с рисом, семенами кориандра и сахаром, и называют его *пилав*. Затем следуют рыбное блюдо и сладости, в которых всегда больше меда, чем сахара»¹⁴⁰. Когда путешественники расширили свой кругозор, то собственными глазами убедились, что — за исключением французского посольства в Стамбуле — на Востоке «не знают, что такое хорошая еда, даже если вас занесет в самый дальний уголок Японии»¹⁴¹.

В XIX и XX веках путешественники уже хорошо осознавали тот факт, что привычка всегда довлеет над вкусом, но, несмотря на это, по-прежнему пребывали в убеждении, что правильным является только один способ смены блюд — порционная подача, а при приеме пищи надо пользоваться только определенными приборами. Разнородность блюд, следовавших одно за другим и становившихся «все более сладкими», и тот факт, что их ели руками, считались красноречивым доказательством «нецивилизованности турок»¹⁴². Художник-пейзажист Эдвард Лир в середине XIX в. так описал свой ужин в Скадаре у паши с тремя хвостами:

«Я насчитал тридцать семь блюд, которые, как принято в Турции, подавались друг за другом, пока не устал (я подозревал, что празднество будет продолжаться еще весь день), если не ошибаюсь, затем их последовало еще двенадцать или четырнадцать. Удивительнее всего была необычная мешанина предложенных блюд, не сочетающихся друг с другом: ягнятина, мед, рыба, фрукты; печеное, вареное, тушеное, жареное; овощи, мясо; свежее, соленое, консервированное; твердая пища; растительное масло, перец; жидкость; сладкое, кислое, горячее, холод-

*Турецкие аристократы за ужином,
XVII в.*

ное — странная смесь, хотя часто ее составляющие были очень хороши. Также не было никакого порядка в очередности подачи блюд, к чему мы, европейцы, приучены — жирное печенье подали сразу после рыбы в соусе, затем следовали говядина, мед и калачи; груши и персики; раки, ветчина, тушеная баранина, шоколадные торты, чеснок и птица; сыр, рис, суп, ягоды, лосось, форель и цветная капуста — какой хаос на ужин!»¹⁴³

Еда, нравившаяся балканцам, и их манеры при ее потреблении хоть и привлекали внимание жителей Запада, однако некоторым всё это казалось таким мерзким и отвратительным, что именно здесь они видели причину других неприятных элементов балканской культуры. Так, французский консул в Травнике Амедей Шометт де Фоссе приписывал жестокость людей их странной еде и способу наслаждения ею:

«Босниец начинает день с чарки сливовицы, которую выпивает сразу, как только встает. Незадолго до обеда он выпивает по меньшей мере еще две чарки, одновременно услаждая себя сладостями. Чтобы снять жгучую боль в желудке, вызванную выпитым, он жадно поглощает репчатый лук и густое месиво с очистками репы, без хлеба; далее следует мерзкая кислая капуста с жесткой сушеной бараниной. Все это он заливает большим количеством фасолевого супа; а заканчивает обед еще одной чаркой сливовицы»¹⁴⁴.

|| **Неизменность восточных привычек**

Западные путешественники XVI и XVII веков не упоминали о том, что люди на Востоке ели без вилок; они отмечали лишь то, что мясо готовили до тех пор, пока оно не становилось совсем мягким, поскольку никогда не пользовались ножами во время еды¹⁴⁵. Исходя из изученных нами источников, первым, кто упомянул о том, что

ему не хватало ножей, был д-р Джон Ковел, записавший 27 июля 1675 г. в своем дневнике, что жители Востока «недостаточно воспитаны, они не пользуются вилками и ножами, и их единственное орудие, которое дала им природа, — руки и зубы»¹⁴⁶. Из чего следует, что жители Запада до того времени не ощущали нехватки вилок, поскольку сами не были приучены пользоваться этим прибором во время еды.

Для западных путешественников конца XVII в. отсутствие ножей и вилок являлось, как записал в 1678 г. Томас Смит, доказательством того, что жителям Востока «чужды роскошь и хорошая кухня»¹⁴⁷. Хотя некоторые уже ощущали дискомфорт, когда им приходилось есть руками вместо того, чтобы пользоваться вилками, до 1820 г. в этом видели экзотичную особенность¹⁴⁸. На официальных приемах хозяева из уважения к западным обычаям клали перед европейцами ножи и вилки, «но считалось хорошим тоном пользоваться ими как можно меньше»¹⁴⁹. Однако уже в конце XVIII в. отрывание кусков мяса пальцами считалось «варварским поведением»¹⁵⁰. На такой способ принятия пищи стали смотреть как на еще одно доказательство «неизменности восточных обычаев: именно так ужинали апостолы, когда Иуду распознали по тому, что он ел из одного блюда с нашим Спасителем»¹⁵¹.

Когда принимали пищу на манер жителей Востока, или, по словам сэра Джона Финча, с помощью «орудия, которое дала им природа»¹⁵², то делали это с помощью двух пальцев и большого пальца правой руки, дополнительно помогая себе куском хлеба; левой рукой при этом никогда не пользовались. Признаком хорошего воспитания считалось, если еду брали из определенной части блюда и удерживались от покушений на куски, выбранные соседом. С другой стороны, признаком хорошей воспитанности считалось, если преисполненный гостеприимства хозяин, или же предупредительный слуга «с черными пальцами», на кусочки разрывал для своих гос-

тей жилистую баранину или домашнюю птицу. Начиная с XIX в. жители Запада уже больше не воспринимали это как любезную услужливость и расценивали подобное поведение как «неслыханно оскорбительное и отвратительное»¹⁵³. Британский врач так вспоминал об обеде, на котором присутствовал в 1824 г. в Стамбуле:

«Ни ножей, ни вилок, ни тарелок, ни бокалов, ни стульев, ни столов; одновременно подают только одно блюдо для всех и затем их приносят одно за другим, может, около пятидесяти. Сначала было просто ужасно видеть, как утонченные дамы погружали свои руки в дымящиеся блюда, отрывали куски мяса от бараньей ноги или с трудом отдирали крылышко какой-нибудь жилистой курицы, поскольку у меня было очень сильное предубеждение относительно жирных пальцев»¹⁵⁴.

Предубеждения относительно жирных пальцев были так сильны, что большинство жителей Запада совершенно игнорировали обрядовое значение характерного для Востока способа наслаждения едой и питьем. Это были не только акты удовлетворения главных физиологических потребностей, они являлись своего рода причащением к братству, полным символического значения. Когда хозяин своими руками отрывал кусок мяса и подавал его гостю, то он не только вручал ему этот кусок, но и проводил *икрам* (ритуал в знак оказания чести и почтения). Этим действием он связывал себя обязательством защищать своего гостя до последней капли крови и беречь от всех несчастий, которые могли случиться с ним на его земле. На все время, что он гостил там, они становились братьями¹⁵⁵.

Западными вкусами и столовыми приборами сначала воодушевилась греческая аристократия в Царьграде, среди которой популярность европейских обычаев росла с конца XVIII в. Вероятно, в некоторых состоятельных семьях не было недостатка ни в чем, кроме практики, и поэтому столовые приборы еще некоторое время были «скорее

препоной, нежели вспомогательным средством для большинства из тех, кто ими пользовался»¹⁵⁶. Барон де Тотт видел женщину, которая сначала брала оливки пальцами, а уже потом насаживала их на вилку, чтобы съесть их *a la française*¹⁵⁷. В 30-е годы XIX в. использование стульев и столов, вилок и ножей стало общераспространенным в среде османской аристократии. Султан Махмуд заменил свое старомодное сиденье и низкий столик на стул и стол. Однако не все следовали западной моде; западные писатели сообщали, что много турок все еще предпочитали есть руками, *a la turca*¹⁵⁸. В любом случае жители Запада этого от них ожидали. Когда в середине XIX в. на палубе британского корабля, стоявшего на якоре в Стамбуле, турецким гостям дали на банкете маленькие и длинные ножи, вилки и топорiki, ложки и тканевые салфетки, и гости в «тот вечер отринули свое достоинство и переступили через свою привычку есть руками», британские хозяева «испугались, что из-за неловкости при использовании этих “проклятых изобретений” — вилок и ножей — дело может дойти до кровопролития»¹⁵⁹.

*Турецкая уличная кухня в Баня-Луке,
начало XX в.*

Западные путешественники в своих рассказах об «ином» либо высмеивали любые новшества, замеченные ими на Балканах, «слишком балканские», либо вообще их игнорировали, как недостаточно «балканские». Так, многие из них сообщали, что люди из высшего общества в Стамбуле и других крупных балканских городах пользуются и тарелками, и ножами, и вилками, и бокалами только в присутствии «европейцев» для «доказательства своей цивилизованности»¹⁶⁰. Но как только они оказывались за столом в одиночестве или в компании близких друзей, скорее всего, они снова ели руками¹⁶¹. Поэтому даже тех, кто был обучен этому «символу цивилизованности»¹⁶², не считали цивилизованными в европейском смысле слова. «Европеизированных турок», умевших пользоваться вилками при еде, носивших новые костюмы, сшитые по европейскому образцу, и общавшихся с немусульманами, многие европейцы причисляли к «тому виду человеческих особей, которые ближе всего к животным»¹⁶³, или же к «настоящим животным, скрывающимся под европейским пальто»¹⁶⁴. Некоторые авторы видели в попытках европейцев изменить турок историю о негре, который, вымывшись, якобы стал белым: «Он всегда был варваром и всегда им останется»¹⁶⁵. В середине XIX в. европейские обычаи установились в самых уважаемых домах в Стамбуле. В большинстве из них низкие столики заменили на столы и стулья, а в некоторых можно было найти весь набор предметов, необходимых для европейского способа приема пищи. Столы, покрытые скатертями, на которых лежали вилки, считались признаком престижа, и уважаемые люди использовали их в особых случаях¹⁶⁶. Однако изменение обычаев вызывало у некоторых жителей Запада ностальгию по прежним способам получения удовольствия от еды. Когда теперь им по европейскому образцу приносили вилки и ножи, они просили у хозяев дозволения есть вместе с ними восточным способом, казавшимся им очарователь-

ным «новшеством». Они старались есть руками, хотя это получалось у них не лучшим образом¹⁶⁷, что развлекало «многочисленных зрителей, собиравшихся возле них, чтобы посмотреть, как неумело едят франки»¹⁶⁸. В конце XIX в. стали появляться отдельные высказывания, что «нет ничего ужасного в том, чтобы есть без вилок и ножей, особенно если ты заботишься о чистоте своих рук, прежде всего большого и указательного пальцев, так же тщательно, как это делают хорошо воспитанные турки»¹⁶⁹. Даже в XX в., когда использование вилок и ножей на Ближнем Востоке уже стало так же распространено, как и на Западе, и не воспринималось больше как символ статуса, отдельные путешественники радовались, что получают возможность есть руками, что «вовсе не так неприятно, как кажется»¹⁷⁰. Когда они поняли, что албанцы, вопреки их ожиданиям, во время еды пользуются вилками и ножами, радостное предвкушение некоторых путешественников сменилось разочарованием¹⁷¹.

|| Работа наблюдателей никогда не кончается

Как бы то ни было, работа наблюдателей никогда не кончается. В начале XX в. путешественникам по Востоку пришлось делать еще один «трудный выбор»: «съесть ли им несколько больших порций совсем без питья, или же преодолеть свои колебания и разделить с другими общую чашу за столом», поскольку во время «турецкого обеда» все пили из одной чаши¹⁷².

В процессе развития цивилизации, для которой, по словам Норберта Элиаса, характерно сокрытие определенных видов деятельности, разделка мяса переместилась на кухню¹⁷³. Цельные тушки исчезли со стола, и мясо стали подавать нарезанным на куски, что постепенно завуалировало непосредственную связь между мясом и животным. Дольше всего этот процесс проходил в Ве-

ликобритании, поскольку в английском языке используются совершенно разные слова для обозначения животных и их мяса. Путешественники, привыкшие к четкому разграничению понятий «животное» и «его мясо», столкнувшись с другой действительностью, как правило испытывали культурный шок.

Свежевание и разделка туш животных, как писал Элиас, на Западе некогда являлась составной частью общественной жизни. С XVII в. этот обычай все чаще расценивали как безвкусие. Например, когда один албанец, хозяин гостиницы, заколол овцу на глазах у своих английских постояльцев, они вовсе не вдохновились этим поступком, как он ожидал. Напротив, они были очень рассержены, поскольку он их «развлекал видом разделки туши животного, которую для этого повесили на дерево перед дверями», и его «с трудом» уговорили продолжить свое занятие, отойдя на несколько метров в сторону¹⁷⁴. Публичность кухни, являвшаяся общей характерной чертой многих балканских гостиниц, имела то преимущество, что меню не требовалось. Иностранцы сами могли посмотреть, какая имеется пища, и даже те, кто не знал языка, без труда выбирали еду, просто указав на нее. Однако у людей, не привыкших смотреть на свежевание туш животных, или, как образно выразился один путешественник, «видеть свой завтрашний ужин в сыром состоянии», при виде таких «гнусных сцен» выворачивался желудок, а некоторых этот обычай даже довел «до грани вегетарианства». Однако, поскольку Балканы были территорией мясоедов, они быстро осознавали, что это не самое подходящее место для экспериментов с переходом на растительную пищу, и им приходилось «побороть свои лучшие устремления и еще по крайней мере какое-то время по-прежнему продолжать есть мясо»¹⁷⁵.

Пестование предрассудков ||

Во времена, когда существование еще неоткрытых, неизвестных земель оставалось общей гипотезой, на кораблях, расширявших границы европейских империй по всему земному шару, путешествовали многие естествоиспытатели. Их целью было изучать всё вновь открытое и связанные с этим возможности, предоставляющиеся их родине. Эти путешествия не только открывали новые горизонты, но и расширяли границы познания: изо дня в день обнаруживались неизвестные ранее виды животных и растений. Из всех новообретенных знаний наиболее радикальным было понятие относительности. Изменилась перспектива. Представления, считавшиеся универсальными, оказались локально обусловленными:

«Новые открытия высмеяли все прежние представления и убеждения, касающиеся космографии, истории, политики и общества. Фанатичная вера мечтателей в свои силы открыла мир, и он оказался более диким, чем самые дикие фантазии. Новые королевства ждали своего освоения»¹⁷⁶.

В XVIII в. люди верили, что знание несет удачу. И нет ничего необычного в том, что естествознание в XVII и XVIII веках становилось все более почитаемым и утвердилось как самая интересная и всеобъемлющая отрасль науки, поскольку охватывает «все, что открывает для нас Вселенная»¹⁷⁷. Естествоиспытатели поставили себе важную цель — избавиться от предрассудков, которые так долго искажали действительную картину мира и из-за которых самые очевидные ошибки считались непререкаемой истиной. Ученые в своих исследованиях все больше сосредотачивались на проблемах методоло-

гии; в 1749 г. Жорж Луи Леклерк де Бюффон опубликовал знаменитую «Естественную историю» и эссе «Как изучать природу».

В этой духовной атмосфере жил и работал аббат Альберто Фортис (1741—1803). В 70-е годы XVIII в., находясь на службе Серениссимы* и ряда меценатов, он много раз совершал путешествия по венецианской Далмации. В то время Фортис считался главным естествоиспытателем Италии, позже его ценили как талантливого писателя и разностороннего историка, сейчас же он известен прежде всего благодаря своим запискам о тех путешествиях. Самым известным из его сочинений является «Путешествие в Далмацию», в котором описаны условия жизни, природные особенности, история, обычаи и народные пре-

*Альберто Фортис у водопада Велика Губавица
в Далмации, 1774 г.*

* Serenissima – «светлейшая», «сиятельнейшая» (итал.). La Serenissima – торжественное название Венецианской республики.

дания этого региона. В книге есть длинная и подробная глава о морлаках, их образе жизни, обычаях, одежде, обрядах, песнях и т. д. Европейская литература восприняла книгу как «эпохальное открытие этого такого близко-го примитивного мира, прекрасных народных песен, еще никем не записанных»¹⁷⁸.

В своих письмах из Далмации, страны, «далекой от итальянской культуры»¹⁷⁹, Фортис сообщал не только о природных явлениях и интересных фактах. Уже первая книга, задуманная как исследование по минералогии, на самом деле была своего рода монографией о Кресе и Лошине и их жителях. Позднее Фортис из исследователя окаменелостей и камней, растений и насекомых, античных надписей и развалин все больше превращался в увлеченного исследователя и реформатора науки. Фортис не посвятил отдельной главы теоретическим вопросам естествознания, но неоднократно возвращался к ним в своих записях, в которых указывал, что цель естествознания — изучение структуры горных пород, состава воды, устройства тел животных и других природных явлений «без предрассудков» и «с единственной задачей: установить истину»¹⁸⁰. В своих трудах он привел довольно много сведений по антропологии, хотя ее изучение не входило в число декларируемых им задач. Но это никак нельзя считать случайностью, ведь он действовал в соответствии с укоренившейся практикой естествоиспытателей того времени и методологией Буффона, доказывавшего, что в сферу интересов естествознания должно входить и изучение человека, поскольку он часть природы¹⁸¹.

|| Волосатые рыбы

В эпоху Просвещения верили, что главная обязанность ученого не поддаваться предрассудкам и не полагаться на авторитеты, если эмпирические факты приводят к заключениям, отличным от тех, что уже были

сделаны в книгах. Как отметил Фортис в письме к Джону Стрэнджу, утверждения авторитетных авторов о физических явлениях «часто ошибочны и путаны». Однако ни малочисленные авторитетные, ни тем более многочисленные иные ученые не могли склонить его к поспешным умозаключениям о вещах, которые он не видел собственными глазами¹⁸². И действительно, наблюдения привели его к выводам, отличным от выводов многих известных естествоиспытателей: например, он обнаружил, что Линней в ряде случаев ошибался; возражал Реомюру и другим и дискутировал с де Турнефором¹⁸³. Еще менее Фортис был склонен доверять необразованным людям. «Мне рассказывали и много других историй, связанных с окаменелостями в Боснии, но думаю, что они не стоят упоминания лишь на основании этих сведений. Из личного опыта я знаю, что в вопросах, касающихся всемирной истории, трезвое сомнение даже весьма необходимо»¹⁸⁴. Соответственно он советовал и другим естествоиспытателям проявлять осторожность, как всегда делает сам, прежде чем признать за факт сведения, полученные от других людей. Он предлагал самому посетить этот край или хотя бы пригрозить сделать это вопреки всем трудностям: «Так раскрывается ложь»¹⁸⁵.

Поскольку сам Фортис не принимал на веру ни одного сведения, основанного исключительно на слухах, он не был склонен верить утверждениям местных жителей в округе Кринских озер, что в этих водах обитает какой-то вид волосатых рыб, хотя некоторые описывали их со всей серьезностью и объясняли, что они залегают на дне и их очень трудно выловить, не прибегая к яду. Фортис не верил в физические аномалии на слово, если сам не убеждался в их существовании; не поверил он и в волосатую рыбу, которой не видел¹⁸⁶.

Не всегда легко было придерживаться таких строгих принципов; для этого требовалось много сил, ведь успех не известен заранее. Фортис путешествовал по стране,

в которой наука была развита слабо, а об естествознании вообще почти ничего не было слышно. Трудно было найти кого-то, кто мог бы направить по верному пути. Единственным для него способом получить сведения о полезных или редких явлениях было открыть их самому. И он скитался по обширным пустыням и скалистым горам в надежде найти что-нибудь интересное, но часто его ждало только разочарование¹⁸⁷. Однако исследователь прекрасно понимал, что кратчайшим расстоянием между двумя точками не обязательно оказывается прямая.

«Тот, кто вообразил бы, что можно судить обо всем этом издали, поступил бы необдуманно и рисковал бы предложить какое-нибудь абсурдное объяснение, как часто случается даже с величайшими естествоиспытателями, когда те осмеливаются объяснять некое необычное явление, основываясь на поверхностном осмотре или сообщениях, полученных из вторых рук; как тот добрый муж, что написал естественную историю швейцарских Альп, не удосужившись поехать на них посмотреть»¹⁸⁸.

Фортис иллюстрирует, насколько завлекательным может быть этот метод, примером из первого тома «*Illiricum Sacrum*»* иезуита Даниила Фарлати. Читатель узнает из него, что переход рядом с Арканджелом крайне опасен, поскольку реки Неретва, Цетина и Крка, несущие свои воды из разных мест, соединяются там. В действительности устье Неретвы находится на расстоянии не менее 130 км от этого места, а течение реки настолько медленное, что морские приливы заливают сушу на 20 км в направлении, противоположном ему¹⁸⁹. Мы делаем ошибки из-за незнания, но на ошибках учимся — таким было кредо Фортиса. И читатели могут сопровождать его, когда он идет вдоль берега, карабкается вверх по горам, спускается в подземную пещеру и плывет на лодке. Любопытность не давала ему покоя. Во время путешеств-

* «Иллирийская святыня» (лат.).

вия он часто просил своих гребцов передохнуть, чтобы он мог тщательно осмотреть «необычные модификации известняковых пород, расположение которых сильно отличалось от закономерностей, которые мэтры естествознания описали в своих “совершенных” трудах о стратификации, ни разу не выйдя из своего кабинета»¹⁹⁰.

Задолго до того, как наблюдения за природой превратились в рутину, естествоиспытатели уделяли большое внимание необычным явлениям и чудесам, при объяснении которых зачастую прибегали к теологии. Во второй половине XVIII в. такой подход остался в прошлом. У Фортиса к нему было отрицательное отношение. Он считал, что настоящему естествоиспытателю более интересны точные наблюдения за обычными явлениями, которые большинством авторов изучены плохо, нежели наблюдения за необычными и редкими явлениями¹⁹¹. Он негодовал из-за того, что музеи курьезов* в Венецианской республике за большие деньги покупали экзотические ракушки, тогда как у них не было ракушек из своего моря. Это, по мнению Фортиса, не только не делало им чести, но и было несправедливо по отношению к самой стране, в которой природных достопримечательностей было не меньше, чем где-либо еще. Местные достопримечательности должны были иметь для коллекционеров приоритетное значение, и они стали бы для них предметом гордости, когда бы их увидели ученые путешественники¹⁹².

Согласно Фортису, изучение необычных и с виду необъяснимых явлений сопровождается всевозможными трудностями. Поэтому он считал, что лучший метод для того, кто впервые анализирует подобные явления, — просто описать с максимальной добросовестностью и точностью все, что он заметил. Каждый потом сможет по-своему объяснить это описание — либо в соответствии с какой-нибудь уже существующей системой, либо путем выдвиг-

* Музеи диких вещей, кунсткамеры.

жения новой гипотезы, поясняющей этот конкретный пример. Фортис недвусмысленно заявлял, что не готов причислить себя к тем, кто, обсуждая вопросы естествознания, слишком полагается на разгоревшееся или страстное воображение или тайно следует «нефилософским доктринам XIII в.»¹⁹³. Он был убежден, что является ошибкой при выдвижении гипотез призывать на помощь религию или пытаться опровергнуть заключения ученых-естествоиспытателей, произвольно интерпретируя слова Священного Писания. Просвещенный аббат полагал, что религия в подобных случаях не приносит пользы, и свидетельство тому — «публичный отказ Галилея от своих убеждений, навлекший такой позор на Италию»¹⁹⁴.

Фортис понимал, что его исследования вносят свою лепту в развитие и прогресс и считал, что великой цели можно достичь только путем добросовестного и точного наблюдения, то есть эмпирическим методом. Преимущества нового метода, которые всячески подчеркивались в век Просвещения, были абсолютными и очевидными. Чувство беспомощности человека, предоставленного на милость или немилость судьбы, уже не являлось преобладающим. Наука непрестанно расширяла горизонты и делала человека сильнее. Как писал Сэмюэл Джонсон, знание представляет собой «нечто большее, нежели эквивалент силы»¹⁹⁵.

Однако эмпирический метод не только давал преимущества, но и расставлял ловушки. Ведь наблюдение всегда субъективно и поэтому является неполным или даже ошибочным и может привести к самым «невероятным ошибкам». Например, что может быть более очевидным, чем путь Солнца по небу? Так что ничего удивительного, что Фортис столкнулся с большими трудностями, когда, например, пытался разрешить проблему так называемого «постепенного» подъема уровня воды в Венеции¹⁹⁶. Сложности, характерные для эмпирического метода, только усиливались, когда он пытался объяснить конк-

чивало и недостаточное знание хорватского языка, из-за чего ему приходилось прибегать к услугам переводчиков, что было дополнительной помехой при сборе сведений¹⁹⁸. Мешали Фортису помимо прочего и культурные предрассудки. Во время своего путешествия по Кресу и Лошину он часто замечал, что местным жителям чистоплотность совершенно чужда¹⁹⁹. Обратил он внимание и на невежество и суеверие деревенских жителей Креса и Лошина. В отличие от него сэр Гарднер Вилкинсон, проплывавший на пароходе рядом с этими островами, увидел ситуацию совсем иначе:

«Венецианцы даже нарочно избегали любых законов, которые могли бы обогатить людей или улучшить их положение для облегчения управления Далмацией, и в то же время рекрутировали в свою армию крепостных крестьян. И что кажется самым невероятным — венецианский сенат открыто препятствовал учреждению школ в этой области. Также была запрещена печать, и венецианцы подвергали суровому наказанию тех, кто осмеливался основать типографию в независимом городе Дубровник»²⁰⁰.

Сэр Г. Вилкинсон уяснил и причины такого положения: «Когда на Кресе и соседнем Лошине под властью венецианцев жило 5000 человек, их доходы составляли 1273 дуката, из которых 630 дукатов они выплачивали Республике в качестве налога»²⁰¹.

Фортис очень скептически относился к системам и теориям, напоминавшим ему «незрелый фрукт, который быстро портится», и был уверен, что они останутся таковыми и в будущем, до тех пор, пока не накопится достаточного количества необходимых наблюдений²⁰². По его мнению, теоретики систем о возникновении гор в целом уделяли не слишком много внимания воздействию воды. Те, у кого был талант к проведению расчетов, просто испугались колоссального времени, необходимого для проявления эффекта эрозии. Их наблюдения шли

вразрез с догматами Библии и с церковной наукой, базирующейся на предположении, что мир был сотворен за 6 дней и что все виды растений и животных были созданы независимо друг от друга и от людей. Согласно церковным постулатам, это произошло около 6000 лет назад²⁰³. Это утверждение было окончательно опровергнуто только в 1785 г., когда Джеймс Хаттон представил свою «Теорию Земли» (опубл. 1788).

Во время путешествий по Далмации Фортис имел возможность ознакомиться с местными устными преданиями и народными верованиями. Он познакомился с необычными и интересными примерами народного песенного творчества и был вдохновлен ими. Однако ему досаждало «злоупотребление традицией», и он не мог примириться с ролью духовенства в поддержании невежества людей. Так, он был возмущен, когда брат-монах, от которого он надеялся получить достоверную информацию, вместо этого рассказывал ему «самые дурацкие байки, которые могут угнездиться в головах, отравленных язычеством» — о детских криках в ущельях и о хороводах вил в пещерах²⁰⁴. В приложении к английскому изданию своего «Путешествия в Далмацию» Фортис приводит примеры суеверных обычаев «бедных невежественных жителей острова» Паг. По его словам, эти обычаи в значительной мере в повседневной жизни поддерживали монахи «в своих личных интересах», а иногда и «из более криминальных побуждений»²⁰⁵.

|| Преимущества и недостатки эмпирического метода

Просвещение не признавало науку ради самой науки. Ученые прекратили поиски сущности и бытия; вместо того чтобы заниматься этим, они стремились найти средства к достижению желаемых результатов. Это изменение подхода в науке принесло множество материаль-

ных благ, что и было целью, к которой стремились самые передовые ее отрасли. Фортис жаловался, что в Венецианской республике «многие все еще презирают естествознание и высмеивают его как бесполезное учение, и это вопреки прогрессу времени и примеру других цивилизованных народов Европы»²⁰⁶. Сам он хотел, чтобы его научная работа способствовала «национальному прогрессу, привлекая внимание к краям, которые были недостаточно цивилизованы и стремились к знаниям о природе путем описания явлений природы».

«Помимо этих целей я считал также своим долгом исправить ошибки, которыми грешили авторы, писавшие об этих землях; к тому же, я учитывал возможные выгоды путешественников и выявил, какие популярные сообщения не были точными. Упомянул я и о руинах древних поселений, хотя это и относится скорее к сфере науки о прошлом, чем к естествознанию. И действительно я обратил на них самое пристальное внимание, поскольку благодаря им складывается более правдивая картина, нежели та, что считается общепринятой; ведь если бы эта страна была так ужасна, как ее обычно представляют, в ней не создали бы столько римских колоний»²⁰⁷.

В начале книги «Путешествие в Далмацию» Фортис написал, что его благородные покровители могли бы почувствовать удовлетворение даже в том случае, если бы публикация этого труда не принесла никакого другого дохода кроме того, что они заменили бы мрамор, который иностранцы «по завышенной цене» продавали в Венецию, где каждый год использовалось большое количество мрамора, дешевым далматинским мрамором. Ведь его, как он добавил в скобках, использовали еще римляне для создания своих прекрасных статуй, а также для строительства²⁰⁸. И если бы его усердное исследование природы, состояния озер, болот и рек, как и возможные в будущем новые открытия, принесли бы какую-либо еще пользу национальному богатству, торговле и искусству,

великодушные покровители его путешествий имели бы бесспорное право называться великими патриотами. А сам он испытывал бы удовлетворение полезного подданного, к чему каждый благородный человек должен стремиться более, чем к славе великого ученого²⁰⁹.

Одним из главных предметов наблюдений на далматинском побережье для него стало рыболовство, ведь «любое усовершенствование или развитие этого вида деятельности станет источником национальной экономии и национального значения»²¹⁰. Он хотел, чтобы в его силах было «объявить войну северной рыбе, которая завоевывает напшу Италию, как это делали люди в варварские времена», и почувствовал бы себя счастливым, если бы мог «вооружить моряков с берегов Адриатики, чтобы противостоять этим назойливым чужакам»²¹¹. Поскольку рыболовство не было хорошо развито и размеры улова не достигали нужных объемов, Фортис ругал ленивых рыбаков. Особенно он злился на рыбаков из деревни Злосело близ Шибеника (совр. Пировац): «Несмотря на большое количество и разнообразие <...> рыбы, ленивый злосельчанин не прилагает никаких усилий к тому, чтобы их использовать: он довольствуется тем, что живет изо дня в день и что часто поедает без хлеба или какой-нибудь подливы всю рыбу, которую выловит»²¹².

Во введении к главе об обычаях и привычках морлаков Фортис сначала опровергает слухи, выставлявшие морлаков дикарями. Например, его современник Карло Гоцци, несмотря на то что хорошо знал труд Фортиса, в своих воспоминаниях, опубликованных в 1793 г., охарактеризовал морлаков как варваров и антропофагов и вообще как непокорный и подлый народ²¹³. Жители городов и деревень далматинского побережья рассказали ему много страшных историй о жестокости морлаков, об их грабежах и кражах домашнего скота. Их описывали как агрессивных людей без разума и человечности, способных на любое злодеяние. В Дубровнике слово «мор-

лаку» оставалось ругательством вплоть до XIX в., «точно так же, как сто лет назад в Шотландии любой горец в представлении низинных жителей был горным грабителем и разбойником»²¹⁴.

Если морлаки и имели когда-то такие качества, писал Фортис, либо это было давно, либо — если речь шла о недавних случаях — за них несли ответственность отдельные индивидуумы, а не весь народ. Он чувствовал, что его долг — написать о том, что он лично узнал об их обычаях и поведении, и таким образом создать своего рода «апологию» для народа, который встретил его приветливо и обращался с ним так дружелюбно. Он напомнил, что путешественники часто преувеличивают опасности и трудности, с которыми столкнулись в дальних странах. Он считал себя чуждым «этому виду шарлатанства» и хотел рассказать лишь о том, что видел своими глазами, а не о том, что только слышал: «*non audita sed visa scribo*»²¹⁵. Многие из путевых записей Фортиса доказывают, что он был рассудительным и педантичным наблюдателем. Однако некоторые описанные им явления он не мог видеть сам и вынужден был положиться на сообщения информаторов. Так что не все его описания явились результатом работы, соответствовавшей декларированным им принципам.

Большую часть времени своего пребывания в Далмации Фортис провел в городах²¹⁶. Жители далматинских городов были воспитаны в традициях итальянской культуры, и «благороднейшие люди обоих полов хорошо говорили по-итальянски»²¹⁷. Он утверждал, что жители Задара были так цивилизованы, «как только можно пожелать в любом уважаемом итальянском городе». Покинув города, он, однако, встретился «с невежеством и недоверием отсталых людей в тех областях, которые мало заселены и далеки от итальянской культуры»²¹⁸. Складывается впечатление, что в этом кроется главная причина его мнения о сельском населении Далмации, о ко-

тором он сообщал в целом как о «ленивом и злобном». Причины он видел в том, что оно было «слишком защищено законами и уравнено со своими хозяевами». С его точки зрения, подчиненное положение для них было «абсолютно необходимо, чтобы осчастливить этот приморский народ; а в некоторых случаях даже насильственные и жесткие методы оказались бы весьма эффективны для их пробуждения от обычного равнодушия»²¹⁹.

Французский художник Луи Франсуа Касас, знавший труд Фортиса, после своего путешествия по Истрии и Далмации в 1783 г. обрисовал жителей Злосела еще более темными красками: «Описать этих людей как дикарей было бы оскорблением для человеческой расы, ведь в их характере нет ни искренности, ни любезного простодушия, ни гордости, ни независимости. Дикари являются первым звеном в цепи человеческой природы: но эти люди часто кажутся последним звеном какой-то другой цепи»²²⁰.

Конечно, не это было причиной того, что рыболовство в Далмации вымирало. Сыграли роль высокие налоги на соль, которыми венецианские власти обложили население, а не особенности характера рыбаков, которые из-за искусственно взвинченной цены на соль, насажденной правительством, не могли заниматься прибыльной торговлей в области, где у берегов было много рыбы и где рыболовство было бы выгодно и людям, и властям²²¹. Сэр Г. Вилкинсон пришел к выводу, что венецианское правительство могло улучшить рыболовство и увеличить доходы и торговлю путем незначительных изменений в своей фискальной системе, «если бы оно понимало принципы политической экономии и освободило бы остров от неразумных налогов на соль»²²². Но оно этого не сделало, и следствием стало то, что рыбакам было просто невыгодно ловить больше рыбы, чем они сами съедали, поскольку соль стала такой дорогой, что они не могли позволить себе консервировать излишки²²³. Для консервирования рыбы нужна одна часть соли на две части рыбы (в ки-

лограммах). Согласно подсчетам историка Мийо Марковича, цена бочки с 60 кг соленой рыбы была бы чрезвычайно высокой, поскольку третья часть соли в ней стоила столько же, сколько три коровы или один вол²²⁴.

|| Дерзкие воры

Само собой разумеется, что вышеприведенные не критические описания не могли быть результатом наблюдения. То есть эти описания отражают скорее классовые предрассудки горожан и дворян, нежели реальное положение. Тот же вид социального недоверия можно распознать в историях о сильной склонности морлаков к воровству. Собеседники Фортиса в Далмации рассказали ему много историй об оригинальных и смелых обманах, из которых наиболее характерной ему показалась следующая. Бедняк купил на ярмарке котел. Затем он встретил знакомого и, пока с ним разговаривал, поставил котел на землю. Во время их разговора вор схватил котел с земли и надел его себе на голову вместо того, чтобы бежать прочь. Когда владелец заметил пропажу, то спросил у вора, который стоял рядом с ним с котлом на голове, не видел ли тот, кто украл его котел. Вор ответил, что не обратил внимания, и еще заметил, что владелец котла должен был бы надеть его на голову, как это сделал он сам, и тогда его невозможно было бы украсть. «Но, несмотря на подобные мошенничества, — добавляет Фортис, — иностранец может безопасно путешествовать по этим землям, где его встретят гостеприимно»²²⁵.

Касас использовал тот же мотив в доказательство дерзости морлакских воров, единственное отличие было в том, что украденный предмет облагородился — стал не обычным котлом, а саблей. По версии Касаса, путешественник отдыхал у подножия горы и снял с себя саблю, чтобы она ему не мешала. Два морлака подошли к нему, и пока один втянул его в разговор, другой взял в руку

его саблю и затем спокойно подключился к беседе. Когда путешественник обнаружил, что его сабля украдена, вор ответил: «Что же ты не поступил так, как я? Я свою саблю всегда держу в руке»²²⁶.

Касас утверждал, что «можно привести бесчисленное количество подобных примеров мошенничества». В этом убедились и читатели записок британского архитектора Т. Эллесена. Он помимо того, что сделал колоритные изображения руин в Пуле и Истрии, записал похожую историю о путешественнике, который отдыхал под деревом и отложил в сторону свою саблю, чтобы ему было удобнее. Тогда появились два морлака, и пока один разговаривал с путешественником, другой ловко вытянул саблю из ножен, опоясался ею и затем хладнокровно присоединился к беседе. «Кто-то украл мою саблю!» — громко завопил владелец после безуспешных поисков. «И правда, невезение, — ответил вор. — Что же вы не поступаете так, как я? Я свою всегда держу в руке»²²⁷.

В середине XIX в. сэр Г. Вилкинсон, которому вышеприведенные сообщения о Далмации были хорошо известны, не сомневался, что «в добрые старые времена» морлаки были «известны своими ловкими и дерзкими кражами, которые они совершали с дерзостью настолько исключительной, насколько и забавной». Далее он поясняет, что воры, завязав разговор с неким человеком, ждали, пока собеседник отвернется. Затем у него что-то забирали, моментально прятали, потом показывали владельцу и спрашивали, не кажется ли ему эта вещь столь хорошей и красивой. Когда обворованный говорил, что сам потерял кое-что очень похожее, или даже речь шла о точно такой же вещи, вор просто отвечал, что он сам своих вещей никогда не выпускает из рук и советует обворованному вести себя так же предусмотрительно²²⁸.

Лишь в начале XX в. выяснилось, что история, которую Фортис, а вслед за ним и многие другие считали чистой правдой, была просто анекдотом. М.Э. Дурхэм, описывая

свои путешествия по Балканам, отметила, что балканцы обожают шутки, особенно истории об удачном обмане. В качестве примера она привела рассказ о мужчине, который купил на ярмарке осла и повел его домой. Воры последовали за ним. Один снял с осла поводок и увел животное. Другой надел поводок на голову и пошел за мужчиной. Когда прошло достаточно времени, чтобы первый вор с ослом скрылись из виду, второй стал тянуть поводок и стонать. Удивленный мужчина оглянулся и обнаружил, что осла больше нет, а на его месте — человек. «Где мой осел?» — спросил он. «Ой-ой-ой! — запричитал вор. — Я и есть это несчастное создание. Злой колдун превратил меня в осла на пятнадцать лет. Этот срок только что истек. У меня ничего нет, и я не знаю, куда идти». Затем добрый мужчина его освободил да еще дал немного денег²²⁹.

К чести Фортиса следует сказать, что в его произведениях подобных описаний меньше, нежели в текстах его современников. Однако и в отношении него оказывается верным правило, что антропология говорит о рассказчике столько же, сколько о рассказанном. В своих сообщениях о морлаках Фортис опирался главным образом на концепцию «доброго дикаря»²³⁰. Поэтому и выбирал именно те элементы их образа жизни, которые подтверждали эти ожидания:

«Среди морлаков все еще сохраняются невинность и естественная свобода пасторальных времен, или во всяком случае, много их остатков, и прежде всего в краях, наиболее отдаленных от наших поселений. Чистая сердечность чувств тут ничем не ограничена и выказывается независимо от обстоятельств. Красивая морлакская девушка встречает мужчину из своей деревни и запросто, без всякой задней мысли, целует его. Я видел, как целуют друг друга все женщины и девушки, юноши и старцы из различных деревень, как только приходят по праздникам к церкви. Мне казалось, что весь этот мир — члены одной и той же семьи. Позже я сто раз замечал этот

обычай на дорогах и на ярмарках приморских городов, куда морлаки приходят продавать свои изделия. Во время праздников и народных гуляний рукам дозволяется еще больше свободы, которую мы бы сочли неприличной, но они так не думают; если бы их стали укорять за это, они бы сказали, что это “ничего не значащая шутка”»²³¹.

Фортиса потрясло, что морлаки ценили дружбу почти так же высоко, как религию. Он присутствовал при обряде в церкви Перушича, когда две молодые женщины стали названными сестрами, так что имел возможность лично убедиться в «богатстве чувств, которое может развиться в душах, не сформированных, а лучше сказать, не испорченных обществом, называемым нами культурным»²³².

О том, насколько соответствовали описания Фортиса преобладавшим в то время вкусам, лучше всего свидетельствует тот факт, что за четыре года с момента выхода «Путешествия в Далмацию» книга была переведена на немецкий, французский и английский языки. Глава об обычаях и привычках морлаков многократно переиздавалась на разных языках и стала книжным хитом в европейских интеллектуальных кругах. Таким образом, Европа увидела «примитивный мир» у своего порога: впоследствии дикари для нее жили не только в Африке, Азии и Америке, но и по соседству. Книга Фортиса вдохновила Жюстину де Винн, графиню Урсины и Розенберга, писавшую под псевдонимом «Мадемуазель Х.С.V.», любовницу Казановы в Падуге, на создание романа «Морлаки» (1788). Роман этот сейчас забыт, но в свое время его восхваляли Цезаротти, Гёте и мадам де Сталь; он стимулировал появление своего рода морлакомании²³³.

|| Грудь до пупка

Часть своего труда о морлаках Фортис посвятил воспитанию ими детей. Из нее мы узнаем, что новорожденных морлаки сначала обмывали в холодной воде,

а затем еще и то, как эти маленькие создания, «которым уделяются лишь крупинцы внимания в минуты нежности», остаются три или четыре месяца заброшенными, запеленатыми в бедные тряпки. Позже их оставляют ползать около колыбели, пока они сами не научатся ходить прямо. Тогда они и приобретают «те самые силу и здоровье», которыми, якобы, судьба одарила морлаков, позволяющие им «без каких-либо проблем вынимать наружу голые груди при самом страшном морозе и снеге». Морлачки будто бы кормили детей грудью до тех пор, пока снова не забеременеют. Если этого не происходит в течение трех, четырех и даже шести лет, они все равно продолжают все это время кормить грудью. К этому Фортис добавляет: «Грудь у морлачек чересчур большие, так что, несомненно, они могут дать сосок своим детям, перекинув грудь через плечо или запихнув под пазуху»²³⁴.

Этот отрывок стал предметом резкой критики со стороны Ивана Ловрича. Ловрич был воспитан в традициях иной культуры, нежели Фортис, и в целом впитал в себя ее базовые ценности, в том числе акцент на грубой мужской силе. По мнению Ловрича, принципы воспитания морлаков, «которые утонченным народам кажутся чуждыми и варварскими», в действительности близки к естественному состоянию. Благодаря такому суровому воспитанию в детстве, морлаки были здоровее и сильнее, нежели дети в красивых цивилизованных городах, и это несмотря на всю заботу, которая проявляется по отношению к городским детям. Первые пять-шесть месяцев жизни детей пеленают в тряпки из сукна, затем оставляют ползать в колыбельке, пока они «с помощью природы, которая является их единственной руководительницей», постепенно не научатся ходить. Лишь потом их можно увидеть топающими по полю. «Так что, даже если мы увидим ребенка, который, бывает, ползает по полю, еще не научившись ходить, не следует раньше времени делать общее заключение, что так ведут себя все дети.

Это как если бы мы увидели мальчика, ползающего среди волов, и сказали бы потом, что все мальчишки ползают среди волов»²³⁵.

Насколько убедительной была аргументация Ловрича, лучше всего показывает следующий отрывок из сочинения британского консула в Дубровнике, члена Британской Академии наук Э.А. Пейтена, которое было написано в середине XIX в.:

«Самой большой достопримечательностью во всей области является сам морлак. С детства он приучен к суровой жизни, новорожденных детей оставляют лежать в пеленках, все равно, плачут ли они или ведут себя тихо, в то время как мать занята хозяйственными делами, безразличная к настроению детей, которое является источником стольких волнений для цивилизованных городских матрон. Поскольку у них не определены сроки, когда нужно прекратить кормление грудью, молоко сохраняется до следующей беременности; если же та не наступает, ребенок может сосать грудь много лет. Когда дети подрастают, им разрешают ползать дома по полу и самим учиться ходить. Короче говоря, принцип морлаков — позволить, чтобы человек рос как лесной зверь — сильный, здоровый и дикий, сопротивляющийся любой работе и не укрощенный какой-либо дисциплиной»²³⁶.

Ловрич не был согласен с Фортисом также по вопросам продолжительности кормления грудью и величины груди у морлачек. При этом он замечал, что, с точки зрения морлаков, отдавать детей кормилицам — а в то время в Венеции, например, это было обычной практикой — значит быть хуже животных, которые выкармливают детенышей своим молоком²³⁷. Однако это вовсе не означало, что у морлачек необыкновенно большие груди. Они были такими же, как груди большинства женщин других европейских народов, и «никогда не были такими длинными, чтобы они могли кормить своих детей за спиной, перекинув грудь через плечо или за пазуху». Как

пишет Ловрич, это мнение — байка, «которую придумали иностранцы, и я никогда бы не подумал, что ее примет за правду естествоиспытатель такого уровня, как Фортис. Действительно, Ювенал убеждает нас в том, что в Мерое младенец сосал грудь, которая была больше него самого («majoram infante mamillam»), и я охотно в это верю, но наши морлачки не такие»²³⁸.

В своем ответе на замечания Ловрича Фортис более не затрагивал вопроса воспитания детей у морлаков²³⁹; можно сделать вывод, что они с Ловричем оба были согласны с тем, что люди крепче и активнее, если ведут простую деревенскую жизнь, именно поэтому они здоровее и живут дольше, чем те, кто пребывает в роскоши или занимается вредной работой в больших городах. Однако Фортис настаивал, что написанное им о грудях морлачек соответствует действительности. Чтобы подтвердить эту мысль, он добавил, что у них были большие и гадкие груди», ведь он, Фортис, «это видел, и многие уважаемые люди, не склонные к розыгрышам, мне это подтвердили. Могу предположить, что хорватки, валашки и цыганки из Баната имеют тот же дефект»²⁴⁰. Если ранее он писал, что слышал об этом, то теперь утверждал, что видел это.

Поскольку мы не можем подтвердить или опровергнуть ни наблюдений Ловрича, ни утверждений Фортиса, стоит задаться вопросом, где Фортис мог видеть то, на чем настаивал. Это сложный вопрос, на который почти невозможно ответить, если дополнительно не спросить, *каким образом* он мог увидеть то, о чем уверял, что видел. Как можно заключить, посмотрев на рисунки морлачек в «Путешествии в Далмацию», одежда закрывала их тело до шеи даже в летнее время. Более того, в той же книге сообщается, что обычно, когда гости были в доме, морлачки не показывались им на глаза²⁴¹. Также нам известно, что Фортис никогда не бывал в Банате. Мне кажется, что, сопоставив все эти факты, можно с уверенностью заключить, что Фортис не мог увидеть того, что,

по собственному утверждению, видел во время своих путешествий по Далмации.

Во второй половине XIX в. ученые уделяли много внимания обычаям, связанным с кормлением грудью женщин-«дикарок», и длине их груди. Например, Бюффон в своей «Естественной истории» отмечает, что у самоедок «грудь такой длины, что дети могут взять сосок угольно-черного цвета прямо из-за плеча матери»²⁴².

Фортис два раза открыто сравнивал жителей Далмации с готтентотами. Сначала в главе о традициях и привычках морлаков он утверждал, что они в целом не умеют вести хозяйства. «Этой своей особенностью они напоминают готтентотов, и лишь только появится повод для веселой пирушки, как они легко съедают за неделю столько еды, сколько бы им хватило на несколько месяцев»²⁴³. Затем еще добавил, что на острове Раб люди ведут «жизнь, мало отличающуюся от жизни готтентотов»²⁴⁴.

Почти через сто лет английский генеральный консул в Дубровнике описал эту особенность более подробно: «Когда начинается праздник, они запекают свиней и птицу или забивают овцу; и едят до перенасыщения, и пьют до опьянения. Морлак в общем живет в нищете из-за своей развратности и ожидания даров с неба, однако, когда наступают его именины, хоть у него едва хватает хлеба на жизнь, ему нужно приготовить угощение с роскошностью и экстравагантностью Востока, а не с разумным гостеприимством Европы»²⁴⁵.

Я просмотрел сообщения путешественников XVII и XVIII веков о готтентотах. Олберт Дашпер, автор самого раннего описания из тех, что я нашел, записал, что замужние готтентотки имели необычайно большую грудь, «такую огромную, что свои груди, которые просто свисали и ничем не были прикрыты, они могли дать сосать ребенку, перекинув их через плечо, ведь детей они обычно носили за спиной»²⁴⁶. Подобные описания позднее давали и многие другие писатели²⁴⁷. Так, через два

года после публикации труда Даппера английский путешественник писал в своей книге об Африке: «У замужних женщин такие большие груди, что они могут перекидывать их назад через плечо, чтобы дать пососать своим детям, которых обычно носят за спиной»²⁴⁸. Еще через два столетия Густав Фрич, немецкий исследователь, изучавший анатомию готтентотов, выяснил, что готтентотки могли без проблем перекинуть свои груди через плечи и так кормили своих детей, которых носили за спиной, или же если сидели, то просовывали груди под мышку²⁴⁹. Образ готтентотки с необыкновенно большими грудями очень любили на Западе. 20 июня 1754 г. журнал «*Connoisseur*» опубликовал подробное описание такой женщины в «готтентотской повести» под экзотическим названием «*Tquassow and Knoninquaiha*». Ткуассу, сын Кквуссома, рассказывает, как «он появился именно в тот момент, когда взбесившийся зверь хотел схватить девушку, и выпустил отравленную стрелу ему в грудь, и тот упал замертво к ее ногам. Девушка бросилась на землю и посыпала пылью свою голову, чтобы выразить благодарность своему спасителю. Когда она встала, принц был поражен ее привлекательностью. Его потряс цвет ее кожи, которая блестела, как шерсть черного борова на Хессакуи, очаровал уплощенный хрящ ее носа, и глаза его с восхищением задержались на небрежной красоте ее грудей, свисавших до пупка».

Немецкий философ Готхольд Эфраим Лессинг позаботился о том, чтобы с повестью ознакомились и хорошо образованные читатели, поэтому он ее цитировал *in extenso** в своем эссе об эстетике²⁵⁰. Конечно, это была всего лишь конституция тела готтентотской женщины²⁵¹. Тогда почему она имела такое значение? В чем был ее смысл? Черный цвет кожи был антитезой европейских обычаев и европейского типа красоты, а архетипом чер-

* Дословно, целиком (лат.).

ного цвета, низшим образцом человеческой расы в длинной цепи ее созданий, был готтентот. Европейцы считали готтентотов самыми большими дикарями, ирокезы казались им красивыми по сравнению с ними²⁵². Ги Ташар писал: «Самая южная точка Африки отдалена от нас не меньше, чем ее обычаи отличны от наших»²⁵³.

Уже из того факта, что Фортис не был готов поверить в существование волосатой рыбы, поскольку не видел ее, но верил в необыкновенную величину грудей морлачек, хотя их не видел, можно сделать вывод, что речь идет не просто о величине груди, здесь скрыто нечто большее. Традиционно грудь считалась важным символом женственности²⁵⁴. Даже поверхностный просмотр описаний XVII и XVIII веков показывает, что груди необычайной величины были неотъемлемой, главной частью образа так называемых «дикароку». Эдвард Тайсон, отец современной анатомии, подробно описал пигмея в эссе, в котором он доказывал, что пигмеи античных авторов являлись видом обезьян, а не человеческой расы. Хотя пигмей, купленный им, был мужчиной, а сам он никогда не видел ни одной пигмейки, он не сомневался, что у них были такие большие груди, «что большей величины нет ни у одной женщины»²⁵⁵. В то время западный идеал женской красоты требовал, чтобы грудь была маленькой и высокой²⁵⁶. Тогда как груди турчанок были «полностью свободны под их жилетками, без какой-либо подпорки или корсета» и «совершенно такие, какими их сотворила природа», европейские женщины того времени носили «приспособления из железа или китового уса, чтобы исправить то, что им было дано природой»²⁵⁷.

Обычай, предписывавший женщинам носить утягивающую одежду, нисходит к XI или XII в., когда аристократки начали открывать округлости своего тела. В Европе в XIV в. корсет стал обязательным элементом одежды женщин из высших слоев²⁵⁸. В XVI и XVII веках в Испании на грудь молодых девушек в раннем подростковом

возрасте накладывали свинцовые пластины, поэтому у многих испанских дам грудная клетка на самом деле была вогнутой. Чрезмерное и нездоровое стягивание груди стало обычаем не только среди горожанок, но и среди крестьянок в некоторых областях Средней Европы. К примеру, в Верхней Швабии тесные одежды и корсеты привели к полной функциональной атрофии грудей, так что оставались лишь следы грудных сосков, и женщины не могли кормить грудью своих младенцев, что являлось причиной высокой смертности среди новорожденных²⁵⁹. Сходный обычай наблюдался и в Далмации, где у некоторых женщин был «странный каприз — они придавали своей груди плоский вид»²⁶⁰.

В четвертой книге своих «Путешествий в некоторые отдаленные страны света» Лемюзль Гулливер так описывает самок йэху: «Вымя их висело между передними лапами и часто, когда они ползли на четвереньках, почти касалось земли». Хотя Гулливер описывает йэху как самых отвратительных животных из всех, кого он видел во время своих путешествий, и пишет о них с величайшим отвращением, но все же они были людьми²⁶¹. Даже сама мысль о человеке как четвероногом существе кажется сейчас совершенной чуждой нам, но иначе было в XVIII в., когда Жан-Жак Руссо мог привести «много примеров четвероногих людей»²⁶², а Бюффон отмечал, что европейцы сравнивали негров с острова Гори и Капвердских островов с конями²⁶³. Если приглядеться поближе, то мы увидим, что йэху, эта «раса животных», очень похожи на морлаков Фортиса, тогда как гуигнгнмы подобны венецианцам. Если Гулливер считал, что «йэху, по видимому, не способны к обучению, как никакие другие животные, возможности которых никогда не превышали способности переносить или тащить тяжести»²⁶⁴, то, с другой стороны, «эти благородные гуигнгнмы естественным образом одарены общей предрасположенностью ко всем добродетелям, и основным правилом их жизни яв-

ляется совершенствование разума и полное подчинение его руководству»²⁶⁵. Или, как писал Бюффон:

«Самый глупый человек может управлять самым диким зверем; он подчиняет его и удерживает в соответствии со своей целью; и не столько за счет своей силы и ловкости, сколько благодаря возвышенному превосходству своей натуры и наличию разума, дающего ему возможность сформировать рациональную систему действий и методов для того, чтобы заставить зверя повиноваться себе»²⁶⁶.

Этот вопрос волновал ученых того времени и в несколько другом ключе, а именно: почему европейцы так сильны и без труда могут посещать Африку и Азию ради торговли и завоеваний, а азиаты и африканцы не могут завоевать их побережья, основать колонии в их портах и заставить местных князей уважать свои законы²⁶⁷. Абиссинскому принцу Расселасу его учитель Имлац говорил, что европейцы сильнее, поскольку они мудрее: «Знание всегда победит незнание, так же как человек подчиняет себе других животных»²⁶⁸. Если немного изменить постановку вопроса соответственно нашему примеру, он прозвучал бы так: «Почему морлаки не покорили Венецию и не присоединили ее к себе, хотя, как правило, о них сообщали, что они сильнее и мужественнее венецианцев?»²⁶⁹

Во многих отношениях поведение венецианцев определяла очень специфическая политика. Например, Паоло Сарпи предлагал в венецианском сенате сделать все для того, чтобы далматинцы оставались бедными и невежественными, дабы успешно держать их в зависимости, ведь «Королеве Адриатики» были нужны воины, а не ученые. Венецианцы прибегали к всевозможным хитростям, чтобы создать препоны для открытия школ, так что тем, кто хотел дать образование своим сыновьям, приходилось посылать их в Италию или довольствоваться тем обучением, которое предоставляло духовенство. Венецианцы надеялись, что им будет проще управлять областью, если народ останется невежественным и бедным. Они стреми-

лись лишить силы и богатых землевладельцев. Каждый раз, когда им удавалось вновь отвоевать занятые османами земли, те передавались в собственность государства, а не возвращались первоначальным владельцам²⁷⁰.

Создание расовых стереотипов и представлений о дикарстве имело ключевое значение для колониального мировоззрения. Так, первопроходцы, открывавшие и завоевывавшие новые страны, были не исследователями и захватчиками, а носителями культуры, осуществлявшими божью волю. Европейцы считали себя цивилизованными людьми и поэтому должны были в открытых, новых странах найти «варваров» (как они называли людей с другим образом жизни, другим мировоззрением или другими нормами и ценностями). Эмпирический метод, изобретенный как эффективное орудие преодоления предрассудков, превратился в свое зеркальное отражение. Развитие науки в эпоху Просвещения, привнесшее идею относительности, также способствовало возведению европейской культуры в ранг абсолюта, опиравшегося на доказуемые факты. Таким образом, прежние предрассудки на самом деле не были преодолены, но всего лишь приспособились к новому контексту «разума».

«Путешествия» Фортиса вызвали огромный интерес и внимание и оказали большое влияние на западноевропейские исследования регионов восточного побережья Адриатического моря. Его труд много раз переводился на другие языки и дал импульс возникновению нового направления в европейской художественной литературе. Однако, несмотря на это, Далмация оставалась «неизвестной романтической землей»²⁷¹. В XIX веке в австро-венгерской армии ее вообще воспринимали как «австрийскую Сибирь»²⁷² или «австрийскую Албанию»²⁷³, и путешественники по Далмации называли ее жителей «самым диким народом Европы»²⁷⁴. В начале XX в. их описали как «народ, который все еще счастливо примитивен, который все еще не стыдится своей колорит-

ности», а их родину как страну, «где люди находились в блаженном неведении относительно трех четвертей благ цивилизации»²⁷⁵. Так, некая итальянская дама поведала Г. Базрлейну, автору книги «Рождение Югославии», в связи с возникновением Югославии, что югославы «очень дикие и черные». И при этом «было видно, что ее красивые губки едва могли решиться выговорить это название»²⁷⁶. Итальянский антрополог времен Муссолини превзошел всех остальных, выставив фотографию Рудольфа Валентино как типичного представителя апулейской (pugliese) ветви средиземноморской расы²⁷⁷, а напротив нее разместив фотографии военнопленных, представляющие «типичных» сербов, черногорцев и других южных славян²⁷⁸.

Люди с хвостами

Кто поищет, тот может найти на Балканах не только дам с жирными пальцами, но и еще более необычных существ. Самые настойчивые нашли даже людей с хвостами. Наиболее подробно описал их Филип Торнтон, который совершил много путешествий по Балканам в 30-е годы XX в., каждый раз посещая несколько областей. Во время своих путешествий он встретил много интересных людей и обычаев, о которых тогда на Западе знали только из книг. Одним из более-менее необычных событий, случившихся во время его путешествий по Балканам, стала встреча с хвостатым человеком. Вот как он ее описал:

«Мы сидели, пили кофе, ели сладости и слушали турецких музыкантов, игравших в углу комнаты. Я заметил, что доктор [д-р Станислав Младович] постоянно озирался, внимательно рассматривал каждого нового гостя и шептался с официантом о каком-то Назире. “Может, мне и не удастся приготовить для Вас сюрприз, господин Торнтон, ведь не всегда получается так, как хочешь”. Сказав это, он внезапно вскочил, пересек комнату и скрылся на кухне, крикнув нам: “Подождите — я его видел!”

Я посмотрел на Хасановича, но он только молча покачал головой. Он не знал, в чем дело. Доктор снова появился в дверях и подал нам знак следовать за ним на кухню. “Вот человек с хвостом”, — победоносно заявил доктор и ласково положил руку на плечо симпатичного молодого албанца, который не выказал ни малейшего волнения по поводу этого поразительного разоблачения.

Вспоминаю, что когда-то слышал о клане гегов, живших близ Печа и известных тем, что у них рождались

хвостатые мужчины. То, что я сам увижу такого человека, казалось мне слишком фантастичным, и я улыбнулся очевидной шутке доктора. Однако оказалось, что это не шутка.

— Вы хотите сказать, что у этого мужчины есть хвост — настоящий хвост, как у кошки или собаки?

— Я не только видел и осмотрел хвост этого мужчины, я даже попрошу его позволить вам опупать его через одежду, — возбужденно ответил доктор.

Он поговорил с албанцем, который совсем не возражал против того, чтобы я положил руку на нижнюю часть его спины, где со смесью ужаса и удивления опупал твердую штуку, растущую из копчика, и она, как доктор и говорил, двигалась как палец.

— Теперь Вы убедились?

— Убедился, а может, меня околдовали, — ответил я»²⁷⁹.

Когда Торнтон вернулся домой и сел за письменный стол, чтобы запечатлеть это событие, он уже достаточно освободился от приятных чар задымленной балканской кофейни, и у него зародились некоторые сомнения, ведь он был просвещенным джентльменом. Вот как он продолжил свое описание:

«Месяцами я задавался вопросом, не было ли все это простым обманом, и люди, слышавшие об этой истории, смотрели на меня с презрительной насмешкой. Ясно, что я был пьян или стал жертвой галлюцинации. Однажды в грязном букинистическом книжном магазине в Эдинбурге мне попала старая книга, написанная немецким ученым по фамилии фон Хан. На странице 163 своих «Albanische Studien»* он рассказывает:

«Это верование — нечто большее, чем народное суеверие. Один из моих кавасов** в Янине утверждал, что

* «Албанские исследования» (нем.).

** Жандарм или полицейский в Турции.

в его краю нередко встречаются мужчины с таким хвостом, и что у него самого был хвостатый родственник, которого он в юные годы во время купания часто дергал за этот дар природы. Теодорис, человек, который вызывает на-много больше доверия, рассказывал мне, что у него в отряде несколько лет служил широкоплечий мужчина низкого роста и с очень светлой кожей, звали его Капетан Яннаки. Говорили, что у него есть хвост. Чтобы убедиться в этом, однажды, когда он заснул днем, на него набросилось шесть человек, поскольку он был очень силен. Теодорис тоже принимал участие в осмотре и четко помнит, что увидел хвост, похожий на хвост козы, длиной в четыре пальца, с внешней стороны покрытый короткими красными волосками”.

Меня радует, что герр Хан описал этот необычный *lusus naturae**; если над тобой кто-то насмехается, приятнее, когда есть человек, частично разделяющий с тобой насмешку»²⁸⁰.

В заключение рассказа о встрече с хвостатым человеком Торнтон пытается дать своему открытию рациональное объяснение. Он связывает его с розыгрышем в кафе или с пьяными галлюцинациями, так что читателю не совсем понятно, каково его мнение по поводу человеческого хвоста, описанного в рассказе об этом необычном происшествии в сараевской кофейне. Это был просто розыгрыш, или он действительно встретил человека с хвостом? История оставляет ощущение незавершенности, как будто автор испугался своего открытия, поскольку оно было так необычно, однако — по той же причине — не хотел отказаться от его описания. И почему он приводит слова Хана о том, что «это верование — нечто большее, чем народное суеверие»? Ведь на самом деле речь шла именно об этом?

* Игра природы (лат.).

|| Острова сатиров

Поскольку из описания Торнтона невозможно сделать определенного вывода о существовании хвостатых людей, имеет смысл посмотреть книгу Хана, на которую он ссылался. Иоганн Георг фон Хан был австрийским консулом в Восточной Греции и одним из лучших специалистов по албанской культуре и истории. О людях с хвостами он рассказывает в своей знаменитой книге «Албанские исследования», опубликованной в 1854 г., а именно в главе о народных преданиях албанцев и их героях. Он пишет, что существовало два вида хвостатых людей — одни с козьим хвостом и другие с маленьким лошадиным хвостом — и оба вида хвостатых мужчин славились тем, что были чрезвычайно сильны, коренасты и являлись отличными ходоками. Как упоминает фон Хан, «несколько лет назад» умер мужчина, который мог пройти за день удивительные расстояния, причем то обстоятельство, что ему приходилось время от времени придерживать свой хвост, чтобы не испачкать его, очевидно, не было для него помехой. Также он утверждает, что подобные люди жили не только в Южной Албании (в Северной они просто не были известны); часто они встречались также в Греции и Малой Азии. Например, говорили, что хвост был у пользовавшегося дурной славой разбойника Коутовунисиоса, родом из Лагкадии на Пелопоннесе. Из дальнейшего текста становится понятно, что фон Хан был убежден: в этих историях «что-то» есть. Он пишет: «Все мои попытки увидеть такого человека оказались напрасны, а все турецкие военные врачи считают это байкой, поскольку за все годы осмотра рекрутов из всех областей страны они ни разу не видели такой игры природы». И добавляет:

«Бюффон в своей “Естественной истории”, ссылаясь на ряд источников, упоминает, что хвостатые люди живут в Албании. Мне достаточно знать, что в южной Алба-

нии люди до сих пор безусловно верят в существование человеческих особей, подобных тем, которых часто изображало эллинское искусство. Однако о людях с лошадиным торсом или с козьими копытами я ничего не смог узнать в Албании».

По словам фон Хана, о существовании хвостатых людей говорилось в труде известного естествоиспытателя XVIII в., члена академий Парижа, Лондона и Берлина, Жоржа Луи Леклерка, барона де Бюффона — человека, которому поклонился в знак почтения даже Жан-Жак Руссо. В английском издании «Естественной истории» Бюффона имеется следующий отрывок о людях с хвостами:

«Стрейс утверждает, что на Формозе он действительно видел человека с хвостом длиной более фута и покрытым рыжеватой шерстью, очень похожей на воловью; и что этот человек его убеждал, что дефект наличия хвоста является следствием климата, поскольку в южной части острова у всех местных жителей именно такие хвосты.

Не знаю, можем ли мы полностью верить всему, что пишет Стрейс о жителях Формозы. Последнее утверждение кажется очень сомнительным или, по меньшей мере, преувеличенным и отличается от того, что рассказывали о людях с хвостами другие путешественники. Оно отличается даже от уже приведенного мною свидетельства Птолемея и от сведений из географических описаний Марко Поло, напечатанных в Париже в 1556 г. Из последних мы узнаем, что в королевстве Ламбрия живут горцы с хвостами длиной с ладонь. По-видимому, Стрейс ссылается на Марко Поло так же, как Джемелли Карери на Птолемея, хотя хвост, который он будто бы видел, сильно отличается своими размерами от хвостов негров в Маниле, жителей Ламбрии и всех других описанных краев»²⁸¹.

Учитывая все вышеприведенное, можно предположить, что известный естествоиспытатель и сам верил в существование людей с хвостами точно так же, как и другие естествоиспытатели XVIII в. Карл Линней, на-

пример, в своей «Системе природы» даже классифицировал их как отдельный вид:

«Хвостатый САТИР, с шерстью, бородатый, с телом, подобным человеческому, с выраженной жестикуляцией, очень хитрый, является видом обезьян, если его вообще кто-то когда-либо видел. «Хвостатые люди», о которых много говорят современные путешественники, относят к тому же виду»²⁸².

Описания людей с хвостами можно проследить, начиная с греческих и римских авторов. Например, по сведениям «Geografike hyfegesis» («Географического указателя») Клавдия Птолемея, три острова Сатиров были заселены людьми, о которых говорили, что они имеют хвосты, с которыми изображают сатиров. В конце XII в. появилось слово «caudatus»* — издевательское прозвище, намекающее на то, что англичане отличались от всех других людей наличием одной детали. Французы и шотландцы в течение столетий верили — или, во всяком случае, открыто заявляли, что верят — в то, что у англичан есть хвосты, а отсутствие последних является одним из знаков превосходства, отличающих людей от зверей²⁸³. Действительно, в середине XVI в. епископ Осория даже жаловался:

Сатир

* Хвостатый (лат.).

«Англичанин сейчас не может отправиться в другие страны для торговли или какого-либо иного почтенного дела без того, чтобы ему издевательски не бросили в лицо, что у всех англичан есть хвост»²⁸⁴.

Позже известный венецианский мореплаватель Марко Поло рассказал Западу о далеком королевстве Ламбрия, где живут «люди с хвостами длиною в пядь, похожими на собачьи, но только без шерсти»²⁸⁵. Поскольку его сведения впоследствии подтвердили и другие путешественники²⁸⁶ и поскольку кунсткамеры охотно приняли хвостатого человека, несмотря на его внешний вид²⁸⁷, близкие и далекие люди с хвостами породили многочисленное потомство, крепкое и здоровое. Сомнения относительно людей с хвостами появились лишь в конце XVIII в., когда каждый, кто узнавал о них, больше не мог поручиться, что они существуют на самом деле. Однако достоверность этих свидетельств еще не была опровергнута окончательно²⁸⁸. Только в XIX в. истории о хвостатых людях были категорически отвергнуты. «*Номо caudatus*» * тогда, возможно, и мог исчезнуть в туманном мраке прошлых времен, если бы некоторые путешественники не узнали от арабских торговцев белыми тканями и от разных африканских народов о ням-нямах, людях с хвостами²⁸⁹. Более того, Луи дю Куре, известный также под именем Хаджи Абдул Хамид-бей, утверждал, что собственными глазами видел ням-няма с хвостом в Мекке в 1842 г.²⁹⁰ Его книга, для которой Александр Дюма написал очерк о жизни автора, «такая богатая в своей очаровательной простоте, именно в самый нужный момент поставила маленький памятник, способствовавший его сохранению»²⁹¹. По словам Дюма, дю Куре пытался убедить Французскую академию наук, что в дальнем уголке Африки есть чудовища, представлявшие собой нечто среднее между обезьяной и человеком, поскольку

* Человек хвостатый (лат.).

у них был язык, как у людей, и хвост, как у обезьян²⁹². В 1863 г. по этому поводу высказался другой известный французский писатель — Жюль Верн. Он утверждал, что «сейчас уже известно, что эти хвосты были на шкурах животных, в которые одевались те люди»²⁹³. Но не все еще были убеждены. Через пять лет после выхода книги Верна доктор медицины Иоганн Пауль Гляйсберг опубликовал исследование, в котором утверждал, что «в Абиссинии недавно обнаружили расу хвостатых негров»²⁹⁴.

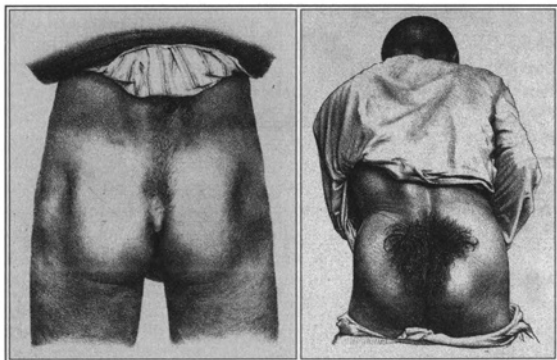
В конце XIX в. исследователи, добравшиеся до центра Африки, чтобы собственными глазами увидеть «голую правду

о голых людях», не смогли подтвердить сообщений о людях с хвостами²⁹⁵. Чарльз Шайе Лонг вообще отвергал их как «мифическую категорию» тех, «кто ударился в мюнхгаузенство и пытался привязать ням-ням хвостатый довесок»²⁹⁶. Однако то, что в Европе считалось правдой о неевропейцах, все еще не было в целом опровергнуто. Некоторые остались при своей вере в существование людей с хвостами, уверенные в достоверности доказа-

*Мужчина с хвостом
(Мекка, 1842 г.)*

тельств: «мы не можем не верить или даже сомневаться в этом, не отвергнув все рассказы людей и не решив верить только тому, что видели сами»²⁹⁷. Таким образом, хоть и тяжело раненные, люди с хвостами пережили удары, нанесенные им XIX веком. В 70-е годы XIX в. трудолюбивым членам Берлинского антропологического общества удалось собрать много фотографий «хвостатых существ»²⁹⁸. Британские ежедневные газеты 20 октября 1895 г. опубликовали известие о том, что один француз обнаружил в Африке хвостатого человека²⁹⁹. А в 1920 г. бывший *юзбаши** Императорской османской морской академии Х.Х. Джонсон обнародовал историю, которую слышал от «необыкновенно красивой *divorcée*». Она ему рассказала, что «будучи маленькой девочкой — не так

*Мужчины с хвостами
(фотографии Берлинского антропологического общества)*

* Сотник, глава отряда (тюрк.).

давно — она пошла с мамой в гости к семье, в которой была кормилица из племени ням-ням. В тот вечер они играли в прятки, и моей осведомительнице предложили на время спрятаться под простую юбку кормилицы. Она воспользовалась этим укрытием, но ее испугал хвост кормилицы, и она выползла наружу»³⁰⁰.

Поскольку его осведомительница была «слишком красива, чтобы врать», он несколько насмешливо добавил, что полностью ей верит, «тем более, что она только подтвердила то, что нам всем уже было известно о жителях центральной Африки»³⁰¹.

В чем же заключается правда об албанцах с хвостами: существовали ли они на самом деле или же речь шла просто об одном из вариантов старой традиции путешественников — купленные слухи продавать за факты?

В поисках ответа на эти вопросы остановимся сначала на книге «Die Albanesen und die Grossmächte»*, которую написал Владан Джорджевич, сербский политик (председатель правительства в 1897–1900 гг.), член Сербской академии наук и уважаемый писатель. В своей книге Джорджевич описал албанцев как кровожадных, недоразвитых существ, подобных животным, настолько невежественных, что они «не могут отличить сахара от снега». Эти «современные троглодиты» напоминали ему «пралюдей, которые спали на деревьях, обхватывая их своими хвостами». За прошедшие тысячелетия человеческий хвост отмер, однако «есть свидетельства, что среди албанцев люди с хвостами существовали вплоть до XIX в.»³⁰². Рассматривая эти (крайне резкие) утверждения, нужно понимать, что Джорджевич ничего из этого сам не придумал. Действительно, он просто переписал сведения о людях с хвостами из вышеприведенных книг, опубликованных консулом фон Ханом и редактором венской газеты Полем Зибертцем³⁰³.

* «Албанцы и великие державы» (нем.).

А сведения о том, что албанцы не отличают сахар от снега, привел в своей монографии о Старой Сербии и Албании Иван Ястребов. Он писал, что во время своего пребывания среди албанских племен часто встречал людей, принимавших сахар, которым подслащивали чай, за снег³⁰⁴. Тот факт, что Ястребов долгое время был русским консулом в Призрене и знал положение в этих краях в конце XIX в., придает его словам дополнительный вес. Однако достоверность его сведений ставят под сомнение путевые записки Г.А. Брауна, британского путешественника конца XIX в., который в Призрене встретил трех «европейцев» — русского консула, которого он именует «Астрабофф», австрийского вице-консула и австрийского посредника. Он записал, что консулы редко покидают свои дома и еще реже — пределы города³⁰⁵.

Когда Браун путешествовал по албанским горам, в каждом доме, где он останавливался, ему, в соответствии с албанским обычаем, предлагали кофе без сахара. Во время поездки по Мирдите в одном доме его экскурсовод Фран сказал хозяину, что Браун пьет кофе с сахаром. Поскольку сахара у хозяина в доме не было и тот сомневался, что он есть в доме, находящемся в 15 минутах ходьбы от него, то незамедлительно отправил посыльного искать сахар. «Примерно через полчаса посыльный вернулся, весь запорошенный снегом и дрожащий от холода, но с пригоршней крупного сахара»³⁰⁶. Когда они были в пути из Мирдиты в Лум, снегопад закончился. Фран помахал рукой покрытым снегом горам и воскликнул: «С Богом, с Богом, мирдитский сахар!»³⁰⁷

Наша история о людях с хвостами — не просто еще одна выдумка, это рассказ о том, как отдельные группы людей, народы или культуры воспринимают другие. Создавая мироустройство, люди определяют, какие конструкции лучше всего позволяют им осмыслить какое-то событие, одновременно они конкретизируют свой опыт и обобщают его для коммуникации с другими людьми,

и таким образом обеспечивают им некоторую длительность существования. Различные эпохи, различные общественные группы и индивидуумы в соответствии с различными ожиданиями и интересами опознают разные конструкты как подходящие для своих целей. Процесс конструирования — это процесс непрерывного осмысления мира, в котором отражаются религиозные, этические, политические и другие концепции, в свете которых интерпретируется и оценивается — что важно и что не важно, что имеет смысл и что его уже не имеет. Эти конструкты ничего не говорят нам о группах людей, которые описывают, но зато являются драгоценным источником сведений о сформировавшей их группе, ведь представления одной группы людей о другой, как правило, бывают зеркальным отражением их представлений о себе.

О чем свидетельствуют все эти хвостатые балканцы? Каким целям они служат и каким образом? Эти проблемы может немного прояснить следующий пример из моей книги «Non cogito ergo sum»*. Заключенные на Голлом острове и в других концентрационных лагерях для так называемых «агентов Информбюро», все еще находившиеся «под следствием», имели свой отличительный знак — хвост из старых тряпок, привязанных к их спинам. Длина хвоста обозначала, в чем их обвиняли. Чтобы хвосты выглядели как можно более натурально, иногда использовались настоящие — бычий, овечий или свиной хвост. Этих заклеяменных заключенных обзывали «хвостатыми»; уничижительное прозвище использовали и тогда, когда их дубинками гнали на работу или с работы³⁰⁸.

Из этого следует, что люди с хвостами были культурным конструктом, который представители властей использовали для того, чтобы низвести определенных индивидуумов до уровня животных: они были хорошими работниками, если их к тому принуждали, но без разума.

* «Я не мыслю, следовательно, я существую» (лат.).

Их «животная» натура, хоть и была явным культурным конструктом, вызывала стремление их исправить и цивилизовать, чтобы они опять стали людьми. Как мы видели, средством для достижения этой возвышенной цели была палка.

|| Сербское море

Наша история о людях с хвостами как конструкте расистов и шовинистов на этом еще не заканчивается. Она играет важную роль в книге социолога Петра Гая, вышедшей в 1993 г. Гай в своем исследовании о культивировании ненависти цитирует слова Владана Джорджевича, «сербского политика и специалиста по здоровью общества», чтобы показать, как расисты «десятилетиями <...> давали волю своему воображению»³⁰⁹. Но социолог Гай не принимает во внимание, что Джорджевич, которого он приводит в пример как экстремального расиста, не выдумывал этих историй сам. Более того, Гай явно не дал себе труда внимательно прочитать книги Джорджевича — даже его фамилию он не всегда пишет правильно, — и в то же время совершенно пренебрег тем фактом, что этой истории более 2000 лет, и хотя она была основана исключительно на слухах, но весьма успешно распаляла воображение людей. Игнорируя историю, за которой тянется такой длинный хвост, и указывая пальцем на Джорджевича, Гай не только присоединяется к его информаторам и их предшественникам, но и опровергает собственные аргументы.

Чтобы правильно понять, зачем Джорджевич снова записал старую историю — вопрос, которому Гай в своем исследовании не уделил ни малейшего внимания, — нужно знать, кто был его адресатом. Джорджевич был искусственным политиком и хорошо понимал, что его аргумент, пусть даже и такой сильный, не будет принят общественным мнением с благосклонностью, если он не возьмет

верную ноту. В том же году, когда он старался представить албанцев как современных троглодитов, он открыто самоопределился в качестве «благодарного ученика немецкой школы и друга моей дорогой Вень»³¹⁰ и пояснил, что «твердо верит в благородные принципы европейской политики»³¹¹. Так что ничего удивительного, если он рассчитывал, что аргументы, которые немецкоязычное общество уже сочло достойными доверия, окажутся достаточно сильными, чтобы убедить читателей в своей правоте.

Сербия стремилась получить выход к морю через Северную Албанию, поскольку далматинский берег был для нее закрыт. До 1878 г. сербы, приверженцы сербского национального дела, надеялись аннексировать области европейской Турции, заселенные многочисленной сербской диаспорой. Так, 16 сентября 1876 г. армия провозгласила сербского князя Милана «королем Сербии и Боснии»³¹². Присоединив к себе Косово и Боснию и Герцеговину, Сербия получила бы протяженную линию границы с Черногорией, и два сербских государства когда-нибудь могли бы объединиться и таким образом воплотить в жизнь мечту о Великой Сербии. Однако на Берлинском конгрессе 1878 г. европейские державы дали Австро-Венгрии мандат на оккупацию Боснии и Герцеговины, вследствие чего приход сербских сил на эту территорию означал бы войну с дуалистической монархией. Поэтому Сербия пыталась найти какой-нибудь другой путь для осуществления своего «справедливого требования» — получить собственный выход к морю³¹³. Стремясь присоединить к Сербии албанское побережье Адриатического моря, сербские шовинисты развязали пропагандистскую кампанию, направленную на воссоздание царства Душана³¹⁴. С этой целью они использовали как методы, так и идеологию европейского колониализма. Поскольку сербские планы совпадали с интересами Германии, канцлер Бисмарк, известный своим бесцеремонным пренебрежением фактами, которые его не устраивали, заявил на Берлин-

ском конгрессе, что албанского народа не существует³¹⁵. В соответствии с этой позицией западные корреспонденты в этой области сообщали, что албанцы — совершенно бескомпромиссный народ, не знающий милосердия и не ожидающий его от других, и даже «в больницах они кусают врачей, старающихся им помочь»³¹⁶. Когда британский путешественник спросил в Подгорице д-ра Фокса, который много лет жил в Сербии «настолько же близко к Албании, насколько обычный деловой человек живет близко к своему офису», что он знает об албанцах, тот объяснил, что албанцы — «отбросы Балкан, потомки разбойников, которых выгнали из других балканских стран; моральные и физические уроды»³¹⁷.

Говорили, что албанцы якобы не достойны иметь свое государство, что они враждебно относятся ко всем формам правления и не способны управлять своими делами³¹⁸. Этот аргумент впервые использовали Австро-Венгрия и Германия в противовес британскому предложению установить независимое государство Албанию, выдвинутому в 1880 г. Премьер-министр Сербии Никола Пашич, например, утверждал, что «настаивать на требовании создания автономной Албании не было бы ни в интересах албанцев, ни в интересах Европы, ведь албанцы и не готовы к ней, и не достойны ее; у них самих нет людей, которые могли бы управлять страной. Автономная Албания постоянно давала бы повод к беспорядкам на Балканах»³¹⁹. В этом контексте Джорджевич вновь написал историю о хвостатых людях, причем использовал «аргументы», в основном позаимствованные у австрийских авторов, чтобы доказать неспособность албанцев к самоуправлению. Он опубликовал ее на сербском и немецком языках, чтобы она стала доступна западным читателям.

Балканские государственные мужи из опыта европейских великих держав усвоили, что нет ничего эффективнее помощи самому себе, что *fait accompli** имеет

* Свершившийся факт (фр.).

большую ценность, чем разумный аргумент³²⁰. Поэтому в декабре 1912 г. сербские вооруженные силы при первой же возможности оккупировали порт в Драче* в Северной Албании:

«Когда с горных вершин воины увидели море, все ощутили торжественность этого момента в истории своего народа. Врата национальной свободы распахнулись перед ними. Перед ними было открытое море, благодаря которому Сербия могла бы беспрепятственно включиться в мировую торговлю и цивилизацию. Они образцово маршировали до берега в Драче. Они установили в море сербский трехцветный флаг, и когда красное, синее и белое затрепетало на ветру, раздался троекратный клич “Да здравствует сербское море!”»³²¹.

Однако попытка сербов игнорировать албанцев, а также представить Скадар, Драч и равнину в его окрестности как славянские земли на основании того, что там какое-то время правили сербские цари, не увенчалась успехом. Не удалось это главным образом из-за того, что Австро-Венгрия защищала собственные интересы, а не какую-то любовь Европы к исторической правде: Австро-Венгрия просто не хотела дать Сербии возможность получить выход к морю³²². Поэтому Сербия была вынуждена отозвать свои войска из Северной Албании, а ее «аргументы» были отвергнуты. Ей пришлось пережить и то, что некоторые западные «специалисты» заклеили сербских авторов как «экстремальных националистов», хотя на самом деле их вина была лишь в том, что они страстно стремились доказать: сербы «настоящие европейцы» — и представить их в этом качестве миру.

* Совр. Дуррес.

Очи, || которые не видят ||

В странах, некогда являвшихся частью Османской империи, на фресках и иконах в православных церквях можно увидеть изображения святых с выколотыми глазами. Об этом явлении неоднократно сообщали путешественники по Балканам в XIX и начале XX вв., среди них и такие хорошо осведомленные авторы, как, например, французский генеральный консул при дворе визиря Эпира Али-паши³²³, первый русский консул в Сараеве³²⁴, англиканский священник³²⁵, русский консул в Призрене³²⁶, русский археолог³²⁷, австрийский археолог³²⁸ и многочисленные британские путешественники³²⁹. Во всех случаях вина за это возлагалась на турок или албанцев, то есть мусульман, из-за их иконоборчества и/или варварства. На первый взгляд речь идет о характерном балканском явлении, вызывающем у читателя удивление и возмущение:

«Образы святых, изображенных на многих фресках, осквернили турки, которые стреляли в них из пистолетов или даже старались выколоть им глаза.

Нанесение подобного повреждения указывает на злоумышление и намеренное оскорбление, разозлившее сербов еще более, чем если бы их полностью уничтожили, что вполне могло произойти в неразберихе и огне битвы. Кроме того, оскверненные лики остаются на стенах церквей, и об их повреждениях невозможно забыть никогда; и когда верующие поднимают к ним взоры, кажется, что их изуродованные лики непрестанно вызывают к отпущению. В Княжестве Сербии, где восстановили несколько разрушенных церквей, эти ослепленные иконы не реставрировали. Один старый епископ сказал нам: «Нам они все

еще нужны — это архивы многих столетий гнета, от которых наш народ не должен отводить глаз до тех пор, пока нога угнетателя еще попирает сербскую землю»³³⁰.

|| Очи принцессы Симониды

Этот феномен сербы использовали в 80-е годы XX в. в пропагандистской войне против косовских албанцев. В июле 1989 г. белградский журнал «Дуга», выходивший дважды в месяц, выпустил специальный номер, на титульном листе которого было помещено изображение Симониды из Грачаницы вместе со стихотворением, написанным в начале XX в. бывшим сербским консулом в Приштине Миланом Ракичем. Ракич посвятил стихотворение фреске византийской принцессы Симониды в монастыре Грачаница близ города Приштина в Косово:

*«Вывали очи твои, о прекрасная фреска!
Вечером неким, на каменной плитке,
Зная, что в миг тот его не увидят,
Выколол очи ножом ей албанец!»*

Если на первый взгляд кажется, что с этим феноменом все совершенно ясно и просто, более пристальное наблюдение выявляет скрытую методологическую проблему: как предрассудки и склонности очевидца влияют на различия между тем, что он видит, и тем, что ему «кажется», то есть тем, что он осознает.

По словам Ричарда Бертона, ослепление на Востоке было общей практикой, особенно по отношению к младшим принцам, не являвшимся наследниками. Приблизительно в то же время в Западной Европе совершали эту операцию раскаленной металлической чашей — это хорошо известная «basinage» (как ее назвал Ариосто), к которой прибегнул Пьетро делла Винья³³¹. Мауро Орбини из Дубровника привел много примеров этого наказания, каждый раз применявшегося по отношению к тем,

кто мог бы стать серьезным претендентом на престол, если бы сохранил все свои способности³³². Иногда ослепленного человека еще и кастрировали³³³. Как известно из албанских устных преданий, известный законодатель Лека Дукагини ослепил своих братьев Пала и Кока³³⁴. Международная комиссия по расследованию причин и ведения Балканских войн 1912 и 1913 годов приводит фрагмент из письма одного греческого воина, в котором зафиксировано, что живым людям выкалывали глаза даже в начале XX века³³⁵.

Согласно устному преданию о руинах замка Звечан, записанному британской путешественницей, в 1336 г. там был задушен король Стефан Дечанский, сын Милутина, основателя монастыря Грачаницы. Стефан был старшим сыном Милутина, однако молодая византийская принцесса, его вторая жена, родила ему другого сына и путем интриг хотела сделать его наследником. Началась междоусобица, Стефана захватили в плен, и мачеха убедила мужа заточить его в тюрьму и, чтобы довести дело до конца, велела ослепить его там каленым железом. Через много лет распространился слух, что он чудесным образом излечился и снова стал зрячим. Он взошел на престол, восхваляемый за свою набожность, и построил много церквей, среди них церковь из белого и розового мрамора в Дечанах, славящуюся своей красотой³³⁶. Ослепление соперника в борьбе за престол означало в то время его дисквалификацию: кто терял зрение, тот терял также и способность править, ведь правитель «видел больше», нежели его подданные; в стране слепых король одноглазый. Во многих культурах око является символом интеллектуальной зоркости: око знает, поскольку видит³³⁷. По словам, которые Орбини приписывает королю Асеню, рассказ очевидца заслуживает больше доверия, чем рассказ десятерых о том, что они слышали, ведь тот, кто видел, опирается на собственный опыт, а не на рассказы других³³⁸.

Так что иконы святых, у которых «турки» (неверующие) якобы выковыривали глаза, должны были указывать на их слабость и бесполезность, на их дисквалификацию. Во всех примерах, приведенных Орбини, человек, наказанный таким способом, был мужского пола. Липать глаз женщинам не имело смысла, ведь в патриархальном обществе женщина как правительница была дисквалифицирована уже из-за своего пола. Покушение на ее достоинство было направлено на другие части ее тела, на грудь и/или детородные органы³³⁹.

Также вызывает вопрос и определение времени действия, так как «однажды вечером, когда злоумышленник знал, что его никто не видит» — это просто квалификация действия как злодеяния. Как говорится в английской пословице, «ночь скрывает грешников». Такая квалификация деяния просто дополнительно подкрепляет теорию о мусульманском иконоборчестве как причине вандализма. Если бы истинный мотив действия заключался в этом, виновник бы не скрывался: доказательство бессилия идолов требует присутствия публики³⁴⁰.

Великий визирь Синан-паша, например, велел перевезти труп сербского национального святого, св. Саввы, из монастыря Милешево «в Герцеговине» во Врачар близ Белграда, где по его приказу он был публично сожжен на костре 9 мая 1594 г.

Сообщения об иконах с выковырянными глазами, как правило, не содержат подробностей о причинах и времени совершенного вандализма. Австрийский археолог и путешественник Феликс Каниц, правда, упоминает, что монастырь Суводол в Сербии был «ареной битвы между сербами и турками. Турки ограбили монастырь и выплеснули свою злость на не слишком значительные фрески в тамошней церкви, выколов святым глаза остриями своих кинжалов»³⁴¹. Однако, как сообщается в примечании редакции к сербскому переводу его сочинения, «в исторических источниках не упоминается о битве у монастыря Суводол в 1810 г.»³⁴².

Православные монастыри и особенно находящиеся в них фрески считаются символом сербской культуры, а надругательство над ними — варварским поступком. Варварство преступника будто бы выражалось в том, что он ножом (символом насилия) *mala fide** осквернил «красивую икону» (символ культуры). Впрочем, и эта интерпретация не объясняет рассматриваемого явления в целом: исследование сакральных объектов прежде всего как памятников культуры стало иметь смысл лишь в контексте, который определил Ницше, провозгласив смерть Бога, ведь внутри него произведения искусства потеряли свое прежнее священное содержание. Мы больше не верим в их чудесную силу и не встаем перед ними на колени, ведь они представляют собой лишь источник эстетического удовольствия: «Статуи сейчас — трупы из камня, покинутые оживлявшей их душой; молитвы, их прославляющие, лишь слова, лишенные веры»³⁴³. Или, цитируя английского путешественника, посетившего в 1837 г. православный монастырь на горе Атос:

«Трудно понять, что кто-то даже в те дремучие века мог быть таким легковерным, что смотрел на эти старомодные и абсурдные иконы с чувством религиозного поклонения; но некоторые из монахов со Святой горы делают это и сейчас, и они очень негодовали, видя, что я смеюсь»³⁴⁴.

|| Муки ада, || о которых не знал Данте

В XIX веке на Балканах не было дорог в западном понимании этого слова, и когда путешественники добирались до Земуна на австрийской границе, они оказывались «на краю перемещающейся на колесах Европы»³⁴⁵. В Османской империи вплоть до конца XVIII в. экипажи почти не использовались. В Стамбуле и в некоторых других мес-

* Нечестно (лат.).

тах обычно пользовались одним из видов повозок, на которых главным образом путешествовали женщины. В этой обширной империи все товары для торговли столетиями грузили на коней, мулов или верблюдов³⁴⁶. Дороги были «Божьим делом», и это означало, что «человеку не было нужды заботиться о них» — почти до конца XIX в.³⁴⁷ Или, как жаловался английский путешественник по Албании: «Данте добавил бы в Ад еще одну муку, если бы когда-нибудь оказался на большой и старой, мощенной булыжником, дороге, на каждой стороне которой по три фута воды и по два фута грязи, в то время, когда наступила ночь, и ему предстояло бы проехать еще три мили пути»³⁴⁸.

Культура использования колесного транспорта начала проникать в славянские земли европейской Турции лишь во второй половине XIX в. Тогда в Сараеве было всего две кареты, одна находилась в собственности боснийского ви-зиря, другая — австрийского консула. Однако держали они их только для того, чтобы подчеркнуть свой авторитет и престиж. Когда они ехали по городу, то были вынуждены выходить из экипажа и идти пешком, пока не удастся преодолеть ту или иную преграду. За пределами города можно было проехать лишь по одной колее не более одного часа³⁴⁹. С такими дорогами «свет разума» мог распространяться только со скоростью улитки. И потому жители Запада, посещавшие Турцию, даже в первой половине XX в. сталкивались с примерами крайней суеверности.

Главной причиной неискоренимости суеверий была слабая образованность православных священников — прямое следствие способа отбора людей для церковной службы. На выборы цариградского патриарха уходили тысячи дукатов: половина — для османских властей, половина — для пашей и евнухов. Чтобы собрать достаточное количество средств, аристократические семьи из Фанара учреждали своего рода акционерные общества. «Это способствовало тому, что бакшиш возвращался с процентами. Как? Система была единой. Епископства

торговали на аукционах, попы возмещали владыкам расходы, а те уже получали компенсацию от всего верующего люда»³⁵⁰. При посвящении в сан священника спрашивали не о том, что он знает, а скорее о том, сколько денег он может предложить³⁵¹. Этот обычай закрепился еще в XVII в.³⁵², а различные должности продавались даже в начале XX в.³⁵³ Попы должны были платить епископу, епископы — прелатам, а те — патриарху. Чтобы собрать средства для удовлетворения всех этих желаний и требований, часто прибегали к обману. Распространялись абсурдные рассказы о чудесах, которые якобы произошли в одном из известных храмов, о неожиданном явлении Пречистой Девы или святых и ангелов, о болезнях, вылеченных с помощью силы реликвий, об удивительных свойствах различных оберегов, о необходимости совершения паломничества к тому или иному святому месту, поскольку все это воспринималось как легитимный источник получения доходов для духовенства³⁵⁴.

Болезнь хотя и не считалась божьим наказанием, но за исцелением верующие обращались прежде всего к Нему — первопричине добра и зла³⁵⁵. Больные отправлялись в паломничества к монастырям, руинам старинных церквей или к источникам, обладающим, по их мнению, целебной силой, и делали щедрые дары священникам, чтобы те за них помолились. Это продолжалось и в XX в. Каниц писал, как в монастыре Суводол чуть не наступил на девушку, в беспамятстве лежавшую у входа. Мать привела ее туда, «чтобы монах изгнал из нее мучившего ее беса»³⁵⁶.

В конце XIX в. один викарий поведал путешественникам Джорджине Маккензи и Аделине Ирби, что мусульмане, заболев, часто просят священников помолиться за них «колдовскими словами». Он рассказал, как однажды к нему пришел ходжа и попросил его покадить над ним и дать ему благословение в качестве лекарства от некой болезни. Священник ответил, что благословение ему не поможет, потому что у ходжи нет веры. «Ну

и что, — громко запротестовал ходжа, — ты только благослови меня; больше или меньше у меня веры, повредить мне это не может». Священник от всего сердца посмеялся над его «глупостью», однако эта история вызвала у путешественниц «несколько странное ощущение, что он сделал акцент только на отсутствии веры, вместо того чтобы прямо сказать, что ни его благословение, ни каждение не помогут вылечиться от болезней»³⁵⁷.

Если сообщения о ликах с поврежденными глазами не дают точных сведений относительно причин и времени их осквернения, то связь между церквями, в которых путешественники видели эти фрески, и сверхъестественным излечением намного более очевидна. Венецианский дипломат и путешественник первой половины XVI в. Б. Рамберти писал, что не только христиане, но также мусульмане и евреи шли за исцелением в монастырь Милешево в Герцеговине³⁵⁸. Рассказ консула Гильфердинга, который во время своего посещения монастыря Милешево видел паломников-мусульман, и мужчин и женщин, подтверждает, что эта практика продолжалась до середины XIX в.³⁵⁹

В медицине большую роль играли порошки — до того, как их вытеснили таблетки³⁶⁰. Особенно ценились порошки, полученные в святых местах. Как писал Э. Цељеби, в Стамбуле было восемьдесят врачей, специализировавшихся на лечении глазных болезней.

«Их древнейшей покровительницей считалась еврейка времен Моисея, та самая, к которой Бог надоумил Моисея обратиться за лекарством для его воспаленных глаз. Женщина взяла пыль из-под правого глаза самого Моисея и насыпала ее ему в глаз, чем и вылечила. Двести лет она занималась лечением глаз. Покровитель глазных врачей во времена Пророка, над которым насмехался Салман аль-Фариси из Персии, похоронен в Исфгане, а пыль с его гробницы считается специальным лекарством для воспаленных глаз»³⁶¹.

Согласно сведениям, собранным Вейсилом Чурчи-чем³⁶² в первой половине XX в., в Боснии и Герцеговине было «необычайно много случаев, когда люди стряхивали пыль с различных памятников и использовали ее для оздоровления, причем это касалось даже статуй языческих времен». Чурчич пишет, что эта практика применялась прежде всего в тех областях, где преобладало мусульманское население, в то время как в некоторых католических областях от нее уже отошли и народ ничего о ней не знал, «что, вероятно, было следствием влияния католических священников».

Книжка рецептов под названием «Домашний лекарь», которую в 1868 г. написал фра Николич из Широки-Брига в Боснии и Герцеговине, приводит под номером 66 следующее лекарство для «больных глаз»:

«Если у тебя глазная болезнь, возьми три каранфана белого камня (*vitriola-pulveres senci depurati*), возьми литр воды, и кинь в нее порошка из него пять раз на кончике ножа, и помешай или взболтай, возьми чистую тряпку, примотай ее на глаз, смочив этой водой, и делай примочки три раза в день, тогда выздоровеешь»³⁶³.

В этих указаниях Николича нет подробных объяснений, откуда взять необходимый белый камень; само собой разумеется, что более эффективной пылью считалась та, которую для этих целей взяли в святых местах, с надгробий и реликвий³⁶⁴. Особенно большую целительную силу народная медицина на Балканах приписывала писаным изображениям святых³⁶⁵. «Люди приписывали фрескам и иконам чудесную целебную силу. Часть специфических повреждений, видных на фресках в нижнем ряду, является следствием этого суеверия. Слепые соскабливали краску и штукатурку с очей писаных икон святых, хромы с ног, искалеченные с рук и т. д.»³⁶⁶.

Более образованные католические священники действительно во многом способствовали исчезновению этого обычая, впрочем, я полагаю, что он до сих пор не совсем ис-

чез. Не только простой народ, но и представители местной интеллигенции ходили к польской знахарке из Калисаца, которая советовала использовать порошок, соскобленный с церкви, как лекарство от эпилепсии еще в начале XX в.³⁶⁷ В Добрепольской долине в первой половине XX в. традиционным лекарством от эпилепсии у маленьких детей была щепотка стружек со спины статуи св. Валентина в местной церкви. Матери, которые верили в целительную силу статуи, просили священника настрогать для их детей немного деревянных щепочек со статуи, так что его статую в церкви Св. Флориана в Поникве уже «вся изрезана»³⁶⁸.

Сведения, собранные Оскаром Колбергом и Антоном Мркуном, важны для нас, поскольку собраны в областях, до которых «турки» не добрались, и еще в большей степени потому, что из них мы узнаем, откуда люди добывали этот порошок: с помощью служителя церкви, ведь рука простого человека не смела дотронуться до того, что считалось святым. Для того чтобы совершить такое, нужен был посредник, обладавший необходимыми полномочиями или знанием, с помощью которых он мог нейтрализовать возможные опасности. Эту функцию сначала выполняли священники, когда же они стали отказываться и даже осуждали такие поступки как суеверные и реакционные, люди при нужде стали обращаться к церковникам, у которых колебаний было меньше. Археолог Кондаков сообщал, что в церкви Св. Николая Чудотворца в Солуне нашел много фресок, жертв турецкого вандализма, которые «еще более страдают от столь же варварского обхождения нищенского клира»³⁶⁹.

|| Материальная основа || суеверия

Хорошо известно, что небрежное обращение со святынями может представлять опасность, и некоторые приносят любопытные истории о том, к каким последствиям

оно может привести. Так, две англичанки передали историю, услышанную ими во время посещения монастыря в Дечанах. Когда мусульмане решили перестроить церковь в мечеть и их ходжа склонился перед ее воротами и молился, на него упала статуя чудовища и раздробила ему голову, и «таким образом неверным был дан урок, который они помнят до сих пор»³⁷⁰. Рассказы о том, что произошло с тем или иным человеком, который пытался нанести вред какой-нибудь церкви или ограбить ее, были очень популярны. Один из самых ранних записал французский «путешественник» Ла Гиллетьер в 1675 г. Предположительно во время посещения мечети в Акрополе янычар показал ему икону Девы Марии, которой турок прострелил глаз мушкетной пулей. Такие истории помнили и мусульмане, и христиане. Мусульмане, которые «любили преувеличивать», рассказали ему, что за осквернение святыни чудесным образом последовало возмездие: пуля срикошетила в преступника и попала ему в голову. Христиане, рассказ которых казался французу заслуживающим большего доверия, говорили только, что у злодея немедленно отсохла рука и с тех пор он не мог ею пользоваться³⁷¹. Похожую историю по прошествии более двухсот лет записал Ф. Каниц. По его версии, разбойник Арнаут выстрелил в икону победителя змея и крикнул присутствующим: «Посмотрите, как я убью святого Георгия!» — после чего пуля отлетела от стены и попала ему в лоб³⁷².

Такие истории наверняка распространяли православные священники «ради своей выгоды». То, что они умели их использовать себе во благо, хорошо показывает в своем труде Гильфердинг. Он пишет, что албанское население в окрестностях монастыря Св. Марка на Косовом поле верило, что кража какой-либо собственности монастыря или другое его осквернение повлечет за собой суровое наказание — виновника неизбежно постигнет безумие³⁷³. Вера в святость всего, что являлось собствен-

ностью церкви, была настолько сильна, что повсюду в Албании вокруг запущенных церквей были густые заросли, «поскольку мусульмане из суеверия остерегались даже рубить около них деревья»³⁷⁴. Вера в это была распространена во всей Османской империи, и редко можно было «встретить какого-нибудь несчастного турка, который не был бы уверен, что христианские церкви обладают чудотворной силой, что, вероятно, в значительной степени способствовало их сохранности»³⁷⁵.

Это не означает, что мусульмане не наносили никакого вреда христианским объектам: если бы действительно так было, то не появились бы истории, подобные той, которую записал Бернард Рэндольф. Во время своего пребывания на Пелопоннесе в 80-х годах XVII в. он слышал, что местный папа взял из местного монастыря икону Девы Марии, известной как «La Madonna Spiglia», и публично сжег ее:

«Там была одна икона Девы Марии, сотворившая много чудес; и каждый год отовсюду собиралось множество греков, чтобы поклониться ей. Когда об этом услышал папа Пелопоннеса, он пошел туда, чтобы посмотреть на святыню; священникам он сказал, что хочет увидеть какое-нибудь чудо; когда ему рассказали, что она много их сотворила, папа приказал одному из своих мужей принести другую икону из какого-нибудь дома. И когда это было исполнено, он спросил священников, в чем разница между обеими иконами; они ответили, что икона из церкви — самая большая святыня. Тогда папа приказал разжечь костер и бросить в него обе иконы, говоря, что будет почитать ту, которой огонь не повредит; однако обе они сгорели, и папа посмеялся над суеверием и ушел своей дорогой»³⁷⁶.

Такие поступки противоречили исламскому духу толерантности, они являются скорее исключением, чем правилом. Это хорошо осознавали даже те, кто использовал случаи реальных осквернений христианских сакральных

объектов как средство антитурецкой пропаганды. Было общеизвестно, что большинство болгарских владык (если не все они) и их светских секретарей более или менее непосредственно и добровольно принимали участие в повстанческой деятельности Македонского комитета. Османь очень хорошо знали это, но осмелились только на время посадить епископа под домашний арест, и сделано это было в почтительной форме³⁷⁷. Когда русский военный корреспондент Лев Троцкий во время Балканских войн проезжал в Македонии от Тетово до Велеса, он увидел край, «превратившийся в пустыню». Османь сожгли все деревни в окрестностях Кичево, которые он посещал: посреди пепла лишь церкви устремлялись ввысь.

«Турки, как правило, не трогают церкви — церкви, священников и женщин. Два чиновника из нашего бывшего консульства в Скопье рассказали мне очень любопытную историю. Когда наше правительство вооружало комитаджиев в Старой Сербии, пистолеты и патроны оно посылало в консульство, а то их передавало священникам и женщинам — и почти все оружие достигло своей цели. Турки не обыскивают женщин и священников — так же как албанских качаков, или отуреченных сербов (эти — наихудшие), и истинных османов, то есть турок. Несомненно, в них есть некое рыцарство»³⁷⁸.

Сакральные объекты, которые кто-то осквернил и не был за это наказан, как правило теряли свое прежнее значение. Несмотря на это, путешественники сообщают о твердой вере в сверхъестественную силу фресок с выковырянными глазами. Сообщение о злой судьбе, постигшей виновника, было бы непременной частью истории в том случае, если бы осквернения совершались непосвященными. Отсутствие этого элемента само по себе является подтверждением двух моментов: первый, что эти поступки не замышлялись как осквернение, и второй, что их совершали люди, обладавшие необходимыми полномочиями и знанием, то есть сами православные свя-

щенники (которые таким образом получали сильнодействующее «лекарство»).

Если бы путешественники собрали воедино отдельные элементы истории об ослепленных иконах, стало бы ясно, что обвинение в «турецком» иконоборчестве и/или варварстве является просто конструктом. Однако западные путешественники не задавались такими вопросами. Исключением была Грейс Эллисон:

«В Южной Сербии мне повсюду показывали прекрасные фрески без глаз, “злодеяние варвара-турка”, как объясняли мне экскурсоводы. Но я не могла в это поверить. Я бы еще могла понять, если бы турок разрушил статуи (это сделал даже и Кромвель), если бы он вылил ушат гипса или цемента на красивые фрески; но чтобы он взобрался на высоту 7000 футов и маленьким ножичком аккуратно вырезал глаза святым на фресках в монастырях, просто невозможно. Он слишком ленив для этого!

Я верю, что истинным объяснением является то, что дал мне один монах из этих монастырей. Глаза выкололи, сказал он мне, сами сербы, как лекарство от болезней глаз. Они выковыривали глаза святых, толкли их в порошок и размешивали в воде, и получалось удивительное целебное средство, когда эту воду нанесли на глаза. Вот какова оздоровительная сила веры!»³⁷⁹

Мои полевые исследования полностью подтверждают ее теорию. Когда в марте 1991 г. я посетил Високи-Дечани, то спросил монаха, что случилось с очами многих фресок в церкви. Он объяснил, что их выкололи, поскольку «кто-то хотел повредить их». На мой вопрос, почему «кто-то» выковыривал только глаза, хотя они находились на высоте 4 или 5 метров от пола и до них было трудно добраться, и не тронул ни одного носа или уха, он сказал, что некоторые ведь верят, что это лекарство от болезней глаз.

История о «турецком варварстве» была просто составной частью стремления балканцев к самоопределению

в качестве европейцев, то есть цивилизованных людей. Они хотели стать более современными, поэтому старались вскочить в западный поезд с твердым намерением никогда не возвращаться на Восток, ставший для них синонимом отсталости, вчерашнего дня. На свою родину они хотели смотреть глазами востоковедов, а не жителей Востока, как исследователи и критики Востока, а не как его часть. В такой извращенной перспективе «турки» им были нужны для объяснения и оправдания всех балканских недостатков, и их обвиняли даже тогда, когда теряли зонтики, а уж в осквернениях и повреждениях церквей тем более³⁸⁰.

Неудивительно, что церкви и монастыри в Сербии, Греции и других местах стали главной сценой этой психодрамы. Британский путешественник сообщал: «В каждой церкви и монастырской капелле в Сербии ваш экскурсовод с гордостью указывает на следы турецкого вандализма: тут на фреске выколоты глаза, там повреждения из-за выпущенного заряда, в другом месте снова общее разорение или осквернение»³⁸¹.

Множество подобных историй можно было услышать повсюду на Балканах, и западные слушатели очень редко воспринимали их с недоверием. Вот один из таких примеров:

«В другом месте я рассказал выдуманную историю, в правдивость которой, впрочем, многие верили, о греческих раненых, которых заживо сожгли в церкви в Ризомилоу в пятницу, тридцатого. Это была чистая ложь. В церкви не было ни одного раненого, и священное здание стоит на своем месте в целости и сохранности, внутри есть лишь несколько небольших повреждений. Алтарь был опрокинут, и около двадцати икон с изображениями святых снято. Очень вероятно, что это сделали греческие повстанческие отряды, чтобы спровоцировать гнев, ведь турецкие солдаты относились к церквям с большим уважением»³⁸².

Многие из этих историй являлись вымыслом и были придуманы для разоблачения «турецкого варварства». Если тот или иной факт противоречил этому, в распоряжении всегда оставалось «прокрустово ложе», в которое его следовало впихнуть. Православный священник, написавший книгу о сербах в Бачке, между прочим утверждает, что известный народный поэт времен сербского восстания Филип Вишнич был слеп, так как турки выкололи ему глаза, хотя сам Вишнич рассказал Вуку Караджичу, что потерял зрение в детстве из-за болезни³⁸³.

Нужно учитывать, хоть это и странно, что западные путешественники принимали эти истории безоговорочно, вопреки всей их противоречивости. Они отправлялись в дальние края, чтобы увидеть неизвестные страны, а когда приезжали в них, то часто не обращали внимания на то, что было перед ними, поскольку были готовы «видеть» только то, что предполагали увидеть. В нашем примере они закрывали глаза на противоречивость историй об ослепленных очах, чтобы не быть вынужденными признать факты, которые могли поставить под сомнение их веру в бесспорное общее превосходство христианства над исламом. Лишь после падения коммунистической системы «козел отпущения» сменил имя. Когда в ноябре 2000 г. я спросил монаха в монастыре Св. Йована Бигорского в Македонии, кто выколол очи святым на монастырских иконах, он кратко ответил: «Коммунисты».

Романтический шарм свободы ||

Эпоха романтизма сыграла важную роль в развитии антропологии, поскольку в это время усилился интерес к древним сообществам, культурам и языкам, обычаям и образу жизни неизвестных, далеких народов. Жажда личной свободы, освобождения от ограничений социальной и материальной действительности вела романтиков к открытию неизвестных стран и древних времен, когда, казалось, люди жили мирно и счастливо в мире, еще не испорченном цивилизацией. В эпоху романтизма внимание Запада привлекла Черногория, которая начиная со второй половины XV в. одна-единственная «как гора Арарат, вздымалась над всемирным потоком исламизма»³⁸⁴. Ее скалистые горы являлись не только неприступными крепостями для защиты местного населения, они представляли безопасное убежище и преследуемым христианам из соседних стран; в неприступных и мрачных горах давали ростки надежда и стремление к освобождению Балкан³⁸⁵. Однако, с другой стороны, эти же самые горы, зажатые между Турцией и Австро-Венгрией, представляли собой непреодолимую преграду распространению цивилизации. Таким образом, Черногория была отрезана от Европы, «от западного образования и искусства, но также и от западных болезней, слабости тела и души; о сифилисе здесь ничего не знали»³⁸⁶.

|| Вымышленный роман или реальная история

Западные путешественники, посещавшие это миниатюрное горное княжество, с трех сторон окруженное

османскими провинциями, восхищались постоянной борьбой его жителей за христианство и свободу против попыток Высокой Порты подчинить его. Их воодушевляло героическое сопротивление черногорцев войскам, по численности превосходившим все население княжества, благодаря которому черногорцы сохранились как «свободный и христианский народ посреди земель, уже давно покорившихся владычеству неверных»³⁸⁷.

На Западе господствовало убеждение, что на свете нет страны, которая имела бы более удивительную историю, чем Черногория:

«Внимательное изучение истории этой страны, начиная со времен Душана Великого до Берлинского договора, заключенного тридцать два года назад, больше похоже на чтение вымышленного романа, а не реальных исторических фактов. Кажется невероятным, что этот малочисленный народ, имеющий так мало ресурсов для борьбы, мог полстолетия сопротивляться настолько более мощному противнику, который завоевал, так сказать, всю Европу и был на пике своей мощи; в то же, что этому могучему врагу давался отпор в течение почти пятисот лет, поверить еще труднее»³⁸⁸.

Владимир Броневский, русский морской офицер и автор первых путевых записок о Черногории, был воодушевлен тем, что увидел. Во время своего трехдневного пребывания в Черногории он «попал в какой-то новый мир», в котором встретил предков «из девятого или десятого столетия». За это короткое время он познакомился с «простой жизнью из времен отцов церкви» и встретился с «Ильей Муромцем, Добрыней и другими героями нашего далекого прошлого». Он был совершенно очарован и чувствовал себя так, как будто находился в Спарте, «видел в полном смысле слова Республику, отечество равенства и истинной свободы, где обычаи заменяют закон, мужество стоит на страже вольности, несправедливость удерживается мечом мщения», он изумлялся «возвышен-

ности духа, горделивости и смелости того народа, которого имя наводит страх всем их соседям»³⁸⁹.

Через два года после публикации записок Броневского были изданы путевые заметки губернатора и коменданта французского корпуса в Которе Виалла де Соммиерса (1807–1813), проезжавшего через Черногорию в начале 10-х годов XIX в. и познакомившегося со многими ее жителями. Хотя независимая Черногория и была потенциальной помехой расширению французского влияния на Балканах, он с симпатией писал о ее народе, о котором ему говорили, что он «чуть лучше варваров и людоедов»³⁹⁰. В XIX веке вышло много книг о Черногории на разных европейских языках, но, несмотря на это, об этом маленьком княжестве и о его горах мало что было известно, да и эти крохи информации часто были неточными. Как правило, черногорцев представляли как диких, суровых, кровожадных, вороватых мошенников³⁹¹. Когда в 1872 г. Густав Раш отправился в путешествие в Черногорию, многие образованные жители Берлина думали, что он «пропал» либо в лучшем случае вернется из опасного путешествия без ушей или носа³⁹². В XIX веке в Которе слово «черногорец» все еще было таким же оскорбительным прозвищем, как «морлак» в Далмации³⁹³.

Иногда над этими предрассудками подшучивал даже сам черногорский князь Никола. Когда в 1873 г. у него на приеме был некий британский путешественник, князь по-французски похвалил его за мужество, с которым он дерзнул так глубоко проникнуть на территорию страны, и это не из-за плохих дорог, «ведь все англичане отличные скалолазы», а из-за дурной славы, которой пользовалась страна в Европе. «Разве Вы не знаете, — сказал он, посмеиваясь, — *que nous sommes des ogres, et que nous mangeons les enfants*»; Вы непременно должны попробовать, каковы они в приготовленном виде, если соблаговолите сегодня в восемь вечера прийти к нам на ужин»³⁹⁴.

* «Что мы людоеды, что мы едим детей» (фр.).

|| Национальность и свобода

В эпоху романтизма идея свободы обрела особую привлекательность для балканских народов, не имевших собственных государств. В первой половине XIX в. греки были охвачены мыслью о «genos» и «eleutheria» (народ, свобода)³⁹⁵, да и славян, как казалось некоторым, воспламеняла лишь «одна идея — думать и говорить только о народности и о свободе навеки»³⁹⁶. На всех Балканах, а особенно в Черногории, политика, свобода и народность являлись важными темами, вокруг которых велись разговоры³⁹⁷. Как писал Виалла де Соммиерс³⁹⁸, черногорцы любили хвастаться, что они «самые свободные в мире». Князь Никола, как и его предшественники, больше всего превозносил независимость характера своих людей и их любовь к свободе. Он говорил: «Австрийцы и русские — рабы, а черногорцы — свободные люди, которые не потерпели бы арбитражного или деспотического правления. Все они равны между собой»³⁹⁹.

Во второй половине XIX в. в Черногории придумали поэтическую историю, согласно которой черногорцы якобы являлись представителями славянского дворянства. Эта история очень полюбилась западным авторам и вдохновила британского премьера Уильяма Гладстона назвать Черногорию «берегом, на который вынесло остатки балканской свободы». Британский дипломат Уильям Миллер, много путешествовавший по европейской Турции, даже считал, что все жители Черногории «потомки старого сербского дворянства и что тот, кто верит в учение о наследственности, в их отличных манерах может увидеть доказательство их аристократического происхождения»⁴⁰⁰. Как говорилось в исторических хрониках, небольшая группа сербских дворян после поражения на Косовом поле, когда османы уничтожили Сербское царство, укрылась в Черногории, где эти «дети свободы» в одиночку оказывали сопротивление своим врагам в непрерывной

борьбе, длившейся пятьсот лет. Не желая оставаться на плодородных равнинах под ярмом завоевателя, эти герои старого мира построили себе дома в необжитых, неплодородных горах⁴⁰¹. Хотя эта история и нашла многих доверчивых слушателей, она являлась просто облеченным в фольклорную форму вымыслом, целью которого было укрепление черногорского патриотизма в поддержку князя Николы, мечтавшего воссоздать прежнее Сербское царство⁴⁰². Историю о беглецах с Косова поля как создателях Черногории, которую так охотно рассказывали, М.Э. Дурхэм охарактеризовала как миф, ведь, по ее мнению, черногорцы в действительности по происхождению являлись скорее потомками боснийцев, герцеговинцев и албанцев, чем сербов из Сербии⁴⁰³. В пользу ее утверждения говорят исторические факты, ведь Черногория в течение долгого времени предлагала убежище жителям соседних областей, которые конфликтовали с османскими властями, местными агами или бегами⁴⁰⁴.

|| Окаменелый океан

Острые, голые, упрямые горы, скалистые и пустынные склоны, дикая на вид область с жилищами из камня, полнотью открытая со всех сторон, — все это казалось «окаменелым океаном, волны которого вздымались буквально «до горных вершин»»⁴⁰⁵. Чтобы описать черногорский скалистый край как можно нагляднее, путешественники часто повторяли одну из версий местной легенды, согласно которой Бог после сотворения мира понял, что ему не хватает камней. Поэтому он взял большой мешок скал, чтобы растряссти его по всему свету. Однако, когда он был в Черногории, мешок порвался и из него посыпались во все стороны камни и так и остались лежать там навечно⁴⁰⁶.

При первом взгляде на страну путешественники переживали настоящий шок, как будто, очутившись в Черногории, они выпадали из своего времени и становились «свидетелями сотворения мира»⁴⁰⁷. Сразу после этого поч-

ти каждый из них начинал чувствовать уважение и восхищение по отношению к героическим горцам, предпочитавшим жить свободными в диком, а не угнетенными в изобильном краю. Джордж Бернард Шоу однажды сказал, что все черногорцы должны быть философами, раз они так любят голые скалы⁴⁰⁸. В большинстве случаев авторы писали о черногорцах с восхищением, иногда, правда, сдабривая свои описания немалой долей презрения:

«Как только я ступил на главную улицу Цетинья, меня разобрал смех. Это самая непрезентабельная столица во всем цивилизованном и нецивилизованном мире; даже деревня самого незначительного раджи или вождя в Индии во всех отношениях лучше этой маленькой кучки черногорских хижин, скорее напоминающих грязные подсобные постройки какого-нибудь английского крестьянского двора или беднейшее индийское бунгало. Крытые соломой хижины совершенно не соответствуют живущим в них великим людям; и вооруженный крестьянин, который в своей естественной среде был бы удостоен всякого уважения, становится крайне смешным, когда его называют военным министром, министром иностранных дел, епископом, министром внутренних дел или когда он с гордостью носит какой-нибудь еще титул. Титул, позаимствованный из цивилизованного мира, здесь производит эффект сатиры, которая становится еще забавнее оттого, что обладатели таких важных должностей не осознают смехотворности положения и, раздувшись от ощущения собственной значимости, твердо убеждены в том, что они равноценны другим высшим чиновникам в европейских державах»⁴⁰⁹.

Несмотря на то, в какой ужасной нищете и нужде жили обитатели княжества, иностранные путешественники видели в них гордых и полных достоинства людей, ведь черногорцы всегда были свободны, или же, по крайней мере, такими их представляли путевые записки из этой далекой страны:

«Как правило, они очень бедны. Их крытые соломой хижины больше похожи на хлев, чем на жилые здания. Но, несмотря на это, мужчины держатся с большим достоинством и обычно носят за поясом целый арсенал оружия, в то время как женщины, которые часто бывают красивы, выполняют всю самую тяжелую работу и вскоре теряют свою красоту. Иногда путешественник встречается поистине гомеровское состояние общества, где все завязано на войне и поэзии и где видишь героя сидящим около слепого певца, который, бренча на гуслях, восхваляет его воинские подвиги, или последнее четование, или разбойничий поход»⁴¹⁰.

Западные путешественники, тоскуя о простом, справедливом и гостеприимном мире, покупали путеводители и следовали их указаниям, чтобы найти гордых и простых людей, готовых жить в ужасающей нищете, лишь бы сохранить свободу. Так, один британский путешественник был твердо убежден, что «эта маленькая страна пленила бы сердце каждого британца, если бы он только ознакомился с ее историей»⁴¹¹. Труды тех, кто действительно уехал туда, окупались, ведь они, благодаря любви черногорцев к свободе и их чувству чести, ощущали себя «дома в этом дальнем уголке Европы в большей степени, чем в какой-либо другой чужой стране»⁴¹². Но все эти иностранцы, как иногда жаловался князь Никола, смотрели на черногорцев «только как на нечто колоритное»; то есть он чувствовал, что для них его страна имела особую привлекательность как «менажерия с дикими зверями», которую они могли бы время от времени посещать, когда им захотелось бы развлечений⁴¹³.

Однако жажда путешественников увидеть пережитки давних времен имела большее значение, нежели чувства местных жителей, и жители Запада еще в середине XX в. с радостью наблюдали эту архаичную картину.

«Черногорцы произвели на нас впечатление самого привлекательного народа. Даже самые бедные из них,

то есть большинство, ведут себя спокойно, с достоинством и сдержанно, что в определенной степени присуще всему европейскому крестьянскому населению, особенно тем, кто живет в гористых районах. Однако видно, что черногорец, хотя и одет очень скромно, всегда помнит, что его народ сохранился, всю историю сопротивляясь туркам»⁴¹⁴.

|| Крещение мусульман в канун Рождества

Черногорцы считали себя величайшими героями и очень гордились своим бесстрашием. По их мнению, другие народы были в большей или меньшей степени женоподобными, за исключением одних только албанцев⁴¹⁵. Самой большой амбицией и самым горячим желанием черногорцев было умереть в бою под грохот ружейных залпов, впитывая ноздрями запах пороха и крови. Смерть в больничной постели считалась недостойной мужчины, и люди с презрением говорили: «Молчи, неудачник, горе твоей семье; пусть смерть настигнет тебя в постели!»⁴¹⁶ Героизм занимал большое место в образе мыслей черногорцев, возвращенных на рассказах о хладнокровной дерзости и исключительном мужестве их предков. «Будь мужественным, как Милош Обилич», — говорили матери, если их сыновья плакали⁴¹⁷. Мечтой каждого мужчины было прослыть «великим героем». Их исконные враги, «турки», впрочем, видели черногорцев в несколько ином свете. Осман-паша Ресулбегович охотно сравнивал их со змеями: «Они такие, как змеи; если их схватишь, они стонут, если их отпустишь, они шипят»⁴¹⁸.

Часто считали, что гордость и достоинство черногорцев коренятся в абсолютном равенстве, характерном для их страны. Многие жители Запада полагали, что нигде в мире нет такого полного равенства, как в Черногории. Эта картина являлась еще одним плодом романтической идеализации, поскольку в Черногории было равенство

привилегий, предусмотренное исключительно для людей православного вероисповедания. В этом отношении Черногория являлась реальной антитезой религиозной толерантности Османской империи, ведь все черногорцы придерживались одной веры и на их родине не было места ни для какой другой⁴¹⁹. Резня мусульман, будто бы произошедшая в начале XVIII в., сыграла ключевую роль в формировании черногорской идентичности. Как рассказывает легенда (зачастую охотно повторявшаяся западными авторами), якобы вечером накануне Рождества 1702 г. (или годом позже, в зависимости от источника) вооруженная толпа напала на дома мусульман, один за другим, и перебила всех жителей, не пожелавших креститься. На следующее утро страна была «очищена» и «перестала вонять Мухаммедом»⁴²⁰, а убийцы пошли в церковь в Цетинье и провозгласили: «Черногория свободна!» Их руки были «по локоть в крови», как поется в песне, прославляющей это событие⁴²¹.

Рождественская резня играла важную роль в мифологии черногорской независимости. Известность этого реального или вымышленного вечера накануне Рождества была такова, что об этом событии с воодушевлением упоминали еще в период Балканских войн 1912—1913 годов как о примере, которому должны следовать черногорские воины, а тогда все еще периодически проводили христианизацию «с brutальной жестокостью»⁴²². Янко Вукотич, секретарь черногорского князя, не скрывал надежды, что черногорцы раз и навсегда отделаются от мусульман и поселятся в их владениях. М.Э. Дурхэм ужаснулась, когда он рассказал ей, что все сторонники клана Ругова убиты. Затем он воскликнул: «Но они звери, дикие звери. Мы правильно сделали»⁴²³.

В XIX веке подобные деяния уже не вызывали всеобщего одобрения западных авторов, хотя некоторые из них видели смягчающее обстоятельство в том, что жертвы были мусульманами: «Если мы должны осудить ту судьбоносную

ночь, когда перед мусульманами поставили выбор: смерть или крест, то, с другой стороны, восхитимся беззаветной любовью к независимости и безграничной приверженностью своей вере, которые представляют такой благородный контраст бесстыдному отступничеству от христианской веры дегенеративных дворян в Боснии и Албании»⁴²⁴.

Хотя западные авторы обычно описывали бедных и немощных людей с презрением, их отношение к черногорцам благодаря имевшемуся у тех чувству чести и достоинства было уважительным. Английские учителя, ставшие свидетелями пения черногорских воинов в рождественское утро, были уверены, что слова старой песни конца XIX в. (о том, что римляне богаты, владеют золотом и серебром и умеют работать, зато сербы имеют гордость, и королевскую осанку, и радостный и бесстрашный взгляд героев) были тогда так же актуальны, как и во времена Ивана Черноевича⁴²⁵. Но черногорские барды позаимствовали этот этический идеал у своих смертных врагов — турок. Они осознавали и тот факт, что зарабатывание денег является их ахиллесовой пятой. Или, как сказал один *вали* * британскому дипломату: «Все христиане, взрослые и дети, любят зарабатывать деньги. Мы, турки, этого не умеем; мы только знаем, как их взять»⁴²⁶.

|| Сильный пол и слабый пол

Западные путешественники уделяли большое внимание старинным обычаям и традициям, регулировавшим положение мужчин и женщин в Черногории и сохранившимся в недоступных горных районах страны этого воинственного и свободолюбивого народа, где различия между сильным и слабым полом еще не настолько стерлись, как это произошло в цивилизованном мире. Считалось, что отношения между супругами должны строиться

* Турецкий чиновник, управитель вилайета.

на основе власти мужа и полной зависимости жены, «как некогда было в Спарте»⁴²⁷. В Черногории ведение войны и *четы* * было мужским делом; и оружием, которым мужчины защищали честь своей родины на поле боя, были ружье и ятаган. Все остальные работы ложились на плечи слабого пола, ведь физический труд считался унижительным для героя⁴²⁸.

Если история черногорских мужчин была богата рассказами о непрерывной войне и дерзких разбойничьих нападениях, то история черногорских женщин укладывалась в рамки непрерывного труда и страдания. Даже в XX в. слово «женщина» в Черногории воспринималось как уничижительное прозвище. Мужчину, оставшегося без оружия, товарищи в насмешку обзывали «бабой»⁴²⁹. Женщины несли на себе бремя как сельскохозяйственной, так и домашней работы. Помимо этого они вязали и ткали и носили изделия на рынок. Как упоминается, нередко можно было увидеть мужчину, идущего налегке по горной тропе, а за ним шли женщины с тяжелой ношей⁴³⁰. Некоторые авторы даже отмечают, что в Черногории повсеместно была в ходу поговорка «*le nostre donne sono le nostre mule*» ** (на итальянском языке!)⁴³¹. Однако далеко не все, кто писал об этом, были свидетелями подобных случаев, они узнавали о них из более ранних путевых записок или придуманных историй⁴³². По всей видимости, это утверждение верно также и в отношении вышеприведенной поговорки. Уважаемый Генри Тозер привел в качестве примера, иллюстрировавшего социальное положение женщины в тех краях, историю, услышанную им ранее на Корфу от покойного сэра Генри Варда. Когда сэр Генри однажды ехал на коне, он обогнал мужчину, нагружившего на свою жену очень тяжелую вязанку дров. Он запротестовал: «Почтенный, не дело так нагружать свою жену; это ноша для мула». — «Согласен с Вами, Ваше превосходи-

* Партизанский отряд на Балканах.

** «Наши женщины — наши мулы» (*итал.*).

тельство, — сказал мужчина, — это ноша для мула, однако Божий промысел дал нам не мулов, а женщин»⁴³³.

Итак, подобные сообщения показывали, на какой низкой ступени находилась цивилизация в Черногории, и в то же время они свидетельствовали о ностальгии по старым временам, когда доминирование мужчин на Западе еще было бесспорным, когда и западные женщины должны были быть (и действительно были) покорными своим мужьям, ни в чем не перечая им⁴³⁴. Черногорки же, вероятно, ожидали некоторой грубости, а может, даже и хотели ее. Так, один британский путешественник рассказывает, как черногорская девушка вышла замуж за иностранца. Она была очень удручена тем, что муж не бил ее. «Ведь если он ее не бил, когда она знала, что заслужила наказание, это могло означать только одно — что ему до нее нет дела»⁴³⁵.

Черногорское общество делилось на *людей* (мужчин) и *женщин*, причем честь и уважение были исключительной прерогативой первых. Женщины даже в старости не могли ожидать, что им будут оказывать такое же уважение в обществе, как мужчинам. Возраст был предлогом для еще большей загруженности работой. Считалось, что важнейшая роль женщин — быть матерями своих сыновей: в соответствии с турецким обычаем черногорцы считали людей по количеству ружей. При рождении мальчика празднование длилось очень долго, ведь в доме появилось еще одно ружье и он стал сильнее. С десяти лет мужчины все время имели при себе заряженное ружье, даже когда они обрабатывали поле или пасли овец⁴³⁶.

Иностранные путешественники напрасно искали в Черногории женскую красоту. Женщины были «очень мускулистые и сильные», и их красота быстро увядала из-за «тяжелой неженской работы»⁴³⁷. Кажется, даже те, которые были красивы в молодости, к тридцати годам выглядели «очень старыми и непривлекательными»; эпитеты «нежный», «красивый» и «слабый» пол для них не подо-

дили⁴³⁸. Короче говоря, в Черногории не видели красивых женщин, кроме княжны. Это подтверждало убеждение иностранных путешественников, что женская красота является продуктом цивилизации⁴³⁹. С другой стороны, они все время восторгались «неустрасимыми воинами-великанами»⁴⁴⁰. Например, полковник Егор Ковалевский описал их как «племя атлетов» и добавил, что они «умеют носить оружие и свое франтовское обмундирование, еще больше подчеркивающее их мужскую статью, — во всем они превосходят европейца, дитя болезней и роскоши»⁴⁴¹.

При этом любопытно, что западных путешественников не раздражал воинственный облик черногорцев, во всяком случае, не так сильно, как он раздражал их у албанцев⁴⁴². В том, что черногорец всегда был при оружии, видели знак геройства. Когда Александр Амфитеатров увидел вооруженных мужчин в Цетинье, он с одобрением записал, что это «не город, не деревня, а военное поселение», а сами его жители «беспечные великаны, один к другому на подбор красавицы, косая сажень в плечах»⁴⁴³. Когда же он увидел албанцев, которые, как и черногорцы, никогда не расставались со своим оружием, то их он воспринял совершенно иначе: «Сидит дома, подобно загнанному волку, с ружьем на коленях»⁴⁴⁴.

В Черногории сильный и слабый пол ели отдельно. Вплоть до начала XX в. женщинам не разрешалось сидеть вместе с мужчинами; они должны были стоять. Они никогда не заходили в таверны, которые посещали их мужья⁴⁴⁵. Точно так же черногорцу не подобало гулять со своей женой, ходить с ней в церковь, вообще он не показывался вместе с ней в общественных местах. Его друзья посмеялись бы над ним, это восприняли бы так, «как если бы австрийский министр вышел на прогулку со своей кухаркой»⁴⁴⁶.

Черногорцы считали постыдной дерзостью, если женщина в первый год своего брака на людях назвала своего мужа по имени и даже если она надумала это сделать с ним

наедине. Точно так же и муж должен был избегать упоминаний о своей жене; если же он никак не мог этого сделать, то оправдывался: «Простите, моя жена», то же самое выражение он употреблял, говоря о свинье, осле и прочем⁴⁴⁷.

Как писал один чешский автор, «черногорские женщины не знают телесной любви, которую добрый Бог дал в утеху нам, бедным поэтам и писателям»⁴⁴⁸. Муж должен был ночью тайком прокрасться к постели жены, поскольку не подобало, чтобы его кто-нибудь в тот момент увидел. По словам Вука Караджича, по старым обычаям новобрачным запрещалось спать вместе в первый год брака. Невеста спала со свекровью, а жених со скотом. Считалось, что черногорские невесты были так стыдливы, что не хотели спать со своими мужьями. Кое-где мать невесты даже должна была выступать в качестве посредницы и уговаривать дочь смириться с супружескими обязанностями. Для этого она ложилась между дочерью и зятем и, убедившись, что невеста заснула, оставляла новобрачных наедине⁴⁴⁹. Некоторые авторы объясняли подобную стыдливость тем, что в доме не было отдельных комнат, так что новобрачным приходилось спать вместе с другими членами семьи. Однако пары, жившие в других странах в подобных обстоятельствах, не пестовали подобной стыдливости, а вот найти ее можно было у мусульман, хотя они жили в более просторных домах. Мусульмане считали признаком хорошего воспитания не ложиться в постель «с недостойной поспешностью». Поэтому жених в мусульманских странах семь ночей не исполнял своего супружеского долга, и это из уважения — в первую очередь к своему отцу, потом к матери, затем к брату и т. д.⁴⁵⁰

Черногорка не носила траура по мужу, это не было принято. Только после смерти своего брата она в знак скорби подстригала волосы. Оплакивать мужа было бы большим позором, еще бóльшим срамом являлась бы скорбь жениха о своей избраннице⁴⁵¹. Мужчины стоически переносили свою боль⁴⁵². Похожие правила прилич-

ного поведения были и в Албании, где мужчинам точно так же не позволялось лить слезы⁴⁵³.

Подчиненное положение женщин в черногорском обществе символизировал и обычай, предписывавший им приветствовать мужей и гостей, целуя каждому руку и край туники. В XIX веке, когда гость заходил в дом, хозяйка у входа снимала ему обувь и омывала ноги⁴⁵⁴. В первой половине XIX в. так встречали гостей и новобрачные в Греции; несоблюдение этого обычая противоречило бы вере и законам гостеприимства⁴⁵⁵.

Черногорское общее право не предусматривало наказаний для женщин, кроме смертной казни для жены, убившей своего мужа. За все остальные преступления, совершенные женщиной, несли ответственность ее муж и родители, которые должны были заплатить штраф. Черногорец мог отрезать своей жене нос или даже убить, если застиг ее при совершении тяжкого проступка. В соответствии с общим правом смертной казнью для женщин было забивание камнями, поскольку считалось недостойным использовать оружие против того, кто в ответ не мог поднять оружия в свою защиту. Старый обычай предписывал, что первый камень должен бросить отец, затем все остальные, пока женщина не умирала и не была погребена под грудой камней. Медакович писал, что в 1860 г. никто из его собеседников не вспомнил, чтобы такая казнь была совершена⁴⁵⁶. В «Encyclopedia of Social Sciences»^{*} приводятся сведения о том, что в Греции забивание камнями было самым суровым наказанием для рабов; свободные люди, осужденные на смерть, должны были принять яд.

Поскольку черногорцы придавали чести большое значение, они не применяли телесных наказаний. Никто не смел ударить мужчину или избить его. Черногорец имел право на месте убить напавшего на него и вовсе не обязан был отвечать за это перед судом или каким-либо другим институтом. «Хотя он был бедняк, для него

^{*} «Энциклопедия общественных наук» (англ.).

в лесу не могла вырасти палка. Черногорцы всегда и всюду были равны; все боролись за честь и порядочность. На основании этого можно сделать вывод, что они все были дворянами, ведь никто из них не желал терпеть позорного телесного наказания»⁴⁵⁷.

Когда князь Данило захотел ввести законы и порядок в своей стране, он в 1855 г. принял указ о введении наказания розгами за кражу. Черногорцы не приняли это нововведение. Как писал Э.Ф. Найт, телесное наказание считалось самым страшным, непредставимым для героя: «Быть высеченным для черногорца хуже, чем умереть, ведь это значит быть униженным, обесчещенным — изгоем на земле. Известно, что многие осужденные на наказание розгами падали князю в ноги и просили о милости — о смерти — лучше мучительная смерть, чем страшный позор»⁴⁵⁸. Мартин Гюргович в своих воспоминаниях о Балканах пишет о событии, произошедшем в Вучьем доле после войны 1876 года. Черногорец нашел пистолет и расстрелял все патроны, несмотря на то что стрельба была строго запрещена. Его приговорили к наказанию розгами. После оглашения приговора несколько *перьяников** пошли в лес за палками. Они наломали много прутьев с листьями величиной «с самое большое голубиное перо». Осужденный лег животом на землю и начал стонать под ударами. Хотя удары не были болезненными, его мучил стыд из-за наказания розгами⁴⁵⁹.

Очевидно, что образ черногорских героев в этих рассказах в некоторой степени приукрашен, однако подобная позиция — что достойно умереть из-за огнестрельной раны, но постыдно быть избитым или повешенным — существовала и у албанцев, и у других балканских народов⁴⁶⁰.

|| Фотогеничные рыцари

Большинство людей, живших на восточном побережье Адриатического моря, были христианами; консул Пуке-

* Охранники, осуществлявшие наказание; носили перья на шляпах.

вилль утверждает, что на самом деле они почитали только независимость⁴⁶¹. В этом плане не было особых различий между Черногорией и другими странами, где правили османы, которые «с терпимостью, редкой для тех времен», признавали существовавшую в поработанных ими землях веру и оставляли решение проблем христиан на усмотрение их священников. К непокорным племенам, управлявшимся собственными епископами, посылались карательные экспедиции, если они задерживали уплату налогов или сами не могли справиться с разбойничьими нападениями⁴⁶². Окончательному захвату османами области препятствовало ее географическое положение: в Черногории и Албании маленькая армия была бы разбита, а большая бы голодала⁴⁶³. Даже в скадарском *вилайте** зависимость жителей была лишь номинальной. Там находились османский визирь, несколько военных отрядов и таможня, однако османских законов и институтов не ввели. Военной повинности не было, хотя албанцы часто записывались в армию добровольцами. Податей не платили, кроме десятины, да и ту время от времени и скорее как дружеский жест, нежели как обязанность, выполнения которой можно было потребовать по закону. И главное — никакого албанца даже за самое тяжкое преступление нельзя было судить по османским законам, его следовало передать племени, чтобы оно судило его по своим обычаям⁴⁶⁴.

Благодаря тому что в Черногории правил «единственный оставшийся митрополит-воин, который вел своих горцев ко многим войнам и победам», для жителей Запада она стала «одной из интереснейших стран в мире»⁴⁶⁵. В их представлении владыка Петар I (правил в 1785–1830 гг.) являлся воплощением идеала гомеровского царя⁴⁶⁶. Он пользовался большим уважением своего народа, хотя всей роскошью, которую он мог себе позволить, были мул и скромное жилище. Монастырь, в котором он жил, представлял собой небольшое строение, при-

* Административно-территориальная единица в Османской империи.

мечательное только своей широкой крепостной стеной с бойницами, придававшей ему облик маленькой крепости⁴⁶⁷. Его племянник и наследник Петар II (1813–1851) канонизировал его, и черногорцы очень гордились своим святым, говоря: «Святой Петр в Риме трижды отрекся от Христа, а наш святой Петр в Цетинье никогда»⁴⁶⁸.

Ничуть не меньше черногорцы гордились и своим владыкой Петаром II — из-за его мастерства стрелка: он мог попасть в лимон, брошенный в воздух одним из сопровождавших его лиц. Такое мастерство, возможно, кажется необычным для митрополита, однако оно укрепляло доверие к нему среди его духовной паствы⁴⁶⁹, ценившей боевые искусства. Османы также гордились своим султаном Махмудом как «бесспорно лучшим и сильнейшим стрелком в своих землях»⁴⁷⁰. Однако владыка Петар II превосходил его, поскольку был «по-видимому, самый высокий и самый красивый мужчина в Черногории, а черногорцы ростом ничуть не уступали какому-либо европейскому народу»⁴⁷¹.

Наследник владыки Петара II князь Данило (1851–1860 гг.) получил образование на Западе и попытался внедрить в своей стране западные идеи и цивилизацию. Уильям Карр упоминает о том, что князь осознавал, «что положение его “острова варварства в море цивилизации” — анахронизм и что настал крайний срок для его преобразования»⁴⁷².

Последним в череде черногорских правителей из династии Петровичей был Никола; в 1860 г. он стал князем Черногории, а через 50 лет повысил свой титул до короля. Путешественники описывали его как «последнего из старых королей легенд и сказаний», по крайней мере в Европе⁴⁷³. Он тоже был «отличным стрелком из пистолета», и говорили, что с расстояния в двенадцать шагов он попадал в сигарету во рту⁴⁷⁴. Король Никола был уникален для своего времени, ведь руководил своей страной и поддерживал в ней порядок, не собирая налогов. Другие

балканские страны были отданы на волю манипуляций иностранных держав; Никола сам манипулировал иностранными державами. Например, он приезжал в Россию просить денег для защиты от Австро-Венгрии, а на следующий год обращался к Австро-Венгрии с просьбой о помощи для защиты Черногории от России⁴⁷⁵. Король Никола династическими браками был связан с половиной коронованных особ Европы, поскольку десять его красивых дочерей входили в число самых завидных невест: одна из них стала королевой Италии, другая — королевой Сербии. Если иностранцы сетовали, что из страны нечего вывозить, Никола всегда отвечал: «Господин, Вы забыли о моих дочерях!»⁴⁷⁶

До свадьбы черногорской княжны Елены с будущим королем Италии в 1896 г. европейская общественность мало что знала об этом горном княжестве. Название его,

*Герой Ники. Италия и Россия добиваются
благосклонности князя Николы
(карикатура из венской газеты «Кикерики»)*

скорее всего, было менее известно, чем Монако, и, может, чуть больше, чем Сан-Марино⁴⁷⁷. В конце XIX в. образованные люди в лондонских салонах спрашивали английского дипломата: является ли Цетинье столицей Болгарии и чернокожие ли черногорцы. Черногория прославилась в Европе только после браков дочерей Николы. Italianские журналисты толпами ринулись в Черногорию, немецким фотографам король и его ближайшее окружение казались очень интересными объектами для фотографирования, «и туристы со всех концов света к своему великому удивлению обнаружили, что Ближний Восток далеко не так опасен, как некоторые из европейских столиц». Так что, как это ни парадоксально, браки княжон принесли пользы «для государства больше, чем все мужественные деяния этого народа воинов»⁴⁷⁸.

Да и сам князь был более известен не своими неустрашимыми деяниями, а как «европейский тесть»⁴⁷⁹. Однако эта слава длилась недолго; во время Первой мировой войны один британский путешественник услышал забавную историю от двух солдат, своих соотечественников, разговаривавших об отступлении из Сербии. Один сказал другому: «О, конечно, я знаю Албанию. Там одни альбиносы с белыми волосами и красными глазами, и когда кто-то из них сочетается браком с кем-нибудь из Черногории, где живут чернокожие, у них появляются дети, которых называют далматинцами, потому что у них черные и белые пятна»⁴⁸⁰. В 30-е годы XX в. английского капитана на полном серьезе спрашивали, являются ли местные жители «Mountain Niggers» (горными неграми)⁴⁸¹.

|| Тюрьма как критерий

Для большинства жителей Запада любовь черногорцев к свободе была чем-то само собой разумеющимся. Мне встретились только два случая, когда ее поставили под вопрос. Один французский врач говорил: «Я часто

спрашиваю себя: "Qu'est ce que c'est que la liberté monténégrine?"* Разве не независим каждый, кто выберет себе местом жительства вершину скалы? Признаюсь, я бы в тысячу раз охотнее согласился быть турецким подданным, чем наслаждаться такой свободой». На его замечание относительно возможности свободы в нищете и одиночестве присутствовавший босниец возразил «с большим волнением», сказав, что жизнь в Черногории все равно лучше. Он полагал, что хотя жизнь там и полна отречений, однако христианским подданным османов «приходится смиряться с насилием, оскорблениями и позором»⁴⁸².

В XVIII веке на Западе тюрьма как средство борьбы общества с криминалом — довольно падающее учреждение, в ней не было полной изоляции заключенных, которая появилась лишь в XIX в., когда их стали держать за глухими тюремными стенами. В Османской империи в начале XVIII в. тюремные заключения также были «редкими и не слишком строгими; ведь оправдательный или обвинительный приговор преступнику любого сорта оглашается так быстро, что сейчас между преступлением и наказанием иногда проходит не более четырнадцати часов; так что обвиняемого запирают где-нибудь... Бегство от руки правосудия считается невозможным»⁴⁸³.

Первую тюрьму в Черногории, в столице, построил владыка Петар II в первой половине XIX в. Позже построили еще одну, «для опасных преступников», на острове посреди Скадарского озера⁴⁸⁴. В начале XX в. в Цетинье построили новую тюрьму, где, однако, не было ни дверей, ни решеток, которые изолировали бы заключенного от внешнего мира. Заключенные должны были сидеть в камере только ночью, днем же им позволялось общение с внешним миром, а по праздникам они даже могли уйти на танцы с друзьями. Согласно данным источников, заключенные никогда не убегали, ведь это

* «Что такое эта черногорская свобода?» (фр.)

был бы побег на чужбину и потеря чести на родине. Теория, согласно которой вор ловит вора, тут воплощалась на практике буквально и методично. Если заключенный, невзирая ни на что, убегал, остальных заключенных также отпускали на свободу и отправляли по холмам и долинам на охоту за убежавшим товарищем, не имевшим стыда; возвращались они всегда в условленное время — с пойманным беглецом или без него⁴⁸⁵. Кажется, заключенные чувствовали себя униженными не столько из-за того, что были в тюрьме, сколько из-за того, что у них отбирали оружие: для черногорца это было такое же страшное унижение, как в других местах арестантская роба или клеймо⁴⁸⁶. Правда, ноги заключенных были закованы в кандалы с пятнадцатикилограммовыми гири. Но стоит ли портить романтическую историю такими подробностями?⁴⁸⁷

Заключенные в Черногории не обладали привилегией получать пищу за государственный счет. Во время отсидки в тюрьме их пропитание полностью зависело от семьи и друзей. В таком бедном государстве, каким была Черногория, это отвращало от тюрьмы легкомысленных и ленивых⁴⁸⁸. Власти Османской империи ввели сходные меры безопасности, ведь и там пропитание заключенных, за исключением хлеба и воды, зависело от родственников или от милостыни, выпрошенной у прохожих. При этом они могли сколько угодно разговаривать, играть в карты, петь и заниматься еще кое-какими делами для своего развлечения и к своей выгоде⁴⁸⁹. Меры, предусмотренные властями, указывают и на другую сторону медали: власти боялись, что среди таких свободомыслящих людей найдется немало тех, кто будет готов совершить какое-нибудь преступление лишь для того, чтобы попасть в тюрьму — если это обеспечит их ежедневным куском хлеба.

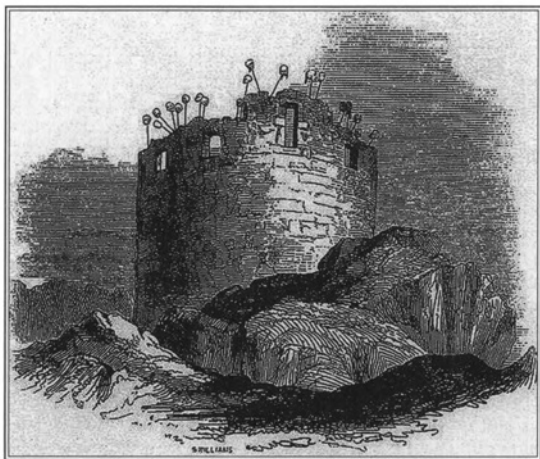
Страстные охотники за человеческими головами

В XIX веке Балканы стали землей обетованной для охотников за экзотикой, например за отрезанными головами. Обычаю отрезания голов западные путешественники уделяли большое внимание и рассматривали наличие на Балканах таких трофеев как четкий знак, обозначающий границу между цивилизованным и варварским образами жизни, как доказательство «наивности эпохи Гомера»⁴⁹⁰ и подтверждение тому, что на Балканах «еще сто лет назад было много таких же диких людей, какими были краснокожие индейцы того же времени»⁴⁹¹.

Например, сэр Остин Лейард, позднее снискавший славу благодаря открытию Ниневии, так описывал свое пребывание в Цетинье в 1839 г.:

«...Несколько окровавленных голов с длинными пучками волос, развевающихся на ветру, трофеи недавнего нападения на соседних турок. Это была мерзкая и гнусная картина, первое приветствие путешественнику при входе в резиденцию владыки. Но наши провожатые с воодушевлением показали нам ее. Все они участвовали в походах против мусульман и в пограничных столкновениях, что для воинственных жителей Черногории являлось долгом, и все умели рассказывать истории об убитых турках и о кровавой добыче, такой, как та, что была выставлена на круглой башне»⁴⁹².

Черногорский владыка принял сэра Остина Лейарда во время его посещения Цетинье в крепости, украшенной «турецкими» головами. Чтобы проиллюстрировать различие между цивилизацией и ее противоположностью, сэр

*Кула в Цетинье
(середина XIX в.)*

Остин описал, как владыка приказал привезти из Триеста бильярдный стол (символ цивилизации), за которым они сыграли много партий. Во время одной из этих игр снаружи послышался громкий шум — крики и стрельба. Доносился он от группы черногорских воинов, победоносно вернувшихся с успешного *четования* на османскую территорию около Скадара. На высоко поднятом куске полотна они несли много голов, отрезанных у трупов своих жертв. Эти головы, покрытые запекшейся кровью, сэр Остин описал как «гнусное и ужасное зрелище». Перед тем как присоединить их к головам, которые уже были выставлены на круглой башне близ монастыря, их почти-тельно сложили к ногам владыки⁴⁹³.

Однако у Запада была короткая память, и он забыл о некоторых вещах, практиковавшихся там всего несколько поколений назад, «когда он [Запад] тоже был молод». В первые столетия современной эпохи лондонский мост был аттракционом для туристов, туда приходили, чтобы посмотреть на головы преступников, которые там выставляли, насадив на острия копий⁴⁹⁴. В Англии выставляли отрубленные головы в общественных местах вплоть до второй половины XVIII в., и прохожие платили по шесть пенни за право поглазеть на них. Еще в 1820 г. рубили головы у трупов заговорщиков с Като Стрит⁴⁹⁵. В XVII веке один заключенный писал из тюрьмы Ньюгейт:

«Я видел головы, принесенные для варки. Палач принес их в грязной, пыльной корзине и расставил среди преступников, которые потом стали отпускать шутки в их адрес. Хватали за волосы, издевались и смеялись над ними, ругали их, били по щекам и таскали за уши. Когда они прекратили эту забаву, палач кинул головы в котел и сварил их с морской солью и семенами кумина, чтобы они не протухли и их не склевали птицы»⁴⁹⁶.

|| Первые сообщения

Подробные сведения об обычае отрезания голов и выставления их на обозрение публики в Черногории привел Владимир Броневский, посетивший страну в начале XIX в. Броневский ценил жителей Черногории как отважных и надежных союзников России в ее войнах против Османской империи. Так, по его мнению, обычай отрезания голов (турок) был убедительным доказательством героизма черногорцев: «Никогда черногорец не просит пощады; если же он тяжело ранен и не можно спасти его от рук неприятеля, то товарищи отрезают ему голову»⁴⁹⁷.

Виалла де Соммиерс приехал в Черногорию несколькими годами позже. На вышеупомянутый обычай он смотрел с меньшим сочувствием, вместо этого он уделил

больше внимания деталям. Он заметил, что черногорцы отрезали головы захваченным в плен разбойникам и «туркам». Он описал в своих путевых заметках, как он отправился в дорогу с группой черногорцев и на пути они столкнулись с группой мусульман. Черногорцы бросились вперед, «турки» же кинулись бежать в большом беспорядке, оставив за собой одного мертвеца и двух раненых. Последних черногорцы немедленно схватили и обезглавили, а их головы с триумфом принесли французскому офицеру, который вовсе не был воодушевлен этим зрелищем. Оно вызвало у него «множество мучительных ощущений» и стало причиной того, что он «не единожды пожалел о том, что отправился в это путешествие»⁴⁹⁸. Очевидно, все же это не было настолько нестерпимым, чтобы он изменил из-за этого свои планы — осмотреть как можно лучше эту неизвестную страну. Во время путешествия ему попались на глаза и другие случаи исполнения этого обычая. Особенно много отрезанных голов он увидел во время посещения монастыря Св. Василия, где стал свидетелем «страшного зрелища» — огромного количества насаженных на колья «турецких» голов, которые «можно было увидеть со всех окрестных гор на расстоянии в две или три лиги»⁴⁹⁹.

Весной 1838 г. саксонский король Фридрих Август во время своего путешествия, предпринятого с целью изучения ботаники, посетил черногорского владыку Петара II. Фридрих Август был не таким чувствительным, как французский офицер, и сам выразил желание осмотреть «сувенир геройства черногорцев», а именно забальзамированную голову Махмуда-паши из Скадара. По положениям мирного договора между императором Леопольдом II и Высокой Портой 1791 г. черногорцы были формально включены в пашалук Махмуда-паши, но они не покорились и не желали платить налогов, поэтому в 1796 г. паша пришел в Черногорию с огнем и мечом. Владыка Петар I сражался в гуще битвы с крестом в од-

ной руке и мечом в другой и вдохновлял свой народ на борьбу против захватчиков. Черногорцы победили, убив множество врагов. Они взяли в плен даже самого папу, отрезали ему голову и сохранили ее в память о своей победе. Вместе с его мечом и тюбаном голову отвезли в монастырь в Цетинье, где «бережно хранили» в особом, красиво вырезанном ларце из орехового дерева⁵⁰⁰.

Когда в 1844 г. сэр Г. Вилкинсон посетил Черногорию, он не увидел головы Махмуда-паши — или просто не упомянул о ней, — хотя уделил большое внимание головам на круглой башне над Цетиньем. Он тщательно зафиксировал даже мельчайшие подробности:

«На скале прямо над монастырем стоит круглая башня с бойницами, но без пушек; на ней я насчитал двадцать голов турок, насаженных на колья вдоль парапета, трофеи победы черногорцев; внизу же, разметанные по скале, лежали фрагменты других черепов, постепенно распавшихся на куски. Необычное зрелище в христианской стране, в Европе и в непосредственной близости от монастыря и дворца митрополита. Тщетно было бы ожидать, что черты лиц хорошо сохраняются в таком состоянии, или разыскивать в этих головах, многие из которых уже долгие годы были выставлены в таком виде, турецкие черты. Внимание мое привлекло лицо одного молодого человека; из-под искривленной верхней губы виднелся ряд белых зубов, лицо выражало ужас мучительного страдания в момент смерти — неизвестно, от страха или от боли»⁵⁰¹.

|| Игра в кегли головами

До середины XIX в. черногорцы отрезали головы убитым или раненым в битве врагам, даже когда это представляло угрозу их собственной жизни, и хранили их как доказательство своего подвига. Отрезанные головы были знаком торжества победы над презренным врагом

и средством достижения личного авторитета в черногорском обществе. Значительность победы или поражения измерялась количеством добытых голов. Если кого-то считали великим героем, то в доказательство этого приводили число отрезанных им голов. Народные песни, прославляющие героев, рассказывают о головах врагов, отрезанных в бою или принесенных с *четований*. Этот обычай помогал создать в черногорском обществе, не знавшем наследственных привилегий, определенную систему общественного престижа⁵⁰². Вероятно, старики вплоть до XX в. с удовольствием рассказывали истории о головах, добытых ими самими или их друзьями. В монастыре близ Даниловграда местный врач и молодой монах с гордостью показали М.Э. Дурхэм гробницу Байо Радоевича, на которой были выбиты его оружие и медали, а также эпитафия, в которой было написано, что он пал в битве с «турками» в 1876 г. после того, как отсек головы пятнадцати врагам. Доктор пояснил, что король Никола, проезжая мимо гробницы, опустил поводья, снял берет и помолился: «Да пребудет с тобой Господь, Байо. Пятнадцать голов одним мечом — о, ты великий герой!»⁵⁰³

Великий воевода Мирко, отец короля Николы, написал сборник стихотворений «Луначки споменик»*, в котором он описывает подвиги черногорских героев в боях с «турками». Почти каждая история о столкновениях заканчивается списком захваченной добычи, включая головы. Например, в «Мести за попа Радосава» Мирко рассказывает, как черногорцы, чтобы отомстить за смерть одного попа, отрезали и насадили на колья тридцать три головы. Колья воткнули в таком месте, чтобы «турчанки» могли увидеть их из города и понять, что это памятник Радосаву. Еще больше голов брали в войнах. В битве при Колашине в 1858 г. их отрезали тысячу, а в Никшиче в 1862 г. — три тысячи семьсот⁵⁰⁴.

* «Памятник героям» (серб.).

Черногорцы приносили домой человеческие головы не только с полей сражений, но и из разбойничьих походов в соседние мусульманские земли. Головы скаладывали к ногам владыки, и он давал за них награду. После этого все головы, включая женские и детские, сваливали в кучу перед домом владыки или насаживали на колья на Кули или на круглой башне над Цетинье и на ближайшие дома и деревья⁵⁰⁵. Черногорцы отрезали головы и французам, невзирая на их чины, когда они были их соседями в начале XIX в.⁵⁰⁶ По сведениям французского командующего в Дубровнике, «многие французские военные, включая и генерала Делборгеуса», стали жертвами «этого варварского обычая». Во время осады Герцег-Нови якобы дело дошло до «случаев вопиющей кровожадности», когда некоторые «черногорцы, напившись, забавлялись игрой в кегли головами французов и насмехались над ними. “Смотри-ка, — повторяли они все время, — как здорово катится голова этого француза”, — какая жестокая издевка над легкомыслием, приписываемым французскому народу»⁵⁰⁷.

Более осмотрительный британский дипломат конца XIX в., напротив, считал: история о том, что черногорцы играли в кегли головами французов и при этом припоминали легкомыслие своих врагов, «вероятно, является вымыслом»⁵⁰⁸.

Существовали некоторые правила для определения того, кому должна принадлежать голова. Если в битве два черногорца ранили одного и того же врага, голова доставалась тому, кто первым нанес кровавую рану. При этом дело могло дойти до ожесточенных конфликтов. Например, М.Э. Дурхэм слышала о случаях, когда два черногорца чуть не убили друг друга прямо на поле боя, где лежал труп врага⁵⁰⁹. В соответствии со своим кодексом воинской чести черногорцы сами отрезали головы павших товарищей, не допуская, чтобы они попали в руки врагов. Таким образом они хотели обеспечить своим товарищам возможность, чтобы их похоронили «по-людски». Когда два побра-

тима шли на войну, долгом того, кто выживет, было отрезать голову погибшего, чтобы она не попала в руки врагов. Он должен был отрезать голову и в том случае, если побратим был смертельно ранен или так страшно изувечен, что его нельзя было вынести с поля боя и его мог легко захватить враг. По преданиям, это происходило часто⁵¹⁰.

Броневский писал, что черногорцы выносили своих раненых с поля боя, «и к чести черногорцев должно сказать, что таким образом они спасали наших офицеров и солдат», своих союзников. Когда небольшой отряд русских при нападении на Клобук вынужден был отступить, один офицер, «дородный и уже в некоторых летах», устав до крайности, упал на землю. Увидев это, к нему сразу же подбежал черногорец с ятаганом в руке и сказал: «Ты очень храбр и желать должен, чтобы я отрезал тебе голову. Сотвори молитву, перекрестись...» Офицер, ужаснувшись такому предложению, заставил себя подняться и с помощью дружественного черногорца догнал своих товарищей⁵¹¹.

Если черногорец пал в бою, но его голову не отрезали и не унесли, каким-то образом он не совсем считался мертвым. Того, чью голову получили назад в обмен на несколько голов врагов, почитали счастливым человеком⁵¹². Если голову воина, убитого в бою, уносил враг, его родственники делали все возможное, чтобы получить ее назад и похоронить вместе с трупом. По обе стороны черногорской границы рассказывали мрачные истории о женщинах, которые ночью, сильно рискуя, пересекали границу и снимали голову мужа или брата с кола, на котором она разлагалась, и приносили ее домой⁵¹³.

|| Головы в сумках

Некоторые авторы не просто сообщали об обычае отрезания голов в Черногории, но и гадали о том, как победители носили свои трофеи. М.Э. Дурхэм объясняла, что «по общему убеждению» длинные пряди волос, имев-

шиеся у большинства людей, служили «рукоятью для ношения отрезанной головы», исходя из того, что «кажется, голову можно было носить, лишь взяв ее за ухо или подцепив пальцем рот»⁵¹⁴. Ее теория основывалась на рассказах, которые она слышала среди славян, албанцев и турок. У балканских народов сохранился старинный обычай гомеровской эпохи выбривать переднюю часть головы, оставляя лишь прядь на темени или пучки волос по бокам⁵¹⁵. Поскольку христианин, даже мертвый, не мог смириться с тем, чтобы у него во рту были пальцы мусульманина, да и для мусульманина было также неприемлемо, чтобы у него во рту были пальцы нечистого гяура, они оставляли на голове соответствующую рукоять⁵¹⁶.

На самом деле, те, кому удалось отрезать голову противника, носили ее в сумке вместе с хлебом и луком, и даже в течение трех или четырех дней, если это требовалось. Когда они хотели утолить голод, то всё вместе вытряхивали из сумки. Потом клали голову перед собой, чтобы смотреть на нее и говорить с ней во время еды; таким образом, они обращались со своим врагом как с другом⁵¹⁷. Как диктовал обычай героических времен, ятаган использовался не только для защиты, но и как нож для еды⁵¹⁸.

|| Сила обычая

Западные наблюдатели смотрели на отрезанные головы совсем иначе, чем черногорцы. Сэр О. Лейард не мог скрыть своего отвращения к картине, которую он увидел в гостях у владыки, и выразил свое удивление тому, что человек, стремящийся сделать более цивилизованным свой народ, позволяет ему «совершать поступки, настолько противные человечности и настолько сильно противоречащие чувствам и обычаям всех христианских народов». Владыка охотно признал, что обычай отреза-

ния и выставления напоказ голов убитых является «шокирующим и варварским», однако добавил, что это «старинный обычай черногорцев, сложившийся в их борьбе с турками, давними и кровожадными врагами их народа и веры, которые, к тому же, точно так же практиковали этот мерзкий обычай». Он был вынужден «спокойно принимать, даже поддерживать этот варварский обычай — хотя и осуждал его во всех отношениях, — поскольку он был нужен для сохранения боевого духа его народа». Черногорцы находились в состоянии непрерывной вражды со своими соседями. Они были малочисленны, и если бы не были постоянно готовы защищать свои опорные пункты в горах, османы или австрийцы быстро бы их подчинили и уничтожили. Владыка заявил, что больше всего боится долгого мира. Как только черногорцы получили бы возможность крепко спать и не находились в состоянии непрерывных боевых действий, их сразу покорили бы. Следовательно, «на настоящий момент» с его стороны было бы неразумно пытаться положить конец обычаю, который разжигал в его народе вражду к «туркам» и решимость лучше погибнуть, чем позволить мусульманам закрепиться в его горах⁵¹⁹.

Когда через несколько лет сэр Г. Вилкинсон попытался убедить владыку отказаться от этого обычая, тот ответил, что не может этого сделать из соображений безопасности черногорцев; его народ не должен первым отказываться от этого обычая. Гуманные цели враги ошибочно приняли бы за выражение страха и ответили бы усиленным натиском. «Если бы мы реализовали предложение подобного рода, это было бы почти равнозначно приглашению вторгнуться в наши земли»⁵²⁰. Затем он попытался убедить визиря Мостара Али-пашу Ризванбеговича, который согласился с тем, что нет ничего более желательного, однако «все предпринимавшиеся до сих пор попытки были напрасны, и надежды на примирение с Черногорией не было»⁵²¹.

Однако в 1853 г. князь Данило приказал убрать все головы, выставленные на башне в Цетинье. Он запретил своим войнам солить и консервировать головы врагов, убитых в бою. Непосредственной причиной его указа стала полуофициальная встреча с одним русским полковником, состоявшаяся после экспедиции Омара-паши весной того же года. Русский полковник доказывал, что такой пример местных обычаев не способствует росту авторитета черногорцев среди других христианских народов. В конце концов князю удалось убедить подданных прекратить отрезать головы своим военнопленным. Вместо этого он пообещал выплачивать им по одному дукату за каждого пленника⁵²². Однако «обычай имел больший вес, чем его слово»⁵²³ и не был изжит полностью. Ведь если бы его никто не практиковал, не было бы никакой нужды применять санкции; как узнали некоторые европейцы, посетившие Цетинье в 1875 г., одного черногорца посадили в тюрьму на небольшой срок за то, что он в Подгорице обезглавил мертвого мусульманина⁵²⁴. Князь Никола снова был вынужден наложить запрет на эту практику⁵²⁵. В 1876 году он даже запретил своим войнам отрезать у врагов носы и уши и потребовал, чтобы вместо этого они приносили фески, ружья или мечи в качестве доказательства своей храбрости в бою и того, что они достойны награды. Он советовал им захватывать в плен как можно больше живых дворян⁵²⁶.

Хотя князь Никола жестко требовал соблюдения запрета на эту практику и лично приезжал в самые отдаленные края, если узнавал, что там выставлены головы «турок», Д. Маккензи и А. Ирби во время своего путешествия по Черногории все же увидели три головы, висящие на яблоне⁵²⁷. Путешественники могли своими глазами увидеть «впечатляющее количество» мужчин, которые жили близ черногорской границы и стали жертвами черногорского обычая отрезать носы своим соседям-мусульманам⁵²⁸. Когда мусульманского воина ранили на

поле боя, он умолял своих врагов-христиан: «Лучше перережьте мне горло, только не калечьте меня!» Однако христиане говорили: «Нет, мы лучшеотрежем тебе нос и верхнюю губу и унесем их с собой как трофеи»⁵²⁹. Когда черногорцы побеждали, то к указу князя относились с почтением. Но если враги загоняли их в угол, можно было услышать старинный клич, призывавший черногорцев идти в атаку за головами⁵³⁰. Иногда они поступали так, когда их охватывала ярость из-за негуманного обращения османских воинов с пленными⁵³¹. Много голов было отрезано еще в столкновениях, бушевавших в 1876–1877 годах, однако из-за предрассудков в отношении турок Европа не была готова поверить рассказам очевидцев об этом событии:

«Над бедным Кеноном Макколлом посмеялись и сочли его лжецом, когда он вернулся с театра военных действий и рассказал, что видел головы на кольях и что они принадлежали туркам. Гладстон представлял балканских христиан как ангелоподобных существ — хотя он никогда не жил среди них, — и Кенону совершенно не верили. Однако правду не скроешь. Через 25 лет я была в Гранд-отеле в Цетинье. Также там находились английский пастор с женой, и они беседовали с несколькими черногорцами, по-видимому занимавшими высокое положение, которые там обедали. Они говорили по-французски и носили красивые пиджаки, пошитые в салоне. Разговор зашел о турках, и почтенный джентльмен упомянул о дурацком сообщении Кенона Макколла. “Конечно, никто ему не поверил.” — “Почему же? — спросил Миюшкович (впоследствии министр иностранных дел), очень удивившись. — На войне, разумеется, видишь отрезанные головы”. Затем, заметив ужас на лице собеседника, быстро добавил: “Однако, когда некоторые учат детей втыкать этим головам сигареты в рот — нет, это уже чересчур” (*“c’est un peu fort, ça”*). В тот миг Балканы были разоблачены»⁵³².

|| Нос врага на свадьбу

Черногорцам в регулярных воинских подразделениях в конце концов удалось избавиться от обычая обезглавливать трупы врагов, тогда как повстанцы в нерегулярных отрядах и албанцы, время от времени присоединявшиеся к черногорским частям, по-прежнему продолжали отрезать носы мертвым врагам⁵³³. Согласно сообщениям корреспондентов из Боснии и Герцеговины, черногорцы и герцеговинские повстанцы во время восстания в Требине 1875 г. только в одной-единственной битве отрезали более 800 «турецких» носов⁵³⁴. Немецкий военный корреспондент Албин Кучбах сообщал, что тогда же отрезали и несколько турецких голов⁵³⁵.

Обычай сохранялся, пока воевали маленькими отрядами. Наиболее эффективным оружием для его отмены стали ружья с дальним радиусом действия, ведь за то время, которое воин тратил, чтобы отрезать голову, он мог двадцать раз заново зарядить ружье и выстрелить. Отрезанные головы очень мешали. Мужчина, носивший с собой две или три головы, больше не мог сражаться: головы мешали ему как при беге, так и при обращении с оружием⁵³⁶. М.Э. Дурхэм пишет, что в последний раз были отрезаны головы трех черногорцев, убитых в пограничном столкновении, в августе 1912 г.⁵³⁷

Если черногорцы отучались отрезать головы мертвым врагам медленно и против своей воли, то при отмене не менее жестокого обычая, а именно отрезания носов живым врагам, их князья добились большего успеха. Бывало, что мужчина, руки которого были заняты, зубами хватал нос своего противника и старался его отгрызть; возможно, для молодых мужчин успех в бою являлся предварительным условием для женитьбы⁵³⁸. Один черногорский жандарм однажды рассказал свою историю:

«Потом началась война, и я пошел сражаться с турками в Герцеговину (1876). Мы прорвались почти до Мостара. Но в глазах своих товарищей я был опозорен, поскольку не срубил ни одной головы. Другие, младше меня, отрезали их и послали домой своим матерям, я же — ни разу ни одной. Я поклялся, что в следующей битве либо отрежу голову, либо умру. Я пристально посмотрел в глаза турку и замахнулся на него ятаганом, но он выстрелил в меня из пистолета и сам в меня попал, — показал он глубокий шрам на правом предплечье. — Ятаган выпал у меня из рук. Я схватил пистолет левой рукой, но когда выстрелил, он вонзил в меня свой нож, и мой пистолет тоже упал на землю». (Он показал два пальца левой руки, онемевшие и скрюченные.) «Обе мои руки не действовали, но я не видел ничего, кроме головы этого турка. Я должен ее получить. Я кинулся на него, как волк, и впился зубами в его нос. Боже! Как я в него вцепился! Больше я не помню ничего, что было потом, пока я не очнулся в русской полевой больнице. Там была русская монахиня; она рассказала мне, что меня принес мой побратим Джоко Штепич — да упокоит Господь его душу. Он застрелил турка в голову. Мои зубы стискивали нос турка, и мы вместе упали на землю. Джоко отрезал нос своим ножом. Он знал, что я поклялся, что отрежу голову, и что теперь у меня не будет другой возможности. У нас, знаете ли, нос ценится так же, как голова. Он не мог отнести меня и еще голову, поэтому засунул нос в карман моих брюк. Там я его и нашел, и он помог мне больше, чем все лекарства»⁵³⁹.

Некоторые авторы полагали, что обычай отрезания носов развился из практических соображений, поскольку головы было неудобно носить⁵⁴⁰. Другие объясняли, что это была старинная и распространенная форма телесного наказания, описанная уже Гомером и Страбоном и применявшаяся прежде всего по отношению к слугам и женщинам⁵⁴¹. Когда один грек по имени Стридия-бег

предложил завоевать княжество Валахию, султан сказал ему, что он «слишком горд и честолюбив», и приказал отрезать ему кончики носа и ушей, чтобы «подрезать крылья его честолюбия»⁵⁴². По некоторым данным, в XIX в. черногорцы и другие балканские народы все еще наказывали свою жену, отрезая ей нос, если заставляли ее при совершении «тяжкого преступления»⁵⁴³. По словам М.Э. Дурхэм, «они часто так поступали» в случае неверности жены⁵⁴⁴.

После объявления войны в октябре 1912 г. Ковачевич, преподаватель современных языков в Подгорице, радостно предрекал, что появятся полные корзины «турецких» носов. Когда М.Э. Дурхэм заметила, что такое поведение приведет в негодование всю Европу, он возмутился и заявил, что отрезание носов — национальный обычай и что «турки» не человеческие существа: «Это наш старый национальный обычай; как наш воин докажет своему командиру, что совершил подвиг, если он не принесет носов? Конечно, мы будем отрезать носы, как всегда делали»⁵⁴⁵. Они и тогда так поступили, снова⁵⁴⁶. М.Э. Дурхэм сама видела девять выживших жертв: у них были отрезаны носовой хрящ и вся верхняя губа. Все ее черногорские пациенты хвастались тем, сколько носов они «взяли», и хотели выздороветь, чтобы получить их еще больше. Хохоча, они рассказывали ей, что не оставили носов ни на одном трупе между Беранами и Печем, а вдобавок изувечили и живых, говоря им: «Пойди домой и покажи жене, какой ты красавец!»⁵⁴⁷

Авторы, весьма симпатизировавшие свободолюбивым черногорцам, охотнее приписывали обычай не самим черногорцам, а их союзникам. Две английские путешественницы сообщали, что решительная строгость черногорских князей положила конец этому варварству в Черногории; все представители иностранных государств, которых они спрашивали об этом, полагали, что в Скадаре невозможно увидеть или доказать, что видели, ни

одного пациента без носа; они были убеждены, что некоторых можно увидеть в Дубровнике и на палубе парохода до Корфу. Поэтому им казалось, что есть доля истины в утверждениях горцев: «этих калек изуродовали герцеговинские повстанцы, варварств которых черногорский князь не может контролировать и которые являются турецкими райя, поэтому и ведут себя так»⁵⁴⁸.

Некоторые авторы, признававшие, что эта практика некогда была повсеместно распространена среди черногорцев, констатировали, что их мотивы не кажутся им «совсем уж плохими». Черногорцы были христианами «и имели благородный характер от природы». Они сомневались, нужно ли отнимать жизнь у своего пленника. Но они не хотели, чтобы «турки» похвалялись тем, что победили черногорцев, поэтому они вырезали этот знак на их лицах, чтобы все могли узнать, кто был побежден. Эти авторы также добавляли, что от этого варварского обычая уже отказались и заменили его более цивилизованными⁵⁴⁹.

|| Вино чести

Обычай, который путешественники в XIX в. воспринимали как характерную черту балканского варварства, на самом деле имел очень давнюю традицию. В Европе охота за человеческими головами как доказательство храбрости была распространена намного раньше, чем османы начали свои завоевания; существуют неоспоримые свидетельства этого еще со времен мезолита. Участие в охоте за головами было *rite of passage** во взрослую жизнь, экзаменом на зрелость для вступления в брак. Есть достоверные сведения о существовании этого обычая среди индоевропейских народов, например у скифов. Согласно Геродоту, скифы пили кровь первого собственноручно убитого мужчины. Головы всех убитых в бою они

* Здесь – инициация (англ.).

приносили царю, чтобы получить от него в награду свою долю военной добычи. Затем они снимали с врагов скальпы и делали из них своеобразные полотенца для рук, которые вешали на уздечку коня. Чем больше скальпов было у мужчины, тем больше его уважали. Раз в году вождь выставлял бочку вина для тех, кто убил врага. Убившие больше одного получали две чаши и выпивали их, те же, кто никого не убил, сидели опозоренные и не получали ни глотка⁵⁵⁰.

До завоевания этих земель османами там часто происходили столкновения между болгарами и византийцами, во время которых было отрезано много вражеских голов. Под предводительством своего хана Крума болгары опустошили Тракию и дважды добирались до стен Царьграда, они победили и убили одного за другим двух императоров (Никифора и Михаила) и создали «одну из бессмертных балканских легенд, сделав из черепа Никифора кубок для вина»⁵⁵¹.

Поскольку обвинения в жестокости и варварстве, как правило, предъявлялись туркам, любопытно упомянуть о некоторых христианских практиках, зафиксированных в документах и памфлетах XVI в. Венгерский историк Иштуанфи писал, что в 1539 г. хорватский дворянин Николай Зринский убил Иоанна Катциянера, отрезал ему голову и послал ее императору Фердинанду II в Вену⁵⁵². Памфлет под названием «*Les tree excellente ... entre faicte à Rome*», опубликованный в Лионе в 1572 г. и посвященный произошедшей в том же году битве при Лепанто, описывает статую гладиатора в Капитолии: в правой руке он держит обнаженный меч, а в левой — голову «Сулеймана османа»⁵⁵³. В памфлете высказано удовлетворение тем, что после победы при Дьере голову османского предводителя насадили на копье и поставили на видное место, и что при повторном взятии «Альбы Регии»* убили несколько мусульманских вождей, а их головы обменяли

* Совр. Секешфехервар, город в Венгрии.

на большое количество пленных христиан. В победоносных битвах с османами в 1598 г. в одном вооруженном столкновении было добыто «72 головы турок», в другом — «18 голов турок»⁵⁵⁴. В XVI и XVII веках, когда австрийские воины принуждали османских противников к отступлению, они, как правило, отрезали головы у трупов врагов, павших на поле боя, и победоносно насаживали их на кол. Некогда в Хорватии и других пограничных странах никто не имел права носить на головном уборе перья, пока не убил «турка» и не принес домой его голову⁵⁵⁵. Барон Вальватор писал, что видел, как жители Сенья, валахии и ускоки, отрезали головы туркам, поднимали их вверх, чтобы теплая кровь капала им в рот, и делали они это «с большой страстью и варварски»⁵⁵⁶.

В XVII веке не только австрийские, но и венецианские воины хранили головы осман как знак победы. Граф Каслмейн в письме о войне между венецианцами и османами отметил успехи капитана Томаса Миддлтона на службе у Венецианской республики. Когда он благополучно прибыл в порт на Крите, то подарил «генералу целую бочку засоленных голов тех, кого он убил во время своих частых нападений на корабли»⁵⁵⁷.

Головы врагов использовали и как средство устрашения. В очень популярной и часто цитируемой книге по истории турок с древнейших времен до расцвета династии Османов описано, как Синан-паша, который в 1594 г. большими силами армии и флота осадил город Комарно, послал в город пять турок, чтобы они выяснили, можно ли уговорить командующего сдать город. Командующий слушал их, «пока они не раскрыли перед ним все свое коварство», затем велел четверых обезглавить и выставить их головы на длинных копьях на одной из башен, чтобы паша мог их видеть. Пятого он отослал обратно, чтобы тот передал, что хотя паша и нашел «в Раабе (совр. Дьёр) себе пособника, но сильно заблуждается, если думает найти и в нем графа Хардека, и что он лучше умрет как

верный слуга императора, залитый кровью турок, чем предаст город, вверенный его попечению»⁵⁵⁸.

Еще больше эта практика была распространена в Османской империи. Как правило, в XVII в. головы гайдуков, насаженные на острия копий, выставляли на городских стенах. В XVI и XVII веках путешественники видели такие головы во многих городах европейской Турции⁵⁵⁹. Во время своей поездки на Крит английский путешественник Бернард Рандольф увидел перед воротами города «полумесяц, сделанный из земли, высотой около 20 футов; на каждой стороне маленькая пирамида из мортир и черепов, черепов христиан, убитых на этом месте в 1666 г.»⁵⁶⁰. Этот обычай сохранялся до начала XX в. Когда убивали вора, ему отрезали голову и дарили ее главе округа, который выдавал за это деяние награду деньгами. Чтобы не дать врагам возможности получить награду и спасти трупы друзей от позора, члены разбойничьих шайк отрезали головы своих товарищей сразу, как только они пали на поле боя, и уносили их с собой⁵⁶¹. После того как турки, одержав победу, 23 апреля 1826 г. захватили Миссолонги в Греции, где умер романтический кумир литературной Европы лорд Байрон, рядом с городом лежало много сотен непогребенных трупов греческих патриотов; их сгромоzdили в кучу и сожгли, чтобы предотвратить заражение⁵⁶².

|| Достопримечательности, || которые путешественники || не могли не заметить на Востоке

Для путешественников, жаждавших крови, вход в султанский дворец, именуемый Высокой Портой, был достопримечательностью, на которую невозможно было не обратить внимания. Правда, он не был увенчан шестью тысячами отрезанных голов, как это представил французский писатель Виктор Гюго⁵⁶³, — действительность

была не так фантастична. Несмотря на это, отрезанные головы повстанцев, точнее, их скальпы — черепа и кости убрали, кожу набили сеном, к ним привязали *яфту**, на которой была указана причина казни — временно расставлялись в нишах на обеих сторонах стены. Головы пашей или других выдающихся людей, обезглавленных по приказу султана, расставляли между первыми и вторыми воротами сераля. Обычно они выставлялись на обозрение общественности всего на несколько часов; когда же правительство хотело сильнее воздействовать на людей, их оставляли там на три или четыре дня. Иногда выставлялись головы выдающихся людей, например после смерти султана Селима III — головы всего *дивана*** министров; голову *кислар-агы**** поставили на серебряную тарелку из-за его высокого общественного положения. По окончании войн носы, уши и губы врагов прибавляли к стенам дворца, чтобы они были на виду у публики. Такие «выставки» были частым явлением во время греческой революции в 20-е годы XIX в., когда султану мешками посылались носы и уши в качестве убедительного доказательства успешной борьбы против греческих патриотов в Миссолонги⁵⁶⁴. Начиная с 30-х годов XIX в. подобные «экспонаты» можно было увидеть гораздо реже, однако, несмотря на это, о них продолжали подробно писать⁵⁶⁵.

Почтенный сэр Роберт Уолш постарался детально описать «восточный обычай, оставшийся неизменным с древнейших времен», свидетелем которого он стал 24 февраля 1822 г., когда увидел отрезанную голову легендарного Али-паши Тепеленского, долгие годы будоражившего Европу. Мехмед-паша из Пелопоннеса обезглавил его по приказу султана 5 февраля 1822 г. в возрасте 82 лет. Голову Али-паши послали султану в ларце и выставили ее на блюде на столбе в первом дворе сераля⁵⁶⁶.

* Здесь — табличка с надписью.

** Правительственный совет при султани.

*** Надзиратель над евреями при турецком дворе.

*Голова Али-паши на серебряном подносе.
Стамбул, 1822 г.*

«Поскольку это был Али-паша, с его головой обращались с почтением, подобающим его высокому положению. Вместо того чтобы выставить ее обычным способом на входных воротах, ее поставили на блюдо на низкий мраморный столб между первыми и вторыми воротами сераля, где она очень напоминала голову Иоанна Крестителя на подносе. Над ней висела *яфта*, то есть лист бумаги с обвинениями в его адрес, какой вешали на злодеев на кресте; а рядом с ней стоял *бостанджи** с палкой в руке. Вокруг блюда стояло несколько человек, освободивших мне место, когда я подошел; и бостанджи дотронулся своей палкой до блюда и стал его поворачивать, чтобы я мог детально рассмотреть голову со всех сторон. Тем временем люди рассматривали голову с равнодушной серьезностью, не показывая своих чувств, как будто смотрели на каменный столб, на который ее поставили.

От головы остался только скальп — то есть череп и мозги были удалены, вместо них скальп заполнили чем-то другим. Операция, которую турки делали очень умело, была проведена так искусно и точно, что внешняя форма

* Страж в серале турецкого султана.

и черты лица полностью сохранялись, а выражение лица было так полно жизни, будто бы голову не отделяли от тела. Снаружи она была бледной, но округлой; не впалой, а полной, с ярко выраженными чертами характера. Она была большой и красивой, явно она принадлежала статному мужчине с властной осанкой; она создавала впечатление открытости и хорошего настроения — но я мог представить себе, что под приятной внешностью скрыто жестокое и лживое сердце. Верхняя часть головы была голой, что сильно подчеркивало ширину лба. На темени, однако, была длинная прядь седых волос, свисавшая назад, как у современных албанцев и у древних греков из этой области, *"Karakomaontes Ahaloi"**. Привлекала внимание борода на его щеках, — серебристо-серого цвета, длиной около шести дюймов»⁵⁶⁷.

Выставки таких трофеев были аттракционами, которые западные посетители Царьграда не хотели пропустить, и некоторые из них были явно разочарованы, если не имели возможности посмотреть на какую-нибудь из них⁵⁶⁸. Когда голова Али-паши была выставлена на всеобщее обозрение, греческий торговец из Константинополя предложил «большую сумму денег», чтобы выкупить голову и блюдо. Он хотел отправить их на выставку в Лондон, где судьба Али-паши возбуждала большой интерес⁵⁶⁹.

На головы известных личностей османской политической и военной истории был большой спрос и в других странах Европы. Жители Вены, к примеру, считали, что владеют головой великого визиря Кара-Мустафы, главнокомандующего османской армии, безуспешно осаждавшего Вену в 1683 г. Однако сначала его голову отвезли в Стамбул и выставили там на всеобщее обозрение так же, как голову Али-паши⁵⁷⁰. Согласно собранным австрийским историком Карлом Августом Шиммером сведениям, голову Кара-Мустафы ждали дальнейшие приключения. Султан

* Местное название этой прически.

вернул ее в Белград, чтобы ее спрятали в местной мечети. Когда христианские войска завоевали город, голову нашли и послали епископу Колоничу. Прелат позаботился о том, чтобы ужасные останки человека, некогда грозившего его собственную голову отослать султану, насадив ее на острие копья, были переправлены в венский арсенал, «где они до сих пор занимают свое место среди других трофеев долгой борьбы между народами и верами»⁵⁷¹.

В XVI и XVII веках среди османских воинов человеческие головы считались драгоценными трофеями. Пленников заставляли отрезать головы мертвым товарищам и набивать их сеном. Утром перед военным походом головы торжественно насаживали на колья и потом несли их во главе колонны. Головы солили и вместе с другими военными трофеями (трубами, знаменами и крестами) укладывали в шерстяные мешки и сносили во дворец султана. Прежде чем преподнести их султану и получить награду, бойцы победоносно маршировали с ними по улицам Стамбула⁵⁷². Правительство определило фиксированную цену за голову врага, которая выплачивалась из государственной казны. По окончании военного похода воины обычно рядами выкладывали отрезанные головы, чтобы показать великому визирю, следующему в свою палатку⁵⁷³. У янычар, да и у всех османских воинов, было обыкновение носить «на головах различные перья <...> и другие необычные знаки, показывавшие, сколько христиан они убили»⁵⁷⁴.

В арсенале Турьякского замка барон Вальвазор видел деревянный ларец, в котором были спрятаны «бесценные драгоценности», среди которых было два чучела из кожи, снятой с человеческих черепов. Головы эти принадлежали Херберту фон Ауэрспергу и Фридриху фон Вайксельбергу, павшим в битвах с османами под Будапештом в 1575 г. Им отрезали головы, выделали кожу и послали ее во дворец султана. Хозяева Турьяка отдали за них «большой выкуп» и привезли оттуда обратно домой, чтобы сохранить «на вечную память»⁵⁷⁵.

Готовясь к экспедиции в Черногорию в 1768 г., скадарский паша издал указ, которым под угрозой смертной казни запретил продажу хлеба и пороха черногорцам. Чтобы пробудить в своих людях воинственный дух, он пообещал плату за каждую голову черногорца⁵⁷⁶. Некоторые из этих голов, насаженные на колья, украшали стены османских городов в знак победы. В начале XIX в. султан Селим положил конец этому обычаю, однако еще в 1877 г. османские как регулярные, так и нерегулярные части обезглавили множество раненых пленников, попавшихся в их руки, или им отрезали носы либо уши. Поэтому русские считали делом чести не оставлять на поле боя своих — ни раненых, ни павших⁵⁷⁷. Когда в 1828 г. начался военный конфликт с Россией, одна османская конная дивизия застала врага врасплох и взяла в плен передовой отряд примерно из четырехсот человек. Пленникам отрезали уши, которые как трофеи отправили в столицу. Однако султан, вместо того чтобы выразить свое удовлетворение, как обычно бывало в таких случаях, осудил эти действия и потребовал запретить их. Он издал указ, запрещающий истязать пленных; теперь их следовало, обеспечив безопасность, привезти в Стамбул. Указ из Стамбула беспрекословно и под угрозой смертной казни требовал от офицеров искоренять осквернение трупов. Однако имеется ряд сообщений о том, что османские солдаты считали свою победу неполной, если не могли изувечить трупы своих врагов. Запрещение этого обычая, по сведениям из некоторых источников, вызвало трудности при наборе рекрутов⁵⁷⁸.

В бурных сражениях XIX в. османские военные и нерегулярные отряды использовали отрезание голов, носов и ушей как средство устрашения непокорных балканских народов. Они продолжали действовать такими методами и во второй половине XIX, и в начале XX вв., даже усилив террор: к прежним методам добавились убийства и поджоги деревень, грабежи и сексуальное насилие⁵⁷⁹.

В некоторых областях этот обычай сохранялся вплоть до начала XX в. Албанцы, служившие в османской армии и подавлявшие восстание в Болгарии, по возвращении домой якобы даже показывали «засоленные женские груди и уши» как трофеи⁵⁸⁰. Во время восстания в Болгарии «кровь текла потоками, высоко в отравленный воздух вздымались пирамиды, сооруженные из тысячи человеческих голов»⁵⁸¹. В конце XIX — начале XX века османские отряды победоносно маршировали с головами *комитаджиев* на своих штыках. Фотограф в Битоле еще в начале XX в. сделал множество фотографий османских солдат и офицеров, стоящих за столом, на котором лежали отрезанные головы болгар и других «разбойников»⁵⁸². Османские отряды, напавшие в августе 1912 г. на черногорскую деревню, обезглавили несколько ее жителей и унесли их головы в качестве трофеев⁵⁸³. В Ругово в 1913 г. во время нападения был убит черногорец из рода Васоевичей. Жители Ругово принесли его голову в Печ, где люди весь день распяли себя, насмехаясь над ней. В конце концов ее отдали детям, которые играли с ней как с мячом, а с наступлением ночи ее бросили на мусорную кучу в сербском районе города. На следующий

*Османские воины с «трофеями»
(фотография начала XX в.)*

день сербы решили ее похоронить. Для османских властей единственной проблемой при этом стало лишь то, что фотограф сделал фотоснимки на похоронах; за свою дерзость он был приговорен к пятнадцатилетнему тюремному заключению⁵⁸⁴.

Победоносная сербская армия во время Первой мировой войны, в 1918 г., ограбила в Северной Албании барьяктара * на свадьбе Колловози. В него выстрелили, но он выжил. Колловози поклялся отомстить, собрал соседей, и они убили шестьдесят сербов. Они захватили двух пленных, «которые не заслужили пули», и отрезали им головы — «на манер сербов»⁵⁸⁵.

Говорят, что и боснийские бойцы, сопротивлявшиеся австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 г., отсекали много голов⁵⁸⁶. Чешский автор Эдмунд Шаура, участвовавший в этой экспедиции, был шокирован «боснийскими каннибалами», которые во Врандуке 18 августа 1878 г. насадили на колья головы многих австрийских солдат:

«Мы стояли в полном военном обмундировании против низкого врага-каннибала, и я не преувеличу, если скажу, что зулусы, багуруи, ням-нямы, бечуаны, готтентоты и подобные им южноафриканские шайки вели себя с европейскими путешественниками более благородно, чем боснийские турки по отношению к нам. Я всегда с ужасом вспоминаю балканские народы, среди которых десятилетиями не ступала нога цивилизованного европейца, и как там вообще турки, “местные господа”, правят!»⁵⁸⁷

Злодеяния «туроку» потрясли австрийцев. Известный военный корреспондент Джон Рид, побывавший во время Первой мировой войны в городе Шабац в Сербии, рассказал в своей книге о существовании сотен свидетельств, письменных заявлений и фотографий, где указывались фамилии, возраст и адреса жертв, а также подробности

* Знаменосец, друг или родственник жениха, в чьи обязанности входит носить барьяк (флаг), возглавляя свадебную процессию.

страшных злодейств, совершенных австрийцами. Среди прочего он видел фотографию, на которой были «более сотни женщин и детей, связанных вместе, и их головы, отрезанные и лежащие отдельно в куче»⁵⁸⁸.

|| Трудно добраться до небес на одной ноге

Турки долгое время не делали операций и не соглашались на ампутацию даже тогда, когда она была жизненно необходима. В османской армии на каждую ампутацию нужно было получать разрешение Генерального штаба, а оно выдавалось только после проведения расследования. Как пишут западные авторы, причина такого положения крылась в распространенном среди мусульман веровании, согласно которому тем, кто придет к небесным вратам без какой-либо части тела или с какими-либо другими увечьями, придется долго ожидать, прежде чем им позволят войти и вкушать наслаждений, обещанных Пророком⁵⁸⁹.

Во всей европейской Турции люди решительно сопротивлялись ампутации какой-либо части своего тела, даже если на кону была их жизнь. Даже если оставались отвлеченные почерневшие обрубки, доставлявшие им сильнейшие боли, они настаивали на их сохранении. Британские медсестры писали, что среди сербов тоже распространено суеверие, что если похоронят одноногого, то он восстанет в Судный день только на одной ноге и так проживет всю вечность⁵⁹⁰. Военный корреспондент Франк Фокс сообщал, что болгарские воины во время Балканских войн также возражали против ампутации и иногда просили: «пусть их лучше убьют», чем отрежут часть тела⁵⁹¹. Из этой перспективы отрезание голов кажется крайне жестоким наказанием. Возможно, в этом заключается ответ на вопрос, почему во время войн между христианами и мусульманами на поле боя оставалось столько искалеченных трупов.

|| Четыре глаза видят больше, чем два

В XIX веке западные авторы сдержанно относились к обычаю черногорцев отрезать у людей головы и выставлять их на всеобщее обозрение. Некоторые даже защищали тех, кто поступал со своими врагами так нецивилизованно, чем привлекли внимание своих читателей к тому факту, что «нам, наслаждающимся всеми преимуществами цивилизации, легко осуждать черногорцев за то, что они мстят своим безжалостным врагам с той же жестокостью, которую испытывали на себе, попав к ним в руки»⁵⁹². Другие, чтобы показать, какая короткая память у Запада, приводили в пример следующий анекдот. Когда маршал Мармонт с упреком сказал владыке Петру, что этот обычай его народа ужасен, последний ответил, что в нем нет ничего поразительного; однако самого его поразило, что французы обезглавили своего законного короля. И добавил, что черногорцы, вероятно, могли перенять этот варварский обычай от французов, различие между ними только в том, что черногорцы лишали головы своих поработителей, а не своих князей и соотечественников⁵⁹³.

В XIX веке черногорцам очень не нравилось то, что в цивилизованном мире о них бытует плохое мнение. Три слова: «Черногорцы отрезают головы!» — настроили против них большую часть мировой прессы. Черногорцы считали, что жители Запада, взяв на себя роль судей, провозгласили их обычай варварством и создали на этой основе бесчисленные «страшилки», действительно показывавшие их как варварский народ. Это не трудно было сделать, писал Любомир Ненадович, поскольку Черногория являлась *terra incognita*, «а ее враги приложили больше усилий, чтобы узнать ее и написать о ней, чем ее друзья». Так что никто не поднялся на защиту Черногории, «чтобы рассказать и доказать то, что впоследствии

было рассказано и признано: что черногорцы не варвары, напротив, Черногория — это Фермопилы, оплот против варварства; что они не бесчеловечны, а, напротив, являются противниками бесчеловечности». Этот пред-
рассудок исчезнет только тогда, когда славянство пробудится и начнет их подвиг прославлять и превозносить⁵⁹⁴. Секретаря черногорского князя сердила «неумная лацманская [от слова «лацман», уничижительное прозвище иностранца] пресса», порочащая имя черногорца обвинениями в позоре и варварстве. Его приводило в негодование, что никто не расценивал как варварство тот факт, что в Англии «до сих пор» существует закон, по которому человека можно бросить в тюрьму и оставить там умирать от голода; а в Пруссии «до сих пор» действует закон, по которому живого человека растягивают на полу и медленно дробят ему кости с ног до головы тяжелым колесом, пока он не умирает от этих мук.

По его убеждению, упреки в адрес черногорцев были не только совершенно несправедливыми, но и полностью противоречили истине:

«Когда вы слышали, чтобы черногорцы привязывали своих пленников к жерлу пушки и поджигали фитиль, как это делали англичане? Черногорцы никогда не вели себя негуманно по отношению к своим врагам. Они никогда не мучили взятого в плен турка, более того, они никогда его не избивали, не выкалывали ему глаза, не вешали! Никогда! — В какой смерти вы найдете больше красоты и поэзии, чем, как говорится: “Мой меч, твоя голова с плеч”?»⁵⁹⁵

Серб Спиридон Гопчевич соглашался с этим. Более того, он утверждал, что отрезание голов вовсе не славянский обычай, «а азиатско-турецкий»⁵⁹⁶. Или, как выразился один немецкий писатель:

«Жестокости, в которых виновны черногорцы, в наибольшей степени следует приписать туркам, вероятно, самому дикому и жестокому народу из всех, кто когда-ли-

бо вторгся в Европу. Они ввели обычай отрезания голов и возвели его в культ. Кто может поставить черногорцам в упрек то, что они переняли этот обычай исключительно из мести?!»⁵⁹⁷

Другие утверждали, что то, что совершали черногорцы, было не актом варварства, а актом милосердия: «Что бы они стали делать с ранеными? Взять их с собой не было возможности, ведь их сил едва хватало на то, чтобы перенести собственных раненых, и куда бы они их отправили? В Черногорию?»⁵⁹⁸

Многие западные авторы со страстной многословностью описывали черногорцев как народ героев, одаренный всеми достоинствами и недостатками героической эпохи, с неизменным мужеством сопротивляющийся всем попыткам османских орд подчинить его себе. Некоторые убеждали своих читателей, что это самый замечательный народ в Европе, и весьма преувеличивали достоинства благородных черногорцев, противопоставляя их «страшным туркам». Корреспондент лондонской газеты «Times» Уильям Джеймс Стиллмэн покинул Цетинье с чувством, что расширил свои представления о мире, открыв «народ старого, героического, типа — пережиток гомеровской эпохи, несомненно имеющий героические прегрешения, которые еще не изжили себя и в других местах, однако обладающий некоторыми достоинствами, которые вряд ли смогут сохраниться при более высоком уровне цивилизации». Он полагал, что мало кто из англичан смог бы противиться этому впечатлению и что большинство из них желали бы, чтобы Черногория осталась «не тронутой и не измененной цивилизацией — как пример того, каким когда-то было человечество»⁵⁹⁹.

Все эти преувеличения, конечно, были основаны на недостаточном знании реалий и истории народа, и для них было характерно определенное желание скрыть или исказить факты из политических соображений. Например, Чарльз Пелерин писал, что в то время, «когда

цивилизация распространилась в Африке и в Азии и достигла Дальнего Востока», Турцию следовало бы «в интересах цивилизации» исключить из числа европейских государств из-за свидетельств, приведенных нами ранее, тогда как черногорские герои, по его мнению, заслужили поддержку «во имя свободы»⁶⁰⁰.

Черногорцами и их любовью к свободе более всех восхищались славянские авторы, превозносившие и возвеличивавшие их как славянских спартанцев⁶⁰¹. Они не только были готовы не замечать некоторые их характерные черты, воспринимавшиеся другими как негативные, но, более того, превратили их в достоинство. Егор Ковалевский, который провел в середине XIX в. четыре месяца в Черногории, восхищаясь ее жителями, удивлялся, что «источники Нила видели путешественников чуждых и дальних им стран, а Морача, уголок Европы, остается для нее *terra incognita* и не возбуждает ничьего любопытства: на самых картах она не существует. А между тем в Мораче считается до тысячи двухсот оруженосцев, и каких! каждый из них считает за собою пять-шесть, иные двадцать турецких голов»⁶⁰².

|| Башня из черепов

Когда в 1896 г. было объявлено о свадьбе итальянского короля с княжной Еленой из Черногории, многочисленные итальянские репортеры посетили ее страну, чтобы увидеть свою будущую королеву. Нет ничего удивительного в том, что они тоже обратили внимание на «варварский обычай» обезглавливания мертвых или раненых врагов и Кулу над Цетиньем⁶⁰³. Поскольку факты были не слишком романтичны, их приукрашивали мотивами, достойными восточных сказок. В репортажах круглая башня поэтически именовалась Башней черепов и описывалась как необычный «исторический памятник»⁶⁰⁴. Некоторые считали, что героическую историю Черногории нужно еще

больше приукрасить, и «Башне черепов» приписали необыкновенное происхождение, связанное с «эпическими боями 1690 г. между горсткой черногорских героев и турками». Последние якобы «в результате жестокой схватки заняли башню, обезглавили мертвых и швырнули головы на землю, чтобы утратить героических защитников Черногории, которые еще были живы»⁶⁰⁵.

Это описание вызывает ассоциации не столько с самой Кулой в Цетинье, сколько с Челе-кулой (по-турецки: башня черепов) в Нише, которую некоторые путешественники представляли как «объект, возбуждающий чрезвычайный интерес»⁶⁰⁶. Это была башня, составленная из 1024 человеческих черепов, свидетельствующая о победе турок над сербами в окрестностях города в 1809 г. О Челе-куле рассказывали романтическую историю. Стефан Синджелич, командир «отважного маленького отряда, который беззаветно защищал опорный пункт близ

Челе-кула в Нише
(открытка 1900 г.)

Ниша, после победы численно превосходящего противника предпочел не сдаться в плен, а расстрелял пороховой склад, тем самым погубив себя, и своих храбрых воинов, и еще большее количество врагов. Паша, разъяренный потерей своих людей, решил предать казни христианское население и велел собрать головы побежденных и поставить этот ужасный памятник»⁶⁰⁷.

Памятник выглядел еще весьма устрашающе, когда в 1833 г. его увидел французский поэт Альфонс де Ламартин, посетив последний за время своего путешествия по Востоку османский город. Черепа, сцементированные известью и песком, были уже без мяса и выбелены солнцем и дождем, но эффект они все равно производили убийственный, ведь «их было, может быть, пятнадцать или двадцать тысяч; некоторые все еще имели волосы, которые колыхались как мох и лишайники при порывах ветра. Было холодно, и дул сильный ветер, залетавший в бесчисленные впадины голов, лиц и черепов, так что слышались скорбные и печальные голоса». По крайней мере так писал этот знаменитый член Французской академии в своих воспоминаниях о Востоке. Чтобы добавить немного местного колорита к этой вызывающей ужас картине, он добавил: «Ребенок, державший за уздечки двух коней, играл с костями черепов, упавшими в пыль к подножию башни»⁶⁰⁸.

Изумительное описание де Ламартином высокой белой башни, стоящей среди равнины и «такой сверкающей, как будто она была построена из паросского мрамора» в напоминание сербским детям о «ценности государственной независимости» и о том, «какую цену их отцы должны были заплатить за нее», привлекло в Ниш много западных путешественников. При взгляде на башню одни удивлялись тому, что она была «величиной всего лишь с высокую голубятню»⁶⁰⁹, другие же преувеличивали увиденное и красочно описывали его как «огромную груду конусообразной формы, сооруженную

из двадцати тысяч человеческих черепов»⁶¹⁰, или как «хороший образец восточной архитектуры» «пирамидальной формы», «составленный из тридцати тысяч черепов, принадлежавших восставшим сербам»⁶¹¹.

Впрочем, к 1840 г. осталась лишь половина черепов, да и те почти полностью исчезли к 1860 г.; только один из них остался на своем месте, он слишком глубоко увяз в цементе, чтобы его можно было извлечь. Некоторые из черепов унесли местные жители, некоторые со временем сами рассыпались в прах, другие же раскупили или увезли иностранцы⁶¹². Та же судьба постигла и гору трупов в «цитадели греческой свободы» Миссолонги, которая быстро сократилась «до полдюжины убогих экземпляров, не имеющих никакой ценности мозгов, которые некогда были наполнены платоновской мыслью и пульсировали аттическим огнем»⁶¹³. В частности, Филип Джеймс Грин, один из первых западных путешественников, посетивших город, спрятал несколько зубов от черепа Маркоса Ботсариса (1790—1823), героя греческой войны за независимость, поскольку почувствовал себя дурно от мысли, что турки могут увидеть, как он выносит череп целиком⁶¹⁴. Впрочем, многие другие увозили черепа целиком для своих частных коллекций⁶¹⁵. Автор произведения «Дух Востока» Дэвид Уркхарт, посетивший город десятью годами позже, оказался более удачливым. Там не было ни одного турка, поэтому он смог выбрать из кучи «один череп хорошей формы, на котором были следы четырех ран» и который на долгие годы стал его «очень неприятным компаньоном»⁶¹⁶. Лорд Байрон, как и многие другие поэты, хранил у себя череп просто как сувенир, но и использовал его — он пил из него пиво⁶¹⁷.

Ни одна коллекция сколько-нибудь уважающего себя музея не считалась полной, если в ней не было черепов, хотя в прежние времена их выставляли не с целью изучения антропологии, а как обыкновенные фармацевтические средства. По словам Пьера Поме, главного апте-

каря французского короля Людовика XIV, человеческий череп считался особенно эффективным средством для лечения «эпилепсии, а также <...> большинства болезней головы»⁶¹⁸. Специалисты приписывали оздоровительную силу только тем черепам, которые не были похоронены, в особенности черепам людей, умерших насильственной смертью⁶¹⁹. Торговали в основном черепами преступников, и в прошлом, когда практиковались повешения, предложение неизменно было большим. Далее Пьер Поме констатировал, что английские фармацевты обычно добывали черепа из Ирландии, страны, где их было в избытке со времени резни протестантов в 1641 г.⁶²⁰ В начале XVIII в. Михаэль Бернхард Валентини отметил, что немцы отоварились ими во время последней турецкой войны⁶²¹.

В XIX веке и позже западные путешественники воспринимали обычай отрезать головы убитым в бою врагам как явный символ варварства, обозначавший четкое разграничение между жителями Балкан с их сильной тягой к жестокости и цивилизованным Западом. Как мы видели, в XVI и XVII веках такого разделения не было. Первым обратил внимание на это различие французский офицер, который, по-видимому, не был пламенным сторонником власти террора, под знаменами которого после 1789 г. публично отрубали головы сотням противников революции. Британские путешественники заметили его лишь после того, как обезглавливание осужденных перестали практиковать на их родине. И даже когда эта практика приобрела новое значение, они не мерили все балканские народы одной и той же меркой, и стереотип: «турок» — дикий, кровожадный, нападающий на невинных христиан и убивающий их без разбора — затмевал в западных нарративах любые другие. В ходу была поговорка: «У турка добрый нрав, когда он не режет голов»⁶²². Черногорским ключом к сердцам жителей Запада была их приверженность христианству и непрерывное ведение

войн с мусульманами, их соседями. Поскольку черногорцы не могли, как греки, ставить во главу угла славное прошлое и декларировать, что их предки были родоначальниками «нашего искусства и цивилизации»⁶²³, у жителей Запада они не встретили такого же сочувствия. Жестокости, совершенные «греческими героями» против «жестоких зверей турок»⁶²⁴, стали достоянием общности в значительно меньшей степени, хотя во время греческой революции 20-х годов XIX в. были обезглавлены сотни «турок»⁶²⁵. Более того, если «турки» отрезали головы, это считалось доказательством их варварства, а когда Теодор Колокотронис и другие разбойники открыли «последний и самый предпочтительный метод, как соединять головы турок с телами собак и головы собак с трупами мусульман», их восхваляли как «знаменитых героев греческой независимости»⁶²⁶. При таком отношении нетрудно было упустить из виду подробности, а именно то, что в Османской империи жестокость стала более привычным явлением как раз в период националистических мятежей XIX в., то есть, что они не были эндемичны, а европеизация их усугубила⁶²⁷. Более того, такое отношение эффективно исключало из поля зрения жителей Запада саму возможность усомниться в собственном восторженном интересе и даже воодушевлении этим «варварским обычаем», которые демонстрировали как наблюдатели, так и исследователи.

Где рай был потерян лишь из-за глотка адского отвара

|| Черный как черт

Историю кофе описывали много раз и столько же раз исправляли, чтобы удовлетворить постоянно меняющиеся вкусы читателей. Первое печатное доказательство интереса Европы к кофе появляется в главе об обычаях и традициях города Алеппо, написанной немецким доктором медицины и ботаником Леонардом Раувольфом в 1582 г. Он описывает «*chaube*» как напиток, «черный почти как чернила и очень хороший для лечения разных болезней, прежде всего болезней желудка»⁶²⁸. Однако его рекомендации было недостаточно для того, чтобы жители Запада немедленно стали восторженными почитателями кофе. В начале XVII в. лорд Бэкон, например, упомянул о кофе и кофейнях в Турции так, что становится ясно: в то время на западе Европы и первый, и вторые считались экзотикой⁶²⁹.

Поскольку главной задачей путевых заметок было записывать и сообщать о странном, новом, другом и неизвестном, западные путешественники XVII в. собрали много информации об этом экзотическом напитке, его популярности среди жителей Востока и способе, которым его вкушали⁶³⁰. Кофе описывался как особо отвратительный напиток. Например, сэр Томас Герберт, попробовавший кофе во время своего пребывания в Персии в 20-е годы XVII в., представил его как «напиток, сваренный из вод озера Стикс, черный, мутный и горький»⁶³¹. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Англии

к кофе отнеслись сначала с большим отвращением и предубеждением: «адское пойло», «адская отравка»⁶³² или «яд, который Бог сделал черным, чтобы он имел злодейский цвет»⁶³³.

Кофе покори́л горы и равнины Балкан задолго до того, как его узнала остальная Европа. Когда путешественники знакомились с этим напитком и связанными с ним общественными обычаями, многие из них воспринимали всё это как забавную турецкую экстравагантность. Пулле, французский путешественник середины XVII в., который присутствовал при распитии кофе по дороге из Дубровника в Сараево, куда он ехал вместе с караваном греческих, армянских и турецких торговцев, так описал свои впечатления:

«Они ждут, пока им принесут кофе, который приготовлен из каких-то мелких зерен, которые растут в Египте, обжаренных в печи, раздробленных в порошок и сваренных в воде. Даже большой знаток засомневался бы, если бы ему пришлось оценить, что хуже в этой смеси — чернота или горечь. Все удовольствие от этого напитка — в наблюдении за гримасами и сморщиванием губ, что является необходимым при распитии, при этом еще надо учитывать тот факт, что напиток не производит эффекта, если не обжигает. Чтобы смягчить его горький вкус, делают маленький глоток, задерживают дыхание и булькают так громко, что если бы Скарамуш мог изобразить турецкое угощение так, как он изображает поедание камней, он получил бы за такое умение больше, чем когда-либо получал с помощью всех своих трюков»⁶³⁴.

Но хотя авторы XVII в. морщились от черного и горького кофе, в следующем столетии их исследователи изменили свое мнение. Во второй половине XVIII в. кофе на Западе стал символом Просвещения. Когда произошла эта перемена, англичане, французы и итальянцы начали состязаться между собой за честь — кто первым ввел кофе в Европе. Они объявляли Оксфорд, Марсель

и Венецию городами, где находилась первая кофейня в Европе. «La Grande Encyclopédie» (1886) утверждает, что первая кофейня была открыта в Марселе в 1654 г.; «Encyclopaedia Britannica» (14-е издание) пишет, что первая кофейня на Британских островах появилась в Оксфорде двумя годами раньше, чем в Марселе; а «Enciclopedia Italiana» и «Dizionario enciclopedico italiano» (1955) настаивают на том, что первая кофейня открылась в Венеции ок. 1640 г. В книге «Всё о кофе» содержится информация, что первая кофейня в Италии появилась лишь в 1645 г., однако в примечании сказано, что убедительных доказательств этому нет⁶³⁵. Еще один писатель, также занимавшийся историей кофе, Эдвард Форбс Робинсон отмечает, что кофе, вероятно, продавали в Италии еще до 1638 г., но только в аптеках, как лекарство⁶³⁶.

Как бы то ни было, в XVIII в. кофе на Западе стал излюбленным напитком в высших кругах. Когда он вошел в моду, ему постарались найти более благородное происхождение. Издатели «Энциклопедии» Дидро и Даламбер обыграли идею, что по меньшей мере одна особа эллинского происхождения знала кофе — Елена из Трои. При этом они сослались на отрывок из «Одиссеи» Гомера, в котором упоминается «волшебный напиток»: в этом эпизоде четвертой песни Телемах, сын Одиссея, ищущий своего пропавшего отца, сидит за столом у Менелая. Общество было в печали, и причитаниям не было конца до тех пор, пока Елена, дочь Зевса, не подсыпала в вино «волшебного порошка», устраняющего гнев и скорбь и приносящего забвение всего зла.

*«...Тот, кто вина выпивал, с благотворным
Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
Если б и мать и отца неожиданной смертью утратил,
Если б нечаянно брата лишился иль милого сына,
Вдруг пред очами его пораженного бранною медью»*.*

* Гомер. Одиссея / Пер. В. Жуковского. М.: Правда, 1985. С. 52.

Дидро и Даламбер взяли эту идею у Пьетро делла Валле, итальянского путешественника, который в 1614–1626 гг. посетил Турцию, Египет, Палестину, Персию и Индию и не сомневался в том, что лекарство Елены могло быть смесью вина и кофе. А Георг Пашиус в своей книге о новых открытиях, появившихся с античных времен, напечатанной в Лейпциге в 1700 г., полагал, что кофе был одним из даров, которые Абигаил дала Давиду, чтобы укротить его гнев на Набала, согласно Священному Писанию⁶³⁷.

|| Кофе и сигареты для людей || с железными нервами

XVI век стал периодом большого расширения Османской империи, и куда бы ни шли ее армии, кофе, позже названный «турецкой национальной отравой», был в провианте⁶³⁸. Османы захватили большую часть Балкан, поэтому там быстро распространились кофе и кофейни. Согласно данным «Энциклопедии Лексикографического института» (Загреб), первая кофейня в Белграде была открыта в 1522 г., ровно за 60 лет до публикации книги Раувольфа. Турецкий историк Ибрагим Печеви написал, что он, находясь в Сараеве в 1000 году от хиджры*, который начался 19 октября 1591 г., посетил «хорошую кофейню»⁶³⁹. Кофейни вскоре стали очень популярны у балканских мусульман. Так, в 60-е годы XVII в. в Охриде было «семь хорошо обустроенных кофейен»; в Битоле, городе, где было «около трех тысяч маленьких и больших домов», любители кофе могли отдохнуть не менее чем в сорока кофейнях; в Радовише, который был тогда лишь «маленькой *касабой* **», работали две кофейни⁶⁴⁰.

* Переселение (*араб.*). Дата переселения мусульманской общины под руководством пророка Мухаммада из Мекки в Медину была принята мусульманами как точка отсчета для нового летоисчисления.

** Мера длины в мусульманских странах (до 1830 г. – 3,99 м, после – 3,55 м).

После ухода турок из большей части европейской Турции кофейни сохранили свою популярность и играли важную роль в общественной жизни и культуре местных горожан. Количество этих заведений было поистине сказочным. По оценке автора книги о жизни и обычаях мусульман Боснии и Герцеговины в начале XX в. Антуна Ханги, «чуть ли не каждый десятый или двадцатый мусульманский дом»⁶⁴¹ был кофейней. В Сараеве они были еще более распространенным явлением: будто бы в начале XX в. кофейней там был «каждый четвертый дом»⁶⁴².

Однако среди менее состоятельных слоев населения, да и в некоторых балканских провинциях кофе получил распространение только в XIX в. Например, в Черногории в начале XIX в. он был «совсем неизвестен»⁶⁴³. Однако уже во второй половине того же столетия чашка кофе стала «неотъемлемой» частью «неизменного гостеприимства, характерного для ленивой восточной жизни», на всем Балканском полуострове. Каждого, кто приезжал по общественным или служебным делам, прежде всего угощали кофе. С другой стороны, тем, кто задерживался слишком долго, предлагали так называемый «сиктер-кофе», что означало: «Хватит уже, уходи!»⁶⁴⁴

Французский путешественник, побывавший в Боснии и Герцеговине, писал в середине XIX в., что самые бедные мусульмане могли питаться лишь черствым хлебом, фруктами и овощами, но неизменно выпивали «много» *филджанов** кофе ежедневно⁶⁴⁵. Австрийский офицер Иоганн Роскиевич был точнее и конкретизировал, что многие боснийцы выпивали от 15 до 20 чашек кофе в день⁶⁴⁶. Антун Ханги рассказал о ходже в Ливно, который во время рамазана почти каждую ночь выпивал от 50 до 100 чашек кофе и выкуривал столько же сигарет⁶⁴⁷. Другие слышали о мужчинах, чья норма была от 100 до 200 чашек кофе и 100 сигарет⁶⁴⁸.

* Маленькая чашечка для кофе.

«Турецкий» кофевар в Боснии
(начало XX в.)

Поначалу качество кофе не всегда было высоким. Медакович, например, описал, как *кахведжия* * черногорского владыки, когда было много людей, из лени не захотел много раз «обжаривать» кофе, а просто долил теплую воду в кофейную гущу со словами: «Этим дьяволам все равно, дадут им настоящий кофе или теплую воду: достаточно того, что она пахнет кофе и сладкая; они все равно не знают, что такое хороший кофе»⁶⁴⁹.

Антун Ханги рассудил, что «наш современный человек, который и так все время на нервах, наверное, умер бы или сошел с ума от такого количества кофе и никотина». Боснийские мусульмане начинали пить кофе в два-три года, и пили его с неизменным удовольствием всю жизнь. Сразу после утренней молитвы они шли в ближайшую кофейню выпить *филджан* кофе и выкурить

* Тот, кто готовит кофе.

*наргилу** прежде, чем заняться своими повседневными делами. Вечером они снова приходили туда поболтать со своими соседями и послушать последние новости. Согласно старому обычаю, посещать кофейню могли только женатые мужчины после рождения первого ребенка. Младшим мужчинам не приличествовало присоединяться к обществу старших и вмешиваться в их разговоры. Главными гостями кофейен были мусульмане — землевладельцы, использовавшие труд работников. Они не пили алкогольных напитков, и их не мучили тяжкие заботы о выживании, так что жили они спокойно и были довольны тем, что им «дал Бог». Поэтому, пришел к выводу Ханги, совсем не удивительно, что у них были «железные нервы» и им «не причиняли вреда» ни кофе, ни табак⁶⁵⁰.

В XIX в. на Западе стали рассматривать кофе главным образом как тонизирующий напиток. Индустриальная эра требовала, по крайней мере в теории, 24-часового рабочего дня. Его можно было обеспечить с помощью кофе, который рабочий класс на Западе в то время потреблял без ограничений⁶⁵¹. С этой точки зрения пить кофе чисто для удовольствия казалось скорее злоупотреблением, нежели правильным использованием этого напитка. Западных авторов особенно возмущала традиция ежедневного посещения кофейен, они видели в этом признак лени или даже враждебного отношения к работе. Они никак не могли понять, что люди предпочитали жить счастливо с чашкой кофе и чубуком**, а не зарабатывать. Поэтому австро-венгерские власти стремились отучить людей без дела посидивать в кофейнях и политизировать, что воспринималось ими как «психическое стимулирование лени жителей Балкан», и мотивировать их перейти «от лени их членов и бойкости их уст к серьезному крестьянскому труду»⁶⁵².

* Кальян (*араб.*).

** Полый деревянный стержень, на который насаживается курительная трубка и через который курящий втягивает дым табака (*тюрк.*).

|| Балканские кофейни

Кофейни в европейской Турции, как правило, ставились в живописных местах у воды или над водой. Другим излюбленным расположением кофеен были холмы, с которых открывался красивый вид во все стороны. В такие места особенно охотно приходили летними днями, когда посетители сидели с кофе и чубуком и любовались красотами природы. Как сообщали некоторые западные путешественники, кофейня была главным развлечением в жизни жителей Балкан, дававшим им возможность «вкусить райские наслаждения»⁶⁵³.

Типичная «турецкая кофейня» выглядела «очень простой и имела не слишком привлекательный внешний вид»⁶⁵⁴. Внутреннее убранство кофеен в европейской Турции составляли плетеные рогожки, маленькие коврики и подушки. Единственной мебелью в помещении были деревянные скамьи вдоль стен, на которых гости сидели, скрестив ноги, и курили. В одном из углов размещалась более красивая и высокая подушка, место какого-нибудь уважаемого аги или бега, регулярно посещавшего эту кофейню. Ночью скамьи и ковры служили лежанками. За такую ночевку платы не требовалось, заклиниванием «Сезам, откройся!» была покупка чашки кофе. Путешественники также пользовались этой возможностью переночевать, однако в XX в. они находили там много неприятных, плохо пахнущих соседей, что часто вынуждало их весьма рано заканчивать свой ночной отдых⁶⁵⁵.

В XIX веке восточный стиль все еще преобладал во внутреннем убранстве кофеен, однако кое-где появились и заведения в западном стиле, то есть к деревянным скамьям и рогожкам добавились столы и стулья. Кофейни европейского типа с бильярдными столами вошли в моду лишь в последней четверти XIX в., в период интенсивной европеизации балканских городов. Теперь жители Востока больше не довольствовались собственными изо-

бретениями, а улучшали их заимствованиями от «более цивилизованных народов»⁶⁵⁶. Конечно, такие улучшения имели определенные недостатки, ведь «французские институты турки копировали примерно с тем же успехом, с каким бы парижанин попытался приготовить чашку хорошего турецкого кофе турецким способом»⁶⁵⁷.

До первой половины XX в. жители Балкан наслаждались кофе «по-другому, чем в Европе». Кофе, приготовленный «турецким способом», был кипящим, густым и без сахара или молока. Когда в 30-е годы XIX в. султан Махмуд на аудиенции для западных дипломатов предложил своим гостям кофе с сахаром, этот жест был воспринят как знак «существенного приближения турка к европейским вкусам»⁶⁵⁸. И уже через несколько лет после этого кофейни в крупных городах стали предлагать подслащенный напиток или же подавали к кофе еще и сахар. Согласно сведениям, приведенным арабским врачом XVII в. (1659), пить кофе с молоком было «заблуждением», которое может стать причиной проказы. Такое мнение преобладало до начала XX в., и примесь молока в кофе считали «неслыханным святотатством»⁶⁵⁹. Анте Месснер-Споршич подробно описал трудности, с которыми он столкнулся во время путешествия по разным восточным городам в 30-е годы XX в. Когда он заказал кофе с молоком в крупнейшей кофейне в Варне, пришлось позвать директора кофейни, женщину, которая ездила по миру и должна была понять, чего он хочет. Он подробно объяснил ей, чего желает, однако принесли ему чайную чашку водянистого кофе и отдельно, в маленькой чашечке, немного молока⁶⁶⁰.

|| Кофейни в столице

Первые кофейни в «Городе радости» установили частные предприниматели из Сирии, Хаким из Алеппо и Шемс из Дамаска. Оба они открыли крупные заведе-

ния в окрѣте Тахтакале и начали предлагать покупателям кофе. Кажется, оба обогатились, введя обычай пить кофе в османской столице. Говорили, что Шемс вернулся в Дамаск уже через три года в прибылью в 5000 золотых монет. В XVI в. в Стамбуле люди собирались в кофейнях в таком количестве, что в них невозможно было «даже стоять, не то что сидеть». Кофейни были настолько популярны, что вскоре привлекли государственных чиновников, кадиев, профессоров и многих других. Новые заведения стали называть «мектеб-ширфан» (школы образованных), а сам кофе прозвали «молоком шахматистов и мудрецов»⁶⁶¹.

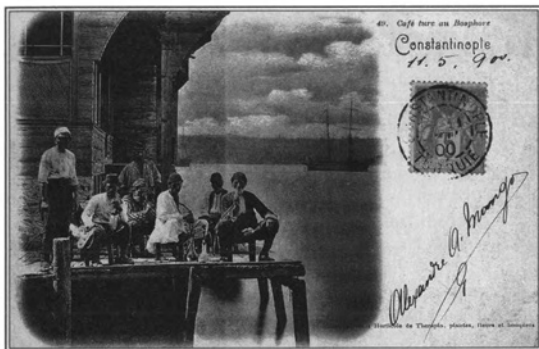
Два важнейших турецких источника приводят разные даты открытия первых кофейен в Стамбуле, расхождение между ними — более десяти лет. Историк Ибрагим Печеви, родом из Боснии, написал ок. 1635 г., что в столице и вообще в османских землях кофе и кофейен не было до 1555 г. Другим турецким источником сведений о кофе является известная космография по названию «Cihannüma», произведение историка и географа Мустафы бин-Абдуллы Хаджи Халифе, известного также как Кятиб Челеби. В 1656 г. он написал труд о различных спорных вопросах своего времени; из шестой главы, посвященной кофе, мы узнаем, что тот появился в османских землях в 950 г. от хиджры, который начался 6 июня 1543 г.⁶⁶² Однако, как считают некоторые авторы, можно с полным основанием сделать вывод, что османы познакомились с кофе еще раньше. Когда в 1517 г. султан Селим захватил Сирию, Палестину, Египет и Аравийский полуостров с Йеменом включительно, его армии, рекрутированные из всех частей Османской империи, на два года задержались в арабских странах. Возможно, паломники по святым для мусульман местам и не привезли с собой домой этот чудесный напиток, но маловероятно, чтобы он не привлек внимание огромной армии во время этих походов⁶⁶³. Впрочем, неясно, почему француз-

ский королевский географ середины XVI в. Николя де Дофинуа не упомянул о кофе в своем списке напитков, в то время распространенных на Востоке⁶⁶⁴; не упомянул о нем и Бартоломеус Георгиеус, хотя он и посвятил разнообразию напитков в Стамбуле отдельную главу своей книги, опубликованной в 1570 г.

Появление кофе в столице Османской империи сопровождалось волнениями, всплесками суеверия и политической враждебности, а также вмешательством гражданских властей; но, вопреки всему этому, кофе удостоился новой чести и славы. Среди чиновников высшего ранга был также так называемый *кахведжи*, чьей особой обязанностью являлось приготовление кофе; при дворе был отдельный чиновник (*кахведжи-баши*), в задачу которого входило приготовление этого напитка для султана. Согласно данным Хазима Шабановича, в Боснии об этих чиновниках впервые было упомянуто в 1611 г., но, по всей вероятности, первое их назначение произошло в 1592 г., когда кофе там вошел в обиход⁶⁶⁵.

Кофейни стимулировали общение. Люди приходили туда для разговоров и обсуждений, а также для развлечения. В раскрепощенной атмосфере безделья искусство вести беседу расцветало. Некоторые разговаривали о литературе, и поэты представляли свои новейшие творения на суд знакомых. Очень часто велась беседа на легкие, фривольные темы⁶⁶⁶, однако разговоры о женщинах обычаем не допускались, ведь «было бы так же непристойно спросить какого-нибудь турка, как поживает его жена, как у нас было бы неприлично пожелать увидеть соседскую жену голой; настолько противоположны их обычаи нашим»⁶⁶⁷. Важной частью жизни кофейен являлись общественные игры, излюбленными были шахматы и *тавла**. Неизвестно, были ли игры в карты, которые можно часто увидеть в современных кофейнях, распространены

* Турецкий вариант игры в короткие нарды.

*Кофейня в Стамбуле
(открытка, посланная 11.05.1900 г.)*

уже в то время. В ранних источниках о них не упоминается, и, возможно, они были завезены позже из Европы. Путешественники в XVII и XVIII вв. утверждали, что мусульмане «никогда» не играли ни в карты, ни в кости, ни в какие-либо другие азартные игры, поскольку это считалось грехом⁶⁶⁸. Однако в начале XX в. на Балканах общераспространенной была поговорка: «Он мусульманин, но почти христианин: пьет и играет в кости»⁶⁶⁹. Женщины не имели права заходить в восточные кофейни; общественные нормы определяли последние как исключительно мужской мир⁶⁷⁰.

Количество кофеен быстро росло, и уже казалось, что они стали частью общественной жизни. Но затем, около 1570 г., религиозные круги стали жаловаться, что мечети пустуют, в то время как кофейни битком набиты. Ортодоксальные улемы* читали проповеди против кофе

* Мусульманские богословы.

и кофеев и провозглашали, что посещение кофейни еще больший грех, чем посещение таверны. Религиозные фанатики доказывали, что Магомет не знал кофе и, следовательно, не мог его пить, поэтому и последователи Пророка должны испытывать к кофе отвращение; кофе следовало запретить (*харам*) так же, как вино, и его не должны были пить. Некоторые обращали внимание на то, что кофе сжигается до угля, прежде чем его перерабатывают в напиток, Коран же решительно запрещает потребление угля и относит его к нездоровой пище. Знаменитый муфтий Эбусууд издал *фетву** против кофе под необычным предлогом: «следовало бы запретить для правоверных все, что горит или обугливается»⁶⁷¹.

Однако, как писал Кятиб Челеби, все запреты и всё морализирование, направленные против кофе, были напрасны. Общественность твердо придерживалась принципа, что запреты нужны для того, чтобы их нарушать. Употребление кофе прочно вошло в обиход и все больше распространялось, только его пили приватно, а не открыто. Некоторые попали в такую зависимость от него, что были готовы заплатить жизнью за удовольствие пить кофе. Государственные чиновники пришли к выводу, что бесполезно пытаться изжить этот обычай, и закрывали глаза на нарушение закона, а также за определенную мзду разрешали продавать кофе тайком. Так возникли многочисленные нелегальные кофейни — храмы, где можно было попить кофе или купить его за закрытыми дверями в тайных помещениях. Постепенно кофейни стали открываться на каждой улице, теперь уже с певичками и танцовщицами, привлекавшими жаждающих развлечений посетителей из всех слоев общества, «от султана до пастуха коров», как выразился Кятиб Челеби. Люди на самом деле бросали работу, так что экономика и торговля находились почти в стагнации. Мно-

* Постановление, решение (*араб.*).

гие противники кофе открыто требовали, чтобы султан запретил кофейни. Султан Мурад IV в 1633 г. под предлогом, что необходимо предотвращать разрушительные пожары, иногда распространявшиеся из кофеен, действительно приказал их снести, а также запретил и сам кофе⁶⁷². Согласно записям путешественника Жана Дю Монта, Мурад IV имел привычку, переодевшись, ходить каждый день по столице, чтобы убедиться собственными глазами, насколько усердно выполняются законы, «и редко, если вообще когда-либо, он завершал свой обход, не оставляя за собой несколько обезглавленных памятников своего правосудия»⁶⁷³.

Годы шли, кофейни в Стамбуле то разрешались, то запрещались. Важнейшей причиной обеспокоенности властей по поводу кофеен было то, что «эти мужчины, пьющие только воду и кофе, начинают обсуждать государственные вопросы, порицают судопроизводство и высказывают мнение о характерах высокопоставленных лиц и высших чиновников»⁶⁷⁴. По этой причине великий визирь Мехмед-паша Кёпрюлю в 1656 г. снова приказал закрыть кофейни в Стамбуле, хотя лично для него это означало существенную потерю доходов. Однако тавернам он разрешил работать. Позже, когда суровый Кёпрюлю сам убедился, что кофейни более не представляют угрозы его политике, он позволил свободно пить кофе. Пока запрет был в силе, он проводил его в жизнь безжалостно: за первое нарушение наказанием были розги, за второе преступника зашивали в кожаный мешок и кидали в Босфор⁶⁷⁵.

Фирман султана Мурада IV касался всех кофеен в его империи. Когда ему донесли, что некоторые кофейни в Эдирне по-прежнему открыты, он послал туда своего *бос-танджи-баши** с приказом их разрушить и повесить их владельцев. Чиновник выполнил приказ и немедленно

* Начальник стражи султана.

велел сжечь все кофейни, а всех тех, кто продавал кофе вопреки указу султана, без жалости повесил. Впрочем, за исключением Стамбула и Эдирне, кофейни, несмотря на *фирман*, продолжали работать; указа не выполняли даже в предместьях столицы, где несколько кофейен удовлетворяли потребности моряков в кофе⁶⁷⁶. Жан де ля Рок, например, замечал их, где бы ни оказывался во время своих путешествий по Леванту, даже в самых маленьких городах на побережье, особенно ему запомнились кофейни в Дамаске⁶⁷⁷. По всей вероятности, в европейской Турции кофейен никогда не закрывали.

После запрета на кофейни в Стамбуле, несмотря на угрозу сурового наказания, горожане продолжали пить кофе. На рынках появились продавцы этого напитка с большими медными сосудами, которые подогревались на огне. Антуан Галлан писал, что во время его пребывания в Стамбуле не было ни одного городского дома, богатого или бедного, турецкого или еврейского, греческого или армянского, где не пили бы кофе хотя бы два раза в день. Многие пили его даже чаще, ведь сложился обычай предлагать кофе гостям, и считалось невежливым, если гость отклонял предложение. Нередко средней нормой потребления было двадцать чашек кофе в день на человека. Галлан обратил внимание еще и на то, что стамбульские семьи тратили на кофе столько денег, сколько парижане — на вино, и попрошайки в османской столице обычно просили денег на кофе, так же как в Европе просили денег — на вино или пиво⁶⁷⁸. В Османской империи мужья должны были на свадьбе обещать, что никогда не оставят своих жен без кофе, и если они не держали своего обещания, то это считалось законным основанием для развода⁶⁷⁹.

«Дома греха», как называли кофейни улемы, были снова запрещены во время правления султана Ахмеда II. Однако указов, изданных в тот период, не исполняли досконально, да и относились к ним без уважения. Вскоре

кофейни снова открылись, и «люди без вкуса», как называли противников кофе и табака, смирились с поражением⁶⁸⁰. По наблюдениям западных авторов, вкусы османов не сильно менялись. Их потребности были просты: жена или две (и больше, если мужчина мог себе это позволить), хлеб, кальян, кофе и покой для размышлений. «Очень просто быть счастливым, если ты турок», — полагали зачастую на Западе⁶⁸¹.

|| Политические дискуссии в кофейнях

Одной из главных тем разговоров в кофейнях была политика. Как писал французский консул Амедей-Шометт де Фоссе, в Травнике эти собрания, проводившиеся в одной кофейне рядом с *конаком** визиря, оказывали значительное влияние на его решения. Два-три раза в день в кофейню приходили эски**-аги и другие влиятельные янычары и обсуждали новости, полученные в Травнике из разных краев провинции. После этих бесед они часто все вместе шли к визирю на *диван* (разговор) и подавали ему то или иное прошение, которое тот в большинстве случаев принимал⁶⁸². После того как Абдуррахман, боснийский визирь, задушил в 1827 г. восстание янычар, он приказал закрыть кофейни как «места встреч мятежников и очаги восстания»⁶⁸³. А в первой половине XIX в. османская полиция осуществляла надзор за кофейнями, и во многих случаях *кахведжи* были их платными шпионами⁶⁸⁴.

Феликс Каниц, побывавший в Сербии во второй половине XIX в., после того, как государство получило независимость, отметил, что министры, высшие чиновники и офицеры часто разговаривали о местных и государственных делах за чашкой кофе и чубуком, совершенно по-

* Резиденция турецкого должностного лица, административное здание.

** Старый (тур.).

османски, «поскольку в то время вообще весь двор имел чисто восточный характер»⁶⁸⁵.

Многие западные авторы смотрели на такие «политические дискуссии в кофейнях» с изрядной долей презрения. Иоганн де Асбот, к примеру, так высказал свое отрицательное отношение к ним:

«Благодаря караван-сараю чаршия* является не только центром города, но и средоточием всех провинциальных слухов. Она представляет собой форум и биржу, а также играет роль прессы. В кофейнях чаршии ведутся переговоры по вопросам европейской политики. Тут старый Хаджи Ахмед-ага, который носит очки, объясняет — с турецкой газетой в руках, которую он держит вверх ногами, — своему изумленному слушателю, что есть шесть королей: белый царь в Москве, немецкий император в Вене, король Англии, король Франции, и король Испании, и, наконец, убогий шестой, трясущийся на дальнем Севере в вечном мраке и холоде. Рассказывает о том, как короли пришли в Стамбул умолять султана разрешить им быстро разобраться с русским царем, который не хочет больше платить налоги; он ведь не стоит того, чтобы султан лично им занимался. Зря просили другие короли — султан принудит к объединению даже москвитов. Всё это остановило конференцию в Царьграде, и началась великая война; только венскому императору, поскольку он такой выдающийся муж, султан доверил навести порядок в Боснии, где райя постоянно восставали, они-то действительно были недостойны того, чтобы султан лично вел с ними переговоры. Московит был так глуп и дерзок, что промаршировал до самого Царьграда; но, в конце концов, он вынужден был уйти без всякой чести, ведь не хотел, чтобы его полностью раздавили. Наверняка он чересчур рассчитывал на великое терпение султана, ведь даже налогов не платил. Однако сул-

* Рынок, торгово-ремесленный центр.

тан сведет с ним счеты, когда терпение его иссякнет. А пока он может и подождать, так еще проще, в его подвалах всегда и сейчас полно места для золота»⁶⁸⁶.

Член венгерского парламента явно свысока смотрел на политические дискуссии в кофейнях, и во время своей служебной поездки по Боснии и Герцеговине не потрудился сам зайти в какую-нибудь из них, чтобы самому послушать, о чем в действительности там разговаривают. Вместо этого он прибег к поэтической вольности и привел отрывок из «*Illyrian Letters*»* А.Д. Эванса, корреспондента английской газеты «*Manchester Guardian*». В нем описывалось, как Тахир-бег Куленович, боснийский землевладелец и командующий нерегулярными войсками, оповестил своих подданных о мандате, которым европейские державы дали Австро-Венгрии полномочия оккупировать Боснию и Герцеговину от имени султана:

«Бег оповестил собравшийся народ, что “император императоров, король королей, монарх монархов и господин всей Земли в поднебесье” созвал всех семь подчиненных ему европейских королей вместе — (кто седьмой? — Б.Е.) — в Стамбул, чтобы объявить им там свою суверенную волю и удовлетворение тем, что возмутители мира в его землях наказаны, и особенно те псы из числа райи, которые убежали от своих законных господ и владык; что он приказал швабскому королю (австрийскому императору) истребить всех тех псов из числа райи, которые не хотят вернуться; что швабский король обещал выполнить его приказ; и более того, что заслуженное наказание постигнет также и тех, кто вернулся, поскольку они дерзнули оставить своих законных господ и владыку»⁶⁸⁷.

|| Пушечные ядра, начиненные национальной музыкой

В кофейнях, одновременно с шумом общественных, политических и религиозных разговоров, нанятые музы-

* «Письма из Иллирии» (англ.).

канты и танцовщики развлекали гостей воспроизведением «очень восточной, очень меланхоличной музыки»⁶⁸⁸. Однако то, что в кофейнях постоянно играла музыка, одобряли далеко не все. Напротив, из ряда морализаторских произведений, написанных против кофеен, вытекает, что эта музыка усиливала славу кофеен как средоточия разнузданной жизни, отталкивавшую от них набожных людей. Пророк Мухаммад достаточно говорил о музыке, однако нашел для нее мало добрых слов. Музыканты в кофейнях и их выступления усиливали недовольство многих. В XVI веке в некоторых кофейнях музыку исполняли певички, часто «стыдливо» отделенные от гостей ширмой. Хотя их и не было видно, благодаря этим исполнительницам кофейни казались — и в действительности были — местом, где можно потешить сексуальные фантазии. Создается впечатление, что некоторые кофейни на самом деле удовлетворяли различным сексуальным вкусам. В городе, известном также как «Врата радости»⁶⁸⁹, до XIX в. кофейни посещали гости, готовые непрерывно смотреть «на мальчиков, одетых в женское платье, исполнявших непристойные танцы»⁶⁹⁰. Мальчики, которые, в общем, были «очень стройными и броскими», время от времени сопровождали свои песни «тяжеловесными и призывными движениями — карикатурой на элегантные гаремные танцы»⁶⁹¹. Джордж Сандис, писавший о Стамбуле в начале XVII в., намекнул кое-что еще о роли этих юношей, а именно, что «многие владельцы кофеен нанимают красивых мальчиков, которые прислуживают гостям в качестве *stales*»⁶⁹². Поскольку слово «*stale*» в английском языке может означать «проститутку низшего сорта», Ральф Хэттокс предполагает, что в этом отрывке поэт Сандис намекает, что этих мальчиков использовали не только в качестве официантов, их обязанности были шире⁶⁹³.

В исламском мире танец долгое время считался «унизительным для человеческого достоинства»⁶⁹⁴. По

сведениям западных авторов, жители Востока не могли получать удовольствие ни от какого вида деятельности, требовавшего от них больших усилий, чем курение, исключением была только верховая езда. Вероятно, восточные жители очень удивлялись тому, что состоятельные европейцы были готовы потеть и утруждать себя танцами вместо того, чтобы, как это делали они сами, платить другим, дабы те танцевали для них⁶⁹⁵. Нанять можно было танцовщиков обоих полов, но для гаремов и частных развлечений нанимали только танцовщиц; в общественных местах танцы обычно исполняли мальчишки, облаченные в женскую одежду. Когда в числе зрителей бывали женщины, танцовщики соблюдали определенные правила приличия, о которых забывали, выступая перед чисто мужским обществом⁶⁹⁶.

Танцовщицами становились девушки из особой и презируемой части низшего слоя общества, члены которого могли заключать браки только в своей же среде. Родители их обычно были кожевниками. Во время выступлений их сопровождал мужчина, который играл на *семенге**, а иногда старая женщина, игравшая на тамбурине и следившая за поведением девушек. Во время танца они откидывали свою чадру и оставляли ее на плечах. Их юбки чуть прикрывали колени, костюм оставлял спину открытой и придерживался широким поясом с двумя большими пуговицами. Танцовщицы не отличались ни элегантностью движений в танце, ни любезным обращением, но, несмотря на это, они развлекали публику «теми талантами, которые у них имелись». Их добродетельность была сомнительна, ведь о них говорили, что за плату они пойдут куда угодно⁶⁹⁷. Два французских путешественника XVII в. описали их весьма схоже, заключив, что за несколько аспер эти танцовщицы готовы показать «тысячу непристойных поз, таких, что даже

* Арабский музыкальный инструмент.

самую бесстыжую уличную шлюху в Европе трудно было бы уговорить воспроизвести их»⁶⁹⁸.

В XX веке проститутками на Балканах были в основном цыганки или иностранки, многие из них обслуживали посетителей в кофейнях⁶⁹⁹.

По оценке Ребекки Вест, в середине XX в. в каждом большом селе в Македонии была хотя бы одна кофейня с музыкой и певицей. В Скопье, где в то время проживало менее 70 000 человек, таких кофеен, по ее словам, было «много». Сама она подробно описала выступление одной танцовщицы в Сараеве:

«Пышнотелая и одетая в цветастые шаровары из муслина с нашитыми на них декоративными монетками и бюстгальтер, она работала на сцене и трясла животом в ритм музыке, исполнявшейся на пианино и скрипке. Когда мы вошли, она изменила свои движения и начала крутить своими большими крепкими грудями, каждой из них в противоположном направлении. Это имело эффект сильной механической магии; казалось, будто два пушечных ядра откатываются друг от друга, однако некая невидимая сила притяжения все время удерживает их на одном месте»⁷⁰⁰.

Хотя западные путешественники часто возмущались восточными танцами, те возбуждали у них сильный интерес. Например, хорватский путешественник первой половины XX в. нашел в Стамбуле несколько «непривлекательных, мерзких» кофеен и мест для досуга, где он увидел «как развлекается не простой деревенский люд, а тот извращенный городской, липившийся естественных человеческих чувств и жаждущий только примитивных и низких наслаждений, которые чем примитивнее, тем ему милее». В одном из таких развлекательных мест под названием «Восточное варьете» женщина танцевала под звон бубна и «какие-то азиатские звуки» пищали. Представление шло при широко распахнутых дверях, так что его можно было смотреть, не заходя в помещение. Он

стоял на другой стороне улицы и некоторое время смотрел на это зрелище в варьете, наблюдая за выражением лиц зрителей, которое было «как у изголодавшегося волка при виде овцы»⁷⁰¹.

|| Мир в душе и аксиома Локка

Мало кто из путешественников не заметил и не описал то умиротворенное удовольствие, с которым люди на Ближнем Востоке сидят перед чашечкой густого черного кофе. Особенно часто такого рода описания встречаются в произведениях авторов XIX — начала XX в. В то время в европейской мысли и сформировался образ восточного человека как чувственного и ленивого создания, «которое ничего не делает и не хочет ничего делать» и единственная радость которого — изо дня в день посиживать в кофейне и потягивать кофе, курить трубку и пересчитывать пальцами бусины на *таспихе* (мусульманские молитвенные четки) и так «проводить много времени, которое он лучше бы посвятил самоусовершенствованию и преображению своей родины». Для многих жителей Запада такое отношение к жизни было «скорее присущим животным, нежели человеку»⁷⁰².

В противоположность трудолюбивым жителям Запада восточные люди якобы часами сидели и курили чубук, погрузившись в мечты, и получали удовольствие, существенной чертой которого казалось отсутствие мыслей. Уильям Лофтус встретил багдадского пашу, когда тот сидел на обрыве высокого берега и смотрел на реку «с тем выражением полного равнодушия», которое, по его мнению, являлось характерной особенностью турок. Лофтус спросил исполненного достоинства старого турецкого господина, о чем он размышляет, но тот ему ответил: «О, Аллах! О чем мне размышлять? Ни о чем»⁷⁰³. Барон де Лавелье описал состояние духа, якобы характерное

для мусульман, как чистое удовольствие от «*dolce far niente*»*. Он полагал, что мусульмане наслаждались своим *кайфом*, были довольны легкой жизнью, дарованной им Аллахом, они получали удовольствие здесь и сейчас, не задумываясь о завтрашнем дне. При взгляде на их «ничего не выражающие, неподвижные глаза» создавалось впечатление, что они витают в «мечтах, почти экстатическом состоянии», ведь они находились «пред вратами Рая»⁷⁰⁴.

Кайф

* Сладкое ничегонеделание (ит.).

Британский врач Ричард Роберт Мадден, не удовлетворившись простым описанием, попытался найти объяснение этому состоянию духа. Он был убежден, что в нем скрывалось нечто большее. По его мнению, эти «мечтания, в которых турок пребывает большую часть своей жизни», являются лучшим аргументом против теории о том, что мысль «единовременна существованию и прекращается лишь с его концом». Он много раз спрашивал турок, о чем они думают во время этих мечтаний, и ему всегда отвечали так же, как ответил багдадский паша, что они не могут вспомнить ни одной мысли, которая занимала бы их ум. Мадден пришел к заключению, что дело было в особенности турецкого характера, тесно связанной с их душевным состоянием. Исходя из этого предположения и из аксиомы Локка, что «душа размышляет лишь тогда, когда органы чувств обеспечивают ее идеями для размышления», он сделал вывод, что «из всех людей турки менее других воспринимают впечатления с помощью органов чувств, и поэтому у них меньше всего идей». А их апатия, которую он считал «отчасти врожденной, а отчасти следствием их доктрины о предопределенности», якобы способствовала параличу рефлексии. Таким образом, они в своих мечтаниях либо перестают мыслить, либо их мысли становятся «как зеркала, которые отражают образы, но ни одного из них не удерживают». Идея Локка, что душа бодрствующего человека никогда не бывает без мыслей, поскольку они являются условием бодрствования, находилась «в противоречии с бодрствующим сомнамбулизмом» мусульман⁷⁰⁵.

Было совсем не важно, работали турки на самом деле усердно, были активными и мыслящими, или же лежали на софе и зевали, распивая бесчисленные чашки кофе и выкуривая бесчисленные трубки табака: они оставались неизвестными «точно так же, как предположительно

конвенциональные райя: пассивные, набожные и патристичные»⁷⁰⁶. Хотя *таспих* в представлении некоторых западных авторов не сильно отличался от четок, использовавшихся христианами, как символы трудолюбия они отличались словно день и ночь. Если *таспих* вместе с трубкой и чашкой кофе вызывал в памяти образ крайнего равнодушия «турок», то четки в руках «греков» являлись свидетельством их деятельности:

«Активность так же характерна для них, как безразличие для турок. Чем бы они ни занимались, работой или развлечением, они делают это в полную силу; а когда их руки не находят себе дела, они занимают их, с неустанным усердием крутя и перебирая бусины своих четок»⁷⁰⁷.

Ричард Бертон, известный английский ориенталист, дал углубленный анализ арабского *кайфа*: «наслаждение животной жизнью; пассивное удовлетворение неприкрытой чувственности; приятная медлительность, мечтательное равнодушие, замки в облаках — всё это в Азии заменяет сильную, крепкую, страстную жизнь Европы». Предполагалось, что такое состояние духа было результатом живой, восприимчивой и возбудимой природы и чрезмерной чувствительности нервной системы, что будто бы указывало на «склонность к телесным удовольствиям, неизвестную северным странам, где счастье познают в использовании духовных и телесных сил»⁷⁰⁸.

Западные авторы были уверены, что арабское слово «*кайф*» невозможно перевести на европейские языки, и приводили итальянское выражение «*dolce far niente*» как наиболее приближенное к нему по значению. Для англоговорящих авторов самыми близкими по смыслу словами были «*indolence*» и «*idleness*», но оба они имеют отрицательный оттенок. Они были убеждены, что в английском языке нет эквивалента этому слову, поскольку «слишком

занятая делами Англия не позволила, чтобы его изобрели»⁷⁰⁹. У турок непереводаемое арабское слово произошло как «*kef*». По мнению Растко Мочника⁷¹⁰, на Балканах это слово претерпело существенную метаморфозу: от новогреческого слова «*kefi*» и цинцарского «*chefe*» до славянских «*keif*, *kef*, *ceif*, *cef*». Очевидно, прежним жителям Балкан казалось полезным перенять культуру того душевного состояния и позаимствовать описывающее его выражение. Задолго до Альберта Смита или Ричарда Бертон Вук Караджич знал, как можно перевести слово «*kef*» на европейские языки: «*либидо*»⁷¹¹.

После освобождения от османской оккупации, в процессе европеизации на Балканах начались большие перемены. Однако при всей широте им не всегда хватало глубины. В душе люди ценили обычаи, корнями уходившие в османское прошлое. А кофе и кофейни, несомненно, являлись наследием османского прошлого, которое жители Балкан приняли и сохранили. «Лучше всего быть *gazda* (главой большой семьи или задруги), — объяснил один человек М.Э. Дурхэм, — тогда ты приказываешь другим, что они должны делать, а сам без забот замечательно сидишь в кофейне»⁷¹².

Сначала сахар, а затем и молоко, некогда презиравшиеся, в конце концов нашли дорогу в балканские кофейни, которые со своими столами и стульями, газетами и бильярдными столами все больше стали походить на своих двойников на Западе. Для барона де Лавелье они являлись символами будущего, ознаменовавшими «трудолюбие в производстве; легкомыслие или глупость в потреблении»⁷¹³. Однако в XX в., когда балканская кофейня со своим черным и горьким кофе уже стремительно начала исчезать, она стала привлекательной целью для многих западных путешественников, искавших балканский дух и — по словам английского журналиста — желавших «увидеть магометанцев такими, какие они

*Члены клуба путешественников «Восток»
из Лейпцига в Боснии
(открытка, посланная в 1908 г.)*

были на самом деле»⁷¹⁴. Теперь многие путешественники уже могли оценить чашку турецкого кофе как «самый вкусный напиток, который только можно себе представить»⁷¹⁵. В первой половине XX в. некоторые из них даже утверждали, что в худшей кофейне на Балканах можно получить лучший кофе, чем в первоклассных европейских гостиницах или кофейнях. Английский корреспондент с Балкан Пол Эдмондс, путешествовавший по «стране орлов» после того, как она стала независимой, утверждал, что даже в «бедной и захудалой хижине» в Албании он пробовал лучший кофе, «чем мог бы получить в перворазрядном лондонском отеле»⁷¹⁶. Немецкий путешественник Франц Зедвитц тоже с большим воодушевлением говорил об «уникальном кофе», приготовленном «по изумительному рецепту» в медной джезве на огне из

утля и сервированном в крохотных чашечках, в которых была «вся небесная сладость». Люди осторожно пили его маленькими глотками, пока в крохотной чашечке не оставалось лишь чуть-чуть осадка. «Это удовольствие стоит каких-то шесть пфеннигов, и можно попасть в телесную и душевную зависимость от него: “*Turska kava*”, турецкий кофе!»⁷¹⁷

Настоящая комедия ошибок

На Балканах география зачастую не поспевала за политическими амбициями, и совсем не исключением было, если название балканского государства оказывалось больше территории, которую оно занимало. Поскольку мечтой всех новообразованных балканских государств было завоевание Золотого города, все они в определенные периоды заявляли свои права на Македонию и отправляли туда своих посланников, чтобы снискать симпатии населения. Ожидание наследия «Больного Европы» и надежды на реализацию «великих национальных идей» в форме Великой Греции, Великой Болгарии, Великой Сербии, Великой Румынии и Великой Албании начиная со второй половины XIX в. стали важными элементами превращения Македонии в яблоко политического и культурного раздора между балканскими государствами, смотревшими на нее как на свою землю обетованную. Это было похоже на то, как если бы ожидающих наследства сыновей позвали в качестве врачей к постели смертельно больного отца. Даже если бы Македония была в два раза больше, чем в действительности, этого все равно было бы недостаточно для того, чтобы удовлетворить перекрещивающиеся друг с другом требования соседей, порожденные падением Османской империи:

«Македония на самом деле *sentina gentium**, граница между Востоком и Западом, цивилизацией и варварством, образованием и невежеством; настоящая мозаика вер, народов и языков; самая цветущая область распа-

* Клоака народов (лат.).

дающей империи, и поэтому все жаждут обладать ею. И так случилось, что фраза “македонский вопрос” стала генетическим наименованием всех проблем, связанных с европейской Турцией»⁷¹⁸.

|| Macédoine

Македония (или Makédon) — так называлось древнее царство, которое в IV в. до н. э. владело Грецией и завоевало страны далеко на Востоке, вплоть до реки Инд, и образовало недолговечную империю, ознаменовавшую эллинистический период. Хотя кажется, что жители этого царства в большинстве своем говорили на греческом языке, афинский противник Makédona, Демосфен, в своих патриотических речах описывал Филиппа Македонского как «варвара»⁷¹⁹. Современный греческий историк М.Б. Космопулос так разъяснил родственные связи македонцев с греками:

«Корень *tak-* греческий и означает “высокий” или “длинный”; т.е. *Македония* значит горная страна, а *македонянин* — горец ... По словам Гесиода, отцом македонцев был Македон, дальний родственник сыновей Эллина Дора, Ксуфа (отец Иона) и Эола. Следовательно, потомки Македона были родственниками дорийцев, ионийцев и эолийцев, трех главных греческих племен ... Однако Геланик утверждал, что Эол был отцом Македона, что указывает на близкое родство между македонцами и эолами»⁷²⁰.

Вторжение славян на Балканский полуостров в VI и VII вв. основательно изменило этнический состав Македонии. После того как в конце XIV в. эта область попала под власть Османской империи, в последующих столетиях там расселились мусульмане (славяне, албанцы и турки). После обретения балканскими государствами независимости в 1878 г. в Македонию хлынула последняя волна (мусульманских) иммигрантов, переселявшихся по своей свободной воле, поскольку мысль о жизни в ус-

ловиях, диктуемых Западом, была для них невыносима или поскольку они являлись жертвами нетерпимости и несправедливости христиан⁷²¹. Мусульмане заселили все регионы страны, особенно большие города и деревни на равнине, однако в целом по численности преобладали христиане, жившие главным образом в гористых и менее плодородных частях страны⁷²².

По мнению жителей Запада, османская идея господства была проста — собирать налоги и обеспечивать доминирующее положение мусульман. Когда эти цели были достигнуты, османы больше не вмешивались в обычаи и традиции своих подданных, напротив, они относились к ним с презрительной толерантностью. Таким образом, как писали западные авторы, османское господство сильно способствовало живучести традиций, насчитывавших сотни лет, и сохраняло их, как будто «в обширном этнографическом музее» разных народов, проживавших на юго-западе Европы в последние годы Византийской империи⁷²³. В XIX веке сведения о разнообразии населения Македонии широко распространились и воодушевили жителей Запада использовать французское слово «*macédoine*» в качестве названия смешанного салата из фруктов или зелени⁷²⁴.

|| Сыновья Александра Великого

Память о золотой эпохе, особенно о времени Александра Великого, пережила период османской оккупации, ведь и сами турки высоко ценили этого завоевателя⁷²⁵. Память о героических деяниях Александра возродилась в XIX в., когда соперничавшие балканские историки, в соответствии с особенностями исторического сознания того времени тесно связывавшие науку с национализмом, ссорились из-за классической и средневековой истории — все стремились присвоить прославленного завое-

вателя себе, представить его как предка своего народа. Греки с гордостью ссылались на известного македонского царя и утверждали, что они македонцы, «дети Александра Великого»⁷²⁶. Ничуть не менее патриотичные болгарские историки в ответ на эти утверждения включили царей древней Македонии в список «царей Болгарии», ведь они, завоевав всю Грецию, расширили затем Болгарское царство до самой Индии⁷²⁷. Албанцы соглашались с тем, что Филипп Македонский и его сын Александр, как и все македонцы вообще, не были греками, ведь по их преданиям мать Александра Олимпия была албанкой. Следовательно, албанцы были «воинами Александра Великого, завоевавшего весь известный в его время мир»⁷²⁸. Также и некоторые сербские авторы доказывали, что оба македонских царя были предками сербов⁷²⁹. И наконец, македонцы с ничуть не меньшим воодушевлением присваивали великого завоевателя себе, «потомкам Александра Великого»⁷³⁰.

Чтобы доказать свои права на древнюю Македонию, балканские националисты время от времени подправляли историю, уничтожая исторические памятники или ставя новые для того, чтобы подтвердить или опровергнуть свои утверждения⁷³¹.

Когда в XIX в. начало пробуждаться национальное самосознание балканских народов, европейские державы осознали, что совсем не просто будет установить государственные границы в соответствии с этническими, учитывая при этом стратегические и экономические интересы. Во времена, когда Македония находилась под османским господством, все славянское население считало себя болгарам, такими их считал и весь мир⁷³². По окончании Балканских войн болгарские союзники отторгли Македонию от Османской империи и разделили ее между собой достаточно неравномерно, к тому же были установлены арбитражные границы без учета этнической идентичности населения. Проводились кампании более

или менее насильственной ассимиляции и денационализации македонцев с целью отнять у них идентичность и убедить в том, что на самом деле они — «говорящие на славянском языке греки», «южные сербы» или «болгары».

|| География и статистика || Балкан

В течение нескольких десятилетий Македония представляла собой скорее политическую проблему, чем единое целое на географических картах. В начале XX в. для удобства западные авторы привели в соответствие границы Македонии с границами трех вилайетов Османской империи (Скопье, Битола и Солунь)⁷³³. Однако это не устроило ни греков, ни болгар, ни сербов. Большинство греческих авторов отдавало предпочтение «исторической Македонии». Это было самое ограниченное определение Македонии, включавшее только два южных вилайета. Болгары склонялись к понятию «географической Македонии», согласно которому из состава Македонии исключались определенные западные районы, где большинство населения было исламизировано, и кусочек территории на юго-западе, где жили исключительно греки. Сербы же провозгласили, что регион Скопье вообще является частью не Македонии, а Старой Сербии⁷³⁴.

Как видно, консенсуса относительно точных границ Македонии не достигли, да это и не было единственной причиной разногласий. Заинтересованные стороны еще больше расходились в оценке численности и этнической принадлежности населения, причем каждая из них преувеличивала количество представителей своего народа и преуменьшала количество других. В словесных баталиях, когда разгрому подвергались факты противника, первой жертвой стала — как и в любой войне — истина. Так, турецкие эксперты чертили географические карты, окрашенные красным цветом вплоть до Вены, а во время

переписи населения насчитали такое число мусульман в европейской Турции, что оно превышало количество всего населения⁷³⁵. Балканские националисты скоро начали действовать аналогично, и каждый заинтересованный народ мог предоставить множество фактов в доказательство справедливости своих требований и ложности доводов своих конкурентов. Они не слишком заботились о точности цифр, но относились к ним со всей серьезностью. Таким образом, приведенные цифры рассказывают «свою» историю, довольно любопытную для стороннего наблюдателя. Серб Спиридон Гопчевич⁷³⁶, грек Клеантес Николаидес⁷³⁷ и болгарин Васил Кунчов⁷³⁸ приводили сведения о том, что на территории Македонии живет 2 880 420, 1 825 482 и 2 258 224 человек, соответственно из них:

	Гопчевич	Николаидес	Кунчов
Турки	231 400	620 491	499 204
Болгары	57 600	427 544	1 181 336
Сербы	2 048 320	9831	700
Греки	201 140	647 384	228 702
Албанцы	165 620	0	128 711
Валахи	74 465	18 769	80 267

Болгарские, греческие и сербские статистические данные о составе населения в большей степени отражали патриотизм их авторов, стремившихся обосновать претензии своих государств на увеличение территории, чем реальную ситуацию. Все цифры, которые они приводили, отличались друг от друга, кроме одной, заметной по причине своего отсутствия: в Македонии жили все — кроме македонцев.

В этом отношении греческие статистики стоят особняком. В Македонии слово «грек» имело скорее церков-

ную, нежели этническую коннотацию: принадлежность к греческому патриархату или болгарскому экзархату была принята в качестве критерия греческой или болгарской национальной принадлежности. Некоторые греческие националисты даже считали сербские общины в Македонии греческими, поскольку у сербов не было автокефальной церкви. Они присоединяли к себе также валашские общины, православных албанцев и болгар, не имевших отношения к болгарскому экзархату; их называли албанофонными, болгарофонными или валахофонными греками⁷³⁹.

Летом 1861 г. секретарь Цариградского Синода в Охриде издал памфлет об истории отношений болгар с Греческой церковью, чтобы показать необоснованность болгарских требований и жалоб. Автор утверждал, что болгары составляют меньшую часть населения Западной Македонии и что многие из них являются греками, говорящими на болгарском языке. Он полагал, что физический облик и обычаи болгар в этих областях являются доказательством их греческого, а не болгарского происхождения⁷⁴⁰. Греческие авторы и ныне твердо убеждены, что в начале XX в. эллинизм существенно преобладал в Македонии и что македонцы были греками. В доказательство они приводят официальные османские статистические данные о вилайетах Солунь и Битола, собранные в 1905 г. Хилми-пашой и показывающие, что там жило 678 910 «греков» (входящих в патриархат) и 385 729 «болгар» (входящих в экзархат). Точнее, в вилайете Солунь проживало 395 222 «грека» и 207 073 «болгарина», а в вилайете Битола 283 683 «грека» и 178 412 «болгар»⁷⁴¹. Еще в 1973 г. Институт балканских исследований в Солуни опубликовал работу, в которой утверждалось, что «жители, говорящие по-валашски, являются греками, как и другие жители Македонии, независимо от того, на каком языке они говорят». Автор публикации при этом ссылается на петицию, поданную в 1903 г. французскому

правительству жителями битойлийского вилайета, в которой заявлялось: «Мы говорим по-гречески, по-валашски, по-албански и по-болгарски, но, несмотря на это, все мы греки и не допустим никаких сомнений на этот счет»⁷⁴².

Османская империя проводила перепись населения для нужд военной службы, при этом учитывались и мусульмане, являвшиеся военнообязанными, и христиане, которые вместо несения воинской повинности должны были выплачивать специальный налог. В 1881 году правительство Румелии опубликовало подробные статистические данные, согласно которым в Македонии проживало всего 1 863 382 человека, из них 1 251 385 славян, 463 839 мусульман и всего лишь 57 480 греков⁷⁴³. А на греческой этнографической карте Македонии многие округа были закрашены синим цветом (цвет греков), хотя там невозможно было найти ни одного грека. Д-р Клеантес Николаидес даже Косову дал греческое название «*Kossyphopéidon*»⁷⁴⁴. Хотя даже по самым непредвзятым статистическим данным греки там составляли только десятую часть населения, в Афинах утверждали, что в Македонии преобладают греки по численности. Например, в конце XIX в. профессор Николаос Сариполос, член-корреспондент Французского института, приводил как достоверные следующие цифры: 500 тысяч греков, 100 тысяч славян и 40 тысяч евреев. Несколько влиятельных жителей Солуни послали патриарху и османскому правительству письмо от имени 800 тысяч «греков», проживавших в области. Эта цифра была взята из статистических данных, представленных церковными властями, считавшими греками всю паству Греческой церкви. Если придерживаться этого определения, то среди христианского населения Боснии оказалось бы больше «греков», чем католиков⁷⁴⁵.

Греческие пропагандисты стремились при помощи статистики оказать влияние на международное сообщество при определении границ Греции. Так, они обосновы-

вали свои претензии на земли, заселенные славянами, и подкрепляли их теорией о своем «этническом превосходстве», согласно которой греки имели более благородное происхождение, чем македонские славяне, и тем следовало быть им покорными, поскольку сами они были «без культуры, варвары, наречие которых не сформировано, грубияны, слуги»⁷⁴⁶. Один человек, занимавший высокое положение, писал из Афин барону де Лавелье:

«Относительно болгар вы ошибаетесь; они варвары и таковыми и останутся. Они татарской расы, поэтому их невозможно хоть немного цивилизовать. Христианства самого по себе недостаточно, чтобы их облагородить. У них есть некоторые положительные качества, но это качества рабочей скотины, к тому же обладающей инстинктами откладывать запасы, как это делают муравьи. В то время как я Вам пишу, у меня в доме, который я дал в приданое своей дочери Афине, половина каменщиков — болгары; они хорошо работают, но глупы»⁷⁴⁷.

Другой аргумент предложил в 1885 г. греческий посол в Лондоне. Он утверждал, что эта страна изначально принадлежала эллинам, и то, что сейчас она населена болгарами, не означает, что она должна им достаться, ведь право греков на нее не имеет срока давности. Бельгийский барон опроверг этот аргумент следующим образом:

«В таком случае из этого следовало бы, что Новая Голландия, Новая Зеландия и Тасмания, открытые голландцами, должны принадлежать Голландии, поскольку у этих стран голландские названия. Англичане их колонизировали, однако это не дает им никакого права владеть ими. Трудно всерьез рассматривать такие теории, даже просто слышать о них мучительно»⁷⁴⁸.

В 80-е годы XVIII в. Екатерина Великая составила «греческий проект», предусматривавший замену полумесяца на куполе Св. Софии крестом и воссоздание Византийской империи во главе с российским правителем. На

это место прочили ее второго внука и называли его Константином. В своих приготовлениях они зашли так далеко, что привезли ему греческих кормилиц, чтобы он мог вместе с молоком всосать и знание греческого языка⁷⁴⁹. Проект оказался несостоятельным, однако амбиции остались.

Когда в XIX в. идея национализма распространилась с запада Европы на Балканы, именно греки первыми попали под ее воздействие и стали требовать признания своих прав на национальную свободу⁷⁵⁰.

Из-за отмены сербского патриархата в Пече в 1766 г. и болгарской архиепископии в Охриде в 1767 г. вся Македония попала под юрисдикцию константинопольского патриархата. Это означало, что в церквях ввели греческое богослужение, обучение в школах тоже проводилось на греческом языке. Таким образом, население Македонии подверглось безграничному процессу эллинизации. Возможно, его бы и удалось эллинизировать полностью, если бы благородные греческие прелаты и учителя не смотрели на бедных македонских крестьян свысока, считая их «животными»⁷⁵¹, «варварами», «рабочей скотиной»⁷⁵² или «теми, кто носит овечьи шкуры»⁷⁵³, говорит на непонятных славянских наречиях, и не стоит труда, затрачиваемого на то, чтобы обучить их чтению и письму; «для ценителя муз было унижительно находиться в мире варваров»⁷⁵⁴. Вследствие этого греческая культура не затронула основной массы населения⁷⁵⁵.

Соседние независимые государства также смотрели на Македонию жадными глазами и старались доказать, что, в соответствии с принципом естественного права, им должна принадлежать часть области или даже она вся. Болгары стремились присвоить себе Македонию как «колыбель болгарского народа, за которую они пролили море крови». Болгарские патриоты утверждали, что не важно, когда и как болгары пришли в Македонию; имеет значение только то, что большинство населения жаждет

объединиться с материнским государством, что Македония «бежит за своей матерью как ребенок» и что люди были бы недовольны, если бы их заставили жить под какой-либо другой властью, кроме болгарской. Другие балканские государства, конечно, никогда не принимали и не признавали болгарских претензий на Македонию⁷⁵⁶. Греки считали Македонию своей исторической областью, хотя в классическую эпоху право македонцев вступить в круг посвященных Эллады воспринималось с определенным недоверием, и цари Македонии должны были доказать свое греческое происхождение, прежде чем получили привилегию принимать участие в Олимпийских играх. Однако Македония была жизненно необходима для воплощения в жизнь «великой эллинской идеи». Сербы пытались убедить мир, что Македония должна принадлежать только Сербии, утверждая, что она была древним центром царства Душана. Даже Румыния подкрепляла свои претензии на Македонию «этнографическим основанием», и это из-за небольшого числа проживавших там валахов. Албанцы аналогично обосновывали свои территориальные требования⁷⁵⁷. После того как в 1878 г. Австро-Венгрия получила мандат на оккупацию Боснии и Герцеговины, она также положила глаз на Македонию и порт в Солуни⁷⁵⁸.

Ничего удивительного, что при таком раскладе македонский вопрос стал проблемой международного значения, «которую никто не может разрешить»; области было суждено «в будущем, почти неизбежно, стать одним из крупнейших полей сражений в Восточной Европе»⁷⁵⁹. Один британский наблюдатель, в начале XX в. путешествовавший по Сербии, Болгарии, Черногории, Албании, Румынии и Македонии и тщательно изучивший проблему, пришел к выводу: «Македонский вопрос является насущным вопросом современности, и решить его можно только одним способом — путем насильственной и кровавой войны»⁷⁶⁰.

|| «Мегали идея»

После освобождения Греции ее жители считали, что процесс эмансипации завершен только наполовину, ведь они стремились к присоединению значительно большей части османской территории. Многие сторонники правящего политического класса мечтали о воссоединении Греции и воссоздании Византии⁷⁶¹. Король Греции носил тот же титул, «базилевс», что и император Византии, а первого сына короля Юрия окрестили Константином — драматическая прелюдия к тому, чтобы снова занять престол, потерянный в 1453 г.⁷⁶² Это была так называемая «Мегали идея» («Великая идея»), мечта об освобождении «несвободных» греков и их объединении в едином государстве. Следствием ее стала агрессивная политика греческого государства, направленная на «освобождение» Македонии, Эпира, Тракии и Крита, «возлюбленных дочерей Греции», которые «непрерывно ожидали, что мать освободит их от турецкого ярма»⁷⁶³.

Поскольку политическая пропаганда не принесла ожидаемых плодов, Греция с юга и — в меньшей степени — Сербия с севера послали вооруженные отряды в Македонию, чтобы «освободить страну Александра от болгар»; в результате началась война прозелитов за национальное и политическое преобладание. Все — греки, сербы, болгары и румыны — старались увеличить численность своих соплеменников при помощи церквей и школ, которые финансировались в основном их правительствами. Учителя соревновались друг с другом, предлагая разные бонусы ради привлечения учеников в свои школы в такой мере, что родители подчас даже могли заработать, посылая детей учиться в школу. Ученики не только получали бесплатную одежду и не платили за обучение, но даже получали за это награду. Иногда национальные лидеры прибегали даже к убийству де-

ревенских старейшин и принуждали местное население принять греческую или сербскую национальность. Греческие священники внедрились в болгарские деревни и увеличили количество греческих школ. Когда во время Балканских войн греческая армия оккупировала эти земли, людям дали 24 часа, чтобы отречься от своей национальности и объявить себя греками, хотя они не понимали даже самых распространенных греческих слов, как, например, «*kalispera*» («добрый вечер»). Болгарские школы закрыли, и если учителя не давали обещания преподавать на греческом языке, их изгоняли или сажали в тюрьму. Болгарских священников поставили перед выбором: смерть или переход в Греческую церковь. Греческая армия вступала в деревни, где никто не говорил по-гречески. «Не говори по-болгарски, мы в Греции, — кричали офицеры, — и каждый, кто будет говорить по-болгарски, отправится в Болгарию». Неполнение приказа означало смерть или бегство. «Какой стыд, — орали греческие жандармы в Горнем Куфалово 25 марта 1912 г. — Мы вас освободили. Голос Александра Великого призывает вас из могилы; неужели вы его не слышите? А вы всё спите и продолжаете называть себя болгарами!»⁷⁶⁴

Этническая структура населения греческой Македонии драматически изменилась после 1918 г., после переворота в ходе Первой мировой войны и неудачного военного похода греков в Малую Азию: численность греков возросла, в то время как численность представителей почти всех других национальностей уменьшилась. После поражения Греции в 1922 г. эмигрировало приблизительно 640 тысяч «азиатских греков», а в 1923—1924 гг. последовало выселение 348 тысяч мусульман. Во время войн и непосредственно после их окончания много славян было убито или вынуждено бежать; та же судьба постигла турок, албанцев и частично куцовлахов.

|| Национальность и вера

После завоевания Византии в 1453 г. османы не пытались навязать новым подданным свои государственные институты или ассимилировать их. Презируемые и униженные, райя, однако, сохраняли определенную степень автономии. Функции правителей поработенных народов перешли к их духовным лидерам. Султан Мехмед II, покоритель Византии, дал константинопольскому патриарху титул «*milletbaşı*» («вождь народа»), сохранил некоторые из церквей и позволил православным подданным свободно проводить богослужения. Кроме того, он передал патриарху управление духовными и светскими делами паствы. Так, духовенство сформировало орган государственных чиновников с широкими административными и судебными полномочиями. Все дела, связанные с заключением брака, разводом и наследованием, рассматривались епископскими судами, и по гражданским делам христианам не было нужды обращаться в османские суды. Всем религиозным объединениям были доверены сбор налогов со своей паствы и их выплата в государственную казну. Подобные компетенции были даны и болгарским патриархам — как представителям болгарского народа — в Трновe и в Охриде.

В Османской империи не было существенного разграничения между светским и религиозным правом. Османское государство распределяло своих подданных, в зависимости от их веры в «*millete*», или группы, имевшие свои светские и религиозные учреждения, занимавшиеся внутренними делами. Разделение на «*millete*» или «церковные народы», как перевела это слово одна турецкая преподавательница западноевропейской литературы⁷⁶⁵, было единственным административным делением, которое признавало государство. Так, например, различные народы мусульманского вероисповедания (славяне, албанцы и турки) не составляли единой группы. У себя

дома они говорили каждый на своем языке; турецкому языку они обучились. Однако все они были мусульманами и являлись «турками» в государственном смысле: они принадлежали к правящей касте, провозглашались господами «неверных» и были связаны общими интересами, оставаясь меньшинством, использующим угнетенные народы и существующим за счет разных поборов, выплачивавшихся христианским большинством.

Название «Millet-i Rum» («рум» — турецкая вариация слова «*Romaioi*» или римляне, как называли себя византийцы; название было общеупотребительным вплоть до революции 1820-х гг.) — вот все, что осталось от Восточной империи. Под властью владык и патриархов продолжалась жизнь византийского двора и сохранялась греческая народность с греческой формой христианства. Всю христианскую область на Балканском полуострове турки называли «*руми (греческие) вилайетъ*». До середины XIX в. османы считали православное христианское население «римским», то есть придерживавшимся греко-византийского вероисповедания. Кто не был «турком», тот был «*руми*» («грек») — албанцы, болгары, македонцы, сербы, валахи и греки, поскольку это обозначало просто признание авторитета константинопольского патриарха⁷⁶⁶. Джон Морритт в своих письмах 90-х годов XVIII в. отметил, что все время путешествовал «по греческой земле» после того, как уехал из Германштадта (совр. Сибиу) в Трансильвании⁷⁶⁷. А Фрэнсис Херве в Пловдиве и Софии в 30-е годы XIX в. «не слышал ни о ком, кто считался бы постоянным жителем этих мест, если он не принадлежал к числу исконных обитателей, турок или греков»⁷⁶⁸.

До начала XX в. «повсюду в Европе» преобладало мнение, что славяне в Македонии и даже в Болгарии на самом деле являются греками, и каждого образованного человека, прибывавшего из этих стран, само собой разумеется, называли греком⁷⁶⁹. Поскольку название «*Bugar*» («болгарин») было уничижительным, а болгарский язык,

как полагали, был, «как об этом говорит само его название, “вульгарный”, крестьянский», многие притворялись, что они греки: такие люди были известны как «*hondrokefalos*» (дураки, глупцы). Некоторые из них даже переняли греческий язык, ведь его знание считалось признаком образованного человека⁷⁷⁰. Так, название «грек» обозначало «приверженца православной церкви» или «горожанина», поскольку горожане были «греками», а деревенские жители «варварами»⁷⁷¹. Или, как выразился член филологического общества «Парнас»: «Для славянина является повышением статуса, если он становится греком, так же как для индийца, если он становится британцем»⁷⁷².

В основе этого деления была религия; язык и этнологические теории имели совершенно второстепенное значение. Болгарин мог когда угодно стать турком, приняв ислам, так же как грек мог стать болгарин, присоединившись к экзархату. Человек мог примкнуть к румынской общине, а его брат к сербской. Эта система полностью сохранилась до начала XX в., когда в Албании еще были города, не имевшие гражданского судопроизводства, и судьи опирались лишь на Коран. В начале XX в., когда в Турции были проведены широкомасштабные реформы политической системы и введен кодекс Наполеона, эту модель отменили. Однако тогда национальная идея была еще так нова для турок, что ее по-прежнему заменяли религией. Для православных албанцев, болгар, сербов и валахов, не присоединившихся к «схизматической» Болгарской церкви, продолжали использовать общее название «рум»⁷⁷³.

Причиной такого положения была система политического устройства. Ведь османский закон был религиозным кодексом, его невозможно было навязать неверующим, так же как их нельзя было забрать в армию. Правоверные, последователи Пророка, провозглашались господами «*джавров*» (неверных). Османская империя базировалась на этих совершенно теократических принципах государственной организации. Но именно благодаря специфике

такой политики христиане в Османской империи пользовались относительной независимостью и могли сохранять свою народность, язык и обычаи. Эти исключительные исторические обстоятельства также объясняют, почему у этих христиан патриотизм модифицировался в принадлежность своей религиозной общине и национальной церкви. Западным авторам того времени эта концепция национальности казалась необычной, и они удивлялись, что на Балканах происхождение и языки не были важны при определении национальности. «Это очень похоже на то, как если бы рожденного в Лондоне римско-католика называли ирландцем и считали его таковым, или, как если бы пресвитерианца в Нью-Йорке, предки которого приехали из Германии, считали шотландцем»⁷⁷⁴.

Среди народов «миллетов» новый дух национального самосознания пробудился лишь тогда, когда стали предприниматься попытки заменить религиозные законы гражданскими. Если они хотели удержаться на плаву в международной политике, то должны были реорганизоваться в соответствии с национальным принципом, поскольку западные государства того времени основывались на нем. А из-за преобладания западной модели в мире они должны были приспособиться к формам, считавшимся на Западе обычными. Впрочем, как, например, полагал Арнольд Тойнби, принцип национальности в политике, считавшийся на западе Европы обычным, развился там просто благодаря специфическим условиям, сложившимся в этом регионе, а не потому, что он имел универсальное значение⁷⁷⁵.

|| Потомки || французских крестоносцев

Так что у славянского населения в Македонии до начала XX в. не развилось ясного осознания национальности: тот, кто не принадлежал к их локальной группе, был чужаком. Василий Водовозов сообщал, что многие

люди просто не понимали, что такое национальность, и объясняли: «Я православный, был экзархист, а теперь я сербин». Только когда их переспрашивали, болгары они или сербы, они могли ответить: «Я был бугарин, а теперь серб»⁷⁷⁶. Важнейшим элементом их идентичности было христианство, и на вопрос, какой они национальности, они отвечали, как в XIX в., что они «райя», «кавурии», как их называли мусульмане, или же болгарин, «русьянин» (христианин)⁷⁷⁷. Российский консул в Битоле А.А. Ростковский, например, использовал «турецкий» метод и делил жителей Македонии на славян-патриархистов, славян-экзархистов и славян-мусульман, поскольку, несмотря на свое семилетнее пребывание там, так и не смог понять, болгары они или сербы. Александр Амфитеатров, проведший там три года, однако, пришел к выводу, что македонцы сами не знают, кто они. Поэтому он назвал их «народом без сознания национальности»⁷⁷⁸.

Из-за специфических обстоятельств в конце XIX — начале XX в. решения о национальных предпочтениях в Македонии принимались исходя из политической подоплеки. В Македонии болгары, греки, сербы и румыны вели свою пропаганду, каждая сторона выступала со своими идеалами и ожиданиями. Целью каждой было приобрести как можно больше сторонников. Если одной пропаганды было недостаточно для изменения политической карты Македонии в соответствии с европейскими принципами, реализовать свои цели пытались насильственными методами деприватизации, выселения и враждебного вмешательства в богослужение и употребление родного языка. Воздействие на общины было затратным делом, которое не всегда приносило доход, соразмерный с расходом, и маленькие балканские государства, источники средств которых были настолько же скромны, насколько велики были их амбиции, вряд ли могли бы настаивать на своих требованиях без денежной помощи какой-либо из заинтересованных сторон⁷⁷⁹.

По сообщениям западных авторов в начале XX в., если македонцы и были непоколебимы в своем православии, то в той же степени нестойки они были в своих национальных симпатиях. Было вполне возможно, что славянская деревня в Македонии в присутствии сербского консула позиционировала себя одним образом, а в присутствии болгарского агента — совершенно иначе⁷⁸⁰. Когда Петр Риттих спросил крестьян в Скопска-Црна-Горе, являются ли они сербами, те отвечали утвердительно. Когда же он сразу после этого спросил их, являются ли они болгарами, они снова ответили утвердительно⁷⁸¹. Из жителей Башино-Село близ Велеса на тот же вопрос половина ответила, что они сербы, а другая половина — что они болгары⁷⁸². Некоторые исследователи фиксировали случаи, когда один брат говорил, что он болгарин, а другой — что он серб. К тому же некоторые утверждали, что являются греками, хотя и не знали греческого языка⁷⁸³. Например, в Битоле в 1905 г. из трех братьев Талевчине — Стефана, Николы и Димитрия, уважаемых купцов, — один был болгарин, другой румыном, а третий греком⁷⁸⁴. Поскольку в этой части света национальность вовсе не была константой, а менялась в соответствии с политическими убеждениями, отдельные люди или целые группы вчера были греками, сегодня могли стать болгарами, а завтра, возможно, сербами⁷⁸⁵.

Для западноевропейских авторов того времени, воспринимавших национальность не как культурную конструкцию, а как некую естественную категорию, нечто постоянное, врожденное и неизменное, «чистую кровь»⁷⁸⁶, это казалось чем-то неслыханным. С наибольшим презрением они вспоминали, что на Балканах национальность «переменная, в значительной мере зависящая от размышления, и что чувство, кровь или язык мало или же вообще никак не связаны с ней»⁷⁸⁷. Таким же негативным было их отношение к патриотизму жителей Македонии. Они полагали, что на Балканах величина патриотизма зави-

сит от толщины кошелька. Французский консул, например, заявил, что, если бы у него был миллион франков, он бы взялся переделать всех македонцев во французов. Он бы их научил, что македонцы — потомки французских крестоносцев, в XII в. занявших Солунь, а остальное сделали бы франки. Однако Генри Ноэль Брэйлсфорд, процитировавший слова французского консула, одновременно добавил, что греки располагали крупными средствами, но, несмотря на это, потеряли Македонию⁷⁸⁸.

Там, где выбор свободен, люди периодически будут руководствоваться личными интересами. По сообщениям ряда авторов, важную роль при определении национального самосознания играли деньги. Сербский консул якобы как-то упрекнул одного «серб», что они получили уже достаточно денег и что пришло время, когда во имя патриотизма они должны сделать что-нибудь для отечества бесплатно. Ответ гласил: «Ах, господин консул! <...> Это будет очень неприятно для Вас, но, когда я получаю деньги от Вас, патриотизм говорит мне, что я серб, а как только мой карман пустеет, он начинает меня убеждать в том, что я болгарин»⁷⁸⁹.

Правда, если рассматривать вопрос в целом, то македонцы, учитывая наличие коррупции и терроризма, действительно выказали удивительную стойкость.

|| Болгарская угроза

Болгарское самосознание, которое до 70-х годов XVIII в. было так сильно поработщено греческим духовенством, что люди забыли о своей народности и считали себя греками, вновь пробудилось во второй половине XIX в. Появились болгарские энтузиасты, которые, вдохновившись преданиями о славном, хоть и довольно гипотетическом прошлом, ожидали, что наступит день, когда Болгарское царство возродится, и в него войдет вся Македония, и Царьград станет столицей⁷⁹⁰. В 1893 году была

«Македония македонцам!»
 (открытка, напечатанная
 Македонским национальным комитетом)

создана Внутренняя македонская революционная организация, целью которой стало освобождение Македонии из-под османской оккупации под лозунгом «Македония македонцам!». На практике комитаджии (вооруженные сторонники ВМРО) проводили политику истребления греческих и сербских учителей и священников и терроризировали деревенских жителей-славян, по-прежнему верных патриархату. До учреждения экзархата, когда в европейской Турции была только одна православная церковь, греческие священники, стремясь уничтожить болгарский язык, запретили его использование в школе и храмах. На установление новой церкви константинопольский патриарх ответил *фирманом*, отлучившим от церкви всех сторонников экзархата. Многие болгары боялись этого и остались верны патриарху — и «грекам»⁷⁹¹.

Болгары обосновывали свои претензии на Македонию, ссылаясь на то, что в XI в. эту землю на короткое время завоевал царь Самуил и предположительно «обогарил» большинство ее населения. Болгария все больше внедрялась в Македонию, и в 70-х годах XIX века Болгарская церковь на момент отделения от константинопольского патриархата владела деревнями во многих областях Фракии и Македонии. В начале XX в. власть экзархата в Македонии распространялась на семь диоцезов (Скопье, Охрид, Дебар, Битола, Велес, Неврокоп* и Струмица)⁷⁹². Вера стала символом национальности: греки подчинялись патриарху, а болгары экзарху. Болгарская церковь начала проводить насильственную болгаризацию страны, изгоняя греческих учителей и священников и заменяя их болгарскими⁷⁹³. Так называемая «болгарская угроза» вызвала реакцию Греции, которая в 1895 г. стала посылать в Македонию вооруженные отряды, которые оказывали сопротивление насильственной болгаризации путем ведения партизанской войны против болгар и сербов. Греки надеялись, что в конце концов они захватят часть области, хотя ее жители не знали греческого языка. Наиболее успешной партизанской группой была «*Ethnike Hetairia*» («Национальное объединение»), ее отряды начали активно действовать в Македонии в период революции на Крите. Однако, несмотря на первоначальный успех, поражение Греции в войне с Турцией в 1897 г. нанесло тяжелый удар по «грекам» в Македонии, поскольку на некоторое время они лишились поддержки греческого государства⁷⁹⁴.

|| Великая Сербия

Когда после 1878 г. сербы были вынуждены искать свою Великую Сербию в другом месте, они переориентировались на юг и выдумали идею сербской Македонии с центром в Солуни. В прошлом столетии сербские ученые

* Совр. Гоце-Делчев.

и политические лидеры признавали, что Македония по этническому составу была болгарской, и это даже было зафиксировано в договоре о Балканском союзе, заключенном накануне войны 1912 г.⁷⁹⁵ На рубеже XIX–XX веков несколько националистов провозгласили новую доктрину: Македония является сербской областью и была ею всегда⁷⁹⁶. В пользу этой теории приводились доказательства по географии, этнологии, филологии и истории. Поначалу сами сербы подсмеивались над своими чересчур ревностными учеными, но со временем сербскую интеллигенцию охватила македонская лихорадка, и даже серьезные ученые, такие как Стоян Новакович и Йован Цвийич, либо молчали, либо шли на компромисс со своей совестью, выдумывая новые аргументы в доказательство сербского характера Македонии. Македонцев они характеризовали как «бесформенную народную массу», не имеющую определенного национального чувства, но открытую для ассимиляции с сербами или болгарами⁷⁹⁷. Патриоты выдвигали вымышленные филологические и исторические аргументы в поддержку утверждения, что тот, кто «говорит на таком чистом сербском языке и отмечает праздник семейного святого, не может быть болгарин». Чтобы аргументировать тезис о том, что македонские славяне будто бы были сербами, они даже утверждали, что национальное название «*Bugar*» имеет сербское, а не болгарское происхождение⁷⁹⁸.

В сербских школах детей обучали географии не только Старой Сербии, «но всех сербских земель, ради их воссоединения — прежде всего, Македонии, затем Далмации, Боснии, Герцеговины, Хорватии, Баната и Бачки»⁷⁹⁹. В балканских школах преподавались не просто стандартные учебные предметы, но также и те, что имели ключевое значение для их национальности. Так школы в Македонии стали «фабриками по производству „*kannonen futter*“»⁸⁰⁰.

* Пушечное мясо (нем.).

В крупных сербских городах учреждались тайные общества, целью которых было распространение идеи о Македонии как составной части Сербии. Кроме того, на северо-западе Македонии открывались сербские школы и распространялся сербский язык. К концу XIX в. в Македонии работало более двухсот сербских школ; константинопольский патриархат назначал в Скопье сербского епископа. Амбициозные сербские националисты и туда послали *комитаджиев* для борьбы против болгарского влияния. Франческа Вилсон пишет, что свои обязанности они выполняли с большим рвением. Один из их руководителей, учитель Стефанович, рассказал ей: «У нас не было вина — нашим вином была кровь болгар»⁸⁰¹.

В результате двух Балканских войн 1912–1913 годов Сербия получила Косово, а также Северную и Центральную Македонию. Надпись на военной медали «Косово отомщено» напоминала о битве 1389 г., но этот военный успех поставил перед Сербией задачу ассимилировать гетерогенное население, среди которого было много мусульман-албанцев, а также православных славян, многие из которых все еще продолжали уповать на Болгарию. Сербское правительство объявило, что «уровень культуры» македонцев недостаточно высок и их «государственное сознание» не настолько развито, чтобы немедленно наделить их всеми политическими правами⁸⁰². В оказавшейся под сербской властью части Македонии начала проводиться интенсивная сербизация, направленная прежде всего против болгарского экзархата и болгарских школ в этой области. Сербские власти насильственно изменяли и македонские фамилии, добавляя к ним сербский суффикс — «-ич»⁸⁰³.

Если Османская империя считала македонцев болгарскими, а Греция по крайней мере признавала, что они говорят на славянском языке, то Сербия полностью отвергала болгарскую идентичность и запрещала какие-либо очевидные ее проявления. Македонцы не смели

устраивать торжества в память о братьях Миладиновых, что они делали даже в период османской оккупации⁸⁰⁴. Стоян Кривостов написал, как сербский король собственноручно внес вклад в дело лишения болгарского населения его национальной идентичности. В 1912 году, во время Первой балканской войны, король Александр, тогда еще бывший престолонаследником, остановил на улице в Прилепе одну девочку, наклонился к ней и спросил, кто она по национальности. Девочка ему ответила: «Болгарка». За это Александр, позже названный Объединителем, своей королевской рукой отвесил ей пощечину⁸⁰⁵.

После того как в 1878 г. Сербия аннексировала округа Ниш, Пирот и Вранье (с говорящим по-болгарски населением), власти провели там аграрную реформу и ввели в школах обучение на сербском языке, а церковь подчинили Белградской митрополии. На самом деле Сербия здесь действовала теми же методами, какими позже и в Македонии. В результате менее чем за 20 лет люди забыли о своей болгарской идентичности и стали ощущать себя сербами. Когда в 1894 г. Василий Водовозов посетил эти округа, он не заметил никаких признаков национального или религиозного недовольства, ведь «непримиримые болгарские элементы, составляющие в любом случае лишь незначительное меньшинство населения», ушли; а остальные славяне свыклись с тем фактом, что теперь они «сербь»⁸⁰⁶. Принимая во внимание успешность этого процесса, сербские власти ожидали подобных результатов и в Македонии, где различия между «сербями» и «болгарами» и так были «почти полностью делом воспитания». Население там имело «двойную религию, сходные идеи, идентичные обычаи». По наблюдениям Фредерика Мура, македонские крестьяне носили одинаковую одежду, внешне различались только сторонники той или другой партии и пропагандисты: «Одежду европейского покроя носят те, кто ходит в болгарскую гимназию, в то время как военный китель указывает на сторонников противоположной школы»⁸⁰⁷.

Как сообщал корреспондент издания «*Standard*» Хулме-Бойман, в начале процесса сербизации Македонии там практически не было сербского населения⁸⁰⁸. За короткое время ситуация драматически изменилась. Однако македонцев не удалось так быстро сербизировать, как это произошло с населением Ниша и других бывших болгарских областей. Через несколько лет помощник сербского министра просвещения д-р Стеванович во время посещения Битолы захотел узнать, насколько распространилась здесь сербская национальная идея. Для этого он спросил детей, идущих в школу, кто они по национальности. Они ответили, что македонцы. Расспросив, кто их родители, он понял, что они славяне. Только один из пятерых сказал, что он серб; когда же Стеванович спросил его, кто его отец, мальчик ответил, что не знает⁸⁰⁹.

Для македонцев мысль о том, что они югославы, оказалась намного более привлекательной, чем мысль о том, что они сербы. Фран Тучан путешествовал по Македонии вскоре после создания югославского государства по окончании Первой мировой войны. Люди, которых он встретил, были «довольно гостеприимны, но очень сдержанны в своих речах». Они были сторонниками национального единства, «что вовсе не удивительно, ведь югославянство здесь — идея, которая сплавливает, объединяет, успокаивает страсти и укрепляет веру в будущее народа». Один из жителей Кавадара объяснил ему, что сербы, хорваты и словенцы — «старцы на последнем издыхании, но рождается могучий, сильный югослав»⁸¹⁰.

После Второй мировой войны Болгария закрыла македонский вопрос, во всяком случае по пунктам, касающимся Греции. После гражданской войны в Греции и эмиграции из страны славянских меньшинств македонский вопрос остался открытым только в Югославии — с одной стороны, из-за деболгаризации населения югославской Македонии и, с другой стороны, из-за непризнания существования македонского меньшинства в пиринской

Македонии. Впрочем, соседние государства отрицали само существование македонского народа. После Второй мировой войны Болгарская академия наук издала множество документов с целью доказать, что македонская национальность — искусственный конструкт и что жители югославской Македонии являются болгарами. И сейчас еще некоторые греческие авторы не сомневаются в том, что на самом деле македонцы являются греками⁸¹¹. Существование македонского народа отрицали и многие западные авторы, особенно ясно это высказал Джон Фостер Фрезер: «Вы можете найти болгар и турок, которые называют себя македонцами, вы найдете греческих македонцев, есть сербские македонцы, можно найти и румынских македонцев. Однако вы не найдете ни одного македонского христианина, который бы не являлся сербом, болгаринном, греком, румыном»⁸¹².

Несмотря на многолетнее угнетение жителей Македонии и на пропаганду, убеждавшую их, что они вовсе не те, кем сами себя считают, всё они выдержали, и в конце XIX в. македонские славяне называли себя македонцами, противопоставляя себя другим национальностям, таким как «серб», «болгарин», «грек». Георгий Пулевский в своем триязычном словаре определил *нацию* как группу людей, имеющих общее происхождение, говорящих на одном языке, живущих вместе и у которых одинаковые обычаи, песни и праздники. Далее он пояснил: «Следовательно, мы, македонцы, являемся нацией, и наша родина — Македония»⁸¹³. По словам Крсте Мисиркова, в конце XIX в. национальное самосознание македонских славян было «очень развитым и четким»⁸¹⁴. Как отмечали другие авторы, люди открыто заявляли, что они не болгары, не сербы, а македонцы⁸¹⁵. Так, игумен Лешокского монастыря близ Тетово отец Иезекииль объявил себя «чистокровным македонцем»⁸¹⁶, а учитель из Охрида заявил: «Я ни болгарин, ни грек, ни неопределившийся, я чистый македонец, такой, какими были Филипп,

и Александр Македонский, и философ Аристотель»⁸¹⁷. Представители местной интеллигенции также настаивали на том, что македонское наречие хотя и близко болгарскому и сербскому, но не идентично им, и что македонцы — особый народ славянского происхождения⁸¹⁸.

В конце XIX — начале XX века западные авторы уделяли большое внимание Македонии из-за сложившейся там взрывоопасной и неясной политической ситуации. Многие писали о ней, еще больше — исходили эту землю вдоль и поперек, убежденные, что сдвинут любой камень, который может попасться им на дороге. Они разбирались в бесчисленных подробностях «македонского вопроса» и в его глубоких исторических корнях. Они были хорошо осведомлены об исключительно запутанной политической и этнографической ситуации, сложившейся в этой области из-за многочисленных и перекрепляющихся интересов различных государств. Однако простой факт, что в Македонии живут македонцы, как-то не попал в их поле зрения, хотя иногда они замечали, что македонские славяне не являются ни болгарами, ни сербами⁸¹⁹. В их трудах македонцы заметны именно благодаря своему отсутствию:

«Поговори с румынским консулом, скажем, в Монастире. “Действительно, эти люди говорят по-болгарски или по-гречески, — скажет он, — но на самом деле они румыны, хоть сами об этом и не знают. Когда Македония освободится из-под власти турок, естественным и истинным хозяином ее станет Румыния”. Расспроси какого-нибудь серба. “До прихода турок, — скажет он, — Сербское царство простиралось на юг до моря”. Обратись к болгарину. “Очевидно, — поведаст он, — что практически вся Македония заселена болгарами. Они говорят по-болгарски и являются приверженцами Болгарской церкви. Многих людей, которые говорят по-гречески и придерживающихся православной веры, вынудили к этому; но, на самом деле, они болгары. Македония — это легитимное наследие Болгарии”. — “Ничего подобного, — возразит

грек. — Болгары — схизматики и не вправе называться христианами. Они угрозами заставляют деревни отказываться от Православной церкви, а потом считают их болгарами. Фу, мясники!»⁸²⁰

Было совершенно не важно, считали они так потому, что ратовали за одно из балканских государств, или что им, привыкшим судить о значимости народа по величине его территории и количеству населения, трудно было сдерживать пренебрежение при сравнении малочисленных македонцев с крупными балканскими государствами и их аппетитами. При этом не играло роли, что думали и говорили сами люди:

«И правда, нет ничего удивительного в том, что ситуация трудная, если вспомнить, что после царства Филиппа Македония подчинялась грекам, сербам, болгарам и туркам. Следовательно, можно простить крестьянам, что они не ведут счета своим настоящим предкам. И случилось так, что понятия “род”, “национальность”, “происхождение” или какое-либо еще, подходящее для обозначения различий между македонцами и остальным балканским миром, потеряли значение. В этом кроется причина того, что крестьянин готов как свою принять любую национальность, в отношении которой ему в процессе преобразования предложат достаточно убедительные аргументы»⁸²¹.

Поскольку Османская империя главным образом акцентировала внимание на религиозных различиях, национальность считалась чем-то второстепенным и малозначительным. Когда на западе Европы развилась идея о национальности как о существенном элементе идентичности человека, даже более важном, чем религиозные различия, на Балканах она встретила с большими препятствиями. Возможно, она никогда бы и не проникла туда, если бы ее не спонсировали европейские державы. В силу этих обстоятельств сознание своей особой национальной идентичности среди славянского населения Македонии было наименее развито. Соседние государст-

ва, жаждавшие увеличить свои национальные территории, стремились обернуть эту ситуацию в свою пользу. Болгария, Греция и Сербия проявили большую изобретательность при осуществлении своих территориальных требований, заявляя, что жители Македонии на самом деле — соответственно — болгары, греки или сербы. Однако в действительности ни одной из этих стран ни кнутом, ни пряником не удалось ассимилировать население Македонии, которое они подчинили. То, что им удалось представить западным наблюдателям македонцев как народ, не имеющий национального самосознания, совершенно другая история. В качестве примера можно привести Д.Ф. Эбботта, которому выдуманные истории балканских пропагандистов казались интереснее реальности. Так, он пишет, что иногда в одном и том же македонском доме можно было встретить «представителей всех ответвлений человеческой семьи». Отец утверждал, что он сербского происхождения, сын клялся, что в его венах течет только болгарская кровь, а дочери, если бы смели говорить, с той же убежденностью бы твердили, что их род происходит от Елены Троянской, Екатерины Великой из России или Афродиты Милосской. Бабушка удовлетворялась тем, что на вопрос о своей национальной принадлежности ответила, что она христианка. Представив эту живописную картину полной путаницы как отражение настоящей действительности, Эбботт поставил следующий диагноз:

«Настоящая комедия ошибок, в которой никто не знает, кто есть кто, но каждый инстинктивно чувствует, что все отличаются друг от друга. Действительно, еще не было государства, которое бы так сильно нуждалось в геральдической службе или в психлечебнице, как Македония. Ее можно описать и как край, населенный новорожденными душами, которые скитаются в поисках тела и все время теряются»⁸²².

Мост между варварством и цивилизацией

Окаменевший полумесяц над бурной рекой

Каменный мост в Мостаре считался одним из виднейших достижений золотой эпохи османской архитектуры, и многие были убеждены, что это «самый большой и красивый памятник не только Мостара, но и всех Балкан»⁸²³, если не «один из красивейших мостов в мире»⁸²⁴. Он был построен в 1566 г. по проекту Мимара Хайреддина, придворного архитектора и ученика прославленного Мимара Синана, крупнейшего турецкого архитектора⁸²⁵. Этот удивительный мост перекинут через Неретву в том месте, где скалистые берега сужаются и пенящиеся воды глубокой реки пробиваются сквозь настоящий лабиринт из скал. Его конструкция состояла из одной арки высотой 17,85 м в высшей точке (19 м вместе с парапетом); длина от одной до другой стороны составляла 27,34 м, а ширина — 4,56 м. Эти пропорции придавали колоссальному сооружению видимую элегантную легкость⁸²⁶. По обеим сторонам Старого моста до сих пор стоят башни, в которых некогда располагался отряд из 160 человек, стороживших мост и днем и ночью. Местное население обе башни вместе с мостом именovalo Замком. Крепостная башня на левом берегу называлась Герцегуша, а на правом — Халебия или Человина. В XIX веке в Герцегуше располагался пороховой склад, а в Халебии городская тюрьма⁸²⁷.

*Старый мост в Мостаре
(открытка, посланная 13.11.1903 г.)*

В документах XVI и XVII веков мост упоминается как Мост султана Сулеймана. В более поздних документах он называется Великим мостом, еще позже становится известен как Старый мост⁸²⁸. Благодаря своим размерам, конструкции, форме и окружению он является своего рода уникальным памятником, сходство с ним имеет только мост на реке Аоос в городе Конитца на северо-западе Греции рядом с албанской границей, «который похож на Старый мост как брат-близнец, разве что без башен»⁸²⁹.

Слава Старого моста привлекала многих путешественников, в том числе визирей и чиновников высоких рангов со всех концов Османской империи. Тех, кто видел это сооружение, воодушевляли его красота и необычность. В стихотворении, посвященном его родному городу, турецкий поэт Дервиш-паша Баезидович (1552–1603), знаменитый военачальник и советник султана Мурада III, боснийский визирь, сравнивал мост с небесным сводом,

полным звезд, при этом отмечая, что красота первого превосходит красоту второго⁸³⁰. Э. Целеби, побывавший в Мостаре в 1664 г., отметил, что нигде не видел «столь высокого моста»⁸³¹, хотя много путешествовал по свету и побывал в «шестнадцати королевствах». А неизвестный арабский путешественник сказал: «Я долго странствовал и в изумлении остановился перед воротами Мостара, поскольку увидел тут минареты, изысканные, как звуки молитв, и мост через реку, как месяц на небе»⁸³².

До того как османы завладели Мостаром, там стоял деревянный мост, о котором впервые было упомянуто в одном письме из Дубровника, датированном 3 апреля 1452 г.⁸³³ Первые сведения о средневековом мосте в Мостаре появились спустя сто лет после его постройки. Его описал Хаджи Халифе Кятиб Челеби в своем труде о Румелии и Боснии в начале XVII в. По его словам, мост был построен в 974 г. от хиджры, он «висел на цепях» и «так сильно качался, что люди, переходя через него, смертельно боялись»⁸³⁴.

Из источников, которые имеются в нашем распоряжении, известно, что в середине XVI в. деревянный мост пришел в негодность. Жители Мостара попросили султана Сулеймана Великолепного, чтобы он приказал построить лучший, более прочный мост через Неретву. Это прошение было удовлетворено, и в 1566 г. строительство моста завершилось. Дату сооружения подтверждают две надписи, выбитые на мосте. Первая гласит:

*Да возрадуется душа султана Мехмеда,
Что оставила после себя такие памятники.
Да возблагодарим и Сулеймана,
Во время владычества которого
закончилось строительство.
Стараниями назира был достроен мост
И написана хронограмма: «qudret kemer».
Год 974⁸³⁵.*

Эвлия Челеби зафиксировал только хронограмму этой надписи: «qudret kemer» (свод всемогущего Бога), выбитую на середине арки⁸³⁶. Если, в соответствии с изысканным арабским обычаем, сложить цифровые эквиваленты отдельных букв, получится сумма-дата, обозначающая год постройки моста, то есть 974 год после *Хиджры*: $q = 100 + d = 4 + r = 200 + t = 400 + k = 20 + m = 40 + r = 200 + j = 10$ ⁸³⁷.

Со временем появилось много преданий о строительстве моста. Хаджи Халифе сообщает, что султан Сулейман по просьбе жителей Мостара послал в город Мимара Синана, поручив ему построить там каменный мост. Однако архитектор, осмотрев город, заявил, что сделать это невозможно, поэтому от затеи отказались. Но позже один местный плотник выразил готовность взять на себя эту ответственную задачу, и мост был построен. Все говорили: «Мост — настоящий шедевр, позор всем архитекторам мира»⁸³⁸.

В деревне Подпорим на старой мостарской дороге, ведущей в Кониц, есть высеченное в камне углубление, хотя там нет следов ни фонтана, ни источника. Согласно преданию, строитель моста должен был поплатиться головой, если мост упадет в воду. Когда он закончил арку, то не мог заставить себя присутствовать при разборке лесов и сбежал из Мостара до тех пор, пока все будет закончено. Взволнованно и нетерпеливо ожидая новостей, продолжается рассказ, он бил молотом по камню и так высек углубление. Люди использовали воду из него как лечебное средство еще в начале XX в.⁸³⁹

Другая легенда бытовала в Мостаре среди мусульман. Султан Сулейман услышал о необыкновенной красоте Мары Леховкиньи и дал себе обещание, что поцелует ее живой или мертвой. Он начал длительную осаду города Промина, королем которого был муж Мары. Когда король понял, что отряды Сулеймана вторгнутся в город, он обезглавил жену и бросил ее голову и труп в глубокую реку, чтобы Сулейман не смог выполнить своего обещания. Чтобы все-таки выполнить его и сохранить престол,

султан Сулейман предложил большую награду тому, кто завоюет город и найдет труп Мары. Некий Гусо из Мостара достал из глубины голову Мары и принес ее султану, а некий Ахмо из Вышеграда принес ее труп. После того как султан поцеловал мертвую Мару, он позвал Гусо и Ахмо и спросил их, какую награду они желают получить за свою услугу. В качестве награды они попросили его построить мосты: один на Неретве, а второй на Дрине в городе Вышеграде. Султан сдержал слово и велел их построить⁸⁴⁰.

По православному преданию, Раде Неимар, проданный в рабство туркам, получил свободу благодаря этому мосту. Долгое время он строил безрезультатно: то, что он сооружал за день, ночью уносила река. Мост каждый раз обрушался, пока, по совету горной вилы, он не замуровал в его фундамент живых возлюбленных, Стою и Стояна⁸⁴¹.

На Балканах можно было часто слышать подобные легенды и мотивы, связанные со строительством замков и мостов⁸⁴². Вероятно, в числе самых известных две истории: о сооружении замка над Скадаром⁸⁴³ и о строительстве моста в Вышеграде, который рушился семь лет подряд, пока строитель Митра по совету своей вилы не замуровал

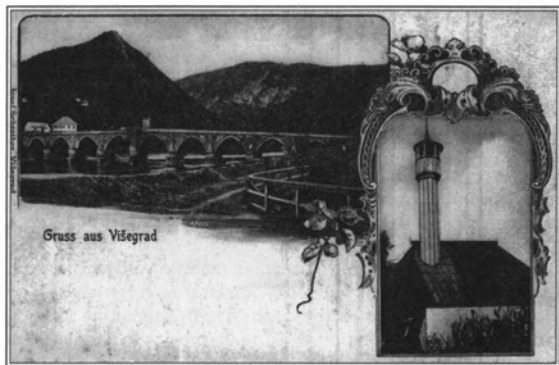
*Мост на Дрине
(Вышеград, 1531 г.)*

в мост Стою и Остоя⁸⁴⁴. Предание казалось таким жизненным, что в начале 70-х годов XIX в. горожане Требинье в окрестности Дубровника украли труп ребенка и замуровали его в фундамент моста через реку Требишницу⁸⁴⁵. На одном из Ионических островов, Закинтосе, во второй половине XIX в. рассказывали еще одну историю: местные жители считали, что при строительстве большого моста они должны приносить в жертву какого-нибудь мусульманина или еврея⁸⁴⁶.

|| Римские мосты XIX в.

История, распространенная в XIX в. среди иностранцев, бывавших в Мостаре, связывала строительство Старого моста с доосманскими завоевателями. Сначала консул Шометт де Фоссе приписал сооружение моста грекам из Восточной империи, утверждая, что в XII в. они построили мост в Вышеграде, да и Старый мост в Мостаре будто бы тоже был возведен в то время⁸⁴⁷. Позднее появилась уверенность, что на самом деле мост римский, поскольку такой высокий и прочный мост, построенный из больших камней, перекинутый одной аркой через столь широкую и бурную реку с крутыми берегами, якобы имел все черты, характерные для римской архитектуры⁸⁴⁸; поэтому предпринималось множество попыток найти в его окрестностях римский муниципий, Мондертиум или Матрикс⁸⁴⁹.

Первым автором, приписавшим строительство моста римлянам, был французский офицер Шарль Пертусьер⁸⁵⁰. Его теория приобрела много сторонников, среди которых были и знатоки Боснии и Герцеговины. Большинство считало, что соорудить мост приказали Траян или Адриан⁸⁵¹; некоторые полагали, что это были императоры Антоний⁸⁵², Юстиниан⁸⁵³ или даже Юлий Цезарь⁸⁵⁴. Свои выводы они основывали на предположении, что через эти места проходила римская дорога

Вышеградский мост в начале XX в.

в Паннонию. Некоторые авторы вычислили даже точную дату сооружения Старого моста — 98 г. до н. э.⁸⁵⁵

В XIX веке Мостар считался самым удобным местом для перехода через Неретву, однако так было не всегда. Например, в XVII в. Квицлет по пути из Дубровника в Сараево реку в Мостаре не переходил и в своих записках отметил, что существует много деревянных и каменных мостов через Неретву⁸⁵⁶.

Римское происхождение моста признавал даже такой специалист, как прославленный английский египтолог и путешественник сэра Г. Вилкинсон, который писал:

«Предание рассказывает, что крепостные башни стоят на римском фундаменте, и та, что слева, древнее.

Сооружение моста приписывается Траяну или же, по мнению некоторых, Адриану; свидетельства сообщают о надписи с именем одного из этих императоров, которая некогда на нем была. Турки приписывают его возведение Сулейману Великолепному; однако визирь в ответ

на мой вопрос о дате сказал, “хотя утверждают, что это творение султана, правда заключается в том, что он стоял там задолго до его времени, вероятно, его построили язычники”. Турки совершенно скрыли оригинальную постройку; нельзя увидеть ни одного блока римских времен, и маленький размер камней, выемка под парапетом и желобок, выступающий за край, придают ему чисто турецкий облик. Однако величественность этого сооружения, форма арки и традиция — все это говорит о его римском происхождении; и тот факт, что город называется Мостар, указывает на то, что “старый мост” уже существовал, когда город получил свое название; а Мостар стал городом задолго до турецкого вторжения в страну»⁸⁵⁷.

Особенно удивляет тот факт, что принявшие эту теорию авторы были знакомы с преданием, датировавшим возведение моста временем правления султана Сулеймана⁸⁵⁸. Это предание подтверждали две надписи на самом мосте, которые были «бесспорно, турецкими, хотя и трудночитаемыми»⁸⁵⁹. Однако предрассудки, как всегда, были слишком сильны, чтобы их можно было преодолеть. Поэтому люди предпочитали связывать надписи с перестройками, произведенными в османский период, а не со строительством моста⁸⁶⁰. Некоторые даже обвиняли османов в том, что они специально уничтожили исходные (римские) надписи и заменили их турецкими, чтобы скрыть, кому на самом деле принадлежит авторство⁸⁶¹.

В XVI и XVII веках Османскую империю воспринимали как державу неограниченной мощи; ее армия была «страхом и трепетом Европы», перед ней даже «самые далекие христианские монархи дрожали в своих столицах»⁸⁶², ведь казалось, что она «завоюет и удержит значительно большую империю, и даже всю Европу до западного океана»⁸⁶³. Даже в окруженной морем Англии огромные размеры Османской империи возбуждали чувства опасности и ужаса⁸⁶⁴. Тогда европейские авторы не сомневались, что османские архитекторы способны,

к примеру, строить мосты⁸⁶⁵. Что же касается Старого моста, то он, согласно описанию французского путешественника XVII в. Пуллета, был «намного прочнее и шире, чем Понте-ди-Риальто в Венеции, хотя последний и считается настоящим чудом»⁸⁶⁶.

Хотя Османская империя некогда была великой державой, после поражения армии Кара Мустафы под Веной в 1683 г. ее мощь стала ослабевать. В конце XIX в. некоторые уже предсказывали колоссальные перемены: история быстро шла вперед — «не пройдет и половины века, и меч, возможно, вернет себе то, что меч отнял, и христианские обряды снова будут отправлять в стенах Св. Софии»⁸⁶⁷. Империя, которую прежде считали самой могущественной державой в мире⁸⁶⁸, становилась «умирающим львом», который, «сделав нескольких судорожных движений, никогда больше не поднимется»⁸⁶⁹. Тогда жители Запада стали по-другому ставить вопрос о турке: «И это тот самый муж, из-за которого трепетала земля, который потрясал империи, который превратил мир в пустыню и уничтожил его города?»⁸⁷⁰

Одновременно изменилось и восприятие османской цивилизации и культуры. В середине XIX в. считалось, что Османская империя «по-прежнему остается той же восточной монархией, какой она была в XIV в.»⁸⁷¹. Авторы второй половины XIX в. не сомневались, что турки являются просто «азиатскими варварами в Европе»⁸⁷². Параллельно с этим восприятием Османской империи как слабеющего и нецивилизованного государства росли сомнения в способностях османов на ниве культуры и архитектуры, особенно в их способности строить мосты. Некоторые полагали, что за весь долгий период существования своей державы турки так никогда и не преодолели определенной ступени развития в строительстве домов, и что мечети в Стамбуле (за исключением их минаретов) всегда являлись «копиями Святой Софии с незначительными вариациями, и их нельзя считать оригинальными

ми»⁸⁷³. В любом случае большинство каменных мостов в Османской империи считались сооружениями «древних римлян, или греков Византийской империи, или даже болгар»⁸⁷⁴. В начале XX в. было общеизвестно, что «турки не умеют строить дороги или возводить мосты»⁸⁷⁵.

Эта недооценка османских способностей достигла пика после публикации картин художницы Шарлотты де Лозен, написанных в Далмации и Герцеговине. Во время поездок по восточному побережью Адриатического моря ей особенно понравились Мостар и его каменный мост, который она описала как обломок римской цивилизации посреди турецкого варварства:

«Его прославленный мост одной-единственной аркой связывает два берега и возносится посреди турецкого варварства как изумительный обломок римской цивилизации. Жаль, что история не предоставляет нам каких-либо достоверных сведений об этом выдающемся памятнике. Большинство приписывает его создание императору Траяну, некоторые — Адриану; по преданию, там когда-то была надпись с именем одного из этих императоров.

Две городские крепости, увитые плющом, охраняют вход на мост, и на правом берегу можно при необходимости закрыть проход. Фундаменты этих крепостей, как говорят, остались с римских времен.

На обеих опорах моста есть надписи на турецком языке, одна из которых датирована 1087 г. от *хиджры*, или 1659 г. по христианскому летоисчислению; вероятно, они появились во время перестройки моста, проведенной в тот период.

Народная молва турок приписывает строительство мостарского моста Сулейману II. Но хотя первоначальное сооружение в значительной мере скрыто переделками, нет никаких сомнений в его происхождении.

Форма арки, величественность стиля, смелость и легкость пропорций указывают на древнюю традицию»⁸⁷⁶.

Точно так же западные авторы, не желавшие поверить, что индейцы могли построить величественные сооружения, долгое время приписывали египтянам шедевры архитектуры доколумбовой Америки. Например, Франческо Джемелли Карери в конце XVII в. написал, что предположительно их построили жители Атлантиды. В качестве доказательства он привел отрывок из Платона, в котором упоминается, что жители этого острова происходили из Египта, где пирамиды были традиционным явлением, и отрывок из Аристотеля, в котором тот пишет, что жители Картахены плавали на некий остров, находящийся очень далеко от Геркулесовых столбов, и многие поселились там. «Если это правда, то нет ничего удивительного в том, что мексиканцы строили пирамиды египетским способом...»⁸⁷⁷

В самой Боснии некоторые писатели XIX в. констатировали, что город Яйце построил итальянский архитектор по образцу неаполитанского Кастель-дель-Ово (хотя в середине XIX в. во всех окрестностях Неаполя невозможно было увидеть какое-нибудь старое здание, похожее на какое-нибудь здание в Яйце)⁸⁷⁸.

Сомнение в римском происхождении Старого моста впервые высказала в своих путевых заметках в начале второй половины XIX в. Ида фон Рейнсберг-Дюрингсфельд. Упомянув о мостарском мосте, она написала, что «история ошибочно объявляет его римским»⁸⁷⁹. Однако из примечаний к ее книге, сделанных ее мужем, бароном Отто, читатель вновь узнает, что мост построен либо Траяном, либо Адрианом⁸⁸⁰.

Миф о римском происхождении Старого моста убедительно отверг немецкий генеральный консул д-р Отто Блау, который констатировал, что в мосте нет ничего напоминающего римскую архитектуру: «С точки зрения архитектоники это единое целое, построенное одним массивом и в едином стиле, даже на камнях из самых нижних пластов не видно никаких следов более старого фундамен-

та. Ни на мосте, ни в его окрестностях не найти надписей, скульптур или других остатков римского искусства»⁸⁸¹.

Один из известнейших английских археологов А.Д. Эванс опубликовал свою книгу в том же году, что и д-р Блау. Эванс не обратил никакого внимания на детали и продолжал утверждать, что мост построили римляне, а не турки:

«По преданию, это было творение императора Траяна, чьи достижения в строительстве в Восточной Европе сильно потрясали воображение южных славян. Некоторые приписывают его строительство Адриану, а турки, не желая признавать за языческими императорами заслуги создания такого архитектурного шедевра, настаивают, что благодарить за это достижение следует их султана Сулеймана Великолепного. Несомненно, что и он, и другие турецкие правители внесли сильные изменения в сооружение, и хотя, как упоминает сэр Гарднер Вилкинсон, внешне не сохранилось никаких следов первоначальной римской постройки, сам он, невзирая на это, совершенно убежден в его римском происхождении. И каждый, кто видел этот мост, согласится с сэром Гарднером, что величие этого творения и форма арки, а также и предание подтверждают его римское происхождение»⁸⁸².

Когда в конце XIX в. уже нельзя было пренебречь доказательствами османского происхождения моста, некоторые авторы, будучи не в состоянии примириться с этим фактом, продолжали попытки доказать обоснованность предания о его римском происхождении: «Даже если теперь доказано, что он турецкого происхождения и построен во время правления Сулеймана II (1566 г.), возможно, что на том же месте прежде стоял римский мост и поэтому возникло предание о его римском происхождении»⁸⁸³. Другие снова писали, что его построили либо далматинско-итальянские архитекторы⁸⁸⁴, либо каменотесы из Дубровника⁸⁸⁵, но все же они вынуждены были признать, что мост был построен по приказу султана в 1566 г.

Важно, что эта трактовка повлияла на мнение местного населения о строителях моста: «Несмотря на то, что теперь уже определено, в какое время был построен мостарский мост, я все-таки считаю, что в любом случае его воздвигли до оккупации Герцеговины, а о том, какой народ его строил, пусть судят техники»⁸⁸⁶. Фра Грга Мартич из Герцеговины передал эту дилемму в стихотворении:

Кто возвел мостарский мост?

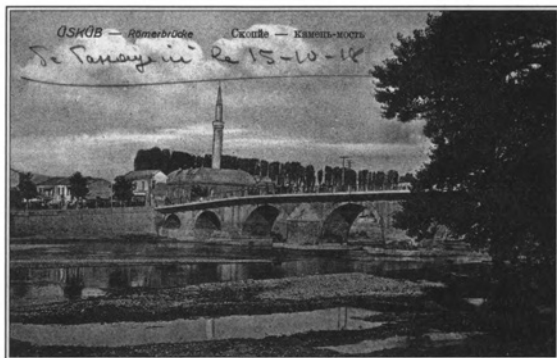
Задается вопросом каждый, кто его переходит.

Кто-то скажет: "Всеведающие римляне",

*Другой — что построили турки его*⁸⁸⁷.

Как бы то ни было, в начале XX в. дилемма, кто построил Старый мост, все еще не была разрешена. На Западе мост по-прежнему знали как «*Römerbrücke*» («Римский мост»), несмотря на то что его османское происхождение уже было доказано⁸⁸⁸. А «*Национальная энциклопедия сербско-хорватско-словенская*» в середине 20-х годов XX в. утверждала, что «каменный мост через Неретву в Мостаре считается римским сооружением, что подтверждает и способ его строительства»⁸⁸⁹.

Мост на Дрине в Вышеграде и Каменный мост в Скопье представляют собой еще два подобных примера ошибочной атрибуции. Фотография моста в Вышеграде, опубликованная в книге немецкого путешественника Луиса Матцхольда в 1936 г., имеет надпись: «Старый римский мост через Дрину»⁸⁹⁰. На рисунке Вышеградского замка, приведенном в путевых заметках Бенедикта Цурипепитца (1531 г.), видно, что мост на Дрине в первой половине XVI в. был совершенно другой формы, чем мост через эту реку, описанный в легендах⁸⁹¹. После присоединения Скопья к Сербии некоторые приписывали сооружение его чудесного моста царю Душану⁸⁹², тогда как другие отстаивали мнение, что он значительно старше, и считали, что его построили римляне:

*«Римский мост» в Скопье
(открытка, посланная в 1906 г.)*

«Великолепный каменный мост, чудесное произведение римского архитектора, до сих пор связывает правый берег реки Вардар с левым. Две тысячи лет служил этот мост человеку, служит и ныне. Почтенный памятник, который оставили после себя древние римляне... Во что бы смог превратить европеец это место, если бы не произошло вторжения азиатских варваров в нашу страну!»⁸⁹³

|| Значение идентичности

Первые здания Мостара появились на левом берегу Неретвы, когда через нее был перекинут первый деревянный мост. В середине XV в. это было маленькое поселение, впервые упомянутое в письме от 3 апреля 1452 г. Помимо прочего в письме приводятся сведения о том, что Владислав Герцегович поднял восстание против своего отца Степана и захватил город Благай, две

крепости и мост через Неретву («duo castelli al ponte de Neretua») ⁸⁹⁴. Поскольку деревянный мост был нестабильной конструкцией, опасной для перехода, город с *чаршией* (рынком) и *махалами* (жилыми кварталами) развивался почти исключительно на левом берегу реки. Хотя мост построили прежде всего для нужд местного сообщения (через него шли османские отряды завоевывать Западную Герцеговину и Далмацию), его сооружение постепенно привело к увеличению населения. Город под названием Мост, Мостичи или Мостари, где находилась резиденция османского губернатора, появился в конце XV в. Впервые название «Мостар» упоминается в 1469 г. В источниках того года пишется о *нахи* (округе) Мостар, по-турецки «*Köprühisar*» («крепость на мосту»). В переписи 1477 г. зафиксировано, что в Мостаре тогда насчитывалось 19 домов (семей) и один неженатый житель. Благодаря удобному расположению на перекрестке региональных коммуникаций город в османский период быстро развился в экономический, политический и культурный центр Герцеговины. Он опередил Благай, прежнюю столицу Хума, а в первые десятилетия османского владычества полностью отодвинул его на задний план ⁸⁹⁵. Ранее были «*šeher*» (город) Благай и «*kasaba*» (поселок) Мостар ⁸⁹⁶.

Тесная взаимосвязь города Мостара и Старого моста отражалась также в представлениях жителей о взаимосвязи этих названий. Как зафиксировал еще Челеби, название «Мостар» будто бы означало «*Köprülü şehir*» («город с мостом») ⁸⁹⁷. В XIX веке считалось, будто бы жители Мостара верили, что название города является сокращенной формой от Мост-стар (старый мост) ⁸⁹⁸. Кроме того, писатели, доказывавшие римское происхождение моста, ссылаясь на это предание, утверждали, что «само название города свидетельствует о существовании моста уже в давние времена» ⁸⁹⁹. Отдельные историки предполагали, что сначала был построен мост, поскольку

ку римляне имели там поселение «Pons vetus» («Старый мост»). Позднее поселившиеся там славяне якобы перевели название на свой язык и получилось «Мост-стар», Мостар⁹⁰⁰.

Первым, кто высказал сомнения в правильности происхождения названия «Мостар» от «Мост-стар», считая, что это не соответствует духу славянских языков, был русский лингвист Александр Гильфердинг. Он предположил, что около Старого моста появилось поселение, жителей которого стали называть «мостари» (так же как «блатари» от «блато» или «дрвари» от «дрво»), и что поселение со временем развилось и стало городом⁹⁰¹.

Лингвистические аргументы против происхождения названия «Мостар» от «Старый мост» дополняются и историческими: название «Мостар» более древнее, чем «Старый мост», которое впервые появилось в XVIII в., то есть через три столетия после того, как Мостар уже получил свое современное наименование. Кроме того, до 1884 г. Старый мост был единственным мостом в Мостаре. Несмотря на эти этимологические проблемы, развитие Мостара было тесно связано со Старым мостом:

«Хотя подлинность римского названия местности "Pons vetu" еще нужно доказать, а также, в соответствии с правилами славянских языков, следует признать несостоятельным выведение названия города от "Most-star" (тогда бы название было "Starimost"), мы можем предположить, что, вероятнее всего, название города произошло от "старого моста", который в любом случае был центром первого поселения (собственно говоря, "Mostari", во множественном числе "die Brückner", так же как "Mostari" близ Беловара в Хорватии)»⁹⁰².

Согласно новейшим данным, Мостар получил свое название по слову, обозначающему охранников моста (по-боснийски «*mostari*»); жители города были известны как «мостари». Как пишет Иван Миличевич, охранник моста назывался «*mostar*», так же как привратник назы-

вается «*uratar*», тот, кто охраняет дороги, «*cestar*» и мясник, забивающий коров, «*govedar*»; то есть название города соответствует духу славянского языка⁹⁰³. Существуют и другие теории происхождения названия «Мостар». Некоторые ученые утверждают, что город получил название по крепостям у моста, которые в народе именовались «*mostare*»⁹⁰⁴. Другие считают, что это название происходит от «*most-tara*» (крепость на левом берегу), «*most-ar*» (от *most* + *ahar*: янычарский агар, хлев, находившийся на правом берегу рядом с мостом) или от «*mostarina*» (налог за переход через мост), без суффикса *-ina*⁹⁰⁵.

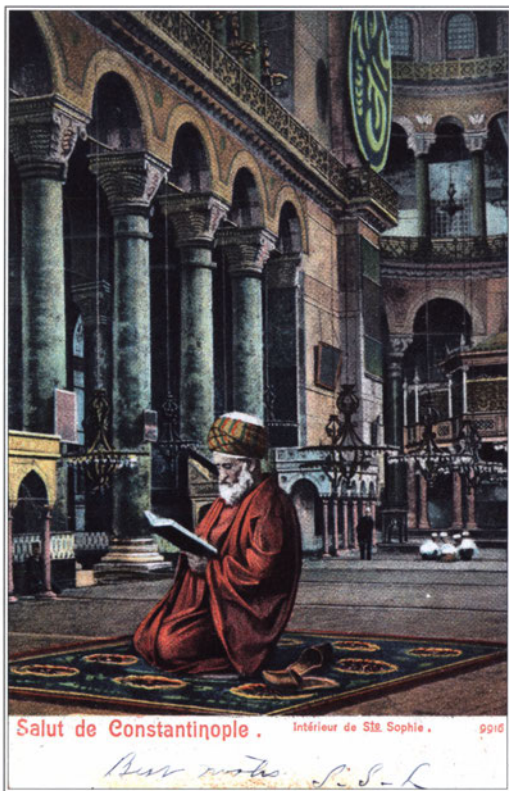
Как бы то ни было, Старый мост стал символом Мостара и был настолько тесно связан с городом, что невозможно было представить себе одного без другого: «Мостар без этого моста не был бы тем, что он есть. Это было бы тело, складное и красивое, добросердечное, но без души и без памяти»⁹⁰⁶. Жители Мостара верили, что Старый мост неразрывно связан с самим названием города, вплоть до его уничтожения⁹⁰⁷.

Разрушение этого уникального памятника культуры в 1993 г. было равнозначно преднамеренному уничтожению символа мусульманского присутствия в Герцеговине и являлось варварской попыткой изменить идентичность города. Если наблюдатели прежних времен не признавали вклада мусульман в культуру Боснии и стирали османское прошлое, приписывая строительство моста другим цивилизациям, то хорватские войска пошли еще дальше и уничтожили сам мост. Город был известен благодаря Старому мосту и его крепостям; этот памятник османского культурного наследия являлся выражением его идентичности. Для Мостара он был тем же, что Собор Парижской Богоматери для Парижа, Кремль для Москвы или Святая София для Стамбула⁹⁰⁸. До тех пор пока Старый мост связывал берега Неретвы, Мостар был «мостарский». Его невозможно было представить себе ни великосербским Алексинацем (назван в честь сербско-

го поэта Алексы Шантича, родившегося в Мостаре), ни великохорватским Герцег-Степан-Градом (названным в честь герцога Степана). Целью тех, кто разрушил мост, был не только сам этот мост, они старались ликвидировать его символическую ценность и значение: их злой умысел заключался в том, чтобы разрушить важный памятник истории культуры Мостара и уничтожить возможность коммуникации между его жителями на двух берегах реки — боснийцами (мусульманами) на левом и хорватами (католиками) на правом.

Европейская Турция
(карта 1786 г.)

Турецкий имам в мечети в Стамбуле
(открытка начала XX в.)

Bosnien-Herzegovina. Türkischer Jmam - Turski hodža. Prêtre musulman.

*Турецкий имам в мечети в Боснии и Герцеговине
(открытка начала XX в.)*

*The Orient Express
(Paris-Constantinople) in Salzburg Station.*

Восточный экспресс в Зальцбурге

*Разъяренные турки убивают невинных христиан
(сербская открытка начала XX в.)*

*Сербский король Милутин,
основатель монастыря Грачаница
(фреска 1321 г.)*

*Принцесса Симонида
(фреска XIV в., монастырь Грачаница)*

*Сожжение останков св. Саввы
(Белград, Врачар, 1596 г.)*

Спомен јубилеуму 50 годишњег владања Њ. Кр. В. Књаза
Николе од Црнегоре.
Spomen jubileumu 50 godišnjeg vladanja Nj. Kr. V. Knjaza Nikole od Crnogore.

*Король Никола
(открытка в честь 50-летнего
юбилея правления, 1910 г.)*

*Цетинье.
Дворец престолонаследника князя Данилы*

*Боснийские «турки» играют в бильярд
(открытка, посланная в 1929 г.)*

Турецкая танцовщица

Alexander-III Macedonian
SKOPJE - MACEDONIA

*Герой на коне, Скопје
(современная открытка)*

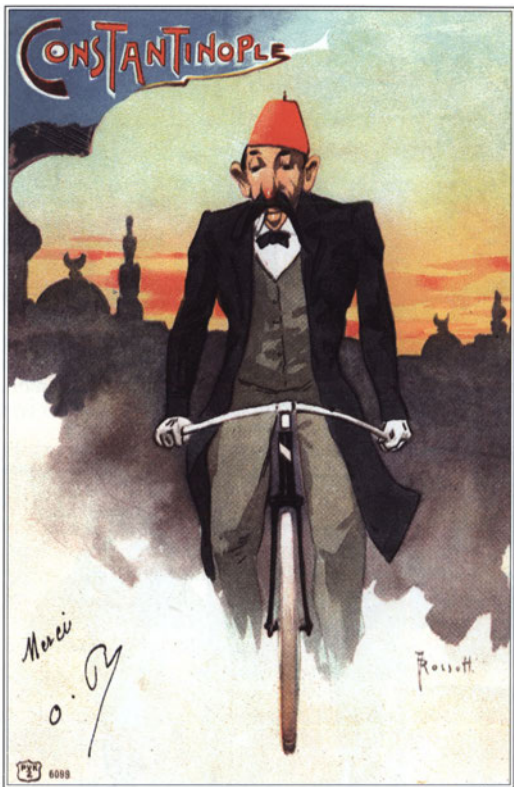
*Дух Александра Великого
помогает освободить Грецию*

«Каждому свое!»
Балканские союзники «раздевают»
Османскую империю
(открытка, посланная в 1912 г.)

Западные туристы осматривают
«римский мост» в Мостаре
(открытка, посланная в 1905 г.)

Турок на велосипеде, Стамбул
(открытка начала XX в.)

*Панорама Стамбула
(открытка, посланная в 1899 г.)*

*Реакционер
(открытка начала XX в.)*

Маленькие Парижи и большие Бухаресты

В завершение нашего путешествия мы совершим экскурсионный тур по многим маленьким и большим городам на территории «суровой»⁹⁰⁹ или «дикой»⁹¹⁰ Европы. Путешествие начнется примерно триста лет назад в венгерской столице, затем наш путь пройдет через беспокойную историю и географию Румынии, Болгарии, Греции, Албании, Сербии, Черногории и Македонии, а завершится в Боснии и Герцеговине. Нашими главными экскурсоводами будут жители Западной Европы, путешествовавшие по Балканскому полуострову начиная с XVII в. до настоящего времени, некоторые из них — хорошие специалисты по Балканам, и у всех них богатый личный опыт.

Восточная королева с грязными щеками

Столетия османской оккупации оставили свою печать не только на истории Балкан, но также на людях и их культуре; вероятно, более всего это заметно по внешнему облику балканских городов. Сэр Эдвин Пиарс писал:

«Под властью турок Константинополь стал самой отсталой столицей Европы. Под этой властью восемьдесят лет назад Афины, Бухарест, Белград и София были просто кучами грязных лачуг, заселенных малодушным и нищим людом. Сразу после того, как они избавились от турецкого ярма, эти деревни быстро выросли в города, перенявшие достижения цивилизации, и быстро движутся по пути прогресса. Первые два города, наслаждавшиеся свободой дольше, чем другие, сейчас красиво застроены, у них способная администрация, а жители сообразитель-

ны, умны и устремлены к прогрессу; вскоре их догонит и София. Приехать из любого из этих городов в Константинополь означает приехать из цивилизованного города в варварский»⁹¹¹.

Дегенерацию, которая, по мнению многих западно-европейских путешественников, будто бы была главной особенностью балканских городов, в целом приписывали физическому и интеллектуальному разложению османского правящего класса, так как он «не сажает, не сеет, не строит и не исправляет»⁹¹², а также духовной и моральной испорченности, якобы являвшейся последствием враждебного отношения исламской веры к культурному прогрессу и ее неспособности к развитию культуры⁹¹³. Неудивительно, что сербский писатель конца XIX в. призывал читателей к тому, чтобы «искоренить ислам в интересах культуры»⁹¹⁴.

Посетив Стамбул в 1586 г., капитан Генри Остелл думал, что «большой и великолепный город Константинополь» своим отличным местоположением и роскошными мечетями «превосходит все европейские города»⁹¹⁵. Прошло не так много времени, и город стали воспринимать иначе. В начале XVII в. английский поэт Джордж Сандис, посетив Левант, написал: «И если сказать что-то о Константинополе в целом: думаю, что на свете нет ничего, что хоть отдаленно обещало бы наблюдателю столько, сколько обещает Константинополь, а при входе принесло бы такое разочарование. Лучшие дома в нем хуже, чем у нас бывают самые запущенные»⁹¹⁶. С этого времени большинство османских городов на Балканах не вызывали у жителей Запада особой симпатии, хотя частично и сохранили свое очарование: вид мечетей, минаретов и многочисленных куполов, обрамленных кипарисами и фруктовыми деревьями, казался сказочным⁹¹⁷. Когда дальность расстояния уже не добавляла обаяния образу города, большинство путешественников разочаровывались тем, что видели вблизи, почти так же сильно, как

прежде были околдованы, издали увидев Стамбул, «Короля городов»⁹¹⁸. Так, в середине XIX в. Теофиль Готье описал своим читателям, как, приближаясь к Стамбулу по морю, он видел удивительный мираж, окутывавший город, но, когда он вошел в него, этот мираж мгновенно исчез. «Рай превратился в клоаку», — заявил он⁹¹⁹.

По мнению западных путешественников, «все турецкие города походили друг на друга» «неряшливой архитектурой и грязным внешним видом»⁹²⁰. Повсюду они замечали низкие, по большей части деревянные строения и нигде не увидели даже намека на стиль или ухоженность дома, по которой можно было бы составить мнение о человеке, который в нем жил. При строительстве городов естественная топография оставалась неизменной; это придавало им еще большую живописность в глазах наблюдателей, однако такой способ строительства постоянно создавал препятствия для ведения дел, поскольку улицы были либо слишком узкими, либо слишком крутыми, а дороги слишком разбитыми, чтобы по ним можно было проехать, — то есть такими, какими они были в европейских городах несколько столетий назад⁹²¹. Вот как описал улицы Стамбула французский путешественник в конце XVII в.:

«Дома в основном деревянные, а улицы такие узкие, что в большинстве случаев по ним не могут пройти рядом два навьюченных коня. Но и это не главное неудобство, создаваемое их методом строительства, ведь еще и крыши домов так сильно наклонены друг к другу, что во многих местах можно перейти из одного окна в другое и таким образом пересечь улицу, вовсе не выходя из комнаты. Такое проектирование домов исходит совсем не из потребности в свободном пространстве, ведь в городе полно садов и больших дворов, ни для чего не предназначенных»⁹²².

Английский офицер Питер Генри Брюс, посетивший Стамбул через четверть столетия, подтверждает,

насколько детальное и точное описание дал вышеуказанный автор. Судя по свидетельству Брюса, вид города почти не изменился:

«Дома в основном построены из дерева, а улицы такие узкие, что в большинстве случаев по ним не могут пройти рядом два навьюченных коня; верхние этажи так сильно выдаются наружу, что во многих местах можно легко перейти из окна одного дома в окно дома на другой стороне улицы; создается впечатление, что эта капитальная ошибка в методе строительства города происходит вовсе не из-за нехватки свободного места, ведь в городе много садов, больших площадей и дворов»⁹²³.

Подобное восприятие существенно изменилось лишь в начале XX в. Города по-прежнему выглядели так, будто в них ничего не доведено до конца или не исправлено, но отношение к ним изменилось: «Турецкий город в Европе — это византийский город; так сказать, речь идет о средневековой сцене, чудом сохранившейся до сего дня. Мы в сказочной стране, в “Тысяче и одной ночи”, которую заколдовал злой дух. Мы ходим на цыпочках, чтобы не потревожить волшебный сон Спящей красавицы»⁹²⁴.

Многие путешественники старались найти подходящее объяснение существующему положению вещей. Некоторые представляли себе, что предками турок был воинственный народ, привыкший к полевой жизни и приученный к воинской дисциплине, и поэтому им не было дела до строительства крепких домов, ведь свои города они рассматривали как места временного пребывания, которые могут быть срочно покинутыми. Далее предполагалось, что турки считают стремление жить в роскошных домах признаком высокомерия. Аргументировали это тем, что люди, эти хрупкие создания, не посмели бы искать бессмертия в сооружении вечных домов для этой жизни, ведь они лишь паломники на земле, которым следует пользоваться своими домами так, как путники пользуются постоянным двором, только чтобы

обезопасить себя от разбойников, холода, жары и дождя⁹²⁵. Эта теория была весьма зыбкой, ведь греки, евреи и армяне, как и турки, не придавали большого значения внешнему виду своих зданий. По мнению леди Монтегю, существовало более простое объяснение. После смерти хозяина каждый дом переходил в распоряжение султана, поэтому никто не тратил на дом много денег, ведь не было никакой гарантии, что после смерти хозяина членам его семьи будет от него хоть какая-то польза. Их целью было построить дом, который будет служить им до конца жизни, и их не волновало, разрушится ли он годом позже⁹²⁶. Другие снова утверждали, что османы не желали показывать своего достатка, поскольку в их стране, где все люди, кроме одного, являлись слугами, это было опасно. Тот, кому выпало счастье сильно разбогатеть, прежде всего старался скрыть свое богатство от чужих взглядов; построив красивый дом, он прибавил бы себе забот и подверг бы себя опасности. Так, в начале XIX в. главный драгоман Высокой Порты приказал покрасить свой большой дом в три разных цвета, чтобы создавалось впечатление, будто это три отдельных дома, и проходящие мимо него люди не удивлялись его величине⁹²⁷. В конечном итоге сформировалось убеждение, что, хотя внутренне убранство домов выполнено со «всей роскошью, которую только может придумать тщеславие и могут позволить деньги», их внешний облик представляет «картину крайней бедности»⁹²⁸.

Независимо от истинной причины сложившейся ситуации, западные путешественники редко видели в Османской империи какой-нибудь импозантный дом, даже у состоятельных жителей; большинство жило в хижинах или лачугах, а дома богачей, хоть те и увлекались красивыми фруктовыми садами, парками и банями, не имели ни помещения для привратника, ни навесов, ни внутренних дворов или еще чего-либо, достойного упоминания и восхищения, как бы ни была велика проживавшая в них

семья. Судя по путевым заметкам, в XIX в. внешний вид домов изменился мало. Благоустроенность, возможно, действительно является элегантностью бедности, однако во всей Османской империи люди пренебрегали этой простой декорацией. Когда здание начинало разрушаться, то просто выжидали, пока этот процесс завершится, затем оставляли его, не испытывая чувства потери⁹²⁹.

Во всей европейской Турции внутреннее пространство домов, как и их внешний облик, оформлялось в «восточном стиле» — без столов и стульев, без вилок и ножей, без зеркал и картин на стенах. Единственной декорацией иногда была какая-нибудь *яфта* (художественно оформленный документ).

Из-за отсутствия таких характерных для городов учреждений, как музеи и театры, общественные парки и места для развлечений, в XIX в. маленькие округа и города на Балканах казались путешественникам с Запада тем более пустынными и скучными. В них не было мест для прогулок и «общества» в европейском значении этого слова — только кофейни, предназначенные исключительно для мужчин⁹³⁰. Вплоть до Второй мировой войны считалось, что женщины должны быть исключены из общественной жизни; им не разрешалось выходить из дома без паранджи, посещать места для развлечений, поэтому общество было «скучным и однообразным». Образование было доступно только мужчинам; о женщине, умеющей читать и писать, говорили как о чуде. Центром общественной жизни была кофейня, где собирались ничем не занятые мужчины, пили кофе и курили⁹³¹. Единственным исключением являлась столица Румынии, которая в первой половине XIX в. из-за репутации тамошних женщин, «такой же плохой, как репутация венецианок»⁹³², стала известна как «Мекка для любителей наслаждений»⁹³³.

Этот краткий обзор балканских городов ясно показывает, что их значительность лишь в небольшой степени определялась достижениями архитектуры и урбаниза-

ции, она достигалась скорее инсценировкой окружающей обстановки, дававшей возможность опутить дух времени. Однако нет пространства без истории и нет истории без пространства. Все города имеют историю, а некоторые еще и мифологию. Как однажды сказал Питер Устинов⁹³⁴, Эдипа уже давно нет, но его комплекс остается. Ахиллес оставил нам свою пятую, Афродита — афродизиак.

|| Мечети и минареты

Наше воображаемое путешествие начинается в обществе Фредерика Крегвитца, чрезвычайного посла императора Священной Римской империи Рудольфа II, отправленного в 1591 г. с богатыми дарами ко двору султана Мурада III. Барон Вратислав записал в своем дневнике, как посольство посетило христианскую церковь в венгерской столице⁹³⁵. Если султан Сулейман в свое время думал, что этот город — самый красивый в мире, то жители Запада, увидев его в 60-е годы XVII в., более не разделяли этого мнения — из-за множества мечетей и минаретов, вздымавшихся над Будой, и огромного количества *караван-сараев* и *хаммамов* (общественных бань)⁹³⁶. В конце XVIII в. путешественники замечают большие перемены во внешнем облике городов, начавшиеся с уходом османов из Венгрии: единственные заметные следы османской оккупации — *хаммамы*, мечетей уже нет, они разрушены раньше⁹³⁷. Еще через несколько десятилетий в городе на берегу Дуная, который когда-то «состоял по большей части из одних хижин, без света, тротуаров или других удобств цивилизованной жизни», путешественник мог увидеть «ряд зданий, которые благодаря своей архитектуре могли бы вызвать восхищение даже в Лондоне или Париже»⁹³⁸. Единственное, что в середине XIX в. напоминало об османском мастерстве, это несколько выставленных в крепости гранитных ядер, которые теперь служили уже более мирным целям⁹³⁹.

В компании Джеймса Крига, путешествовавшего по Венгрии, Сербии, Боснии и Герцеговине, Далмации, Черногории и Северной Албании летом 1875 г., мы остановимся в Мохаче, городке на юге Венгрии, который в то время все еще был больше похож на «азиатский, а не европейский город»⁹⁴⁰.

Прежде чем отправиться в Румынию, мы совершим короткую экскурсию в Хорватию, где люди, посетившие Осиек, в числе которых в 60-е годы XVII в. оказался и прославленный турецкий путешественник Э. Челеби, насчитали целых «шестьдесят шесть мусульманских молелен»⁹⁴¹. Попутчики английской семьи, проезжавшей в начале XX в. через Имотски, собственными глазами могли убедиться, что «мечети и дома мусульман уже задолго до того времени были заменены христианскими зданиями»⁹⁴².

Конечно, на этой стадии из вышеизложенного было бы преждевременным делать выводы — лучше мы продолжим наше путешествие. После того как мы попрощались с Венгрией, следующей остановкой на нашем пути будет Темишвар начала XIX в., румынский город, славившийся тем, что он был «чисто французским». В 1716 г. Темишвар, который в то время состоял из «жалких зданий, построенных по турецким проектам», был завоеван от имени Карла VI Евгением Савойским. Когда город перешел в руки немцев, его полностью перестроили и хорошо укрепили согласно «современным принципам»⁹⁴³. Это, помимо прочего, означало, что центральная часть города полностью исчезла. Исчезли даже каменные мечети — две были уничтожены сразу после взятия города, а вместо них построили современную францисканскую церковь и епископскую семинарию. Когда в середине XIX в. один член Королевского географического общества из Лондона, одновременно являвшийся генеральным консулом в Дубровнике, искал в Темишваре и его округе памятники османского периода, единственными следами прежних господ Венгрии оказались часть надгробия,

встроенного в стену одного здания, и маленькое предместье, все еще носившее арабское название «Махала»⁹⁴⁴. Эндрю Арчибальд Патон заметил изменения не только в архитектуре, но и во внешнем облике жителей: «За победами Евгения Савойского последовало разрушение темипшварских минаретов и строительство зданий, характерных для эпохи Карла VI. Парик, треуголка и бритый подбородок заменили прежние тюрбан, лысую голову и косматую бороду»⁹⁴⁵.

По рассказам путешественников, побывавших в столице Румынии в конце XVIII в., Бухарест представлял собой не что иное, как «кучу деревень без порядка и плана». Улицы были узкими, и на них были уложены плохо закрепленные, расходящиеся деревянные настилы, так что передвигаться по ним было крайне затруднительно. Рядом с городским центром находилось много улочек с открытыми торговыми точками, базаров, построенных «турецким способом»⁹⁴⁶. В 20-е годы XIX в. Бухарест был «перекрестком, на котором встречаются европейские и восточные обычаи; половина жителей носит шляпы и пальто, а другая половина — меховые шапки и шубы»⁹⁴⁷. Благодаря своей «необычной смеси восточных и европейских одежд и обычаев» Бухарест представлял «большой интерес для путешественника, жаждущего экзотики»⁹⁴⁸. В городе имелось несколько очень красивых и больших зданий, но построены они были «с типично турецкой непоследовательностью», так что в непосредственной близости от них обычно можно было увидеть разваливающиеся лачуги и сараи, «расточительная роскошь и ужасающая нищета соседствовали повсюду»⁹⁴⁹.

В XIX в. новые идеи овладели обществом, и все говорили по-французски. В моду вошли французские обычаи и туалеты, французская мебель и украшения, что указывало на удивительную степень «цивилизации в восточном городе, настолько изолированном от остального мира». Европеизированные жители Бухареста забыли

о своей национальности и переняли западные развлечения и манеры. Город со временем стал известен как «маленький Париж Востока»⁹⁵⁰.

После того как в 1878 г. Бухарест стал столицей независимой Румынии, город чудесным образом преобразился. Во время работ по его обновлению во второй половине XIX в. планировка и архитектура кардинально изменились, и Бухарест стал «городом света», привлекающим внимание своей красотой, стилем и блеском⁹⁵¹. В первой половине XX в. на улицах Бухареста толпились военные в «отлично пошитых униформах, среди которых не найти двух одинаковых, но одно было общим для них всех — они были грязными». Женщины, которых можно было увидеть на прогулке в компании военных или другой женщины, не имели ничего, что рекомендовало бы их с лучшей стороны. «Все они были одного типа: чрезмерно и вульгарно накрашенные и одетые в плохие копии парижских платьев». Напротив, глаз радовался при виде тех, кто по-прежнему носил традиционную одежду:

«Какую чудесную противоположность представляла другая половина жителей! Крестьяне в национальной одежде не стыдились смешиваться с богатыми, дегенеративными и напыщенными горожанами. Истинным облегчением было увидеть эти замечательные образцы мужественности в широкополых черных шляпах, вязаных халатах и босоногих, стоящих плечом к плечу с упадочными и изнеженными военными офицерами. Крестьянки в замечательных разноцветных платьях производили впечатление свежести по сравнению с дешевыми и расфуфыренными представительницами румынской буржуазии»⁹⁵².

Находясь в таком пестром обществе, иностранные гости заново построенного Бухареста редко замечали, что в городе осталась всего одна мечеть⁹⁵³.

По пути на юг мы замечаем, что история часто повторяется. В XVII веке в Софии было много мечетей, самы-

ми известными из них являлись большая мечеть в центре и мечеть на южной стороне города, частью которой было величественное медресе; в Софии имелось также много хорошо обустроенных *ханов* или караван-сараев и роскошных *хаммамов*⁹⁵⁴. Когда в 1878 г. Болгария стала автономным княжеством, Софию называли «маленький Константинополь»⁹⁵⁵, но затем, всего в течение нескольких лет, она «почти полностью утратила свой восточный облик»⁹⁵⁶. «Турки» забрали свои патры, «как и арабских скакунов, и тихо ушли прочь». Они удалились в другие края, которые еще находились под властью полумесяца, и осталось очень мало свидетельств о бывшей здесь прежде империи. Мечети разрушили, тем самым освободив место для современных зданий, или же нашли им светское применение: в них устроили тюрьмы, рынки, склады и пороховые склады. В конце XIX в. в столице действовала всего одна мечеть, но и ее через несколько лет переоборудовали в археологический музей. Затем вымели мусор. Старые дома, не выше трех этажей, которые нависали над узкими и вонючими проходами, исчезли, будто их поглотил пожар, и освободили место кирпичу и штукатурке. Если в 1878 г. София была «захудалым турецким городом» с населением 11 тысяч человек, то за последующие 20 лет ее почти целиком отстроили заново, здесь появились мощеные улицы, «европейские» дома, а население увеличилось почти до 60 тысяч человек. Новые широкие улицы и проспекты связала сеть электрических трамваев, и во всем городе было введено электрическое освещение. Мечети разрушили вскоре после освобождения. Муэдзины перестали призывать на молитву с минаретов; вместо них верующих к молитве призывали церковные колокола⁹⁵⁷. Жители гордились своими достижениями в обновлении Софии, а иностранные путешественники единогласно признавали, что результаты блестящие и что Стамбул теперь кажется «почти антитезой Софии»⁹⁵⁸.

То же самое произошло и с большинством других болгарских городов, только последствия в меньших, чем София, городах, были не так заметны⁹⁵⁹. Жители Запада высказывали сожаление, что часть Балкан осталась под османским контролем и поэтому там ничего не изменилось⁹⁶⁰.

Наша первая остановка в Греции — Солунь, где в XVII в. географ Хаджи Халифе насчитал «десять больших и малых мечетей»⁹⁶¹. Здесь 15 июня 1788 г. Александр Бизани насчитал «более сорока мечетей»⁹⁶². В начале XX в. способ строительства в Солуни был еще «полностью турецким». До 1918 г. в городе было множество мечетей, знаменитых своими размерами, древностью и многочисленными элегантными минаретами, а также других образцов османской архитектуры, придававших городу величественный вид. Путешественники, посещавшие Солунь в то время, сообщают, что в городе не следили за чистотой, не было никаких туалетов, а сдохшие крысы и всякий мусор валялись на земле и разлагались под лучами жаркого солнца. Они пишут также о том, что фасады домов были оформлены таким образом, чтобы скрыть богатство⁹⁶³. В конце XIX в. Солунь имела «тот особый облик восточного города, которого не хватает современным Афинам и который потерял Белград»⁹⁶⁴. Однако характер Солуни все же начал меняться и быстро приобретать новые черты:

«Рядом с молом, где расположены большие отели и бульвары, где люди потягивают сироп и трамваи ездят на конной тяге, чувствуется влияние Европы. В самом городе улицы узкие и мощеные, а базары мрачные, восточные и смердящие — чем более восточные, тем более смердящие. В воздухе вонь Востока»⁹⁶⁵.

В 1914 году холмистые окраины города по-прежнему были еще «чисто турецкими», с узкими, плохо вымощенными улицами, с опущенными жалюзи на окнах и скрытыми паранджой женщинами, с турками и крестьянами, которые, скрестив ноги, посиживали в тени и пили кофе.

Греки стыдились этих кварталов и планировали построить новый, более современный город. Мечеть Эски окончательно переделали в музей, а другие мечети оставили разрушаться естественным путем или преобразовали в православные церкви⁹⁶⁶.

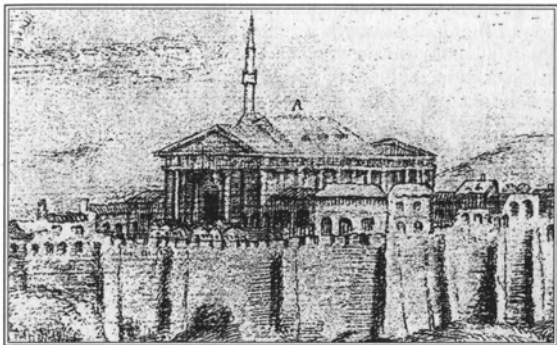
Однако Солунь была не только «грязным городом», в ней еще было «полно евреев»⁹⁶⁷. По сообщениям Кольмара фон дер Гольца, в 90-е годы XIX в. в Солуни проживало 120 000 человек, «среди них 13 000 евреев»⁹⁶⁸. Турок можно было просто увидеть, греков — увидеть и услышать, а евреев жители Запада распознавали «также с помощью обоняния — чувствуя вонь»⁹⁶⁹. Таким положение оставалось вплоть до Второй мировой войны, когда немцы «очистили» Солунь и увезли почти всю еврейскую общину в Освенцим⁹⁷⁰.

|| Ценители искусства || на Акрополе

В XVII веке путешественники могли бы увидеть в Афинах и их округе более ста церквей (по большей части бывших храмов) и всего пять мечетей⁹⁷¹. Несмотря на то что церквей было намного больше, Афины имели облик восточного города: среди множества плоских крыш то тут, то там вздымались высокие минареты, кипарисы, развалины, отдельные колонны, мечети и купола. Афины сохраняли свой восточный облик вплоть до первой половины XIX в. До той поры они, как и другие греческие города того времени, были лишь «кучей захудалых домишек, без башен, колоколен или других серьезных сооружений»⁹⁷². Чтобы столица эллинов могла беспрепятственно расширяться, после 1834 г., когда Афины стали резиденцией греческого правительства, сразу были разрушены городские стены, построенные османами. Несколько улиц перерыли, разровняли или расширили, и во всем городе появились новые здания. По словам одного английского

священника, город Перикла был как «молодая греческая птица Феникс, возродившаяся из своих предков»⁹⁷³. Путешественники могли купить в Афинах карту города, на которой были обозначены площади, фонтаны, театры и общественные парки — правда, существовали они только на бумаге. Итак, до середины XIX в. турецкая часть города исчезла. Вскоре разрушили и все мечети, либо переоборудовали их в склады⁹⁷⁴. Во второй половине XIX в. вместо исторических Афин можно было увидеть современный «французский»⁹⁷⁵ или «южногерманский город» с населением около 50 000 человек⁹⁷⁶.

Естественно, любое путешествие в Афины должно включить в себя также посещение Акрополя, который, по словам Кристофера Вордсворта, «с давних пор является объектом восхищения и подражания, и всегда — недостижимо прекрасным творением»⁹⁷⁷. Сейчас туристы со всего света собираются многотысячными толпами, чтобы увидеть самые знаменитые развалины в мире — Акрополь. Те, кто захотел бы увидеть Акрополь во всем его великолепии, должны были бы отправиться в путь в конце XVII в. и в компании таких спутников, как, например, Френсис Вернон⁹⁷⁸ или сэр Джордж Велер⁹⁷⁹. Тогда храм Афины и Ротонда были еще совсем почти целыми. Мы посоветовали бы им взять с собой какие-то три оки кофе для подкупа османских чиновников, чтобы получить от них разрешение посетить Акрополь. Наиболее любознательные столкнулись бы с трудностями, если бы захотели узнать настоящие размеры Акрополя, поскольку в замке, в черте которого он находился, располагался османский гарнизон, а кроме того, османы реагировали «подозрительно и по-варварски жестоко», если замечали, что кто-то производит какие-либо обмеры. Несмотря на это, Френсису Вернону удалось составить план, в котором приведены точные цифры обмеров как этого, так и других греческих памятников.

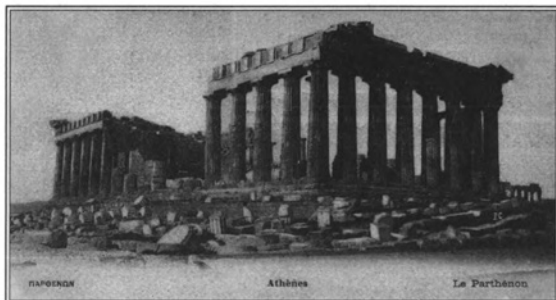

*Мечеть в Парфеноне
(начало XX в.)*

Язычество еще долгое время жило в Афинах, но в конце концов оставило свои священные сооружения новой религии неповрежденными. Храмы, посвященные Тезею и девственной богине Афине, позже посвятили св. Георгию и Деве Марии. Османы, захватившие цитадель в 1445 г., снова преобразовали ее, теперь уже в мечеть. При этом алтарь убрали, тогда как мозаика с Девой Марией на потолке над ним, добавленная в храм греками, оставалась нетронутой до середины XVIII в., поскольку, согласно преданию, у любого турка мгновенно отсохла бы рука, если бы он нацелился в нее из мушкета. В 20-е годы XIX в. мечеть, построенную посреди храма Афины, отряды баварской армии превратили в казарму. Чтобы отомстить мусульманам и осквернить мечеть, новые жильцы время от времени размещали там своих коней. В 30-е годы XIX в. здание было переоборудовано в хранилище археологических ценностей, найденных во время раскопок в Акрополе⁹⁸⁰.

Последнее и самое печальное испытание ждало Акрополь в «цивилизованную и утонченную эпоху», и устроили его люди, известные как покровители искусства. В 1676 году, когда сэр Д. Велер приехал в Афины, Парфенон был почти цел, он заметил только одно повреждение, появившееся, когда с восточного фронтона упало несколько статуй. Когда 28 сентября 1678 г. венецианский дож Франческо Морозини осадил Акрополь, его воины обстреляли храм Афины и Пропилеи множеством пушечных ядер. Одно из них разрушило крышу храма, вспыхнул порох в бочках, и то, что избежало разрушительного воздействия времени, было уничтожено навсегда. Когда город пал, Морозини воспользовался правом победителя. Чтобы украсить Венецию добычей из Афин, он попытался снять скульптурную группу с фронтона на Парфеноне, представлявшую Афины на ее победной колеснице. Но в тот момент, когда статуи пытались спустить на веревках, те порвались, а статуи упали на землю и разбились вдребезги⁹⁸¹.

Позже другой современный путешественник, воодушевленный любовью к искусству, завершил разрушение, нача-

*Акрополь
(начало XIX в.)*

тое венецианцами. Части фриз, пережившие взрыв, статуи на фронте и все оставшиеся метопы на южной стороне храма в 1802 г. снял лорд Элгин, в то время британский посол в Греции. Он публично заявил, что намерен увезти с собой малые кариатиды с Эректеума и метопы с Парфенона. Кажется, жители Афин, среди них и турки, сожалели о причиненном разрушении и громко и открыто обвиняли своего правителя, одоббившего это посягательство. В Афинах так плохо восприняли намерения Элгина, что для того, чтобы уговорить рабочих осуществить их, пришлось пообещать им значительно большую, чем обычно, оплату⁹⁸².

Урон, причиненный зданию этими разрушениями, вызвал бурные дебаты. Некоторые возмущались европейскими путешественниками, которые «появлялись тут будто бы только как полные восхищения паломники, однако свое почитание они выказывали, забирая фрагменты и увозя их в свои личные амбициозные кабинеты». Главным обвиняемым среди них был «продавец камней», «торговец мрамором» или даже «вор мрамора» лорд Элгин, который способствовал уничтожению того, «что пощадили гот, турок и время». Однако другие, прежде всего британские, авторы поздравляли лорда Элгина с тем, что он конфисковал бесценные образцы античной скульптуры и защитил их от дальнейших повреждений и исчезновения, доверив их надежному попечению Британского музея, который благодаря этому стал, по словам Адольфа Михаэлиса, «самым авторитетным музеем древностей в мире, и есть основания полагать, что таковым он останется навсегда»⁹⁸³.

Английский капитан и путешественник Эдмунд Спенсер смёл «пробританскими» аргументами всех, кто сомневался, что Британский музей более подходящее место для творений Фидия и его учеников, нежели город, в котором они возникли:

«Много было сказано и написано, в том числе и нашими соотечественниками, такого, что говорит не в пользу

поведения лорда Элгина и британского правительства, которые будто бы обобрали Афины, увезя из них столько прекрасных произведений греческого искусства. Те, кто любит критиковать, пусть подумают о том, что в то время, когда их перевозили, в стране господствовали турки, которые, в соответствии с магометанскими предрассудками, расценивают демонстрацию человеческой фигуры как нарушение второй заповеди. То есть, если бы лорд Элгин не увез эти уникальные фризy, очень вероятно, что их уничтожил бы турецкий фанатизм. И даже если бы толерантность турок пощадила эти сокровища искусства, можно ли себе представить, что в борьбе не на жизнь, а на смерть, вскоре начавшейся между турками и греками, та или другая сторона хоть на миг подумала бы о том, чтобы пощадить какое-нибудь из хрупких зданий, если бы оно стояло у них на пути? В связи с этим каждый, кто восхищается бесценными творениями бессмертной Греции, должен почувствовать глубокую благодарность по отношению к лорду, который сделал доброе дело для всех деятелей искусства в мире, сохранив эти прекрасные фризy»⁹⁸⁴.

Во второй половине XIX в. британскому правительству было направлено много требований вернуть вывезенные Элгином мраморные произведения искусства, но ответ на них был всегда один и тот же: «Когда вы докажете, что способны ценить то, что у вас еще есть, и заботиться об этом, Англия подумает о том, чтобы вернуть вам бесценные сокровища, которые она сейчас охраняет и которые являются наследием всего цивилизованного мира, а не только одного народа»⁹⁸⁵.

Западноевропейские любители искусства проявляли активность не только в Акрополе. В начале XIX в. группа английских путешественников увидела в Мистре на Пелопоннесе много обломков элегантных ребристых колонн, которые могли когда-то принадлежать храму, посвященному Церере. Рядом с ними они увидели осколок

с поврежденной надписью. В ущербе будто бы были виновны «два француза; после того, как они не смогли ее прочитать, то, злясь на британских попутчиков, повредили ее»⁹⁸⁶.

|| Данте и Боккаччо в албанских городах

Наша последняя остановка, прежде чем мы доедем до земель бывшей Югославии, когда-то также находившихся под османским владычеством, это Албания, города Тирана и Скадар. Албания стала независимым княжеством в 1913 г., а процесс ее европеизации начался в 20-е годы XX в. На западноевропейских путешественников Тирана не произвела особого впечатления, и когда они осматривали площадь Скандербега, то у них появлялось ощущение, что они «находятся не в центре столицы, а скорее на какой-то временной и недавно заброшенной строительной площадке»⁹⁸⁷. Настоящими произведениями искусства в городе были только мечети, все до одной являвшиеся чудесными образцами старой византийской архитектуры и декора. Улицы были вымощены крупным камнем, а большинство домов были двухэтажными. Магазины представляли собой какие-то контейнеры из досок, «которые и ожидалось увидеть в этой части мира», а перед ними по-турецки сидели их владельцы, дожидаясь своих покупателей⁹⁸⁸. В 1989 году автор этой книги, которую читатель сейчас держит в руках, увидел в Тиране только одну мечеть, да и ту уже давно превратили в музей.

Путешественники, приезжавшие в Скадар в XIX и в начале XX вв., по их воспоминаниям, при въезде не чувствовали, что добрались до «какого-то города»⁹⁸⁹, хотя там все еще было много мечетей. Короче говоря, Скадар был «со своей богатой и постоянно меняющейся галереей почти гротескных образов настоящим наслаждением для любителей экзотики и, одновременно, ночным кошмаром

для сторонников гигиены. Турецкое население там, скорее всего, самое живописное и самое грязное на земном шаре»⁹⁹⁰. Эта картина совершенно изменилась, когда в 1913 г. Албания получила независимость. Те, кто приезжал в Скадар в 30-е годы XX в., уже могли любоваться «довольно современным городом», хотя еще не таким модернизированным, как Белград и София⁹⁹¹. Однако было уже понятно, что «старый образ жизни отомрет и его сменит ложная цивилизация, которая покроет тонким слоем глазури аутентичные манеры и привычки народа точно так же, как это происходит в других столицах балканских государств»⁹⁹².

|| Европа и Азия: лицом к лицу

Наша первая остановка в бывшей Югославии — Белград. До 1867 года, когда османский гарнизон ушел из белградской крепости, это был «восточный город»⁹⁹³ до такой степени, что человек, обладавший хоть крупицей воображения, легко мог представить себе, что он неожиданно «оказался на Востоке или в одной из сказок “Тысячи и одной ночи”»⁹⁹⁴.

В XVII в. путешественники могли насчитать в Белграде сто мечетей, десять *хаммамов*, много *ханов*, два *безистана* * и один *караван-сарай*⁹⁹⁵. Со своими куполами, минаретами и турецким флагом, развевавшимся над крепостью, Белград имел восточный облик, а также и восточный язык. В целом он заслужил громкое название «Дар аль-Джихад» («Город Священной войны» или «Дом войны за веру»)⁹⁹⁶. Когда известный русский лингвист Измаил Срезневский посетил Белград в начале октября 1841 г., он был разочарован тем, что среди множества мечетей увидел только одну церковь⁹⁹⁷. Однако уже в 1886 г. Белград с воодушевлением называли «сербским Парижем»⁹⁹⁸. Процесс европеизации города начался

* Крытый рынок.

после заключения мира в Пожареваце в 1718 г., когда в следующем году принц Евгений Савойский к своим блестящим победам добавил еще и взятие Белграда. Пожаревацкий мирный договор предусматривал переход к Австрии не только Венгрии, но также большей части Сербии и Валахии (совр. Румынии). В то время среди куполов и шпилей минаретов вдоль белградской Ланге Гассе начали появляться здания во французском стиле⁹⁹⁹. Но это продолжалось недолго. Уже в 1812 г. турки снова захватили Белград и на некоторое время приостановили перемены. После ухода османского гарнизона «Белград как столица <...> большими шагами пошел по пути, позволяющему ему занять свое место среди цивилизованных центров Европы»¹⁰⁰⁰. Некоторые путешественники того времени утверждали, что ни один европейский город не развивается так быстро, как Белград. За несколько лет он был почти целиком построен заново и быстро приобрел «европейский характер». Живописные турецкие и типичные сербские дома освободили место архитектурному стилю Вены и Пешта. Были построены прямые улицы, перекрещивающиеся под прямым углом, по ним спешили электрические трамваи. Улицы вымостили камнем и осветили электрическими фонарями, а по обеим сторонам их возвышались многоэтажные дома, на первом этаже которых находились магазины, на их больших витринах выставлялись европейские товары. С каждым днем оставалось все меньше места для низких двухэтажных домов, маленьких магазинчиков и турецких кофеен¹⁰⁰¹.

Сербы хвалились, что они — лучшие из всех балканских народов; гордость побуждала их превратить Сербию в современное европейское государство¹⁰⁰². Поэтому они все время старались привлечь внимание европейских путешественников к большому прогрессу, которого они достигли по завершении турецкой эпохи. Если случалось, что путешественники пытались найти следы местной истории, их старания были напрасны. Ощутимыми дока-

зательствами прежнего османского господства в начале XX в. оставались только две крепости, две мечети, несколько фонтанов с турецкими надписями и разрушенная триумфальная арка, называвшаяся «Ворота Стамбула». Договор о выводе османских войск предусматривал, помимо прочего, что многочисленные мечети и кладбища будут сохранены, однако этого не произошло. Мечети закрыли или использовали для повседневных нужд; таким образом, храмы, которые были для «турок» священными, теперь оказались осквернены и потеряли значение¹⁰⁰³. В 1887 году один австрийский археолог констатировал, что от многочисленных белградских мечетей осталась только одна, разрушающаяся и заброшенная, как «достойный жалости последний приют уходящей цивилизации». Впрочем, сохранилась еще одна мечеть с дымоходом, использовавшаяся как котельная для отопления Национального театра¹⁰⁰⁴. Лишь изредка путешественники из Европы выражали сожаление по поводу разрушения мечетей, редкими были и их призывы к сербскому правительству сохранить эти жемчужины архитектуры и исторические памятники¹⁰⁰⁵.

В старой части города находилась большая и заброшенная площадь, по которой в середине XIX в. проходила граница между полумесяцем и крестом; позже тут устроили рынок. В этом районе когда-то было самое большое в городе мусульманское кладбище. Когда в 1868 г. османы ушли из Белграда, в некоторых частях города срыли несколько метров грунта, выровняли и замостили его. В 1880 году в честь престолонаследника посреди площади поставили фонтан с обелиском¹⁰⁰⁶. Сербские «ультрапатриоты» сровняли с землей могилу Кара-Мустафы¹⁰⁰⁷. Многие турецкие семьи, владевшие собственностью в Белграде и жившие там уже многими поколениями, в кратчайшие сроки были выселены. Никто в Европе не заступился за них, не проявил к ним сочувствия по той простой причине, что сербы были христианами, а турки нет¹⁰⁰⁸.

В Белграде, как и в других упоминавшихся нами местах, «уходящий турок» оставил после себя мало достойного упоминания; по словам Грейс Эллисон, «Венеция и Рим оставили памятники уникальной красоты; Австрия — железную дорогу; Турция оставила после себя разруху и мечети»¹⁰⁰⁹.

Ниш был присоединен к Сербии в 1878 г. Хотя через него проходила прямая коммуникация между Парижем и Стамбулом, город со своими мечетями, минаретами, деревянными домами почти три столетия сопротивлялся переменам. Затем городская администрация приказала всё разрушить, чтобы построить широкие улицы и новые каменные дома в западном стиле. Поскольку уровень некоторых улиц поднялся, зачастую дома оказывались ушедшими в землю на глубину до трех метров, таким образом теряя свою ценность. У их владельцев оставалось только две возможности: продать свою собственность за бесценок или построить новый дом. Кроме того, их обязали мостить тротуар и половину дороги перед своим домом¹⁰¹⁰. «Победоносное воздействие западного мира» на Ниш изменило облик города менее чем за 10 лет. Мечети, минареты и извилистые улицы сменились площадями и прямыми улицами; новая церковь с надутыми куполами провозглашала православие, и только два минарета все еще напоминали о мусульманском прошлом¹⁰¹¹.

|| Сцены || из «Тысячи и одной ночи»

Согласно Берлинском договору 1878 г. Подгорица была передана Черногории. Вскоре после этого на другой стороне реки начал расти новый город, куда перенесли и рынок. Несмотря на это, путешественники еще в начале XX в. замечали в городе такой же «турецкий образ жизни», как во времена его «наибольшего распространения» в Боснии и Герцеговине¹⁰¹². Ситуация особо не менялась

вплоть до Второй мировой войны; в конце 20-х годов прошлого века у жителей Запада, приезжавших в город, все еще складывалось «впечатление, что в нем больше мечетей, чем церквей»¹⁰¹³. Перемены начались в период «строительства социализма», то есть после 1945 г.

Черногорцы завоевали Никшич в 1877 г., а через 25 лет после этого, как записала английская путешественница, «единственными следами в Никшиче, указывавшими на присутствие азиатских захватчиков, были разрушенная мечеть и с десяток албанских семей магометанской веры»¹⁰¹⁴.

Наша первая остановка в Республике Македония — ее столица Скопье. Во второй половине XVII в. путешественники обращали внимание на «большое количество мечетей, или турецких церквей»¹⁰¹⁵, и эта ситуация почти не изменилась вплоть до Балканских войн. Османский город Ускуб был живописным, но быстро растущим и грязным¹⁰¹⁶. После того как османы его покинули, для людей, в 30-е годы XX в. вблизи видевших турецкий квартал Ускуба, было очевидно, что он представляет «ячмень на глазу Скопья и что он должен исчезнуть, когда строительная лихорадка до него доберется». Поскольку было невозможно построить «первоклассный современный город» рядом с этим «обнищавшим соседом, сидящим у самого порога» и с «уличной канализацией, характерной для доисторической санитарной системы в турецких домах», стало неизбежным, что «во время острого приступа строительной лихорадки» целые кварталы города были обречены на уничтожение. Здания, отличавшиеся классической красотой и приспособленные к местному климату, постепенно сдавали свои позиции под натиском безликого западного архитектурного стиля. Новые дома, улицы, магазины, красивый театр, магистрат и военный клуб, трамваи и много школ — все это возникало очень быстро¹⁰¹⁷. Жители города поясняли свой раж при проведении перемен так: «Мы потеряли 500 лет, и теперь будем наверстывать упущенное»¹⁰¹⁸.

Новый город Скопье рос характерным для балканских городов способом: без какого-либо внимания к культурной и художественной ценности преодоленного прошлого. Попытки как можно быстрее догнать Европу не всегда приводили к желаемым результатам:

«К сожалению, случилось так, что югославы, радуясь, что прогнали турок и стали господами Македонии, разрушили красивейшую мечеть, которая триста лет стояла на этом центральном месте, и вместо нее построили офицерский клуб, самое ужасное здание во всей Европе. Оно построено из цемента цвета репы и смотрится как гибрид посуды для варки рыбы и мавзолея, скажем, как гробница очень большой вяленой трески»¹⁰¹⁹.

Австро-Венгрия, получив мандат европейских держав, в 1878 г. оккупировала Боснию и Герцеговину. Хотя Сараево сохранило свое прекрасное географическое положение, город потерял тот облик, который был у него в доавстрийский период, когда жители Боснии с гордостью называли его «северным Дамаском»¹⁰²⁰. В то время река свободно протекала в своих естественных берегах. На правой стороне, в некотором отдалении от берега, стояло много домов, и рядом с каждым из них был сад, спускавшийся прямо к воде, из-за чего Сараево казалось одним огромным садом. Улицы не располагались под прямым углом друг к другу или полукругом по европейскому образцу; преобладала «восточная свобода», «нетерпимая ко всякому единообразию»¹⁰²¹. После оккупации все изменилось. По обеим сторонам реки, там, где Меляцка течет по городу, построили каменные набережные, поэтому река приобрела тесный и непривлекательный вид канала. Османские сады, буйно разраставшиеся на правом берегу, исчезли, а вместо них появился ряд современных зданий. Таким образом, Сараево было османским городом, который перекроили и изменили для того, чтобы он выглядел как обычный европейский город. Перед Первой мировой войной архитектура Сараева и генераль-

ный план города предлагали «любопытную мешанину старого и нового, Востока и Запада»¹⁰²². Наиболее интересными были старые кварталы, прежде всего Чаршия. Сараеву удалось сохранить свою специфику до 90-х годов прошлого столетия, во время его осады жертвами безжалостного агрессора стали не только жители, но и сам город, который перекроили в стиле «военной архитектуры», или, как говорят некоторые, он был подвергнут урбициду.

Сараево осталось под контролем боснийского правительства даже после бомбардировки. И хотя мечети и другие памятники мусульманской архитектуры были сильно повреждены, они избежали уничтожения. Ситуация в городах, находившихся под контролем Республики Сербской была иной. После «освобождения» Фочи в воздух взлетела мечеть Аладжа, построенная в 1588 г. Она была одной из красивейших мечетей в Боснии; по словам Э. Челеби, это было поразительно элегантное здание, равного которому еще не «создал ни один строитель на земном шаре»¹⁰²³. Еще худшая судьба постигла Бая-Луку, где в 1993 г. до основания были разрушены все мечети, включая Ферхад-паши, построенную в 1579 г., по мнению многих, самое красивое и совершенное из такого рода сооружений во всей стране¹⁰²⁴. Когда от мечетей остались одни руины, землю, на которой они стояли, выравнивали с помощью техники и заложили фундаменты новых зданий и дорог. Согласно комментарию, данному сербской студенткой из Бая-Луки по поводу разрушения мечети Ферхад-паши, город теперь, когда его больше не закрывает минарет, виден намного лучше. Когда ее спросили, почему такая же судьба не постигла замок Кастель, ведь во времена Ферхад-паши его использовали как пороховой и пушечный склад, а во второй половине XVI в. превратили в крепость, она ответила: «Крепость была построена на римском фундаменте, и мы уважаем их культуру. Ведь мы христиане, как и они»¹⁰²⁵.

*Экскурсия в Босански-Брод
(открытка, посланная в 1904 г.)*

Когда в середине XIV в. турки захватили Боснию, Баня-Лука, до того бывшая маленькой деревней, начала быстро развиваться и со временем стала очень важным центром¹⁰²⁶. Хотя в первой половине XX в. было предпринято несколько попыток сделать город «христианским», характер Баня-Луки остался «турецким», о чем свидетельствовали ее сорок пять мечетей¹⁰²⁷.

Таким образом, история Балкан объясняет, почему во всем временном промежутке, отделяющем развалины классической эпохи от безличных зданий прошлого века, мы не находим ни одного архитектурного стиля, достойного упоминания. Выросли дворцы и другие капитальные сооружения, пролегали современные проспекты и улицы, расширилась сеть трамваев, но в процессе строительства балканские города утратили узнаваемый характер своей архитектуры. Во всех городах широкие, чистые улицы, прочные каменные дома, магистрат или нечто ему равноценное, рынок и церковь, которая вовсе не является достижением архитектуры, но является показателем того, что страна — христианская. В каждом, даже самом маленьком, городе в европейской Турции, в котором жили мусульмане, имелась своя общественная баня. После ухода турок бани больше никто не содержал, или даже они преднамеренно уничтожались¹⁰²⁸. Османские бани, акведуки и даже фонтаны исчезли из Афин, Бухареста, Белграда, Пловдива, Пирота, Вранья и других городов. В Сербии, например, так хорошо подчистили турецкие следы, что даже название сербской столицы, которая находилась под властью турок с 1521 до 1867 г., совсем забылось. В статье об истории Белграда, напечатанной в газете «Duga» в 1994 г., современный автор Мильяна Лакетич написала, что не смогла установить турецкое название города¹⁰²⁹.

«Современным» жителям Балкан нравились совершенно прямые улицы, на которых дома — по европейскому образцу начала XX в. — насколько возможно похо-

дили друг на друга. Или, как писал Уильям Миллер, английский дипломат конца XIX в.:

«Наверняка никто не сможет ничего сказать в защиту вкуса немецких архитекторов, сделавших проект современных Афин по образцу Мюнхена и построивших совершенно новый европейский город бок о бок с величественными античными развалинами. Широкие улицы не дают никакой тени, и город летом превращается в настоящий ад, в то же время блеск мраморных фасадов слепит глаза»¹⁰³⁰.

В новой архитектуре не было места мечетям и минаретам. Они, как и все другие произведения османской архитектуры, считались символами минувшей эпохи, и более того, признаком отсталости¹⁰³¹. После Второй мировой войны в южных республиках бывшей Югославии во имя «прогресса» уничтожили даже «кофейни ленивых», в которых некогда собирались «турки»¹⁰³².

|| Изгнание балканского духа

В середине XIX в. Балканы, наконец действительно ставшие «балканскими», походили на копию или даже на карикатуру Западной Европы. В облике балканских городов не было ничего оригинального, ничего особенного. Все было заимствовано. Внешний и внутренний вид зданий, мастерских и офисов, а также стиль одежды горожан не имели своего характера, напротив, они были выполнены в соответствии с модными тенденциями Парижа, Пешта и Вены. «Европейский» вид пользовался популярностью, и все стремились быть современными. Горожане увлекались современными живописью и музыкой, танго и фокстротом и подсмеивались над крестьянскими песнями и одеждой¹⁰³³. Но, несмотря на это, жители Запада не воспринимали их как равных; балканцы оставались для них восточными «иными», хотя и потерявшими прежнюю привлекательность:

«Каким притягательным городом был бы Константинополь, если бы он был чуть меньше или, напротив, гораздо больше цивилизован! Он чересчур европейский для того, чтобы быть приятным, но недостаточно европейский для того, чтобы быть совершенным»¹⁰³⁴.

Как ни старались восточные люди приобрести западный облик, путешественники с Запада часто считали их чужаковатыми и смешными. Когда же и сам султан стал носить гусарский мундир, пошитый в Париже, и белые кашемировые брюки с золотыми оторочками, кое-кто не удержался от замечания, что «даже “неверный” вряд ли бы выдумал лучший маскарад, чтобы высмеять наместника пророка»¹⁰³⁵. Когда османы не приспособлялись к западным нормам, их обзывали варварами; когда же они копировали Запад, их считали обманщиками и никчемными людьми¹⁰³⁶. У османских дам, конечно, были прически — «полная карикатура на те, что в прошлом году носили в Париже или Лондоне, но они воспринимались как иконы моды»¹⁰³⁷. Да и балканские христиане проявили себя ничуть не лучше. Когда в Афинах построили новый дворец для греческого короля, он быстро стал объектом насмешек, как, например:

«Огромное сооружение из гипса, с шестью домами, поставленными квадратом, без улиц и фонтанов (кроме тех, что на картине в гостинице); сзади кажется, что оно смотрит прямо на горы — на одной стороне нищенский сад — короли выезжают на прогулку по окрестностям (если революции это допускают) в пять часов — а каких-то двадцать четыре бездельных охранника вскакивают по команде “смирно!” на кучу песка, служащую террасой, когда его величество проезжает мимо в позолоченной карете и бессмысленно роскошном одеянии»¹⁰³⁸.

Через несколько лет другой путешественник заметил, что греческие войска копируют французские, но представляют собой просто «карикатуру оригинала»¹⁰³⁹.

В современных балканских городах, буйно разразившихся на развалинах старых, наперекор всем переменам всюду можно было заметить недочеты. Современные дома, многие из которых были всего лишь двухэтажными и в основном построенными из кирпича, облицованного белым гипсом, придавали городам, где путешественники ощущали нехватку хороших гостиниц, канализации и электричества, короче говоря, всего, «что мы сейчас называем удобствами», дешевый вид¹⁰⁴⁰. Например, английские путешественники начала XX в. сообщали своим читателям, что кто-то когда-то убеждал их, что Ниш превратится в красивый город. Они с ним согласились, «ведь расположение этого города такое, какое только можно пожелать, только сначала нужно сломать все дома»¹⁰⁴¹. В то время в Западной Европе был распространен анекдот о румыне, который хвастался своим французским друзьям, что Бухарест — маленький Париж, а они ему ответили: «Возможно — но, слава богу, Париж не является большим Бухарестом»¹⁰⁴².

Цена модернизации, то есть европеизации, была высока: история, воплощенная в мечетях, минаретах, базах, ханах, кладбищах, мостах, домах и др., была уничтожена, в то время как новшества, заменившие прежние памятники «уродством модернизма»¹⁰⁴³, росли как грибы после дождя. Потеряв свой прежний облик, балканские города потеряли и свою душу; а потеряв свою душу, они потеряли и свою историю. Картина была новой, но фальшивой. Западные путешественники быстро заметили, что сияющие новые города вымощены «добрыми намерениями и больше ничем»¹⁰⁴⁴. Теперь в балканских городах невозможно было увидеть ни одного красивого старого дома, ведь те, что оставались со времен османской оккупации, были разрушены, а новые являлись более или менее «экономной имитацией французских и английских зданий»¹⁰⁴⁵. Прогуливаясь по их улицам, жители Запада восхищались, с одной стороны, «интересными современ-

ными креатурами», а с другой — «реликтами эпохи, которая в Западной Европе уже минула»¹⁰⁴⁶. Балканы очень старались стать европейскими и современными и хотели, чтобы весь мир воспринимал их именно так. Поскольку Европу воспринимали как противоположность Турции, одаренную всевозможными положительными качествами, о Востоке судили, основываясь на его сходстве с Западом или отличии от него. Меньшее сходство с Европой означало быть «иным», менее ценным, а большее — прогрессивность¹⁰⁴⁷. Точнее, как объяснил один боснийский бег консулу Гильфердингу: «Я уже давно понял, что мы Босняки люди глупые, ничего не знаем и не понимаем, а что Немцы и Французы и другие народы живут умно; так я и перенял от них, что мог»¹⁰⁴⁸.

В прежние времена путешественник, приехав в балканский город, ощущал себя на «роскошном Востоке» — с мечетями и минаретами, женщинами в парандже и мужчинами в великолепных одеждах с мешковатыми шароварами и с фесками; редко кто носил европейскую одежду. Христиан по одежде невозможно было с первого взгляда отличить от мусульман. Например, в Белграде в 1875 г. мужчины носили фески и щеголяли старомодным стрелковым оружием, так что по общему облику их легко было спутать с мусульманами¹⁰⁴⁹. В Битоле, Скадаре и других балканских городах в XX в. женщины, как мусульманки, так и христианки, тщательно закрывали свое лицо; та, которая осмеливалась появиться на людях непокрытой, сразу становилась мишенью для оскорблений, ведь появление в обществе женщины с открытым лицом означало полную потерю чести¹⁰⁵⁰. Перемены коснулись не только архитектуры, менялись также и обычаи. Один американский миссионер в Средиземноморье сообщал, что летом 1827 г. жены султана и другие дамы высшего света появились в обществе, одетые совершенно во французском стиле¹⁰⁵¹. Этому образцу следовали и другие мусульмане, кроме боснийских, которые сохранили свои

восточные одежды даже после того, как младотурки променяли их на «обезьянническое подражание Европе»¹⁰⁵². Эти изменения не произвели благоприятного впечатления на западных наблюдателей, считавших, что мусульманам вообще не следовало бы перенимать европейский стиль одежды. Те же самые люди, которые с тюрбаном на голове и в широких восточных одеждах что-то из себя представляли, в европейских одеждах казались «кем угодно, только не образованными людьми»¹⁰⁵³.

Перемены были существенными, и Балканы европеизировались — внешне. Как мы могли заметить, самые большие изменения произошли в сфере городской архитектуры и моды. После проведения внешних преобразований можно было обоснованно ожидать полной европеизации Балкан: когда жителей и их города уже было бы нельзя отличить от «других в Европе», предполагалось, что они переймут и все остальные качества, принесшие Западу благосостояние, — но, конечно, не позаимствуют никаких негативных черт. Однако османское влияние оказалось весьма устойчивым в том, что касается предпочтений в еде и кофеен. Еще больше сил было затрачено при попытках очистить от османских примесей идеологическую сферу (убеждения, обычаи, взаимоотношения, систему ценностей). Впрочем, как констатировал один специалист по Балканам, люди никогда не отказываются от своих многолетних привычек и обычаев просто так, за один день:

«Хотя [эта страна] пятьсот лет была под властью турок, они не оставили в ней заметных следов. Грубо говоря, пятьсот лет они провели в стране как во временном лагере, как оккупационная армия! Что удивительно, так это спешка, с которой были ликвидированы все явные моменты, связанные с ними, кроме пятна, которое осталось в душах людей и которое, к сожалению, уничтожить сложнее»¹⁰⁵⁴.

Один из виднейших представителей так называемого «сербского социализма» Димитрий Туцович, писав-

ший в 1902 г. о нищете в Сербии, в частности, отметил, как некогда «высокомерные господа», одетые в бордовые вельветовые пиджаки с богатой золотой или серебряной вышивкой, заезжали в кофейни и на рынки на «резвых арабских скакунах», у которых на уличной мостовой из-под копыт летели искры. То, что турки очень любили коней, еще в XVI в. зафиксировал Бенедетто Рамберти¹⁰⁵⁵. Хороший конь для турок вплоть до их ухода с Балкан считался самым большим богатством¹⁰⁵⁶. С другой стороны, действовало старое правило, по которому христиане не смели ни въезжать в город на коне, ни носить оружия, ни одеваться в блестящие одежды. Далее, вплоть до первой половины XIX в., действовало строгое правило, согласно которому райя должен стоять смиренно, когда к нему приближается господин-мусульманин, и слезать с коня, когда тот проходит мимо¹⁰⁵⁷.

В балканских городах убрали окна с решетками и быстро разрушили стены вокруг домов, но в личной жизни новые обычаи утверждались намного медленнее. Когда Мартин Гюргович посетил своего знакомого, сербского торговца из Приштины, хозяин привел из гарема свою молодую жену с непокрытым лицом, чтобы она поцеловала гостя руку, и сказал ему, что «раньше еще не делал ничего подобного». Кроме нее, Гюргович не видел в городе ни одной женщины с открытым лицом¹⁰⁵⁸.

Османское правление — или тирания — была как социальной, так и политической, она оказывала сильное влияние на мораль, поведение, общественную жизнь. И все же неопровержимым фактом является то, что за все столетия османского владычества никогда не предпринималось решительных попыток ассимиляции или насильственной исламизации балканских народов. «Магомет не злоупотреблял своей победой. Дух религиозной толерантности турок проявился с самого начала. Христианам оставили их церкви и свободу открытого вероисповедания; греческий патриарх сохранил свое положение»¹⁰⁵⁹.

Известного естествоиспытателя XVI в. Пьера Белона очень удивил тот факт, что «турки никого не заставляют жить по-турецки, а всем христианам позволено вести себя в соответствии со своими собственными законами»¹⁰⁶⁰. Османам не пытались ассимилировать поработанные народы, чем сильно отличались от современных им правительств Западной Европы. Там, где Османская империя последовательно проводила политику невмешательства, европейские правительства стремились искоренить национальный дух и родной язык подчиненных им народов¹⁰⁶¹. Напротив, отношение Порты к различным верам, которые исповедовали христианские подданные, было «всегда исключительно толерантно»¹⁰⁶². Мать секретаря британского посольства в Стамбуле хвалила эту терпимость: «Ни в одной другой стране неверующие не занимали бы такие высокие посты, как в Турции, где можно увидеть христиан не только среди министров, но и среди послов, которым доверены важнейшие государственные тайны»¹⁰⁶³.

В Османской империи, несмотря на ее теократическую структуру, были разрешены все вероисповедания; под османским владычеством Балканы стали образцом живой многокультурности — здесь «все национальности мира» жили своей обычной жизнью так же, как это было «сразу после падения Вавилонской башни»¹⁰⁶⁴.

Известно, что после того, как в 1492 г. испанские правители Изабелла и Фердинанд изгнали 170 тысяч евреев, они нашли себе прибежище в Стамбуле, Солуни, Сараеве и других османских городах, получив разрешение и дальше исповедовать свою веру¹⁰⁶⁵. Французский путешественник XVII в. писал, что во всей Османской империи «ни один город, кроме Афин и Трапезунда, не сохранил привилегии изгонять евреев, хотя турецкие чиновники много раз пытались поселить их и там»¹⁰⁶⁶. Не так известно, что рядом с Баня-Лукой существовал монастырь трапистов «Мария Звезда». Монахи, изгнанные из Франции во вре-

мя революции, сначала уехали в Германию, но в 1868 г. их выгнали и оттуда. Поскольку ни одно христианское государство не пожелало их принять, они попросили у султана разрешение купить землю близ Бая-Луки и построили там монастырь¹⁰⁶⁷. Еще менее известна история об испанском адмирале доне Ферранте Гонзага. В 1538 году он захватил Герцег-Нови и построил там капеллу Святой Анны. Уже на следующий год город снова завоевали османы. Они не только не нанесли капелле никакого ущерба, но даже позволили, чтобы их старый враг «был похоронен в капелле рядом со своими женой и сыном»¹⁰⁶⁸.

В 1788 году один итальянский путешественник был очень удивлен веротерпимостью, свидетелем которой он стал во время своего пребывания в Стамбуле:

«Иностранец, привыкший к нетерпимости Лондона и Парижа, должно быть, очень удивится, увидев церковь, которая стоит между мечетью и синагогой, и дервиша рядом с капуцинским монахом. Не знаю, как могло это правительство взять под свое крыло религии, настолько противоположные его собственной. Этот удачный контраст, скорее всего, следствие дегенерации магометанства. Еще больше удивляет тот факт, что дух терпимости в целом распространен среди людей; здесь вы увидите, как турки, евреи, католики, армяне, греки и протестанты разговаривают о делах и развлечениях и при этом приветливы, в хорошем настроении, как будто все они из одного края и придерживаются одной веры»¹⁰⁶⁹.

В 20-е годы XX в. Лестер Джордж Хорнби стал в Сараеве свидетелем того, как боснийский крестьянин православного вероисповедания опустил монету в миску для подающих слепого мусульманина, который сидел по-турецки у входа в мечеть и играл на гуслях. При взгляде на маленькие мирные мастерские, где вместе работали мусульмане, христиане и евреи, каждый из которых мог пойти куда хотел — в церковь, мечеть или синагогу, он спрашивал себя, «не является ли терпимость наиболь-

шей из всех добродетелей»¹⁰⁷⁰. Лихорадочное стремление строить новые здания и отказ от «страшного прошлого», а также искоренение символов балканских народов не привели к новому счастливому объединению с Европой, но ознаменовали конец особой балканской истории. Как описала эту ситуацию Скотт Стивенсон, восточные страны, устремившись к западной цивилизации, потеряли колорит, но сохранили захудалость и грязь¹⁰⁷¹. После ухода османов европеизация стала рутинным делом, а старый балканский дух постепенно исчезал. В этом процессе мифология заменила историю, и первыми жертвами стали терпимость и многокультурность¹⁰⁷².

Мы увидели, как сильно жаждали народы «горного полуострова» прогресса и к каким блестящим результатам привело их стремление к европеизации. Однако в процессе преобразований исчезло то качество, которым гордится современная Европа, считая его своей наибольшей добродетелью: терпимость к различиям. А наши попутчики в балканских приключениях могут засвидетельствовать еще один любопытный факт: в то время как Балканы стараются стать частью той Европы, какой она некогда была, Европа самоопределяется на основе отличия от Востока, включая Балканы, и утверждает, что сейчас она стала такой, какими были Балканы на протяжении столетий.

Примечания

- ¹ *Eremiten*. Reise nach dem Orient. Bd. I. S. 95; *Boué A.* La Turquie d'Europe. Vol. I. P. 4.
- ² *Calvert F.* A Tour to the East, In the Years 1763 and 1764. P. 139; *Eremiten*. Reise nach dem Orient. Bd. I. S. 95; *Boué A.* La Turquie d'Europe. Vol. I. P. 4.
- ³ *Morritt J.B.S.* The Letters of John B.S. Morritt of Rokeby. P. 65.
- ⁴ *Hugonnet L.* La Turquie inconnue. P. 25–26; *Cvijić J.* Nekolika promatranja o etnografiji makedonskih Slovena. S. 3–4; см. также *Boué A.* La Turquie d'Europe. Vol. I. P. 90–97; *Barth H.* Reise durch das Innere der Europäischen Türkei im Herbst 1862. S. 23, 117; *Braun-Wiesbaden K.* Reise-Eindrücke aus dem Südosten. Ungarn, Istrien, Montenegro, Griechenland, Türkei. Bd. III. S. 229–30.
- ⁵ См.: *Beaujour F. de.* Voyages militaire dans l'Empire Othoman. Vol. I. P. 467; *Keppel G.* Narrative of a Journey across the Balcan. Vol. II. P. 10; *Temple G.T.* Travels in Greece and Turkey. Vol. II. P. 146; *Marmont M.* The Present State of the Turkish Empire. P. 126; *Kinglake A.W.* Eöthen. P. 32; *White C.* Three Years in Constantinople. Vol. I. P. vii; *Chesney F.R.* The Russo-Turkish Campaigns of 1828 and 1829. P. 26, 43, 53–54; *Macintosh A.F.* A Military Tour in European Turkey, the Crimea, and on the Eastern Shores of the Black Sea. Vol. I. P. 92, 100, 103; *Slade A.* Records of Travels in Turkey and Greece, etc. P. 160, 190, 192, 200; *Valentini G.W.* Description of the Seat of War in European Turkey. P. 10; *Senior N.W.* A Journal kept in Turkey. P. 141–142; *Leach H.* A Bit of Bulgaria. P. 34; *Russell F.S.* Russian Wars with Turkey. P. 64, 69–70, 104, 263; *Hozier H.M.* The Russo-Turkish War. P. 481–482; *Stuart-Glennie J.S.* Europe and Asia. P. 272, 277; *Cuthbertson J.* Sacred and Historic Lands. P. 247; *Field H.M.* The Greek Islands and Turkey after the War. P. 158; *Huyshe W.* The Liberation of Bulgaria. P. 84, 140; *Buxton N.* Europe and the Turks. P. 30; *Pears E.* Forty Years in Constantinople. P. 26, 32.
- ⁶ *Noyes J.O.* Roumania. P. 348.
- ⁷ *Ruland B.* Orient Express. P. 27.
- ⁸ *Scopetea E.* Greek and Serbian Enlightenment. P. 201.
- ⁹ *Arnold T.* History of Rome. P. 492.
- ¹⁰ *Walker M.A.* Old Tracks and New Landmarks. P. 252.
- ¹¹ *Brailsford H.M.* Macedonia: Its Races and Their Future. P. 263.
- ¹² *Hobhouse J.C.* A Journey through Albania and other Provinces of Turkey in Europe and Asia, to Constantinople, during the years 1809 and 1810. P. 585.
- ¹³ *Walsh R.* A Residence at Constantinople. Vol. I. P. 141.
- ¹⁴ *Angell N.* Peace Theories and the Balkan War. P. 26.
- ¹⁵ *Diderot D., D'Alambert.* L'Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Vol. II. Paris: Briasson, David, Le Breton in Durand. 1751. S. 337.
- ¹⁶ *Diderot D., D'Alambert.* L'Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Vol. VIII. Paris: Briasson, David, Le Breton in Durand. 1765. S. 187.
- ¹⁷ *Sandwith H.* Notes on the South Slavonic countries in Austria and Turkey in Europe. P. 25; *Clair S. G. St., Brophy C. A.* A Residence in Bulgaria. P. v.
- ¹⁸ *Evans A.J.* Illyrian Letters. P. 26.
- ¹⁹ *de Laveleye E.L.V.* The Balkan Peninsula. P. 127.
- ²⁰ *Upward A.* The East End of Europe. P. xvii.

- 21 *Woods H.C.* Washed by Four Seas. P. xiii–xiv.
- 22 *Blount H.* A Journey into the Levant. P. 1.
- 23 *Browne E.* A Brief Account of some Travels in Hungaria, Servia, Bulgaria, Macedonia, Thessaly, Austria, Styria, Carinthia, Carniola, and Friuli. P. 69.
- 24 *Fuller J.* Narrative of a tour through some parts of the Turkish Empire. P. 25.
- 25 *Bruce R., Bruce K.* Letters from Turkey. P. 34.
- 26 *Buxton N.* Europe and the Turks. P. 19.
- 27 *Kinglake A.W.* Eöthen. P. 3–4.
- 28 *Fraser J.B.* A Winter's Journey. Vol. I. P. 70.
- 29 *Kristeva J.* Sangers to Ourselves. P. 201; *Van De Port M.* Gypsies, War, and other Instances of the Wild. P. 153–154.
- 30 *Kaplan R.D.* Balkan Ghosts. P. xxiii.
- 31 *Tozer H.F.* Researches in the Highlands of Turkey. Vol. I. P. 233; *Eliot C.N.E.* Turkey in Europe. P. 353; *Wyon R.* The Balkans from Within. P. 423; *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 31–32; *Moore A.* The Orient Express. P. 210.
- 32 *Grisebach A.* Reise durch Rumelien und nach Brussa im Jahre 1839. Bd. II. S. 236; *Paton A.A.* Servia, the youngest member of the European family. P. 216; *Senior N.W.* A Journal kept in Turkey. P. 318; *Braun-Wiesbaden K.* Reise-Eindrücke aus dem Südosten. Ungarn, Istrien, Montenegro, Griechenland, Türkei. S. 101; *Knight E.F.* Albania. A Narrative of Recent Travel. P. 54; *Miller W.* Travels and Politics in the Near East. P. xiii, 58; *Renner H.* Durch Bosnien und die Hercegovina kreuz und quer. S. 86, 485; *Dwight H.O.* Constantinople and its Problems. P. 188; *Vivian H.* The Servian Tragedy with some Impressions of Macedonia. P. 289; *Durham M.E.* The Burden of the Balkans. P. 4; *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 15, 31–32; *Hichens R.* The Near East. P. 54; *Morgan W.* The New East. P. 223; *Melas G.* The Turk as he is. P. 51–52; *Thierfelder F.* Schicksalstunden des Balkan. S. 10; *Sanders I.T.* Balkan Village. P. 69.
- 33 *Leake W.M.* Researches in Greece. P. viii; *Post H.A.V.* A Visit to Greece and Constantinople. P. 99; *Pashley R.* Travels in Crete. Vol. I. P. 65; *Barth H.* Reise durch das Innere der Europäischen Türkei im Herbst 1862. S. 105; *Urquhart D.* The Spirit of the East. Vol. I. P. 422–423; *Heuzey L., Daumet H.* Mission archéologique de Macédoine. P. 321; *Moore A.* The Orient Express. P. ix, 178, 219, 236; *Graves R.* Storm Centres of the Near East. P. 259.
- 34 *Grelot G.J.* A late voyage to Constantinople. P. 78.
- 35 *Hill A.* A Full and Just Account of the Present State of The Ottoman Empire In all its Branches. P. 149.
- 36 *Thompson C.* The Travels Of the Late Charles Thompson, Esq. Vol. II. P. 10.
- 37 *Lithgow W.* A Delectable, and true discourse, of an admired and painfull peregrination from Scotland, to the most famous Kingdomes in Europe, Asia, and Affricke, H 3 - c.
- 38 *Hill A.* A Full and Just Account of the Present State of The Ottoman Empire In all its Branches. P. 94.
- 39 *Dwight H.O.* Constantinople and its Problems. P. 159.
- 40 *Hobhouse J.C.* A Journey through Albania and other Provinces of Europe and Asia, to Constantinople, during the years 1809 and 1810. P. 830.
- 41 *Galt J.* Voyages and Travels, in the Years 1809, 1810, and 1811. P. 282.
- 42 *Todorova M.* Imagining the Balkans. P. 64.
- 43 *Burton R.* A Pilgrimage to Mecca and Medina. Vol. I. P. 84.
- 44 *Kapper S.* Südslavische Wanderungen im Sommer. Bd. I. S. 60; *About E.* Greece and the Greeks of the Present Day. P. 29; *Braun-Wiesbaden K.* Reise-Eindrücke aus dem Südosten. Ungarn, Istrien, Montenegro, Griechenland, Türkei. Bd. III. S. 224; *Kanitz F.* Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Bd. I. S. 394; *Aldridge O.M.* The Retreat from Serbia Through Montenegro and Albania. P. 16; *Melik A.* Do Ohrida in Bitolja. S. 93; *Cardigan The Earl of.* Youth goes East. P. 135, 150; *Kuba L.* Cteni o Makedonii. S. 15; *Burr M.* Slouch Hat. P. 118; *Bevk F.* Deset dni v Bolgariji. S. 79.

- ⁴⁵ *Golczewski M.* Der Balkan in deutschen und österreichischen Reise- und Erlebnisberichten. S. 194.
- ⁴⁶ *См.: Гильбердинг А.Ф.* Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. С. 76–79, 128, 181–182.
- ⁴⁷ *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 43–44, 276.
- ⁴⁸ *Ibid.* P. 276.
- ⁴⁹ *Bevan T.* The Insurgent Trail. P. 35.
- ⁵⁰ *Jezernik B.* Zigeunerlager on the planet Auschwitz. S. 352.
- ⁵¹ *Brayley Hodgetts E. A.* Round about Armenia. P. 17.
- ⁵² *См.: Senior N.W.* A Journal kept in Turkey. P. 286; *Fox F.* The Balkan Peninsula. P. 167.
- ⁵³ *Pashley R.* Travels in Crete. Vol. I. P. 232; *Newman F.W.* Personal Narrative, In Letters, Principally from Turkey, In the Years 1830–1833. P. 113, 117; *St. Clair S.G., Brophy C.A.* A Residence in Bulgaria. P. 24; *Forsyth W.* The Slavonic Provinces South of the Danube. P. 170; *Bruce R., Bruce K.* Letters from Turkey. P. 9; *Townshend A.F.* A Military Consul in Turkey. P. 60–61.
- ⁵⁴ *Creagh J.* Over the Borders of Christendom and Eslamiah. Vol. II. P. 147.
- ⁵⁵ *См.: Burbury J.* A Relation of a Journey of the Right Honourable My Lord Henry Howard. P. 140; *Smith T.* Remarks Upon the Manners, Religion and Government of the Turks. P. 12; *Tavernier J.B.* Persian Travels. P. 45; *Lucas P.* Voyage du sieur Paul Lucas fait en M.DCCXIV. Vol. I. P. 31; *Gislenius A.* Travels into Turkey. P. 22; *Boscovich R.G.* Giornale di un Viaggio da Constantinopoli in Polonia. P. 7; *Sutherland C.* A Tour up the Saits, from Gibraltar to Constantinople. P. 194; *Jenour M.* The Route to India. P. 18; *Holland H.* Travels in the Ionian Isles. P. 207; *Hamilton W.J.* Researches in Asia Minor, Pontus, and Armenia. P. 120; *Wratlaslaw W.* Adventures of Baron Wenceslas Wratlaslaw of Mitrowitz. P. 27–29; *de Fresne-Canaye P.* Le Voyage du Levant (1573). P. 23, 40; *Mundy P.* The Travels in Europe, 1608–1628. P. 53.
- ⁵⁶ *Comyn - Platt T.* The Turk in the Balkans. P. 84.
- ⁵⁷ *Dunne L.* A Trip to Constantinople. P. 7.
- ⁵⁸ *Гильбердинг А.Ф.* Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. С. 91.
- ⁵⁹ *Sandwith H.* Notes on the South Slavonic countries in Austria and Turkey in Europe. P. 20.
- ⁶⁰ *Stephens J.G.* Incidents of Travel in Greece, Turkey, Russia, and Poland. Vol. I. P. 160; *Minchin J.G.C.* The Growth of Freedom in the Balkan Peninsula. P. 353; *Burr M.* Slouch Hat. P. 267.
- ⁶¹ *См.: Glück L.* Albanien und Macedonien. S. 44; *Miller W.* Travels and Politics in the Near East. P. 180; *Curtis W.E.* The Turk and His Lost Provinces. P. 199; *Holbach M.M.* Bosnia and Herzegovina. P. 107–108; *Ruland B.* Orient Express. P. 13.
- ⁶² *Ruland B.* Orient Express. P. 34; *Goldsworthy V.* Inventing Ruritania. P. 79, 103.
- ⁶³ *См.: Vere A. de.* Picturesque Sketches of Greece and Turkey. Vol. I. P. 194–195.
- ⁶⁴ *Moore A.* Orient Express. P. 171.
- ⁶⁵ *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 4; *Curtis W.E.* The Turk and His Lost Provinces. P. 191; *Cardigan The Earl of.* Youth goes East. P. 195; *Newman B.* Tito's Yugoslavia. P. 18.
- ⁶⁶ *James L.* With the Conquered Turk. P. 30; *Allen T.* The Tracks They Trod. P. 37.
- ⁶⁷ *Ruland B.* Orient Express. P. 13.
- ⁶⁸ *Chandler R.* Travels in Asia Minor. P. 223, 230.
- ⁶⁹ *Šamić M.* Francuski putnici u Bosni na pragu XIX. stoljeća i njihovi utisci o njoj. S. 182.
- ⁷⁰ *Pertusier C.* La Bosnie considérée dans ses rapports avec l'empire Ottoman. P. 94; ср., например, с кн.: *de Beaujour F.* Voyages militaires dans l'Empire Ottoman. Vol. I. P. 416–417.
- ⁷¹ *См.: Thevenot J. de.* The Travels of the Monsieur de Thevenot into the Levant. P. 57; *Smith T.* Remarks Upon the Manners, Religion and Government of

the Turks. P. 5; *Bisani N.* A Picturesque Tour Through Part of Europe, Asia and Africa. P. 44; *Dodwell E.* A Classical and Topographical Tour through Greece. Vol. I. P. 270; *Hughes T.S.* Travels in Sicily, Greece and Albania. P. 393; *Pertusier C.* La Bosnie Considérée dans ses rapports avec l'empire Ottoman. P. 95–96; *Frankland C.C.* Travels to and from Constantinople, in the years 1827 and 1828. Vol. I. P. 110; *Madden R.R.* Travels in Turkey, Egypt, Nubia, and Palestine, in 1824, 1825, 1826 and 1827. Vol. I. P. 13–14; *Post H.A.V.* A Visit to Greece and Constantinople, in the year 1827–28. P. 320; *Bagge H.* Reise nach dem Orient, der europäischen Türkei, Aegypten, Nubien und Palästina. P. 55; *A Lady.* Wayfaring Sketches among the Greeks and Turks. P. 265; *Smith A.* A Month in Constantinople. P. 124; *Novaković S.* Dva dana u Skoplju. S. 39; *Jelavić V.* Kratki francuski putopis kroz Hercegovinu i novopazarski sandžak iz godine 1611. S. 337.

⁷² *Hobhouse J.C.* A Journey through Albania and other Provinces of Turkey in Europe and Asia, to Constantinople, during the years 1809 and 1810. P. 823; *Best J.J.* Excursions in Albania. P. 270; *St. Clair S.G., Brophy C.A.* A Residence in Bulgaria. P. 231; *Jerningham H.E.H.* To and from Constantinople. P. 188; *Müller M.* Letters from Constantinople. P. 15; *Cockerell C.R.* Travels in Southern Europe and the Levant. P. 32–33, 112; *Upward A.* The East End of Europe P. 119; *Abbott G.F.* Under the Turk in Constantinople. P. 65–66.

⁷³ *Porter J.* Observations on the Religion, Law, Government and Manners of the Turks. P. 3.

⁷⁴ *Brown H.A.* A Winter in Albania. P. 90.

⁷⁵ *Ramberti B.* Libri tre delle cose de Turchi. P. 52; *Quiclet.* Les voyages de M. Quiclet a Constantinople par terre. P. 65–66; *Browne E.* A Brief Account of some Travels in Hungaria, Servia, Bulgaria, Macedonia, Thessaly, Austria, Styria, Carinthia, Carniola, and Friuli. P. 71; *Fresne-Canaye P. de.* Le Voyage du Levant. P. 30.

⁷⁶ *Jerningham H.E.H.* To and from Constantinople. P. 211.

⁷⁷ *Morrill J.B.S.* The Letters of John B. S. Morrill of Rokeby. P. 195.

⁷⁸ *См.: Chaumette A.* Voyage en Bosnie dans les années 1807 et 1808. P. 13; *Pertusier C.* La Bosnie considérée dans ses rapports avec l'empire Ottoman. P. 75, 86–87; *Spencer E.* Travels in European Turkey in 1850. Vol. II. P. 73; *de Laveleye E.L.V.* The Balkan Peninsula. P. 85.

⁷⁹ *Šamić M.* Francuski putnici u Bosni na pragu XIX. stoljeća i njihovi utisci o njoj. S. 221.

⁸⁰ *Holbach M.M.* Bosnia and Herzegovina. P. 234–235.

⁸¹ *См.: Turner W.* Journal of a Tour in the Levant. Vol. I. P. 88, 122; *Fuller J.* Narrative of a Tour through some parts of the Turkish Empire. P. 23; *Carne J.* Letters from the East. Vol. II. P. 312; *Quin M.J.* A Steam Voyage down the Danube. Vol. I. P. 91; *Cochrane G.* Wanderings in Greece. Vol. II. P. 238; *Smith W.W.* A Year with the Turks. P. 198; *Jerningham H.E.H.* To and from Constantinople. P. 85; *Stuart-Glennie J.S.* Europe and Asia; *Hugonnet L.* La Turquie inconnue. Roumélie, Bulgarie, Macédoine, Albanie. P. 83, 1357; *Laveleye E.L.V. de.* The Balkan Peninsula. P. 88–89; *Ramsay W.M.* Everyday Life in Turkey. P. 168; *Hutchinson F.K.* Motoring in the Balkans. P. 276.

⁸² *Smith W.W.* A Year with the Turks. P. 198.

⁸³ *Ramberti B.* Libre tre delle cose de Turchi. P. 52.

⁸⁴ *Laveleye E.L.V. de.* The Balkan Peninsula. P. 168–169.

⁸⁵ *Kanitz F.* Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart Bd. II. S. 446.

⁸⁶ *Browne E.* A Brief Account of some Travels in Divers Parts of Europe. P. 34.

⁸⁷ *Burton R.* Love, War and Fancy. P. 238.

⁸⁸ *Çelebi E.* Putopis. S. 208–209.

⁸⁹ *Purchas S.* Relations of the world and religions observed in all ages. P. 246.

⁹⁰ *Thevenot J. de.* The Travels of the Monsieur de Thevenot into the Levant. P. 57.

⁹¹ *Eliot C.N.E.* Turkey in Europe. P. 15; *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 56.

- ⁹² *Freeman E.* The Ottoman Power in Europe. P. 202.
- ⁹³ *Durham M.E.* Twenty Years of Balkan Tangle. P. 128; *Smith W.W.* A Year with the Turks. P. vi-vii; *Price W.H.C.* The Balkan Cockpit. P. 22.
- ⁹⁴ *Durham M.E.* Twenty Years of Balkan Tangle. P. 96.
- ⁹⁵ *Semple R.* Observations on A Journey through Spain and Italy to Naples. Vol. II. P. 221-222.
- ⁹⁶ *Calvert F.* A Tour to the East, In the Years 1763 and 1764. P. 131-132.
- ⁹⁷ *Frankland C.C.* Travels to and from Constantinople, in the years 1827 and 1828. Vol. I. P. 192.
- ⁹⁸ *Hervé F.* A Residence in Greece and Turkey. Vol. II. P. 172.
- ⁹⁹ *Šamić M.* Francuski putnici u Bosni na pragu XIX stoljeća i njihovi utisci o njoj. P. 265-266.
- ¹⁰⁰ *Chaumette A.* Voyage en Bosnie dans les années 1807 et 1808. P. 3.
- ¹⁰¹ *Evans A.J.* Through Bosnia and Herzegovina during the insurrection in 1875 on foot. P. xcvi.
- ¹⁰² *Lloyd E.J.* British Journalists' tour in the Adriatic & Bosnia. P. 35.
- ¹⁰³ *Laveleye E.L.V. de.* The Balkan Peninsula. P. 96.
- ¹⁰⁴ *Munro R.* Rambles and Studies in Bosnia-Herzegovina. P. 395.
- ¹⁰⁵ *Sanderson I.* Sundrie the personall Voyages performed by Iohn Sanderson of London, Merchant. P. 1620; *Withers R.* The Grand Signiors Serraglio. P. 1585; *Baudier M.* The History of the serrail, and of the Court of the Grand Seigneur, Emperour of the Turks. P. 44; *Hobhouse J.C.* A Journey through Albania and other Provinces of Turkey in Europe and Asia, to Constantinople, during the years 1809 and 1810. P. 999; *Fresne-Canaye P. de.* Le Voyage du Levant. P. 235; *Mundy P.* The Travels in Europe, 1608-1628. P. 37; *Omont M.H.* Voyages a Athenes, Constantinople et Jerusalem de Francois Arnaud. P. 7.
- ¹⁰⁶ *Barton E.E.* A description of a Voiage to Constantinople and Syria; *Walsh R.* A Residence at Constantinople. Vol. II. P. 296-97.
- ¹⁰⁷ *Crow S.* Subtily and Cruelty. P. 13; *Rycaut P.* The History of the Turkish Empire From the Year 1623 to the Year 1677. P. 75; *Brailesford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. P. 16.
- ¹⁰⁸ *Gislenius A.* Travels into Turkey. P. 137.
- ¹⁰⁹ *Haga C.* A Trve Declaration of the ariual of Cornelius Haga. P. 6; *Withers R.* The Grand Signiors in Sarraglio. P. 1585; *Baudier M.* The History of the serrail, and of the Court of the Grand Seigneur, Emperour of the Turks. P. 44; *Burbury J.* A Relation of a Journey of the Right Honourable My Lord Henry Howard. P. 156; *T. Smith* Remarks Upon the Manners, Religion and Government Of the Turks. P. 11; *Rycaut P.* The Present State of the Ottoman Empire. P. 84; *Veryard E.* An Account on divers Choice Remarks, as well Geographical, as Historical, Political, Mathematical, Physical, and Moral. P. 344; *Hill A.* A Full and Just Account of the Present State of the Ottoman Empire In all its Branches. P. 154; *Tournefort J.P.* A Voyage into the Levant. Vol. I. P. 397; *Rolamb N.* A relation of a Journey to Constantinople. P. 684; *Tollot.* Nouveau voyage fait au Levant, es années 1731 & 1732. P. 285; *Porter J.* Observations on the Religion, Law, Government and Manner of the Turks. P. 171; *Eton W.* A Survey of the Turkish Empire. P. 112; *Lar-pent G.* Turkey; Its History and Progress. Vol. I. P. 295.
- ¹¹⁰ *Habesci E.* The Present State of the Ottoman Empire. P. 344; *Eton W.* A Survey of the Turkish Empire. P. 111; *Hobhouse J.C.* A Journey through Albania and other Provinces of Turkey in Europe and Asia, to Constantinople, during the year 1809 and 1810. P. 996-997; *Turner W.* Journal of a Tour in the Levant. Vol. I. P. 56-57; *Walsh R.* A Residence at Constantinople. Vol. I. P. 358; *Marmont M.* The Present State of the Turkish Empire. P. 20; *Slade A.* Records of Travels in Turkey and Greece, etc. P. 165.
- ¹¹¹ *Baudier M.* Histoire generall dv Serrail, et de la Covr Du Grand Seigneur Em-pereur de Turcs. P. 39.
- ¹¹² См.: *Kukuljević I.* Putovanje po Bosni. S. 111.

- 113 *Du Mont J.* A New Voyage to the Levant. P. 262.
- 114 *Ibid.*
- 115 *Cm.: Leech H.H.* Letters of a Sentimental Idler. P. 30; *Schwarz B.* Montenegro. P. 92; *Laveleye E.L.V. de.* The Balkan Peninsula. P. 141; *Durham M.E.* Through the Lands of the Serb. P. 240; *Patrick M.M.* Under Five Sultans. P. 172.
- 116 *Cm.: Curzon R.J.* Visits to Monasteries in the Levant. P. 244; *Noyes J.O.* Roumania. P. 81; *Dunne L.* A Trip to Constantinople. P. 7; *Jaechel B.* The Lands of the Tamed Turk or the Balkan States Today. P. 155; *Kanitz F.* Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Bd. I. S. 322, 346; *Dwight H.G.* Constantinople, Old and New. P. 31; *Gordon W.* A Woman in the Balkans. P. 246.
- 117 *Cm.: Lloyd J.* British Journalists' tour in the Adriatic & Bosnia. P. 41.
- 118 *Evans A.J.* Through Bosnia and Herzegovina during the insurrection in 1875 on foot. P. 311–312.
- 119 *Walshe D.* With the Serbs in Macedonia. P. 201.
- 120 *Bercovici K.* The Incredible Balkans. P. 46.
- 121 *Mackenzie G.M., Irby A.P.* Travels in the Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. P. 179.
- 122 *Moore F.* The Balkan Trail. P. 58.
- 123 *Burgess R.* Greece and the Levant. Vol. II. P. 283.
- 124 *Elias N.* The History of Manners. P. 121–124.
- 125 *Hervé F.* A Residence in Greece and Turkey. Vol. II. P. 216–217. *Cm. также: About E.* Greece and the Greeks of the Present Day. P. 293.
- 126 *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 52–53; *Matthews C.* Experiences of a Woman Doctor in Serbia. P. 80.
- 127 *Baring M.* Letters from the Near East 1909 and 1912. P. 128.
- 128 *de Tournefort J.P.* A Voyage into the Levant. Vol. II. P. 79.
- 129 *Elias N.* The History of Manners. P. 126.
- 130 *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro: with a Journey to Mostar in Herzegovina. Vol. II. P. 130.
- 131 *Browne E.* A Brief Account of some Travels in Hungaria, Servia, Bulgaria, Macedonia, Thessaly, Austria, Styria, Carinthia, Carniola, and Friuli. P. 80.
- 132 *Boemus J.* The Fardle of facions containing the annicente maners, customes, and Lawes, of the peoples enhabiting the two partes of the earth, called Affrike and Asie; *Glover T.* The Journey of Edward Barton, Esq. P. 1295; *Burbury J.* A Relation of a Journey of the Right Honourable My Lord Henry Howard. P. 181; *Browne E.* A Brief Account of some Travels in Hungaria, Servia, Bulgaria, Macedonia, Thessaly, Austria, Styria, Carinthia, Carniola, and Friuli. P. 80; *Thevenot J. de.* The Travels of the Monsieur de Thevenot into the Levant. P. 47; *Hill A.* A Full and Just Account of the Present State of the Ottoman Empire In all its Branches. P. 122.
- 133 *Tournefort J.P. de.* A Voyage into the Levant. Vol. II. P. 49.
- 134 *Veryard E.* An Account on divers Choice Remarks, as well Geographical, as Historical, Political, Mathematical, Physical, and Moral. P. 343.
- 135 *Du Mont J.* A New Voyage to the Levant. P. 262.
- 136 *Russell A.* The Natural History of Aleppo. P. 173; *Keppel G.* Narrative of a Journey across the Balcan. Vol. II. P. 421; *Pardoe Mrs.* The City of the Sultan. Vol. I. P. 24; *White C.* Three Years in Constantinople. Vol. III. P. 91–92; *Elliot F.* Diary of an Idle Woman in Constantinople. P. 307–308; *Moore F.* The Balkan Trail. P. 175.
- 137 *Ramberti B.* Libri tre delle cose de Turchi. P. 28.
- 138 *Smith T.* Remarks Upon the Manners, Religion and Government of the Turks. P. 147–148.
- 139 *Veryard E.* An Account of divers Choice Remarks, as well Geographical, as Hisorical, Political, Mathematical, Physical, and Moral. P. 343.

- ¹⁴⁰ *Du Mont J.* A New Voyage to the Levant. P. 262.
- ¹⁴¹ *Tournefort J. P. de.* A Voyage into the Levant. Vol. I. P. 354.
- ¹⁴² *Comyn - Platt T.* The Turk in the Balkans. P. 104.
- ¹⁴³ *Lear E.* Journals of a Landscape Painter in Albania, etc. P. 144.
- ¹⁴⁴ *Chaumette A.* Voyage en Bosnie dans les années 1807 et 1808. P. 51-52.
- ¹⁴⁵ *CM.: Biddulph W.* The Travels of certaine Englishmen. P. 65; *Sandys G.* A relation of a journey begyn Anno Dom. 1610. P. 65; *Moryson F.* Itinerary. Vol. III. P. 119; *Baudier M.* Histoire generall dv Serrail, et de la Covr Du Grand Seigneur Empereur de Turcs. P. 33; *Glover T.* The Journey of Edward Barton, Esq. P. 1296; *Withers R.* The Grand Signiors Serraglio. P. 1584; *Des Hayes L.* Voiage de levant Fait par le Commandement dv Roy en lannée 1621. P. 63, 137; *Burbury J.* A Relation of a Journey of the Right Honourable My Lord Henry Howard. P. 121-123, 185-187; *Rycaut P.* The Present State of the Ottoman Empire. P. 84; *Thevenot J. de.* The Travels of the Monsieur de Thevenot into the Levant. P. 33; *Du Mont J.* A Voyage to the Levant. P. 262; *Veryard E.* An Account on divers Choice Remarks, as well Geographical, as Historical, Political, Mathematical, Physical, and Moral. P. 343; *Bruyn C.* A Voyage to the Levant. P. 93.
- ¹⁴⁶ *Bent J.T.* Early Voyages and Travels in the Levant. P. 261-262.
- ¹⁴⁷ *Smith T.* Remarks Upon the Manners, Religion and Government of the Turks. P. 187.
- ¹⁴⁸ *CM.: Hill A.* A Full and Just Account of the Present State of the Ottoman Empire In all its Branches. P. 118; *Bisani N.* A Picturesque Tour Through Part of Europe, Asia and Africa. P. 38; *Montague J.* A Voyage Performed by the Late Earl of Sandwich Round the Mediterranean in the Years 1738 and 1739. P. 165; *Morier J.* A Journey through Persia, Armenia, and Asia Minor, to Constantinople, in the Years 1808 and 1809. P. 366; *Macmichael W.* Journey from Moscow to Constantinople, in the years 1817, 1818. P. 143; *Turner W.* Journal of a Tour in the Levant. Vol. I. P. 45.
- ¹⁴⁹ *Hughes T.H.* Travels in Greece and Albania. Vol. II. P. 51.
- ¹⁵⁰ *Hunter W.* Travels in the Year 1792 through France, Turkey, and Hungary, to Vienna. P. 283.
- ¹⁵¹ *Walsh R.* Narrative of a Journey from Constantinople to England. P. 157-158.
- ¹⁵² *Abbott G.F.* Under the Turk in Constantinople. P. 142.
- ¹⁵³ *CM.: Thompson C.* The Travels Of the Late Charles Thompson, Esq. Vol. II. P. 146; *Walsh R.* Narrative of a Journey from Constantinople to England. P. 158; *Pardoe Mrs.* The City of the Sultan. Vol. I. P. 24; *Davy J.* Notes and Observations on the Ionian Islands and Malta. Vol. II. P. 418; *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. II. P. 118; *Willis N.P.* Summer Cruise in the Mediterranean. P. 240; *Knighton W.* European Turkey. P. 28; *Walker M.A.* Through Macedonia to the Albanian Lakes. P. 253; *Durham M.E.* High Albania. P. 142.
- ¹⁵⁴ *Madden R.R.* Travels in Turkey, Egypt, Nubia, and Palestine, in 1824, 1825, 1826 and 1827. Vol. I. P. 47-48.
- ¹⁵⁵ *Hamlin C.* Among the Turks. P. 175-176.
- ¹⁵⁶ *Pardoe Mrs.* The City of the Sultan. Vol. I. P. 71.
- ¹⁵⁷ *Tott F. de.* Memoirs of the Baron de Tott, on the Turks and the Tartars. Vol. I. P. 123.
- ¹⁵⁸ *CM.: Turner W.* Journal of a Tour in the Levant. Vol. I. P. 265; *Hughes T.S.* Travels in Greece and Albania. Vol. II. P. 48; *Alcock T.* Travels in Russia, Persia, Turkey, and Greece. P. 170; *Walsh R.* A Residence at Constantinople. Vol. II. P. 311; *Claridge R.T.* A Guide along the Danube. P. 133; *Marmont M.* The Present State of the Turkish Empire. P. 39; *Boué A.* La Turquie d'Europe. Vol. II. P. 399; *Spencer E.* Travels in European Turkey in 1850. Vol. I. P. 363; *Knighton W.* European Turkey. P. 37; *Hornby L.* Constantinople during the Crimean War. P. 251-252, 330-331; *More R.J.* Under the Balkans. P. 201, 204; *Hamlin C.* Among the Turks. P. 176.
- ¹⁵⁹ *Slade A.* Records of Travels in Turkey and Greece. P. 254.
- ¹⁶⁰ *Gautier T.* Constantinople. P. 116.

- 161 См.: *White C.* Three Years in Constantinople. Vol. III. P. 95; *Гильфердинг А.Ф.* Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. С. 52; *Elliot F.* Diary of an Idle Woman in Constantinople. P. 307.
- 162 *Гильфердинг А.Ф.* Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. С. 52.
- 163 Там же. С. 80–81.
- 164 *Barkley H.C.* Between the Danube and the Black Sea. P. 94.
- 165 *Senior N.W.* A Journal kept in Turkey. P. 228.
- 166 *Walsh R.* A Residence at Constantinople. Vol. II. P. 311; *Pardoe Mrs.* The City of the Sultan. Vol. I. P. 237; *Гильфердинг А.Ф.* Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. С. 24; *Pearson E.M., McLaughlin L.E.* Service in Serbia under the Red Cross. P. 96; *Poole S.L.* The People of Turkey. Vol. II. P. 34, 36; *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 254–255.
- 167 *Leech H.H.* Letters of a Sentimental Idler. P. 79–80.
- 168 *Slade A.* Records of Travels in Turkey and Greece. P. 164.
- 169 *Stuart-Glennie J.S.* Europe and Asia. P. 344.
- 170 *Wyon R.* The Balkans from Within. P. 36.
- 171 *Thornton P.* Dead Puppets Dance. P. 26.
- 172 *Buxton N.* Europe and the Turks. P. 10.
- 173 *Elias N.* The History of Manners. P. 99.
- 174 *Walker M.A.* Through Macedonia to the Albanian Lakes. P. 250.
- 1750 *Edmonds P.* The Land of the Eagle. P. 169; cp.: *Cardigan The Earl of.* Youth goes East. P. 81.
- 176 *Raleigh W.* The English voyages of the sixteenth century. P. 100.
- 177 *Buffon G.L. de.* How to Study Natural History. P. 161.
- 178 *Cronia A.* La conoscenza del mondo slavo en Italia. P. 305–306.
- 179 *Fortis A.* Viaggio in Dalmazia. Vol. II. P. 162.
- 180 Ibid. P. 31.
- 181 См.: *Buffon G.L. de.* Natural History. P. 325–326.
- 182 *Fortis A.* Viaggio in Dalmazia. Vol. II. P. 30–31.
- 183 *Fortis A.* Saggio d'osservazioni sopra l'isola di Cherso ed Osero. P. 109; Viaggio in Dalmazia. Vol. II. P. 12, 14, 68.
- 184 *Fortis A.* Viaggio in Dalmazia. Vol. I. P. 131.
- 185 Ibid. Vol. II. P. 10.
- 186 Ibid. P. 79.
- 187 Ibid. P. 30.
- 188 Ibid. P. 47.
- 189 Ibid. P. 2.
- 190 Ibid. P. 31.
- 191 Ibid. P. 31.
- 192 *Fortis A.* Saggio d'osservazioni sopra l'isola di Cherso ed Osero. P. 77–78.
- 193 Ibid. P. 102.
- 194 Ibid. P. 107.
- 195 *Johnson S.* The Philosophick Mirror. Vol. I. P. 93.
- 196 *Fortis A.* Viaggio in Dalmazia. Vol. I. P. 18, Vol. II. P. 119, 124; cp.: Saggio d'osservazioni sopra l'isola di Cherso ed Osero. P. 117.
- 197 *Fortis A.* Viaggio in Dalmazia. Vol. II. P. 117.
- 198 Ibid. Vol. I. P. 153, Vol. II. P. 59–60.
- 199 *Fortis A.* Saggio d'osservazioni sopra l'isola di Cherso ed Osero. P. 39–40.
- 200 *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. I. P. 41.
- 201 Ibid. Vol. I. P. 49.
- 202 *Fortis A.* Saggio d'osservazioni sopra l'isola di Cherso ed Osero. P. 113.

- 203 *Fortis A. Travels into Dalmatia*. P. 543.
- 204 *Fortis A. Viaggio in Dalmatia*. Vol. II. P. 159.
- 205 *Fortis A. Travels into Dalmatia*. P. 508.
- 206 *Fortis A. Saggio d'osservazioni sopra l'isola di Cherso ed Osero*. P. 135.
- 207 *Fortis A. Viaggio in Dalmazia*. Vol. I. P. 131.
- 208 *Ibid.* Vol. II. P. 179.
- 209 *Ibid.* Vol. I. P. 131–132; cp.: *Fortis A. Saggio d'osservazioni sopra l'isola di Cherso ed Osero*. P. 68.
- 210 *Fortis A. Viaggio in Dalmazia*. Vol. I. P. 31.
- 211 *Ibid.* P. 160.
- 212 *Ibid.* P. 161.
- 213 *Gozzi C. Memorie inutile*. Vol. I. P. 69–70; cp.: *Reinsberg-Düringsfeld I. Aus Dalmatien*. Bd. I. S. 1.
- 214 *R. H. R. Rambles in Istria, Dalmatia and Montenegro*. P. 105–106.
- 215 *Fortis A. Saggio d'osservazioni sopra l'isola di Cherso ed Osero*. P. 43–44.
- 216 *Fortis A. Viaggio in Dalmazia*. Vol. I. P. 134.
- 217 *Fortis A. Travels into Dalmatia*. P. 510.
- 218 *Fortis A. Viaggio in Dalmazia*. Vol. I. P. 15.
- 219 *Ibid.* P. 162.
- 220 *Cassas L.F. Travels in Istria and Dalmatia*. P. 74; см. также: *Beaujour F. de. Voyages militaire dans l'Empire Othoman*. Vol. I. P. 382.
- 221 *Wilkinson J.G. Dalmatia and Montenegro*. Vol. II. P. 6–7.
- 222 *Ibid.* Vol. I. P. 244–245.
- 223 *Ibid.* P. 245; cp.: *Wheler G. A Journey into Greece*. P. 25; *Fortis A. Viaggio in Dalmazia*. Vol. II. P. 167.
- 224 *Mirković M. Ekonomska historija Jugoslavije*. P. 63–64.
- 225 *Fortis A. Viaggio in Dalmazia*. Vol. I. P. 52.
- 226 *Cassas L.F. Travels in Istria and Dalmatia*. P. 8.
- 227 *Allason T. Picturesque views of the antiquities of Pola and Istria*. P. 56.
- 228 *Wilkinson J.G. Dalmatia and Montenegro*. Vol. II. P. 173.
- 229 *Durham M.E. High Albania*. P. 212.
- 230 *Fortis A. Travels into Dalmatia*. P. 235.
- 231 *Fortis A. Viaggio in Dalmazia*. Vol. I. P. 67–68; cp.: *Cassas L.F. Travels in Istria and Dalmatia*. P. 9.
- 232 *Ibid.* Vol. I. P. 59.
- 233 *Cronia A. La conoscenza del mondo slavo in Italia*. P. 307 sl., 331 sl.
- 234 *Fortis A. Viaggio in Dalmazia*. Vol. I. P. 81.
- 235 *Lovrich G. Osservazioni di Giovanni Lovrich sopra diversi pezzi del Viaggio in Dalmazia del signor abate Alberto Fortis coll' aggiunta della vita di Socivizza*. P. 69–70.
- 236 *Paton A.A. Highlands and Islands of the Adriatic*. Vol. II. P. 32.
- 237 Cp.: *Johnson S. The Prince of Abissinia*. P. 88; *Buffon G.L. de. Natural History*. Vol. IV. P. 18; *Jelliffe D.B., Jelliffe E.F.P. Human Milk in the Modern World*. P. 170.
- 238 *Lovrich G. Osservazioni di Giovanni Lovrich sopra diversi pezzi del Viaggio in Dalmazia del signor abate Alberto Fortis coll' aggiunta della vita di Socivizza*. P. 81–82.
- 239 *Fortis A. L'abate Fortis al Signor Giovanni Lovrich*.
- 240 *Ibid.* P. v.; *Sclamer P. Sermone parenetico di Pietro Sclamer Chersino al Signor Giovanni Lovrich*. P. 24.
- 241 *Fortis A. Viaggio in Dalmazia*. Vol. I. P. 56; Vol. II. P. 144; cp.: *Cassas L.F. Travels in Istria and Dalmazia*. P. 10.

- 242 *Buffon G.L. de. Natural History, Vol. IV. P. 193.*
- 243 *Fortis A. Viaggio in Dalmazia. Vol. I. P. 57.*
- 244 *Ibid. P. 191.*
- 245 *Paton A.A. Highlands and Islands of the Adriatic. Vol. II. P. 33.*
- 246 *Dapper O. Kaffraria or Land of the Kafris, otherwise named Hottentots. P. 45.*
- 247 *Cp.: Schapera I., Farrington B. The Early Cape Hottentots. P. 268.*
- 248 *Ogilby J. Africa. P. 590.*
- 249 *Fritsch G. Die Eingeborenen Süd-Afrika's. S. 25.*
- 250 *Lessing G.E. Laookon. P. 250.*
- 251 *Cm.: Montagu A. An introduction to Physical Anthropolgy. P. 432; Lang Teslow T. Reifying race. P. 75.*
- 252 *Hazard P. Evropska misel v XVIII. stoletju. S. 343; Gilman S.L. Difference and Pathology. S. 83.*
- 253 *Tachard G. A Relation of a Voyage to Siam. P. 67.*
- 254 *Kern S. Anatomy and Destiny. P. 97; Perry R. Colonizing the breast. P. 131.*
- 255 *Tyson E. Orang-Outan, sive Homo Sylvestis. P. 26.*
- 256 *Miles M. The Virgin's one bare breast. P. 204; Weideger P. History's Mistress. P. 60; cp.: Eton W. A Survey of the Turkish Empire. P. 346.*
- 257 *Tournefort J.P. de. A Voyage into the Levant. Vol. II. P. 70.*
- 258 *Shorter E. A History of Women's Bodies. P. 29.*
- 259 *Weideger P. History's Mistress. P. 59–60.*
- 260 *Wilkinson J.G. Dalmatia and Montenegro. Vol. I. P. 174.*
- 261 *Swift J. Travels into several Remote Nations of the World. Vol. IV. P. 9.*
- 262 *Rousseau J. A Discourse upon the Origin and Foundation of the Inequality among Mankind. P. 3.*
- 263 *Buffon G.L. de. Natural History. Vol. III. P. 284.*
- 264 *Swift J. Travels into several Remote Nations of the World. Vol. IV. P. 120.*
- 265 *Ibid. P. 124.*
- 266 *Buffon G.L. de. Natural History. P. 327.*
- 267 *Johnson S. The Philosophick Mirror. Vol. I. P. 73.*
- 268 *Ibid. P. 73–74.*
- 269 *Fortis A. Viaggio in Dalmazia. Vol. I. P. 61; cp.: Sandys G. A relation of a journey begyn Anno. Dom. 1610. P. 3; Wheler G. A Journey into Greece. P. 9.*
- 270 *Wilkinson J.G. Dalmatia and Montenegro. Vol. II. P. 363–364; Peričić S. Dalmacija uoči pada Mletačke Republike. S. 205.*
- 271 *Goldring D. Dream Cities. P. 157.*
- 272 *Knight E.F. Albania. P. 35; Evans A.J. Illyrian Letters. P. 61; Goldring D. Dream Cities. P. 166.*
- 273 *Barry J.P. At the Gates of the East. P. 222.*
- 274 *Monson W.I. Extracts from a Journal. P. 62.*
- 275 *Hichens R. The Near East. P. 5.*
- 276 *Baerlein H. The Birth of Yugoslavia. Vol. II. P. 329.*
- 277 *Biasutti R. Le razze e i popoli della terra. Vol. II. P. 80.*
- 278 *Ibid. P. 324–26.*
- 279 *Thornton P. Ikons and Oxen. P. 274–275.*
- 280 *Ibid.*
- 281 *Buffon G.L. de. The Natural History of Animals, Vegetables, Minerals, &c. Vol. I. P. 196.*
- 282 *Linnaeus C. Systema naturae. P. 29.*
- 283 *Neilson G. Caudatus Anglicus: A mediæval slander. P. 2.*

- 284 *Bale J.* The Actes of Englysh votaryes. P. 76.
- 285 *Polo M.* The Travels of Marco Polo, a Venetian in the Thirteen Century, Being a Description, By That Early Traveller, of Remarkable Places and Things, in the Eastern Parts of the World. P. 612.
- 286 *Suys J.* The Perillous and most Unhappy Voyages. P. 57; *Gemelli Careri G.F.* Giro del Mondo. Vol. II. P. 67.
- 287 *См.: Aldrovandi U.* Monstrorum historia. P. 12.
- 288 *См.: Marsden W.* The History of Sumatra. P. 35.
- 289 *См.: Castelnau F. de.* Renseignements sur l'Afrique Centrale et sur une nation d'hommes a queue qui s'y trouverait, d'après le rapport des négres du Soudan, esclaves a Bahia. P. 6; *Ducouret L.* Voyage au pais des Niams-Niams ou les homes a queue. P. 35; *d'Escayrac de Lauture.* Mémoire sur le Soudan. P. 51; *Cuny L. Ch.* Observations générales sur le Mémoire sur le Soudan de M. le comte d'Escayrac de Lauture. P. 6; *Garbiglietti P.* I Pigmei della favola di Omero gli Akkà dell'Africa equatoriale. P. 15.
- 290 *Ducouret L.* Voyage au pais des Niams-Niams ou les homes a queue. P. 30.
- 291 *Schweinfurth G.* The Heart of Africa. Vol. II. P. 2.
- 292 *Ducouret L.* Voyage au pais des Niams-Niams ou les homes a queue. P. 20.
- 293 *Verne J.* Cinq semaines en ballon. Voyage de découvertes en Afrique. P. 151.
- 294 *Gleisberg P.* Kritische Darlegung der Urgeschichte des Menschen nach Carl Vogt. S. 33.
- 295 *См.: Schweinfurth G.* The Heart of Africa. Vol. II. P. 2; *Chaillé Long C.* Central Africa: naked truth of naked people. P. 267.
- 296 *Chaillé Long C.* Central Africa: naked truth of naked people. P. 267.
- 297 *Цит. по: Neilson G.* Caudatus Anglicus: A mediæval slander. P. 35–36.
- 298 *Zimmerman A.* Anthropology and Anthumanism in Imperial Germany. P. 79.
- 299 *Neilson G.* Caudatus Anglicus: A mediæval slander. P. 2.
- 300 *Johnson H.H.* Reminiscences of the Near East (1891–1913). P. 220.
- 301 *Ibid.* P. 221.
- 302 *Georgevitch V.* Die Albanesen und die Großmächte. S. 4.
- 303 *Siebertz P.* Albanien und die Albanesen. S. 186.
- 304 *Jastrebov I.* Stara Srbija i Albanija. S. 226.
- 305 *Brown H.A.* A Winter in Albania. P. 235, 241.
- 306 *Ibid.* P. 175.
- 307 *Ibid.* P. 198.
- 308 *Jezernik B.* Non cogito ergo sum. S. 93.
- 309 *Gay P.* The Cultivation of Hatred. P. 82.
- 310 *Dordević V.* Kuda si se uputila, Austrijo? S. 6.
- 311 *Ibid.* S. 8.
- 312 *Salisbury P.H.B.* Two Months with the Tcherniaieff in Servia. P. 83.
- 313 *См.: Gambier J.W.* Servia. P. 90; *Marcotti G.* Il Montenegro e le sue donne. P. 21; *Bérard V.* La Macédoine. P. 36; *Edwards H.S.* Sir William White. P. 83, 92; *Woods H.C.* War and Diplomacy in the Balkans. P. 42; *Valoušek F.* Vzpomínky na Bosnu. S. 122, 133, 138.
- 314 *Dako C.A.* Albania. P. 165; *Dragnich A.N., Todorovich S.* The Saga of Kosovo. P. 109.
- 315 *Peacock W.* Albania, the founding state of Europe. P. 176; *Dako C. A.* Albania. P. 57.
- 316 *Baring M.* Letters from the Near East 1909 and 1912. P. 136.
- 317 *Lane R.W.* The Peaks of Shala. P. 14–15.
- 318 *Laffan R.G.D.* The Guardians of the Gate. P. 139–140.
- 319 *Dako C.A.* Albania. P. 129.
- 320 *Novaković S.* Balkanska pitanja i manje istorijsko-političke beleške o Balkanskom poluostrvu 1886–1905. S. 311; *Tomić J.* Rat na Kosovu i Staroj Srbiji 1912.

- godine. S. 37; *Laffan R.G.D.* The Guardians of the Gate. P. 52, 138; *Peacock W.* Albania, the founding state of Europe. P. 202; *Macdonald J.* Turkey and the Eastern Question. P. 88; *Woods H.C.* The Danger Zone of Europe. P. 43; War and Diplomacy in the Balkans. P. 14; *Bouchié de Belle E.* La Macédoine et les Macédoïens. P. 243; *Alastos D.* The Balkans and Europe. P. 25; *Helmreich E.C.* The Diplomacy of the Balkan Wars 1912–1913. P. 425.
- ³²¹ *Laffan R.G.D.* The Guardians at the Gate. P. 129.
- ³²² См.: *Peacock W.* Albania, the founding state of Europe. P. 202; *Macdonald J.* Turkey and the Eastern Question. P. 88; *Woods H.C.* The Danger Zone of Europe. P. 43; War and Diplomacy in the Balkans. P. 14; *Laffan R.G.D.* The Guardians of the Gate. P. 138; *Bouchié de Belle E.* La Macédoine et les Macédoïens. P. 243; *Alastos D.* The Balkans and Europe. P. 25; *Helmreich E.C.* The Diplomacy of the Balkan Wars 1912–1913. P. 425.
- ³²³ *Pouqueville F.C.* Travels in the Morea, Albania, and other parts of the Ottoman Empire. P. 114.
- ³²⁴ *Гильбердинг А.Ф.* Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. С. 230, 313.
- ³²⁵ *Denton W.* Servia and the Servians. P. 90, 148, 197, 211.
- ³²⁶ *Jastrebov I.* Stara Srbija i Albanija. S.27.
- ³²⁷ *Кондаков Н.П.* Македония. С. 131, 178.
- ³²⁸ *Kanitz F.* Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Bd. II. S. 296, 358.
- ³²⁹ *Mackenzie G.M., Irby A.P.* Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. I. P. 195–196; *Durham M.E.* Through the Lands of the Serb. P. 219; The Burden of the Balkans. P. 122; The Struggle for Scutari. P. 91; *Askew A., Askew C.* The Sicken Land. P. 64.
- ³³⁰ *Mackenzie G.M., Irby A.P.* Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. I. P. 195–196.
- ³³¹ *Burton R.* Love, War and Fancy. P. 122.
- ³³² *Orbini M.* Il regno de gli slavi. P. 271, 326, 357, 440.
- ³³³ *Marković V.* Pravoslavno monaštvo i monastiri u srednjevekovnoj Srbiji. S. 36.
- ³³⁴ *Glück L.* Albanien und Macedonien. S. 47.
- ³³⁵ Carnegie Endowment, Report of the International Commission to inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars (1914). P. 105.
- ³³⁶ *Durham M.E.* High Albania. P. 297.
- ³³⁷ *Meslin M.* Eye. P. 236.
- ³³⁸ *Orbini M.* Il regno de gli slavi. P. 450.
- ³³⁹ *Ibid.* P. 319–320.
- ³⁴⁰ *Mackenzie G.M., Irby A.P.* Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. II. P. 32–33; *Jastrebov I.* Stara Srbija i Albanija. S.16; *Kanitz F.* Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Vol. I. S. 12.
- ³⁴¹ *Kanitz F.* Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Vol. II. S. 358.
- ³⁴² *Ibid.* S. 361.
- ³⁴³ *Hegel G.W.F.* The Phenomenology of the Mind. Vol. II. P. 762–763.
- ³⁴⁴ *Curzon R.J.* Visits to Monasteries in the Levant. P. 364.
- ³⁴⁵ *Kinglake A.W.* Eöthen. P. 1.
- ³⁴⁶ *Du Mont J.* A New Voyage to the Levant. P. 161; *Sutherland C.* A Tour up the Saits, from Gibraltar to Constantinople. P. 190; *Eton W.* A Survey of the Turkish Empire. P. 213–214; *Burton N.* Narrative of a Voyage from Liverpool to Alexandria. P. 281; *Kinglake A.W.* Eöthen. P. 35; *Spencer E.* Travels in European Turkey in 1850. Vol. I. P. 5.
- ³⁴⁷ *Chirol M.V.* Twixt Greek and Turk. P. 13.
- ³⁴⁸ *Brown H.A.* A Winter in Albania. P. 101.

- 349 Гильфердинг А.Ф. Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. С. 91.
- 350 Laveleye E.L.V. de. The Balkan Peninsula. P. 143–144.
- 351 Chishull E. Travels in Turkey and back to England. P. 4; Гильфердинг А.Ф. Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. С. 460.
- 352 Wheler G. A Journey into Greece. P. 195; Boscovich R.G. Giornale di un Viaggio da Constantinopoli in Polonia. P. 31.
- 353 Амфиотампов А.В. Страна раздора. С. 77.
- 354 Spencer E. Travels in European Turkey in 1851. Vol. I. P. 232–233.
- 355 Öztürk O. Folk Treatment of the Mental Illness in Turkey. P. 350.
- 356 Kanitz F. Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Vol. II. P. 358.
- 357 Mackenzie G.M., Irby A.P. Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. II. P. 122.
- 358 Ramberti B. Libri tre delle cose de Turchi. P. 6.
- 359 Гильфердинг А.Ф. Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. С. 314.
- 360 См.: Mandrou R. Possession et sorcellerie au XVIIe siecle.
- 361 Çelebi E. Narrative of Travels in Europe, Asia, and Africa in the Seventeenth Century. P. 117.
- 362 Ćurčić V. Zanimljivi pabirci iz narodne medicine.
- 363 Filipović-Fabijanić R. «Domaći liekar» iz 1868. godine sa Širokog Brijega. P. 148.
- 364 Šimčik A. Jesu li samo Turci kopali oči hrišćanskim ikonama; Ćurčić V. Zanimljivi pabirci iz narodne medicine.
- 365 Filipović-Fabijanić R. O narodnoj medicini stanovništva Lištice s okolinom. S. 324; Knežević S. Kulturna mesta i manastiri u tradicionalnoj zdravstvenoj kulturi Srba, Makedonaca i Arbanasa. S. 250.
- 366 Kajmaković Z. Zidno slikarstvo u Bosni i Hercegovini. S. 153.
- 367 Kolberg O. Dzieła wszystkie. S. 473.
- 368 Mrkun A. Ljudska medicina v dobrépoljski dolini. P. 9–10.
- 369 Кондаков Н.П. Македония. С. 131.
- 370 Mackenzie G.M., Irby A.P. Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. II. P. 73.
- 371 Guilletiere de la. Athenes ancienne et nouvelle. P. 192–193; cp.: Wheler G. A Journey into Greece. P. 364; Thompson Ch. The Travels Of the Late Charles Thompson, Esq. Vol. I. P. 323–324.
- 372 Kanitz F. Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Vol. II. P. 190.
- 373 Гильфердинг А.Ф. Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. С. 220.
- 374 Durham M.E. High Albania. P. 160; Steinmetz K. Od Adrije do Crnoga Drima. S. 59.
- 375 Pears E. Turkey and its People. P. 79.
- 376 Randolph B. The Present State of the Morea. P. 16.
- 377 Brailsford H.N. Macedonia: Its Races and Their Future. P. 18.
- 378 Trotsky L. The Balkan Wars 1912–1913. P. 127.
- 379 Ellison G. Yugoslavia. A New Country and Its People. P. 84.
- 380 См.: Durham M.E. Through the Lands of the Serb. P. 119, 237–238; cp.: Hamlin C. Among the Turks. P. 270–271.
- 381 Vivian H. Servia, the Poor Man's Paradise. P. 74.
- 382 Bartlett E. A. The Battlefields of Thessaly. P. 211–212.
- 383 Šimčik A. Jesu li samo Turci kopali oči hrišćanskim ikonama?. P. 193.
- 384 Paton A.A. Highlands and Island of the Adriatic. Vol. I. P. 82.
- 385 Marcotti G. Il Montenegro e le sue donne. P. 2; Gordon W. A Woman in the Balkans. P. 256.

- 386 Ковалевский Е.П. Четыре месяца в Черногории. С.124.
- 387 Forsyth W. The Slavonic Provinces South of the Danube. P. 126-127.
- 388 Trevor R. My Balkan Tour. P. 239.
- 389 Броневский В.Б. Записки морского офицера. Т. I. С. 192.
- 390 Sommières L.C.V. de. Travels in Montenegro. P. 55.
- 391 R. H. R. Rambles in Istria, Dalmatia and Montenegro. P. 248.
- 392 Rasch G. Die Türken in Europa. S. 227.
- 393 Reinsberg-Düringsfeld I. von. Aus Dalmatien. Bd. I. S. 302; Rasch G. Die Türken in Europa. S. 234.
- 394 R. H. R. Rambles in Istria, Dalmatia and Montenegro. P. 206.
- 395 Urquhart D. The Spirit of the East. Vol. I. P. 157.
- 396 Mackenzie G.M., Irby A.P. Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. II. P. 263.
- 397 Creagh J. Over the Borders of Christendom and Eslamiah. Vol. II. P. 275; Morgan W.Y. The New East. P. 207; Durham M.E. Twenty Years of Balkan Tangle. P. 160; Landau R. Search for Tomorrow. P. 298.
- 398 Sommières L.C.V. de. Travels in Montenegro. P. 12.
- 399 Layard A.H. Autobiography and Letters. Vol. I. P. 135.
- 400 Miller W. The Balkans. P. 354-355.
- 401 См.: Hertzberg G. Montenegro und sein Freiheitskampf. S. 11; Prel C. Unter Tannen und Pinnien. S. 300; Forsyth W. The Slavonic Provinces South of the Danube. P. 103; Holeček J. Cerna Hora. P. 26; Braun-Wiesbaden K. Reise-Eindrücke aus dem Südosten. Vol. I. S. 167; Yriarte C. Les bords de l'Adriatique et le Montenegro. P. 389; Chiudina G. Storia del Montenegro (Crnagora) da' tempi antichi fino a' nostril. P. 175-176; Frischauf J. Gebirgsführer durch die Österreichischen Alpen und die Theile Bayern, Italien und Montenegro. S. 265; Swarz B. Montenegro. P. 435; Minchin J.G.C. The Growth of Freedom in the Balkan Peninsula. P. 7; Kennedy R.J. Montenegro and Its Borderland. P. 13-14; Baedeker K. Austria, including Hungary, Transsylvania, Dalmatia, and Bosnia. P. 307; Cappelletti L. Il Montenegro e i suoi principi. P. 6; Erba F.D. Il Montenegro. P. 7; Mantegazza V. Al Montenegro. P. 1; Baldacci A. Crnagora. P. 15; Miller W. The Balkans. P. 354; Rossi A. Un'Escursione nel Montenegro. P. 37; Lavtizar J. Pri Jugoslovanih. S. 228; Holbach M.M. Dalmatia. The Land where East meets West. P. 185; Trevor R. My Balkan Tour. P. 248; Baker B.G. The Passing of the Turkish Empire in Europe. P. 281, 287; Macdonald J. Turkey and the Eastern Question. P. 26; Gordon W. A Woman in the Balkans. P. 257-258, 266; Laffan R.G.D. The Guardians of the Gate. P. 25; Edmonds P. The Land of the Eagle. P. 43; Lyall A. The Balkan Road. P. 144; Radovich E. Land of Destiny. P. 10.
- 402 Miller W. Travels and Politics in the Near East. P. 47.
- 403 Durham M.E. Twenty Years of Balkan Tangle. P. 16.
- 404 Stillman W.J. Herzegovina and the late Uprising. P. 9.
- 405 Sandwith H. Notes on the South Slavonic countries in Austria and Turkey in Europe. P. 46.
- 406 См.: Karadžić V. Montenegro und die Montenegriner. P. 5; Wilkinson J.G. Dalmatia and Montenegro. Vol. I. P. 412; Kohl J.G. Reisen nach Istrien, Dalmatien und Montenegro. Bd. I. S. 374; Delarue H. La Monténégro. P. 18; Lenormant F. Turks et Monténégrins. P. iii; Tozer H.F. Researches in the Highlands of Turkey. Vol. I. P. 245; Frilley G., Wlahovitz J. Le Monténégro contemporain. P. 88; Meylan A. A travers l'Herzégovine. P. 60; Knight E.F. Albania. P. 65; Vaka D. The Eagle and the Sparrow. P. 83-84; Gordon W. A Woman in the Balkans. P. 256.
- 407 Bashmakoff A. Through the Montenegro in the Land of the Geugeus, North Albania. P. 3.
- 408 Radovich E. Land of Destiny. P. 9.
- 409 Ibid.
- 410 Ibid.

- 411 *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 240.
- 412 *Durham M.E.* Through the Lands of the Serb. P. 6.
- 413 *R. H. R.* Rambles in Istria, Dalmatia and Montenegro. P. 228–229.
- 414 *Shotwell J.T.* A Balkan Mission. P. 46.
- 415 *Holeček J.* Černá Hora. P. 25.
- 416 См.: *Sommières L.C.V. de.* Travels in Montenegro. P. 53; см. также: *Karadžić V.* Montenegro und die Montenegriner. S. 113; *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. I. P. 433; *Lenormant F.* Turcs et Monténégrins. P. xvii; *Rasch G.* Die Türken in Europa. P. 239; *Holeček J.* Černa Hora. S. 63; *Wyon R.* The Balkans from Within. P. 373.
- 417 *Durham M.E.* Through the Lands of the Serb. P. 273.
- 418 *Škarić V.* Trebinje u 18. vijeku. P. 64; cp.: *Wendel H.* Von Belgrad bis Buccari. S. 112.
- 419 *Medaković V.M.G.* Život i običai Crnogoraca. S. 24.
- 420 *Dordević V.* Evropa i Crna Gora. S. 1.
- 421 См.: *Karadžić V.* Montenegro und die Montenegriner. S. 18; *Stieglitz H.* Ein Besuch auf Montenegro. S. 50–51; *Delarue H.* Le Monténégro. P. 47; *Creagh J.* Over the Borders of Christendom and Esclamaiah. Vol. II. P. 283; *Forsyth W.* The Slavonic Provinces South of the Danube. P. 107; *Gopčević S.* Montenegro und die Montenegriner. S. 9; Geschichte von Montenegro und Albanien. S. 168; *Milaković D.* Storia del Montenero. P. 86; *Evans A.J.* Illyrian Letters. P. 195; *Braun-Wiesbaden K.* Reise-Eindrücke aus dem Südosten. Vol. I. S. 180–81; *Stuart-Glennie J.S.* Europe and Asia. P. 133; *Chiudina G.* Storia del Montenero (Crnagora) da' tempi antichi fino a' nostril. P. 66, 101; *Schwarz B.* Montenegro. P. 436; *Frischauf J.* Gebirgsführer durch die Österreichischen Alpen und die Theile Bayern, Italien und Montenegro. P. 265; *Cappelletti L.* Il Montenegro e i suoi principi. P. 8; *Mantegazza V.* Al Montenegro. P. 89; *Marcotti G.* Il Montenegro e le sue donne. P. 172; *Baldacci A.* Crnagora. P. 17–18; *Lavtizar J.* Pri Jugoslovanih. S. 195, 234; *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 344; *Durham M.E.* Twenty Years of Balkan Tangle. P. 18.
- 422 *Durham M.E.* Twenty Years of Balkan Tangle. P. 18.
- 423 *Durham M.E.* The Struggle for Scutari. P. 253.
- 424 *Paton A.A.* Highlands and Islands of the Adriatic. Vol. I. P. 88.
- 425 *Mackenzie G.M., Irby A.P.* Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. II. P. 277.
- 426 *Eliot C.N.E.* Turkey in Europe. P. 14.
- 427 *Holeček J.* Černa Hora. P. 31.
- 428 *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. I. P. 420–421; *Tozer H.F.* Researches in the Highlands of Turkey. Vol. I. P. 270; *Frilley G., Wlahovitch J.* Le Monténégro contemporain. P. 434; *Kutschbach A.* In Montenegro und im Insurgentenlager der Herzegowizen. S. 31; *Frischauf J.* Gebirgsführer durch die Österreichischen Alpen und die Theile Bayern, Italien und Montenegro. S. 266; *Minchin J.G.C.* The Growth of Freedom in the Balkan Peninsula. P. 16; *Franić D.* S. giacima kroz Bosnu-Hercegovinu, Crnu Goru, Dalmaciju, Jadransko more, Istru (Trst, Mletke, Rijeku) i Hrvatsku. P. 208; *Le Queux W.* An Observer in the Near East. P. 23; *Henderson P.* A British Officer in the Balkans. P. 48; *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 281–282; *Spens A.B.* Half Hours in the Levant. P. 11; *Bashmakoff A.* Through the Montenegro in the Land of the Geugeus, North Albania. P. 5–6; *Peterlin-Petruska R.* Ahasverjeva kronika. S. 32.
- 429 *Karadžić V.* Montenegro und die Montenegriner. S. 95; *Gopčević S.* Montenegro und die Montenegriner. S. 75; *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 255.
- 430 *Karadžić V.* Montenegro und die Montenegriner. S. 95; *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. I. P. 423; *Sangford E.A.* The Eastern Shores of the Adriatic in 1863 with a Visit to Montenegro. P. 157; *Tozer H.F.* Researches in the Highlands of Turkey. Vol. I. P. 241; *Rasch G.* Die Türken in Europa. P. 212; *Stuart - Glennie J.S.* Europe and Asia. P. 124; *Steinmetz K.* Eine Reise durch die Hochländergaue Oberalbanien. S. 26; *Edmonds P.* The Land of the Eagle. P. 52–53.

- 431 Yriarte C. Les bords de l'Adriatique et le Montenegro. P. 106; Erba F.D. II Montenegro. P. 30.
- 432 См.: Valoušek F. Vzpominky na Bosnu. S. 85.
- 433 Tozer H.F. Researches in the Highlands of Turkey. Vol. I. P. 207.
- 434 Kutschbach A. In Montenegro und im Insurgentenlager der Herzegowizen. S. 31.
- 435 Stuart - Glennie J.S. Europe and Asia. P. 162-163.
- 436 См.: Karadžić V. Montenegro und die Montenegriner. S. 49; Wilkinson J.G. Dalmatia and Montenegro. Vol. I. P. 424; Hertzberg G. Montenegro und sein Freiheitskampf. P. 19; Frilley G., Wlahovitj J. Le Monténégro contemporain. P. 147, 155; Franić D. S. gijacima kroz Bosnu-Hercegovinu, Crnu Goru, Dalmaciju, Jadransko more, Istru (Trst, Mletke, Rijeku) i Hrvatsku. P. 209.
- 437 Wilkinson J.G. Dalmatia and Montenegro. Vol. I. P. 420.
- 438 Ibid.
- 439 Minchin J.G.C. The Growth of Freedom in the Balkan Peninsula. P. 15.
- 440 Trevor R. My Balkan Tour. P. 240.
- 441 Ковалевский Е.П. Четыре месяца в Черногории. С. 60.
- 442 Ср., например: Mantegazza V. Macedonia. P. 59.
- 443 Амфитеатров А.В. Страна раздора. С. 154.
- 444 Там же. С. 106.
- 445 Sommières L.C.V. de. Travels in Montenegro. P. 26; Trevor R. My Balkan Tour. P. 254.
- 446 Gopčević S. Montenegro und die Montenegriner. S. 76.
- 447 Sommières L.C.V. de. Travels in Montenegro. P. 44; Karadžić V. Montenegro und die Montenegriner. P. 95; Urquhart D. The Spirit of the East. Vol. I. P. 363; Wilkinson J.G. Dalmatia and Montenegro. Vol. I. P. 422; Frilley G., Wlahovitj J. Le Monténégro contemporain. P. 153; Gopčević S. Montenegro und die Montenegriner. S. 76; Mackenzie G.M., Irby A.P. Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. II. P. 269; Jastrebov I. Stara Srbija i Albanija. S. 190.
- 448 Holeček J. Černa Hora. S. 32.
- 449 Karadžić V. Montenegro und die Montenegriner. S. 90; Ковалевский Е.П. Четыре месяца в Черногории. С. 34.
- 450 Burton R. Love, War and Fancy. P. 148-149.
- 451 Karadžić V. Montenegro und die Montenegriner. S. 100; Hahn J.G. von. Albanische Studien. Vol. I. S. 150; Nenadović L.P. O Crnogorcima. S. 85; Gjurgjević M. Memoari sa Balkana 1858-1878. S. 134-135.
- 452 Hahn J.G. von. Albanische Studien. Bd. I. S. 150.
- 453 Jastrebov I. Stara Srbija i Albanija. S. 168.
- 454 См.: Бронеский В.Б. Записки морского офицера. С. 189; Wilkinson J.G. Dalmatia and Montenegro. Vol. I. P. 421; Medaković V.M.G. Život i običaji Crnogoraca. S. 21, 69; Frilley G., Wlahovitj J. Le Monténégro contemporain. P. 15; Holeček J. Černa Hora. S. 32; Gopčević S. Montenegro und die Montenegriner. S. 75; Mackenzie G.M., Irby A.P. Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. II. P. 269; Knight E.F. Albania. P. 83.
- 455 Dodwell E. A Classical and Topographical Tour through Greece. Vol. I. P. 169.
- 456 Medaković V.M.G. Život i običaji Crnogoraca. S. 127-28; Mackenzie G.M., Irby A.P. Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. II. P. 268.
- 457 Medaković V.M.G. Život i običaji Crnogoraca. S. 132.
- 458 Knight E.F. Albania. P. 76.
- 459 Gjurgjević M. Memoari sa Balkana. S. 125-26.
- 460 Jelić M. Albanija. S. 24.
- 461 Pouqueville F.C. Travels in the Morea, Albania, and other parts of the Ottoman Empire. P. 452.
- 462 Durham M.E. Twenty Years of Balkan Tangle. P. 17.

- 463 *Eliot C.N.E.* Turkey in Europe. P. 383.
- 464 *Ibid.* P. 390.
- 465 *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. I. P. 3-4.
- 466 *Carr W.* Montenegro. P. 51.
- 467 *Sommières L.C.V. de.* Travels in Montenegro. P. 61.
- 468 *Nenadović L.P.* O Crnogorcima. S. 26.
- 469 *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. I. P. 472; *Sangford E.A.* The Eastern Shores of the Adriatic in 1863 with a Visit to Montenegro. P. 143; *Nenadović L.P.* O Crnogorcima. S. 163.
- 470 *Temple G.T.* Travels in Greece and Turkey. Vol. II. P. 23.
- 471 *Karadžić V.* Montenegro und die Montenegriner. P. 19.
- 472 *Carr W.* Montenegro. P. 52.
- 473 *Амфитеампос А.В.* В моих скитаниях. С. 103; *Gordon W.* A Woman in the Balkans. P. 269; *Durham M.E.* Twenty Years of Balkan Tangle. P. 32.
- 474 *Gordon W.* A Woman in the Balkans. P. 272; *Nenadović L.P.* O Crnogorcima. S. 163.
- 475 *Newman B.* Balkan Background. P. 179.
- 476 *Burr M.* Slouch Hat. P. 50; *Newman B.* Balkan Background. P. 155.
- 477 *Gladstone W.E.* Montenegro. P. 119.
- 478 *Miller W.* Travels and Politics in the Near East. P. 41-42.
- 479 *Achleitner A.* Reisen im slavischen Süden. S. 150-51; *Dragnich A.N., Todorovich S.* The Saga of Kosovo. P. 109.
- 480 *Gordon W.* A Woman in the Balkans. P. 277.
- 481 *Burr M.* Slouch Hat. P. 43.
- 482 *Mackenzie G.M., Irby A.P.* Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. II. P. 262.
- 483 *Hill A.* A Full and Just Account of the Present State of the Ottoman Empire in all its Branches. P. 134.
- 484 *Hassert K.* Reise durch Montenegro nebst Bemerkungen über Land und Leute. S. 7; *Mantegazza V.* Al Montenegro. P. 217.
- 485 *Medaković V.M.G.* Život i običaji Crnogoraca. S. 125-126; *Rasch G.* Die Türken in Europa. P. 233; *Knight E.F.* Albania. P. 80; *Scharz B.* Montenegro. P. 78; *Hassert K.* Reise durch Montenegro nebst Bemerkungen über Land und Leute. S. 6-7; *Hulme-Beaman A.G.* Twenty Years in the Near East. P. 159; *Miller W.* The Balkans. P. 436; *Wyon R., Prance G.* The Land of the Black Mountain. P. 49-50; *Wyon R.* The Balkans from Within. P. 309.
- 486 *См.: Lenormant F.* Turcs et Monténégrins. P. lxxvii; *Tozer H.F.* Researches in the Highlands of Turkey. Vol. I. P. 260; *Meylan A.* A travers l'Hercegovine. P. 47; *Mackenzie G.M., Irby A.P.* Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. II. P. 264; *Mantegazza V.* Al Montenegro. P. 217; *Hulme-Beaman A.G.* Twenty Years in the Near East. P. 159; *Passarge L.* Dalmatien und Montenegro. S. 330.
- 487 *См.: Passarge L.* Dalmatien und Montenegro. S. 335; *Wyon R.* The Balkans from Within. P. 311.
- 488 *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. I. P. 468; *Mackenzie G.M., Irby A.P.* Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. II. P. 264; *Mantegazza V.* Al Montenegro. P. 220; *Passarge L.* Dalmatien und Montenegro. S. 335; *Woods H.C.* Washed by Four Seas. P. 110; *Burr M.* Slouch Hat. P. 59.
- 489 *Mackenzie G.M., Irby A.P.* Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. II. P. 117; *More R.J.* Under the Balkans. P. 198, 250, 256; *Evans A.J.* Illyrian Letters. P. 237; *Poole S.L.* The People of Turkey. Vol. I. P. 46; *Minchin J.G.C.* The Growth of Freedom in the Balkan Peninsula. P. 144; *Curtis W.E.* The Turk and His Lost Provinces. P. 342; *Andrejka J.* Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878. S. 298; *Durham M.E.* The Burden of the Balkans. P. 146; *Bruce R., Bruce K.* Letters from Turkey. P. 56; *Gjurgjević M.* Memoari sa Balkana. S. 14, 69; *Townshend A.F.* A Military Consul in Turkey. P. 106; *Forder A.* In Brigand's Hands and Turkish Prisons. P. 38.

- 490 *Hertzberg G.* Montenegro und sein Freiheitskampf. S. 19.
- 491 *Durham M.E.* Twenty Years of Balkan Tangle. P. 26.
- 492 *Layard A.H.* Autobiography and Letters. Vol. I. P. 128.
- 493 *Ibid.* P. 132.
- 494 *Maczak A.* Travel in Early Modern Europe. P. 223.
- 495 *Durham M.E.* The Burden of the Balkans. P. 285; *Bailey B.* Hangmen of England. P. 50. Утверждение современного британского автора (см. *Mazower M.* The Balkans. London: Phoenix Press, 2001. S. 131), что головы заговорщиков с Като Стрит были выставлены на публичное обозрение в 1820 г., не основано на исторических фактах, речь тут идет о классической ошибке сторонников фрейдизма, ведь он «забыл» привести свой источник, поскольку его не было, и эта ложь стала его вкладом в изучение области и ее жителей.
- 496 *Hibbert C.* The Roots of Evil. P. 43.
- 497 *Броневский В.Б.* Записки морского офицера. Т. I. С. 267–268.
- 498 *Sommières L.C.V. de.* Travels in Montenegro. P. 24.
- 499 *Ibid.* P. 35.
- 500 *Dodwell E.* A Classical and Topographical Tour through Greece Vol. I. P. 19; *Biasoletto B.* Relazione del viaggio fatto nella primavera dell'anno 1838 dalla maesta del re Federico Augusto di Sassonia nell'Istria, Dalmazia e Montenegro. P. 95–96; *Slade A.* Records of travels in Turkey and Greece, etc. P. 134; *Forsyth W.* The Slavonic Provinces South of the Danube. P. 108–109; *Milaković D.* Storia del Montenero. P. 161; *Chiudina G.* Storia del Montenero (Crnagora) da' tempi antichi fino a' nostril. P. 31, 75.
- 501 *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. I. P. 511–512.
- 502 См.: *Karadžić V.* Montenegro und die Montenegriner. S. 29, 35, 53; *Hertzberg G.* Montenegro und sein Freiheitskampf. S. 19; *Krasinski V.* Montenegro, and the Slavonians of Turkey. P. 50; *Pelerin C.* Excursion artistique en Dalmatie et au Montenegro. P. 27; *Neale J.M.* Notes, Ecclesiological and Picturesque, on Dalmatia, Croatia, Italia, Styria, with a Visit to Montenegro. P. 186; *Prel C. du.* Unter Tannen und Pinnien. S. 303; *Frilley G., Wlahovij J.* Le Montenegro contemporain. P. 437, 450; *Andrejka J.* Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878. S. 344; *Durham M.E.* Some Tribal Origins, Laws and Customs of the Balkans. P. 172; *Nenadović L.P.* O Crnogorcima. S. 41.
- 503 *Durham M.E.* Some Tribal Origins, Laws and Customs of the Balkans. P. 172–173.
- 504 *Ibid.* P. 175–176.
- 505 *Dodwell E.* A Classical and Topographical Tour through Greece. Vol. I. P. 20; *Sommières L.C.V. de.* Travels in Montenegro. P. 24; *Karadžić V.* Montenegro und die Montenegriner. P. 53; *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. I. P. 431, 562; *Kohl J.G.* Reisen nach Istrien, Dalmatien und Montenegro. Bd. I. S. 271, 295, 336; *Hertzberg G.* Montenegro und sein Freiheitskampf. S. 19; *Pelerin C.* Excursion artistique en Dalmatie et au Montenegro. P. 27; *Lenormant F.* Turcs et Monténégrins. P. xiv; *Tozer H.F.* Researches in the Highlands of Turkey. Vol. I. P. 266; *du Prel C.* Unter Tannen und Pinien. S. 302; *Forsyth W.* The Slavonic Provinces South of the Danube. P. 126; *Freeman E.* The Ottoman Power in Europe. P. 24; *Braun-Wiesbaden K.* Reise-Eindrücke aus dem Südosten. Bd. I. S. 192; *Chiudina G.* Storia del Montenero (Crnagora) da' tempi antichi fino a' nostril. P. 25; *Frischauf J.* Gebirgsführer durch die Österreichischen Alpen und die Theile Bayern, Italien und Montenegro. S. 268; *Marcotti G.* Il Montenegro e le sue donne. P. 77; *Layard A.H.* Autobiography and Letters. Vol. I. P. 132; *Passarge L.* Dalmatien und Montenegro. S. 333.
- 506 *Karadžić V.* Montenegro und die Montenegriner. S. 113.
- 507 *Sommières L.C.V. de.* Travels in Montenegro. P. 24; *Chiudina G.* Storia del Montenero (Crnagora) da' tempi antichi fino a' nostril. P. 79.
- 508 *Miller W.* The Balkans. P. 414.
- 509 *Durham M.E.* Some Tribal Origins, Laws, and Customs of the Balkans. P. 173.
- 510 *Hertzberg G.* Montenegro und sein Freiheitskampf. S. 19; *Krasinski V.* Montenegro, and the Slavonians of Turkey. P. 51; *Lenormant F.* Turcs et Monténé-

grins. P. xiv; *Pieńkowski K.* Czarnagora pod względem geographicznym, statystycznym i historycznym. S. 7; *Prel C. du.* Unter Tannen und Pinien. S. 303; *Kutschbach A.* In Montenegro und im Insurgentenlager der Herzegowizen. S. 82; *Mackenzie G.M., Irby A.P.* Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. II. P. 202; *Wyon R.* The Balkans from Within. P. 292; *Durham M.E.* Some Tribal Origins, Laws, and Customs of the Balkans. P. 173-174; *Gesemann G.* Heroische Lebensform. S. 140.

⁵¹¹ *Бронеский В.Б.* Записки морского офицера. Т. I. С. 268.

⁵¹² *Nenadović L.P.* O Crnogorcima. S. 41.

⁵¹³ *Durham M.E.* Some Tribal Origins, Laws, and Customs of the Balkans. P. 174; см. также: *Glück L.* Albanien und Macedonien. S. 38.

⁵¹⁴ *Durham M.E.* Through the Lands of the Serb. P. 81.

⁵¹⁵ *Sandys G.* A relation of a iourney begyn Anno. Dom. 1610. P. 3; *Hill A.* A Full and Just Account of the Present State of the Ottoman Empire in all its Branches. P. 92-93; *de Guys M.* A Sentimental Journey Through Greece. Vol. I. P. 133-134; *Semple R.* Observations on a Journey through Spain and Italy to Naples. Vol. II. P. 221; *Hobhouse J.C.* A Journey through Albania and other Provinces of Turkey in Europe and Asia. P. 133; *Holland H.* Travels in the Ionian Isles, Albania, Thessaly, Macedonia, &c. P. 157; *Dodwell E.* A Classical and Topographical tour through Greece. Vol. I. P. 133-134; *Frankland C.C.* Travels to and from Constantinople, in the years 1827 and 1828. Vol. I. P. 111; *Kinglake A.W.* Eöthen. P. 77; *Bowen G.F.* Mount Athos, Thessaly, and Epirus. P. 196; *Hecquard H.* Histoire et description de la Haute Albanie ou Guegarie. P. 284; *Leech H.H.* Letters of a Sentimental Idler. P. 17; *Fresne-Canaye P. de.* Le Voyage du Levant. P. 36; *Brailsford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. P. 95; *Buxton N.* Europe and the Turks. P. 9; *Rupprecht.* Reise-Erinnerungen aus dem Süd-Osten Europas und dem Orient. S. 32.

⁵¹⁶ *Durham M.E.* Some Tribal Origins, Laws, and Customs of the Balkans. P. 174.

⁵¹⁷ *Freeman D.* Severed Heads that Germinate. P. 245.

⁵¹⁸ *Dodwell E.* A Classical and Topographical Tour of Greece. Vol. I. P. 138; *Ebel W.* Zwölf Tage auf Montenegro. S. 44; *Holeček J.* Černa Hora. S. 43, 65; *Knight E.F.* Albania. A Narrative of Recent Travel. P. 76; *Marcotti G.* Il Montenegro e le sue donne. P. 14; *Gjurgjević M.* Memoari sa Balkana. S. 101.

⁵¹⁹ *Layard A.H.* Autobiography and Letters. Vol. I. P. 132-133.

⁵²⁰ *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. I. P. 475-476.

⁵²¹ *Ibid.* P. 74-75.

⁵²² *Krasinski V.* Montenegro, and the Slavonians of Turkey. P. 56; *Wingfield W.F.* A tour in Dalmatia, Albania, and Montenegro with an historical sketch of the Republic of Ragusa. P. 200; *Pelerin C.* Excursion artistique en Dalmatie et au Montenegro. P. 24; *Sangford E.A.* The Eastern Shores of the Adriatic in 1863 with a Visit to Montenegro. P. 164; *Tozer H.F.* Researches in the Highlands of Turkey. Vol. I. P. 308; *Rasch G.* Die Türken in Europa. P. 228, 246; *Frilley G., Wlahovitj J.* Le Montenegro contemporain. P. 437; *Gopčević S.* Montenegro und die Montenegriner. S. 92; *Rossi A.* Un'Escursione nel Montenegro. P. 25; *Hulme-Beaman A.G.* Twenty Years in the Near East. P. 160; *Lavtizar J.* Pri Jugoslovanih. S. 200, 212.

⁵²³ *Gopčević S.* Geschichte von Montenegro und Albanien. S. 330.

⁵²⁴ *Creagh J.* Over the Borders of Christendom and Esclavia. Vol. II. P. 264; *Denton W.* Montenegro. Its People and Their History. P. 138.

⁵²⁵ *Knight E.F.* Albania. A Narrative of Recent Travel. P. 65, 75.

⁵²⁶ *Gjurgjević M.* Memoari sa Balkana 1858-1878. S. 119.

⁵²⁷ *Mackenzie G.M., Irby A.P.* Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. II. P. 202.

⁵²⁸ *Sangford E.A.* The Eastern Shores of the Adriatic in 1863 with a Visit to Montenegro. P. 335; *Stuart - Glennie J.S.* Europe and Asia. P. 362-363; *Knight E.F.* Albania. A Narrative of Recent Travel. P. 90; *Loti P.* Turkey in Agony. P. 88.

⁵²⁹ *Stuart - Glennie J.S.* Europe and Asia. P. 374.

⁵³⁰ *Nenadović L.P.* O Crnogorcima. S. 50.

- ⁵³¹ *Nenadović L.P.* Memoari prote Matije Nenadovića. S. 82; *Stillman W.J.* Herzegovina and the late uprising. P. 71–72; *Gopčević S.* Der turco-montenegrinische Krieg 1876–1878. Bd. I. S. 103.
- ⁵³² *Durham M.E.* Some Tribal Origins, Laws, and Customs of the Balkan People. P. 179.
- ⁵³³ *Freeman E.* The Ottoman Power in Europe. P. 24; *Gopčević S.* Der turco-montenegrinische Krieg 1876–1878. Bd. I. S. 116.
- ⁵³⁴ *Stillman J.* Herzegovina and the late uprising. P. 107–108, 121–122; *Garri-do F., Cayley C.B.* A History of Political and Religious Persecutions. P. 884.
- ⁵³⁵ *Kutschbach A.* In Montenegro und im Insurgentenlager der Herzegowizen. S. 82.
- ⁵³⁶ *Nenadović L.P.* O Crnogorcima. S. 50; *Baldacci A.* Crnagora. P. 35.
- ⁵³⁷ *Durham M.E.* Some Tribal Origins, Laws, and Customs of the Balkans. P. 177.
- ⁵³⁸ *Jensen A.E.* Myth and Cult Among Primitive Peoples. P. 162.
- ⁵³⁹ *Durham M.E.* Some Tribal Origins, Laws, and Customs of the Balkans. P. 177–178.
- ⁵⁴⁰ *Holeček J.* Črna Hora. S. 65.
- ⁵⁴¹ *Thevenot J. de.* Travels of the Monsieur de Thevenot into the Levant. Vol. I. P. 279; *Voltaire F.M.A.* The Works. Vol. IV. P. 252; *Dodwell E.* A Classical and Topographical Tour of Greece. Vol. I. P. 59; *Mazro S.* Turkish Barbarity. P. 29–30; *Minchin J.G.C.* The Growth of Freedom in the Balkan Peninsula. P. 13.
- ⁵⁴² *Rycaut P.* The History of the Turkish Empire From the Year 1623. to the Year 1677. P. 70.
- ⁵⁴³ *Chaumette des Fossés A.* Voyage en Bosnie dans les années 1807 et 1808. P. 57–58; *Dodwell E.* A Classical and Topographical Tour through Greece. Vol. I. P. 20; *Medaković V.M.G.* Život i običaji Crnogoraca. S. 127–128; *Klaić V.* Kosovo. S. 15.
- ⁵⁴⁴ *Durham M.E.* Some Tribal Origins, Laws, and Customs of the Balkans. P. 213.
- ⁵⁴⁵ *Durham M.E.* The Struggle for Scutari. P. 185; *Idem.* Some Tribal Origins, Laws, and Customs of the Balkans. P. 177.
- ⁵⁴⁶ *Durham M.E.* The Struggle for Scutari. P. 197, 218, 237–238.
- ⁵⁴⁷ *Durham M.E.* Some Tribal Origins, Laws, and Customs of the Balkans. P. 177.
- ⁵⁴⁸ *Mackenzie G.M., Irby A.P.* Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. II. P. 202.
- ⁵⁴⁹ *Forsyth W.* The Slavonic Provinces South of the Danube. P. 126; *Minchin J.G.C.* The Growth of Freedom in the Balkan Peninsula. P. 13–14.
- ⁵⁵⁰ *Herodot.* Zgodbe. Knj. IV. S. 64–66.
- ⁵⁵¹ *Brailsford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. P. 96.
- ⁵⁵² *Gruden J.* Zgodovina slovenskega naroda. S. 581.
- ⁵⁵³ *Uær no: Rouillard C.D.* The Turk in French History, Thought, and Literature. P. 71.
- ⁵⁵⁴ *Ibid.* P. 79.
- ⁵⁵⁵ *Valvasor J.W.* Die Ehre deß Hertzogthums Crain. Bd. XII. S. 63–65, 115–116.
- ⁵⁵⁶ *Ibid.* Bd. XII. P. 93.
- ⁵⁵⁷ *Palmer R.* An Account Of the Present War Between the Venetians & Turk. P. 40.
- ⁵⁵⁸ *Knolles R.* The Generall Historie of the Turke. P. 1045.
- ⁵⁵⁹ *Glover T.* The Journey of Edward Barton, Esq. P. 1354; *Quiclet.* Les Voyages de M. Quiclet a Constantinople par terre. P. 126; *Burbury J.* A Relation of a Journey of the Right Honourable My Lord Henry Howard. P. 212; *Randolph B.* The Present State of the Islands in the Archipelago, (Or Arches) Sea of Constantinople, and Gulf of Smyrna. P. 89; *Celebi E.* Putopis. S. 63.
- ⁵⁶⁰ *Randolph B.* The Present State of the Islands in the Archipelago, (Or Arches), Sea of Constantinople, and Gulf of Smyrna. P. 89.
- ⁵⁶¹ *Holland H.* Travels in the Ionian Isles, Albania, Thessaly, Macedonia, &c. during the years 1812 and 1813. P. 201; *Dodwell E.* A Classical and Topographical Tour through Greece. P. 201; *Turner W.* Journal of a Tour in the Levant. Vol. I. P. 99, Vol. III. P. 427; *Weyand J.K.* Reisen durch Europa, Asien, und Afrika von dem Jahre 1818 bis 1821 incl. Vol. I. P. 13; *Hartley J.* Researches in Greece and The Levant. P. 17; *Keppel G.* Narrative of a Journey across the Balcan. Vol. I.

P. 18; *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. II. P. 69; *Spencer E.* Travels in European Turkey in 1850. Vol. I. P. 380; *Senior N.W.* A Journal kept in Turkey. P. 106; *Arnold A.* From the Levant, the Black Sea, and the Danube. Vol. I. P. 161; *Ross L.* Erinnerungen und Mittheilungen aus Griechenland. S. 41, 272; *Bašeskija M.M.S.* Ljetopis (1746-1804). S. 118.

⁵⁶² *Green P.J.* Sketches of War in Greece. P. 248, 250; *Gordon T.* History of the Greek Revolution. Vol. II. P. 265; *Urquhart D.* The Spirit of the East. Vol. I. P. 52; *Levinge G.* The Traveller in the East. P. 117-118; *Stephens J.G.* Incidents of Travel in the Russian and Turkish Empires. Vol. I. P. 11; *Noyes J.O.* Roumania: The Border Land of the Christian and the Turk. P. 282.

⁵⁶³ *Hugo V.* Les Orientales. P. 50.

⁵⁶⁴ *Habesci E.* The Present State of the Ottoman Empire. P. 144, 365; *Tott F. de.* Memoirs of the Baron de Tott, on the Turks and Tartars. Vol. I. P. 63; *Hunter W.* Travels in the Year 1792 through France, Turkey, and Hungary, to Vienna. P. 213; *Dallaway J.* Constantinople Ancient and Modern. P. 21; *Watkins T.* Travels through Switzerland, Italy, Sicily, the Greek Islands to Constantinople. Vol. II. P. 231; *Hobhouse J.C.* A Journey through Albania and other Provinces of Turkey in Europe and Asia, to Constantinople, during the years 1809 and 1810. P. 947, 992; *Tancoigne M.* A Narration of a Journey into Persia, and Residences in Tehran. P. 376; *Castellan A.L.* Turkey. Vol. III. P. 37-38; *Wilson R.* Travels in Egypt and the Holy Land. P. 354; *Green P.J.* Sketches of the War in Greece. P. 52-53; 246; *Andreossi M.* Constantinople et Bosphore de Thrace. P. 15; *Blaquiere E.* Letters from Greece. P. 150; *Frankland C.C.* Travels to and from Constantinople, in the years 1827 and 1828. Vol. I. P. 111; *Fuller J.* Narrative of a tour through some parts of the Turkish Empire. P. 90; *Mac Farlane C.* Constantinople in 1828. P. 449-451.

⁵⁶⁵ *Keppel G.* Narrative of a Journey across the Balcan. Vol. I. P. 85-87; *Gordon T.* History of the Greek Revolution. Vol. I. P. 377-378, 487; Vol. II. P. 140, 265; *Burgess R.* Greece and the Levant. Vol. I. P. 74; Vol. II. P. 164, 185; *Temple G.T.* Travels in Greece and Turkey. Vol. II. P. 43-44, 251; *Walsh R.* A Residence at Constantinople. Vol. I. P. 335-337, 349; *Claridge R.T.* A Guide along the Danube. P. 127, 143; *Levinge G.* The Traveller in the East. P. 268; *Wilson S.S.* A Narrative of the Greek Mission. P. 508-509; *Slade A.* Records of Travels in Turkey and Greece, etc. P. 133, 231-232, 242; *Bagge H.* Reise nach dem Orient, der europäischen Türkei, Aegypten, Nubien und Palästina. S. 55; *Gautier T.* Constantinople. P. 289; *Azais, Domergue C.* Journal d'un voyage en Orient. P. 302; *Senior N.W.* A Journal kept in Turkey. P. 12, 39; *Wutzer C.W.* Reise in den Orient Europa's und einen Theil Westasien's. Vol. II. P. 62-63; *Bremer F.* Greece and the Greeks. Vol. I. P. 195; *Amicis E. de.* Constantinople. P. 270, 312; *Elliot F.* Diary of an Idle Woman in Constantinople. P. 5, 258-259; *Jousset P.* Un tour de Méditerranée, de Venise à Tunis, par Athènes, Constantinople et le Caire. P. 101; *Clement C.E.* Constantinople. The City of the Sultans. P. 179; *Grosvenor E.A.* Constantinople. Vol. II. P. 716; *Spry W.J.J.* Life on the Bosphorus. Vol. I. P. 6; *Lunn H.S.* How to visit the Mediterranean. P. 129; *Cockerell C.R.* Travels in Southern Europe and the Levant, 1810-1817. P. 26; *Young G.* Constantinople. P. 143; *Reshid M.* Tourist's Practical Guide to Constantinople and Environs. P. 62.

⁵⁶⁶ *Walsh R.* A Residence at Constantinople. Vol. I. P. 394.

⁵⁶⁷ *Walsh R.* Narrative of a Journey from Constantinople to England. P. 47-49.

⁵⁶⁸ *Cm.: Post H.A.V.* A visit to Greece and Constantinople, in the Year 1827-28. P. 323-324; *Smith A.* A Month at Constantinople. P. 57.

⁵⁶⁹ *Walsh R.* Narrative of a Journey from Constantinople to England. P. 49-50; *Bowen G.F.* Mount Athos, Thessaly, and Epirus. P. 202.

⁵⁷⁰ *Le Croy.* An Account of the Turks Wars with Poland, Muscovy, and Hungary. P. 191; *Slade A.* Travels in Germany and Russia. P. 149-150; *Schimmer K.A.* The Sieges of Vienna by the Turks. P. 166; *Anon.* The Siege of Vienna. P. 188; *Spry W.J.J.* Life on the Bosphorus. Vol. II. P. 117.

⁵⁷¹ *Schimmer K.A.* The Sieges of Vienna by the Turks. P. 166.

⁵⁷² *Smith I.* The True Travels, Adventvres, and Observations of Captain John Smith. P. 19; *Rycaut P.* The History of the Turkish Empire From the Year 1623 to

the Year 1677. P. 41; *Gerlach S.* Deß Aeltern Tage-Buch. P. 132–133; *Benaglia G.* Relatione del Viaggio Fatto a Constantinopoli, e ritorno in Germania. P. 181, 225; *Valvasor J.W.* Die Ehre deß Hertzogthums Crain. Bd. XII. S. 30, 92; *Çelebi E.* Putopis. P. 183, 187, 193.

⁵⁷³ *Benaglia G.* Relatione del Viaggio Fatto a Constantinopoli, e ritorno in Germania. P. 235; *Eton W.* A Survey of the Turkish Empire. P. 80.

⁵⁷⁴ *Burbury J.* A Relation of a Journey of the Right Honourable My Lord Henry Howard. P. 180.

⁵⁷⁵ *Valvasor J.W.* Die Ehre deß Hertzogthums. Bd. XI. S. 27; *Dimitz A.* Geschichte Krains von der ältesten Zeit bis auf das Jahr 1813. Bd. III. S. 56; *Gruden J.* Zgodovina slovenskega naroda. S. 774–776.

⁵⁷⁶ *Stanojević G.* Šćepan Mali. S. 57.

⁵⁷⁷ *Weyand J.K.* Reisen Durch Europa, Asien, und Afrika von dem Jahre 1818 bis 1821 incl. Vol. I. P. 94; *Madden R.R.* Travels in Turkey, Egypt, Nubia, and Palestine, in 1824, 1825, 1826, and 1827. Vol. I. P. 76; *Arnold A.* From the Levant, the Black Sea, and the Danube. Vol. I. P. 129; *Garrido F., Cayley C.B.* A History of Political and Religious Persecutions. P. liv–lvi, lxxix; *More R.J.* Under the Balkans. P. 87, 106, 109, 112, 224; *Serristori A.* La costa Dalmata e il Montenegro durante la guerra del 1877. P. 15; *Gopčević S.* Der turco-montenegrinische Kreig 1876–1878. Vol. I. P. 134–135; Vol. II. P. 109, 156–157, 241, 244, 248, 266, 269–270; *Dwight H.O.* Turkish Life in War Time. P. 37, 55; *Evans A.J.* Illyrian Letters. P. 32, 77–78, 80–82, 96; *Huyshe W.* The liberation of Bulgaria. P. 85, 156–157, 241, 244, 248, 266, 269–273; *Edwards H.S.* Sir William White. P. 104.

⁵⁷⁸ *Claridge R.T.* A Guide along the Danube. P. 127; 131–132; *Freeman E.* The Ottoman Power in Europe. P. 24.

⁵⁷⁹ *Green P.J.* Sketches of the War in Greece. P. 25, 28, 44; *Blaquiere E.* Letters from Greece. P. 149; *Gordon T.* History of the Greek Revolution. Vol. I. P. 391, 396, 497; Vol. II. P. 132, 140, 216; *Pashley R.* Travels in Crete. Vol. I. P. 108; *Cokorilo P.* Türkisch Zustände. S. 15; *Hecguard H.* Histoire et description de la Haute Albanie ou Guegarie. P. 130; *Nenadović L.P.* Memoari prote Matije Nenadovića. P. 82; *Evans A.J.* Through Bosnia and the Herzegovina On Foot During the Insurrection, August and September 1875. P. 352–353; *Idem.* Illyrian Letters. P. 32, 77–82; *Garrido F., Cayley C.B.* A History of Political and Religious Persecutions. P. 888–889; *Knight E.F.* Albania. P. 90; *Mackenzie G.M., Irby A.P.* Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. I. P. 52; *Gossip R.* Turkey and Russia. Vol. I. P. 84; *Fife-Cookson J.* With the Armies of the Balkans at Gallipoli in 1877–1878. P. 68–69; *Field H.M.* The Greek Islands and Turkey after the War. P. 177–178; *Draganof.* Macedonia and the Reforms. P. 109, 204; Carnegie Endowment. Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars (1914). P. 134; *Melas G.* The Turk as he is. P. 45; *Anastasoff C.* The Tragic Peninsula. P. 345; *Yriarte C.* Bosna i Herzegovina. P. 82–83.

⁵⁸⁰ *Wyon R.* The Balkans from Within. P. 68.

⁵⁸¹ *Gjurgjević M.* Memoari sa Balkana. S. 102.

⁵⁸² *Montegazza V.* Macedonia. P. 227; *Moore F.* The Balkan Trail. P. 259; *Moore A.* The Orient Express. P. 179; *Graves R.* Storm Centres of the Near East. P. 212a.

⁵⁸³ *Durham M.E.* The Struggle for Scutari. P. 168.

⁵⁸⁴ *Bashmakoff A.* Through the Montenegro in the Land of the Geugeus, North Albania. P. 62.

⁵⁸⁵ *Matzhold L.A.* Brandherd Balkan. P. 42.

⁵⁸⁶ *Svetek A.* Spomini na okupaciju Bosne. S. 669; *Andrejka J.* Slovenski fantje v Bosni i Hercegovini 1878. S. 43, 68, 121, 259, 261, 336; *Aléšovec J.* Vojška na Turškem od leta 1875 do konca leta 1878. S. 97, 112.

⁵⁸⁷ *Chaura E.* Obrazky z okupace bosenske. S. 38.

⁵⁸⁸ *Reed J.* The War in Eastern Europe. P. 84.

⁵⁸⁹ *Eton W.* A Survey of the Turkish Empire. P. 218; *White C.* Three Years in Constantinople. Vol. I. P. 126–127; *Slade A.* Records of Travel in Turkey and Greece,

- etc. P. 329; *Noyes J.O.* Roumania: The Border Land of the Christian and the Turk. P. 74; *II, Geary G.* Through Asiatic Turkey. P. 335; *Huyshe W.* The Liberation of Bulgaria. P. 204–205; *Curtis W.E.* The Turk and His Lost Provinces. P. 299; *Aléšovec J.* Vojska na Turškem od leta 1875 do konca leta 1878. S. 123; *Yriarte C.* Bosna i Hercegovina. S. 83; *Bailey B.* Hangmen of England. P. 23.
- ⁵⁹⁰ *Pearson E.M., McLaughlin L.E.* Service in Serbia under the Red Cross. P. 183; см. также: *Fife-Cookson J.* With the Armies of the Balkans at Gallipoli in 1877–1878. P. 13; *Minchin J.G.C.* The Growth of Freedom in the Balkan Peninsula. P. 19; *Durham M.E.* The Burden of the Balkans. P. 149; *Buxton N.* Europe and the Turks. P. 95; *Aldridge O.M.* The Retreat from Serbia Through Montenegro and Albania. P. 54.
- ⁵⁹¹ *Fox F.* The Balkan Peninsula. P. 143.
- ⁵⁹² *Minchin J.G.C.* The Growth of Freedom in the Balkan Peninsula. P. 13.
- ⁵⁹³ *Miller W.* The Balkans. P. 414–415; *Marcotti G.* Il Montenegro e le sue donne. P. 186.
- ⁵⁹⁴ *Nenadović L.P.* O Crnogorcima. S. 42.
- ⁵⁹⁵ *Ibid.* S. 43.
- ⁵⁹⁶ *Gopčević S.* Montenegro und die Montenegriner. S. 26.
- ⁵⁹⁷ *Passarge L.* Dalmatien und Montenegro. S. 318.
- ⁵⁹⁸ *Gopčević S.* Montenegro und die Montenegriner. S. 91.
- ⁵⁹⁹ *Stillman W.J.* Herzegovina and the late uprising. P. 26.
- ⁶⁰⁰ *Pelerin C.* Excursion artistique en Dalmatie et au Montenegro. P. 27.
- ⁶⁰¹ *Holeček J.* Černa Hora. S. 1.
- ⁶⁰² *Ковалевский Е.П.* Четыре месяца в Черногории. С. 108.
- ⁶⁰³ *Borsa M.* Dal Montenegro. P. 54; *Cerciello G.* Uno sguardo al Montenegro (Cenno storico). P. 20–21; *Erba F.* Il Montenegro. P. 12; *Mantegazza V.* Al Montenegro. P. 92; *Rossi A.* Un'Escursione nel Montenegro. P. 25.
- ⁶⁰⁴ *Mantegazza V.* Al Montenegro. P. 92.
- ⁶⁰⁵ *Cerciello G.* Uno sguardo al Montenegro (Cenno storico). P. 20–21.
- ⁶⁰⁶ *Jaechel B.* The Lands of the Tamed Turk or the Balkan States To-day. P. 101.
- ⁶⁰⁷ *De Windt H.* Through Savage Europe. P. 191.
- ⁶⁰⁸ *Lamartine A.* Visit to the Holy Land. Vol. II. P. 235–236.
- ⁶⁰⁹ *Hervé F.* A Residence in Greece and Turkey. Vol. II. P. 300.
- ⁶¹⁰ *Noyes J.O.* Roumania: The BorderLand between the Christian and the Turk. P. 281–282.
- ⁶¹¹ *Kinglake A.W.* Eöthen. P. 31.
- ⁶¹² *Boué A.* La Turquie d'Europe. Vol. II. P. 596; *Idem.* Recueil d'itinéraires dans la Turquie d'Europe. P. 241; *Spencer E.* Travels in European Turkey in 1850. Vol. I. P. 146; *Popović S.L.* Putovanje po novoj Srbiji. S. 362; *Minchin J.G.C.* The Growth of Freedom in the Balkan Peninsula. P. 133; *Aškerc A.* Izlet v Carigrad. S. 63; *De Windt H.* Through Savage Europe. P. 191; *Kanitz F.* Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Bd. II. S. 144, 179–180; *Jaechel B.* The Lands of the Tamed Turk or the Balkan States Today. P. 101; *Reed J.* The War in Eastern Europe. P. 47–48.
- ⁶¹³ *Noyes J.O.* Roumania: The BorderLand between the Christian and the Turk. P. 282.
- ⁶¹⁴ *Green P.J.* Sketches of the War in Greece. P. 250; см. также: *Wilson S.S.* A Narrative of the Greek Mission. P. 469.
- ⁶¹⁵ *Braun-Wiesbaden K.* Reise-Endrücke aus dem Südosten. Bd. I. S. 192.
- ⁶¹⁶ *Urquhart D.* The Spirit of the East. Vol. I. P. 52.
- ⁶¹⁷ *Levine H.* The Broken Column. P. 42.
- ⁶¹⁸ *Pomet P.* A complete history of drugs. P. 22.
- ⁶¹⁹ *Valentini M.B.* Museum Museorum. Vol. I. P. 419.
- ⁶²⁰ *Pomet P.* Histoire generale des Drogues. Vol. II. P. 8; *Idem.* A complete history of drugs. P. 229.

- 621 *Valentini M.B.* Museum museorum. Vol. I. P. 419.
- 622 *Amicis E. de.* Constantinople. P. 314.
- 623 *De Beaujour F.* Voyages militaire dans l'Empire Othoman. Vol. I. P. 367–368.
- 624 *См.: Fabre A.* Histoire du siege de Missolonghi, suivie de pieces justificatives. P. 316–317.
- 625 *Gell W.* Narrative of a Journey in the Morea. P. 365.
- 626 *См.: Gordon T.* History of the Greek Revolution. Vol. I. P. 233, 236, 277, 338–339, 437; Vol. II. P. 350.
- 627 *См.: Toynbee A.J.* The Western Question in Greece and Turkey. P. 265–266.
- 628 *Rauwolf L.* Aigentliche beschreibung der Raisz in die Morgenlander. P. 108.
- 629 *Wingfield W.F.* A tour in Dalmatia, Albania, and Montenegro with an historical sketch of the Republic of Ragusa. P. 121.
- 630 *Biddulph W.* The Travels of Certaine Englishmen. P. 65; *Lithgow W.* A Delectable, and true discourse, of an admired and painefull peregrination from Scotland, to the most famous Kingdomes in Europe, Asia and Affricke. P. 1–3; *Sandys G.* A relation of a iourney begyn Anno. Dom. 1610. P. 66; *Glover T.* The Journey of Edward Barton Esq. P. 1296–1297; *Herbert T.* A Relation of some Yeares Travile, begvnne Anno 1626. P. 150; *Blount H.* A Journey into the Levant. P. 15; *Valle P. della.* Viaggio. P. 152; *Guilietiere de la.* Athenes ancienne et nouvelle. P. 98; *Smith T.* Remarks upon the Manners, Religion, and Government of the Turks. P. 37; *Thevenot J. de.* The Travels of the Monsieur de Thevenot into the Levant. Vol. I. P. 33; *Du Mont J.* A New Voyage to the Levant. P. 171; *Nairos F.B.* A Discourse on Coffee. P. 14.
- 631 *Herbert T.* A Relation of some Yeares Travile, begvnne Anno 1610. P. 150.
- 632 *Hull E.C.P.* Coffee Planting in Southern India and Ceylon. P. 10.
- 633 *Alcott W.A.* Tea and Coffee. P. 63.
- 634 *Pouillet.* Nouvelle relations du Levant. Vol. I. P. 52–53.
- 635 *Ukers W.H.* All About Coffee. P. 23.
- 636 *Robinson E.F.* The Early History of Coffee Houses in England. P. 87.
- 637 *Robinson E.F.* The Early History of Coffee Houses in England. P. 48; *Ukers W.H.* All About Coffee. P. 9; *Jacob H.E.* The Saga of Coffee. P. 40.
- 638 *Skarić V.* Uticaj turskog vladanja na društveni život. S. 137.
- 639 *Spaho F.* Prve kafane su otvorene u našim krajevima. S. 41–42; *Skarić V.* Uticaj turskog vladanja na društveni život. S. 137.
- 640 *Celebi E.* Putopis. S. 307, 567, 577.
- 641 *Hangi A.* Život i običaji Muslimana u Bosni i Hercegovini. S. 78.
- 642 *Valoušek F.* Vzpominky na Bosnu. S. 42.
- 643 *Броневский В.Б.* Записки морского офицера. С. 285.
- 644 *Spaho F.* Prve kafane su otvorene u našim krajevima. S. 41.
- 645 *Šamić M.* Francuski putnici u Bosni na pragu XIX. stoljeća i njihovi utisci o njoj. S. 237.
- 646 *Roškiewicz J.* Studien über Bosnien und die Herzegovina. S. 190.
- 647 *Hangi A.* Život i običaji Muslimana u Bosni i Hercegovini. S. 83.
- 648 *Thomson H.C.* The Outgoing Turk. P. 121; *Curtis W.E.* The Turk and His Lost Provinces. P. 285.
- 649 *Medaković V.M.G.* Život i običaji Crnogoraca. S. 165.
- 650 *Hangi A.* Život i običaji Muslimana u Bosni i Hercegovini. S. 78–85.
- 651 *Jacob H.E.* The Saga of Coffee. P. 262.
- 652 *Golczewski M.* Der Balkan in deutschen und österreichischen Reise und Erlebnisberichten. S. 133.
- 653 *Henderson P.* A British Officer in the Balkans. P. 99–100.
- 654 *Garnett L.M.J.* Turkish Life in Town and Country. P. 40.
- 655 *Galt J.* Voyages and Travels, in the Years 1809, 1810, and 1811. P. 249; *Holland H.* Travels in the Ionian Isles, Albania, Thessaly, Macedonia, &c. during

the years 1812 and 1813. P. 311; *Cockerell C.R.* Travels in Southern Europe and the Levant 1810–1817. P. 109; *Morritt J.B.S.* The Letters of John B.S. Morrirt of Rokeby. P. 99.

⁶⁵⁶ *Slade A.* Turkey, Greece and Malta. Vol. I. P. 188; *Stephens J.G.* Incidents of travel in Greece, Turkey, Russia, and Poland. Vol. I. P. 76; *Boué A.* Le Turquie d'Europe. Vol. II. P. 296; *Paton A.A.* Servia, the youngest member of the European family. P. 93; *Kapper S.* Südslavische Wanderungen im Sommer. Bd. I. S. 243; *Spencer E.* Travels in European Turkey in 1850. Vol. I. P. 15; *Leech H.H.* Letters of a Sentimental Idler. P. 19; *Stuart - Glennie J.S.* Europe and Asia. P. 154; *Laveleye E.L.V. de.* The Balkan Peninsula. P. 75–76.

⁶⁵⁷ *Saint Clair S.G., Brophy C.A.* A Residence in Bulgaria. P. 165.

⁶⁵⁸ *Walsh R.* A Residence at Constantinople. Vol. II. P. 298.

⁶⁵⁹ *Dwight H.G.* Constantinople, Old and New. P. 26.

⁶⁶⁰ *Messner-Sporšić A.* Od Bukurešta do Ankare. S. 47, 62, 108, 228, 239.

⁶⁶¹ *Du Mont J.* A New Voyage to the Levant. P. 172; *Ellis J.* An Historical Account of Coffee. P. 9; *Arendonk C.* Kahwa. S. 633.

⁶⁶² *Ellis J.* An Historical Account of Coffee. P. 8–9; *Spaho F.* Prve kafane su otvorene u našim krajevima. S. 42; *Elezović G.* Kafa i kafana na balkanskom prostoru. S. 619–620; *Lewis B.* Istanbul and the Civilization of the Ottoman Empire. P. 132–133.

⁶⁶³ *Ukers W.H.* All About Coffee. P. 15; *Elezović G.* Kafa i kafana na balkanskom prostoru. P. 631.

⁶⁶⁴ *Nicolay de Dauphinois N.* Les quatre premiers livres des navigations et pereginations Orientales. P. 102.

⁶⁶⁵ *Çelebi E.* Putopis. S. 632.

⁶⁶⁶ *Biddulph W.* The Travels of Certain Englishmen. P. 66.

⁶⁶⁷ *Calvert F.* A Tour to the East, in the Years 1763 and 1764. P. 77; см. также: *Gautier T.* Constantinople. P. 198.

⁶⁶⁸ *Johnson R.* Relations, Of the Most Famous Kingdoms and Common-Weales Thorough the World. P. 267; *Thevenot J. de.* The Travels of the Monsieur de Thevenot into the Levant. P. 34–35; *Brugn C.* A Voyage to the Levant. P. 95; *Thompson C.* The Travels of the Late Charles Thompson, Esq. Vol. II. P. 149; *Porter J.* Observations on the Religion, Law, Government, and Manners of the Turks. P. 297; *Bisani N.* A Picturesque Tour Thorough Part of Europe, Asia, and Africa. P. 178; *Morritt J.B.S.* The Letters of John B.S. Morrirt of Rokeby. P. 231.

⁶⁶⁹ *Durham M.E.* The Struggle for Scutari. P. 93.

⁶⁷⁰ *Boulton J.E.P.* An American among the Orientals. P. 63; *Hattox R.S.* Coffee and Coffeehouses. P. 107–108.

⁶⁷¹ *Ellis J.* An Historical Account of Coffee. P. 8; *D'Oshson I. de M.* Tableau general de l'Empire Othoman. Vol. II. P. 126; *White C.* Three Years in Constantinople. Vol. I. P. 280; *Robinson E.F.* The Early History of Coffee Houses in England. P. 38; *Arendonk C.* Kahwa. P. 633; *Ukers W.H.* All About Coffee. P. 16; *Lewis B.* Istanbul and the Civilization of the Ottoman Empire. P. 133.

⁶⁷² *Arendonk C.* Kahwa. P. 633.

⁶⁷³ *Du Mont J.* A New Voyage to the Levant. P. 168.

⁶⁷⁴ *Rycaut P.* The Present State of the Ottoman Empire. P. 165.

⁶⁷⁵ *Robinson E.F.* The Early History of Coffee Houses in England. P. 39; *Ukers W.H.* All About Coffee. P. 16; *Roden C.* Coffee. P. 21.

⁶⁷⁶ *Galland A.* De l'origine et du progres du café. P. 69.

⁶⁷⁷ *La Roque J. de.* A Voyage to Arabia the Happy. P. 273–274.

⁶⁷⁸ *Galland A.* De l'origine et du progres du café. P. 70.

⁶⁷⁹ *Thevenot J. de.* The Travels of the Monsieur de Thevenot into the Levant. Vol. I. P. 33; *La Roque J. de.* A Voyage to Arabia the Happy. P. 275; *Ellis J.* An Historical Account of Coffee. P. 10–11.

⁶⁸⁰ *Lewis B.* Istanbul and the Civilization of the Ottoman Empire. P. 135.

- 681 *Morgan W.Y.* The New East. P. 234.
- 682 *Chaumette A.* Voyage en Bosnie dans les années 1807 et 1808. P. 77.
- 683 *Skarić V.* Uticaj turskog vladanja na društveni život. S. 137.
- 684 *White C.* Three Years in Constantinople. Vol. I. P. 282.
- 685 *Kanitz F.* Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Bd. I. S. 59.
- 686 *Asbot. J. de.* An Official Tour Through Bosnia and Herzegovina. P. 177.
- 687 *Evans A.J.* Illyrian Letters. P. 53–54.
- 688 *Henderson P.* A British Officer in the Balkans. P. 100.
- 689 *Armstrong H.* Turkey in Travail. P. 71.
- 690 *Griffiths J.* Travels in Europe, Asia Minor, and Arabia. P. 111; *Walsh R.* A Residence at Constantinople. Vol. II. P. 9–10.
- 691 *Pardoe Mrs.* The Beauty of the Bosphorus. P. 148.
- 692 *Sandys G.* A relation of a journey begvn Anno. Dom. 1610. P. 66.
- 693 *Hattox R.S.* Coffee and Coffeehouses. P. 109.
- 694 *Porter J.* Observations on the Religion, Law, Government, and Manners of the Turks. P. 298.
- 695 *Tott F. de.* Memoirs of the Baron de Tott, on the Turks and Tartars. Vol. I. P. 46; *Hervé F.* A Residence in Greece and Turkey. Vol. II. P. 214; *Garnett L.M.J.* The Turkish People. P. 79.
- 696 *Russell A.* The Natural History of Aleppo. P. 141–142.
- 697 *Bruyn C.* A Voyage to the Levant. P. 96; *Thompson C.* The Travels of the Late Charles Thompson, Esq. Vol. II. P. 149–150; *Tott F. de.* Memoirs of the Baron de Tott, on the Turks and Tartars. Vol. I. P. 157; *Niebuhr C.* Travels through Arabia, and the Other Countries of the East. Vol. I. P. 139–140; *Bent J.T.* Early Voyages and Travels in the Levant. P. 213.
- 698 *Thevenot J. de.* The Travels of the Monsieur de Thevenot into the Levant. Vol. I. P. 35; *Du Mont J.* A New Voyage to the Levant. P. 276–277.
- 699 *Kanitz F.* Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Bd. II. S. 157; *Doflein F.* Mazedonien. P. 253; *Nishani T.O.* Albanien, das Wunschland Mussolinis. P. 137; *Konitz F.A.* The Rock Garden of South-eastern Europe. P. 41.
- 700 *West R.* Black Lamb and Grey Falcon. P. 308.
- 701 *Messner-Sporšić A.* Od Bukurešta do Ankare. S. 142.
- 702 См.: *Weyand J.K.* Reisen durch Europa, Asien, und Afrika von dem Jahre 1818 bis 1821 incl. S. 52; *Stephens J.G.* Incidents of Travel in Greece, Turkey, Russia, and Poland. Vol. I. P. 157; *White C.* Three Years in Constantinople. Vol. I. P. 281–282; *A Lady.* Wayfaring Sketches among the Greeks and Turks. P. 100, 120; *Curzon R.J.* Visits to Monasteries in the Levant. P. 244; *Smith A.* A Month at Constantinople. P. 118; *Kapper S.* Südslavische Wanderungen im Sommer 1850. Bd. I. S. 246–247; *Gautier T.* Constantinople. P. 107; *Sullivan J.* Diary of a Tour in the Autumn of 1856. P. 23; *Azais D.C.* Journal d'un voyage en Orient. P. 302; *Гильфердинг А.Ф.* Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. С. 80; *Roškiewicz J.* Studien über Bosnien und die Herzegovina. S. 261; *Jerningham H.E.H.* To and from Constantinople. P. 213; *Janke A.* Reise-Erinnerungen aus Italien, Griechenland und dem Orient. S. 147; *Braun - Wiesbaden K.* Eine türkische Reise. Bd. I. S. 153; *Evans A.J.* Through Bosnia and the Herzegovina on Foot During the Insurrection, August and September 1875. P. 198; *Amicis E. de.* Constantinople. P. 307–308; *Poole S.L.* The People of Turkey. Vol. II. P. 74; *Kanitz F.* Donau-Bulgarien und Balkan. Bd. I. S. 233; *Régla P. de.* La Turquie Officielle. P. 114, 119; *Huyshe W.* The Liberation of Bulgaria. P. 42; *Eliot C.N.E.* Turkey in Europe. P. 100; *Dwight H.O.* Constantinople and its Problems. P. 160–161; *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 72–73; *Lloyd Evans J.* British journalists' Tour in the Adriatic and Bosnia. P. 41; *Aflalo F.G.* An Idler in the Near East. P. 268–269; *Neave D.L.* Romance of the Bophorus. P. 56.
- 703 *Loftus W.K.* Travels and Researches in Chaldaea and Susianna. P. 109.

- ⁷⁰⁴ *Laveleye E.L.V. de.* The Balkan Peninsula. P. 141.
- ⁷⁰⁵ *Madden R.R.* Travels in Turkey, Egypt, Nubia, and Palestine, in 1824, 1825, 1826, and 1827. Vol. I. P. 16–17.
- ⁷⁰⁶ *Saint Clair S.G., Brophy C.A.* A Residence in Bulgaria. P. 238.
- ⁷⁰⁷ *Post H.A.V.* A Visit to Constantinople, in the Year 1827–28. P. 269.
- ⁷⁰⁸ *Burton R.* Personal Narrative of a Pilgrimage to al-Madinah and Meccah. Vol. I. P. 9.
- ⁷⁰⁹ *Smith A.* A Month at Constantinople. P. 118; *S. Benjamin G.W.* The Turk and the Greek. P. 45; *Laveleye E.L.V. de.* The Balkan Peninsula. P. 141; *Coufopoulos D.* A Guide to Constantinople. P. 23; *Sykes M.* Dar-ul-Islam. P. 175. *Rupprecht.* Reise-Erinnerungen aus dem Südosten Europas und dem Orient. S. 222.
- ⁷¹⁰ *Močnik R.* Temne zore.
- ⁷¹¹ *Karadžić V.* Srpski rječnik, istolkovan njemačkim i latinskim riječima. S. 839.
- ⁷¹² *Durham M.E.* Through the Lands of the Serb. P. 204.
- ⁷¹³ *Laveleye E.L.V. de.* The Balkan Peninsula. P. 75–76.
- ⁷¹⁴ *Lloyd Evans J.* British journalists' tour in the Adriatic and Bosnia. P. 41.
- ⁷¹⁵ *White C.* Three Years in Constantinople. Vol. I. P. 281.
- ⁷¹⁶ *Edmonds P.* The Land of the Eagle. P. 78.
- ⁷¹⁷ *Zedtwitz F.X.* Zaubervoller Balkan. P. 88.
- ⁷¹⁸ *Comyn - Platt T.* The Turk in the Balkans. P. 11.
- ⁷¹⁸ *Pribichevich S.* Macedonia. P. 4, 38.
- ⁷²⁰ *Cosmopoulos M.B.* Macedonia. P. 13.
- ⁷²¹ *Hugonnet L.* La Turquie inconnue. P. 90; *Goltz C. von.* Ein Ausflüg nach Macedonien. S. 14–15; *Bérard V.* La Macédoine. P. 43–44, 171; *Mantegazza V.* Macedonia. P. 12; *Brailsford H.N.* Macedonia. P. 80.
- ⁷²² *Miecznik A.* Macedonia i Macedonczycy. S. 77.
- ⁷²³ *Eliot C.N.E.* Turkey in Europe. P. 17; *Brailsford H.N.* Macedonia. P. 77; *Duckett Ferriman Z.* Turkey and the Turks. P. 80; *Villari L.* The Balkan Question. P. 121; *Baker B.G.* The Passing of the Turkish Empire in Europe. P. 259.
- ⁷²⁴ *Danforth L.M.* The Macedonian Conflict. P. 57; *Novaković S.* Balkanska pitanja i manje istorijsko-političke beleške o Balkanskom poluostrvu 1886–1905. S. 393; *Goff A., Fawcett H.A.* Macedonia. A Plea for the Primitive. P. 6–7; *Perry D.M.* The Politics of Terror. P. 24.
- ⁷²⁵ *См.: Baudier M.* Histoire generell dv Serrail, et de la Covr Du Grand Seigneur Empereur de Turcs. P. 31; *Browne E.* A Brief Account of some Travels in Hungaria, Servia, Bulgaria, Macedonia, Thessaly, Austria, Styria, Carinthia, Carniola, and Friuli. P. 45; *Mahmud.* Letters Written by a Turkish Spy. P. 137; *Hill A.* A Full and Just Account of the Present State of the Ottoman Empire in all its Branches. P. 69; *Madden R.R.* Travels in Turkey, Egypt, Nubia, and Palestine, in 1824, 1825, 1826, and 1827. Vol. I. P. 74; *Грузопосуч В.И.* Очерк путешествия по европейской Турции. С. 164.
- ⁷²⁶ *Mantegazza V.* Macedonia. P. 7; *Brailsford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. P. 103; *Buxton N.* Europe and the Turks. P. 45; *Moore A.* The Orient Express. P. 265; *Reed J.* The War in Eastern Europe. P. 14.
- ⁷²⁷ *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 278; *Durham M.E.* The Burden of the Balkans. P. 6; *Brailsford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. P. 103; *Upward A.* The East End of Europe. P. 28, 162.
- ⁷²⁸ *Tozer H.F.* Researches in the Highlands of Turkey. Vol. I. P. 214; *B. Nušić,* Kosovo. P. 87; *Sliškojić J.* Albanija i Makedonija. P. 86; *Descamps E.E.F.* L'avenir de l'Albanie. P. 21; *Dako C.A.* Albania. P. 17, 29; *Lane R.W.* The Peaks of Shala. P. 16; *Matthews R.* Sons of the Eagle. P. 5, 42.
- ⁷²⁹ *Popović S.L.* Putovanje po novoj Srbiji. S. 281.
- ⁷³⁰ *Kuba L.* Čtení o Makedonii. S. 213.
- ⁷³¹ *См.: Jireček K.* Cesty po Bulharsku. P. 307; *Upward A.* The East End of Europe. P. 162–163.
- ⁷³² *См.: Walsh R.* Narrative of a Journey from Constantinople to England. P. 168; *Cousinéry E.M.* Voyage dans La Macédoine. Vol. I. P. 15; *Friedrichsthal E.R.*

- Reise in den südlichen Theilen von Neu-Griechenland. S. 36; *Boué A.* La Turquie d'Europe. Vol. II. P. 5; *Грузовосич В.И.* Очерк путешествия по европейской Турции. С. 105, 121, 127; *Heuzey N.* Mission archeologique de Macedoine. P. 309; *Glück L.* Albanien und Macedonien. P. 65; *Moore A.* The Orient Express. P. 181; Carnegie Endowment. Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars (1914). P. 26, 30; 1925: 12; *A Diplomatist.* Nationalism and War in the Near East. P. 89.
- ⁷³³ *Mantegazza V.* Macedonia. P. 2; *Lynch H.F.B.* Europe in Macedonia. P. 12–13; *Reuter J.* Policy and Economy in Macedonia. P. 29.
- ⁷³⁴ *Miecznik A.* Macedonia i Macedonczycy. P. 5; *Upward A.* The East End of Europe. P. 26; *Zotiades G.B.* The Macedonian Controversy. P. 12.
- ⁷³⁵ *Moore F.* The Balkan Trail. P. 156.
- ⁷³⁶ *Gopčević S.* Makedonien und Alt-Serbien. S. 501–503.
- ⁷³⁷ *Nicolaides C.* Macedonien. P. 25–28.
- ⁷³⁸ *Kunčov V.* Makedonija. S. 289.
- ⁷³⁹ См.: *Chiol M.V.* Twixt Greek and Turk. P. 74; *Mantegazza V.* Macedonia. P. 232; *Villari L.* The Balkan Question. P. 138; *Moore F.* The Balkan Trail. P. 156; *Амфиломос А.В.* Славянское горе. С. 247; *Baker B.G.* The Passing of the Turkish Empire in Europe. P. 235–236; *Reed J.* The War in Eastern Europe. P. 319; *Buxton L.W.W.* The Black Sheep of the Balkans. P. 146–147; *Durham M.E.* Twenty Years of Balkan Tangle. P. 93–94; *Sis V.* Novy Balkan. S. 151; *Christowe S.* Heroes and Assassins. P. 45–46; *Matthews R.* Sons of the Eagle. P. 215; *Cosmopoulos M.B.* Macedonia. P. 86–87.
- ⁷⁴⁰ *Tozer H.F.* Researches in the Highlands of Turkey. Vol. I. P. 182.
- ⁷⁴¹ *Vavouskos C.A.* Macedonia's Struggle for Freedom. P. 9; *Martis N.K.* The Falsification of Macedonia's History. P. 109; *Cosmopoulos M.B.* Macedonia. P. 57.
- ⁷⁴² *Vavouskos C.A.* Macedonia's Struggle for Freedom. P. 22–23.
- ⁷⁴³ *Laveleye E.L.V. de.* The Balkan Peninsula. P. 290.
- ⁷⁴⁴ *Nicolaides C.* Macedonien. P. 25.
- ⁷⁴⁵ *Laveleye E.L.V. de.* The Balkan Peninsula. P. 290–292.
- ⁷⁴⁶ *Misheff D.* The Truth about Macedonia. P. 31.
- ⁷⁴⁷ *Laveleye E.L.V. de.* The Balkan Peninsula. P. 293.
- ⁷⁴⁸ Ibid.
- ⁷⁴⁹ См.: *Habesci E.* The Present State of the Ottoman Empire. P. 289; *Bisani N.* A Picturesque Tour Through Part of Europe, Asia, and Africa. P. 129; *Hughes T.S.* Travels in Sicily Greece and Albania. P. 442; *Ross D.* Opinions of the European Press on the Eastern Question. P. 273; *Stuart - Glennie J.S.* Europe and Asia. P. 189; *Gossip R.* Turkey and Russia. Vol. II. P. 300; *Lusignan A. de.* A Word about Turkey and Her Allies. P. 10; *Young G.* Constantinople. P. 164–165; *Edib H.* Turkey Faces West. P. 53; *Wolff R.L.* The Balkans in Our Time. P. 71; *Mastnak T.* Evropa: med evolucijo in evtanazijo. S. 122.
- ⁷⁵⁰ *Toynbee A.J.* The Western Question in Greece and Turkey. P. 17.
- ⁷⁵¹ *Hamlin C.* Among the Turks. P. 268.
- ⁷⁵² *Brailsford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. P. 107.
- ⁷⁵³ Carnegie Endowment. Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars 1914. P. 22; 1925. P. 3.
- ⁷⁵⁴ Carnegie Endowment. Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars (1914). P. 22.
- ⁷⁵⁵ *Brailsford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. P. 107; *Stavrianos L.S.* The Balkans since 1453. P. 518.
- ⁷⁵⁶ *Bercovici K.* The Incredible Balkans. P. 93–94; *Zotiades G.B.* The Macedonian Controversy. P. 57.
- ⁷⁵⁷ *Chiol M.V.* Twixt Greek and Turk. P. 64, 168; *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 79; *Mantegazza V.* Macedonia. P. 265; *Miecznik A.* Macedonia i Macedonczycy. P. 4; *Buxton N.* Europe and the Turks. P. 49; *Le Queux W.* An Observer in the Near East. P. 147; *Lynch H.F.B.* Europe in Macedonia. P. 34–35; *Up-*

ward A. The East End of Europe. P. 179; Moore A. The Orient Express. P. 171-172; Reed J. The War in Eastern Europe. P. 305; Bouchié de Belle E. La Macédoine et les Macédoins. P. 25, 129-130; Bercovici K. The Incredible Balkans. P. 90, 93; Graves R. Storm Centres of the Near East. P. 196.

⁷⁵⁸ Laveleye E.L.V. de. The Balkan Peninsula. P. 290; Samuelson J. Bulgaria Past and Present. P. 218; Barlett E.A. The Battlefields of Thessaly. P. 45; Barry J.P. At the Gates of the East. P. 251; Comyn - Platt T. The Turk in the Balkans. P. 51; Buxton N. Europe and the Turks. P. 55; Townshend A.F. A Military Consul in Turkey. P. 321; Bouchié de Belle E. La Macédoine et les Macédoins. P. 96; Cosmopoulos M.B. Macedonia. P. 74.

⁷⁵⁹ Hulme-Beaman A.G. Twenty Years in the Near East. P. 137.

⁷⁶⁰ Le Queux W. An Observer in the Near East. P. 285.

⁷⁶¹ Gordon T. History of the Greek Revolution. Vol. I. P. 321; About E. Greece and the Greeks of the Present Day. P. 42, 305; Senior N.W. Diary of a Journal kept in Turkey. P. 358-359, 364; Bremer F. Greece and the Greeks. Vol. II. P. 85, 285; Arnold A. From the Levant, the Black Sea, and the Danube. Vol. I. P. 11-13; Stuart-Glennie J.S. Europe and Asia. P. 244; Hugonnet L. La Turquie inconnue. P. 284; Kesnin bey. The Evil of the East. P. 209; Samuelson J. Bulgaria, Past and Present. P. 216; Horton G. Constantine. P. 9; Edwards H.S. Sir William White. P. 248; Vilari L. The Balkan Question. P. 137; Brailsford H.N. Macedonia: Its Races and Their Future. P. 122; Novaković S. Balkanska pitanja i manje istorijsko-političke beleške o Balkanskom poluostrvu 1886-1905. S. 368; Upward A. The East End of Europe. P. 26; Douglas J.A. The Redemption of Saint Sophia. P. 67; Ostrorog L. The Turkish Problem. P. 178; Volonakis M.D. Saint Sophia and Constantinople. P. 50; Bouchié de Belle E. La Macédoine et les Macédoins. P. 248; Price C. The Rebirth of Turkey. P. 52; Armstrong H. Turkey in Travail. P. 233.

⁷⁶² Temple G.T. Travels in Greece and Turkey. Vol. I. P. 22; Arnold A. From the Levant, the Black Sea, and the Danube. Vol. I. P. 119, 124; Braun-Wiesbaden K. Eine türkische Reise. Vol. II. P. 156; Dwyer H.O. Turkish Life in War Time. P. 243.

⁷⁶³ Vaka D. The Eagle and the Sparrow. P. 2-3.

⁷⁶⁴ См.: Chirol M.V. Twixt Greek and Turk. P. 79, 86; Buxton N. Europe and the Turks. P. 49-50; Le Queux W. An Observer in the Near East. P. 294; Draganof. Macedonia and the Reforms. P. 231-292; Lynch H.F.B. Europe in Macedonia. P. 35; Амфиатеос А.В. Славянское горе. С. 254; Carnegie Endowment. Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars 1914. P. 56; 1925. P. 43; Reed J. The War in Eastern Europe. P. 319; Buxton L.W.W. The Black Sheep of the Balkans. P. 146-147.

⁷⁶⁵ Edib H. Turkey Faces West. P. 68.

⁷⁶⁶ Braun-Wiesbaden K. Eine türkische Reise. P. 199; Layard A.H. Autobiography and Letters. Vol. II. P. 125; Ivanić I. Македонија i Македонци. P. 98, 126; Brailsford H.N. Macedonia: Its Races and Their Future. P. 62, 80; Амфиатеос А.В. Славянское горе. С. 244-45; Baker B.G. The Passing of the Turkish Empire in Europe. P. 54-55; Maliszewski E. Albania. S. 41-42; Gordon W. A Woman in the Balkans. P. 258; Douglas J.A. The Redemption of Saint Sophia. P. 59; Wilkinson H.R. Maps and Politics. P. 17.

⁷⁶⁷ Morritt J.B.S. The Letters of John B. S. Morritt of Rokeby. P. 60.

⁷⁶⁸ Hervé F. A Residence in Greece and Turkey. Vol. II. P. 286.

⁷⁶⁹ Vivian H. Servia, the Poor Man's Paradise. P. 100; Idem. The Servian Tragedy with some Impressions of Macedonia. P. 227; Eliot C.N.E. Turkey in Europe. P. 347; Edwards H.S. Sir William White. P. 123, 248; Baker B.G. The Passing of the Turkish Empire in Europe. P. 239.

⁷⁷⁰ Protić S.M. O Makedoniji i Makedoncima. S. 87-90, 94-95; Misirkov K.P. Za makedonckite raboti. S. 123; Garnett L.M.J. Turkish Life in Town and Country. P. 160-161; Ivanić I. Македонија i Македонци. P. 16, 72-73, 105; Plut M. Po macedonskem bojišču. S. 126; Tomitch S. Who are the Macedonian Slavs? P. 110; Pribichevich S. Macedonia. S. 108; См. также: Cowan J.K. Macedonia. P. xv.

⁷⁷¹ Амфиатеос А.В. Страна раздора. С. 26.

⁷⁷² Upward A. The East End of Europe. P. 76.

- 773 *Brailsford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. P. 62–63, 102; *Buxton N.* Europe and the Turks. P. 52; *Franck H.A.* The Fringe of the Moslem World. P. 316.
- 774 *Fraser J.F.* Pictures from the Balkans. P. 11.
- 775 *Toynbee A.J.* The Western Question in Greece and Turkey. P. 15–16.
- 776 *Водовозов В.* На Балканах. С. 76–77.
- 777 *Горчевић С.* Makedonien und Alt-Serbien. S. 325; *Амфитеатров А.В.* Страна раздора. С. 17; *Misirkov K.P.* Za makedonckite raboti. S. 122; *Brailsford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. P. 99.
- 778 *Амфитеатров А.В.* Страна раздора. С. 13.
- 779 *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 77; *Moore F.* The Balkan Trail. P. 187.
- 780 *Амфитеатров А.В.* Страна раздора. С. 17.
- 781 *Rittih P.A.* Po Balkanam. P. 199.
- 782 *Ibid.* P. 214.
- 783 *Hulme-Beaman A.G.* Twenty Years in the Near East. P. 143; *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 110; *Амфитеатров А.В.* Страна раздора. С. 14; *Buxton L.W.W.* The Black Sheep of the Balkans. P. 146–147.
- 784 *Tomitch S.* Who are the Macedonian Slavs?. P. 118.
- 785 *Eliot C.N.E.* Turkey in Europe. P. 298; *Villari L.* The Balkan Question. P. 122; *Brailsford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. P. 167.
- 786 *См.: Brailsford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. P. 101.
- 787 *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 9–10.
- 788 *Brailsford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. P. 103.
- 789 *Амфитеатров А.В.* Страна раздора. С. 20.
- 790 *Dacey E.* The Peasant State. P. 104, 123; *Kirkness K.* Ferdinand of Bulgaria. P. 104, 123.
- 791 *Hulme-Beaman A.G.* Twenty Years in the Near East. P. 143; *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 110; *Brailsford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. P. 132; *Moore F.* The Balkan Trail. P. 157; *Bruce R., Bruce K.* Letters from Turkey. P. 64; *Upward A.* The East End of Europe. P. 21–22; *Garnett L.M.* Turkey of the Ottomans. P. 124; *Andonović M.J.* Makedonski su Sloveni Srbi. S. 10; *Graves R.* Storm Centres of the Near East. P. 193.
- 792 *Le Queux W.* An Observer in the Near East. P. 207.
- 793 *Cosmopoulos M.B.* Macedonia. P. 72.
- 794 *Barlett E.A.* The Battlefields of Thessaly. P. 16–23, 125–127; *Bigham C.* With the Turkish Army in Thessaly. P. 3–4; *Mantegazza V.* Macedonia. P. 226; *Lynch H.F.B.* Europe in Macedonia. P. 35; *Cosmopoulos M.B.* Macedonia. P. 74–75.
- 795 *См.: Bérard V.* La Macédoine. P. 36; *Brailsford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. P. 104; *Buxton N.* Europe and the Turks. P. 48; *Carnegie Endowment.* Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars 1914. P. 25–26; 1925. P. iv, 6; *Reed J.* The War in Eastern Europe. P. 317; *Misheff D.* The Truth About Macedonia. P. 29; *Valoušek F.* Vzpomínky na Bosnu. S. 49.
- 796 *Villari L.* The Balkan Question. P. 83; *Upward A.* The East End of Europe. P. 271.
- 797 *Cvijić J.* Nekolika promatranja o etnografiji makedonskih Slovena. S. 5; *Reiss R.A.* The Kingdom of Serbia. P. 39.
- 798 *Protić S.M.* O Macedoniji i Macedoncima. P. 41, 83–87; *Veselinović M.V.* Srbi u Makedoniji i u južnoj Staroj Srbiji. S. 3; *Горчевић С.* Makedonien und Alt-Serbien. S. 37; *Andonović M.J.* Makedonski su Sloveni Srbi. S. 6; *Cvijić J.* Nekolika promatranja o etnografiji makedonskih Slovena. S. 12; *Idem.* La Péninsule Balkanique. P. 480; *Balkanicus.* The Aspirations of Bulgaria. P. 230–231.
- 799 *Reed J.* The War in Eastern Europe. P. 55.
- 800 *Durham M.E.* The Burden of the Balkans. P. 91–92.

- ⁸⁰¹ *Wilson F.M.* Portraits and Sketches of Serbia. P. 64; см. также: Carnegie Endowment. Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars (1914). P. 180.
- ⁸⁰² Carnegie Endowment. Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars (1914). P. 164.
- ⁸⁰³ Carnegie Endowment. Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars (1914). P. 174–177; *Reed J.* The War in Eastern Europe. P. 319; *Водовозов В.* На Балканах. С. 82; *Kuba L.* Čtení o Makedonii. S. 38, 211; *Christowe S.* Heroes and Assassins. P. 145; *Pavlowitch S.K.* A History of the Balkans 1804–1945. P. 177.
- ⁸⁰⁴ *Kuba L.* Čtení o Makedonii. S. 40, 226.
- ⁸⁰⁵ *Christowe S.* Heroes and Assassins. P. 45.
- ⁸⁰⁶ *Водовозов В.* На Балканах. С. 76, 90.
- ⁸⁰⁷ *Moore F.* The Balkan Trail. P. 185–186.
- ⁸⁰⁸ *Hulme-Beaman A.G.* Twenty Years in the Near East. P. 146.
- ⁸⁰⁹ *Popović D.J.* O Cincarima. S. 276–277.
- ⁸¹⁰ *Tučan F.* Po Makedoniji. S. 96.
- ⁸¹¹ *Martis N.K.* The Falsification of Macedonia History. P. 109; *Cosmopoulos M.B.* Macedonia. P. 57.
- ⁸¹² *Fraser J.F.* Pictures from the Balkans. P. 6.
- ⁸¹³ *Puljevski D.M.* Rečnik od tri jezika s. makedonski, arbanski i turski. S. 49.
- ⁸¹⁴ *Misirkov K.P.* Za makedonckite raboti. S. 101.
- ⁸¹⁵ *Miecznik A.* Macedonja i Macedonczycy. S. 66; *Upward A.* The East End of Europe. P. 59, 204; *Laffan R.G.D.* The Guardians of the Gate. P. 66; *Bouchié de Belle E.* La Macédoine et les Macédoins. P. 44.
- ⁸¹⁶ *Rittih P.A.* Po Balkanam. P. 178.
- ⁸¹⁷ *Salgundžijev S.K.* Lični dela i spomeni po vuzroždaneto na solunskiot i serski Bulgari ili 12-godišna žestoka neravna borba s gurchkata propaganda. S. 34–35.
- ⁸¹⁸ *Водовозов В.* На Балканах. С. 30.
- ⁸¹⁹ См.: *Horn.* Das Volksthum der Slaven Makedoniens. Ein Beitrag zur Klärung der Orientfrage. S. 19–20.
- ⁸²⁰ *Fraser J.F.* Pictures from the Balkans. P. 6.
- ⁸²¹ *Comyn - Platt T.* The Turk in the Balkans. P. 33–34.
- ⁸²² *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 80.
- ⁸²³ *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 166.
- ⁸²⁴ *West R.* Black Lamb and Grey Falcon. P. 288.
- ⁸²⁵ *Nametak A.* Mostarski stari most. S. 137; *Idem.* Islamski kulturni spomenici turskoga perioda u Bosni i Hercegovini. S. 28; *Babinger F.* Die Brücke von Mostar. P. 11.
- ⁸²⁶ См.: *Hutchinson F.K.* Motoring in the Balkans. P. 244.
- ⁸²⁷ *Beaujour F. de.* Voyages militaire dans l'Empire Othoman. Vol. I. P. 389; *Capus G.* A travers la Bosnie et l'Herzegovine. P. 303; *Franić D.* S gijacima kroz Bosnu-Hercegovinu, Crnu Goru, Dalmaciju, Jadransko more, Istru (Trst, Metke, Rijeku) i Hrvatsku. S. 108; *Koetschet J.* Osman Pascha. S. 58; *Nametak A.* Mostarski stari most. S. 140; *Kreševljaković H., Kapidžić H.* Stari hercegovački gradovi. S. 11.
- ⁸²⁸ *Mujić M.A.* Krivi most na Radbolji u Mostaru. S. 215.
- ⁸²⁹ *Ajkić M.* Stari most – simbol Mostara. S. 5.
- ⁸³⁰ *Renner H.* Durch Bosnien und die Herzegovina kreuz und quer. P. 307–308; *Michel R.* Auf der Südbastion unserer Reiches. S. 29; *Ajkić M.* Mostarski stari most. S. 12; *Idem.* Stari most – simbol Mostara. S. 16.
- ⁸³¹ *Čelebi E.* Putopia. S. 470.
- ⁸³² *Ajkić M.* Mostarski stari most. S. 13; *Čelić D., Mujezinović M.* Stari mostovi u Bosni i Hercegovini. S. 188.

- ⁸³³ *Hasandedić H.* Spomenici kulture turskog doba u Mostaru. S. 111.
- ⁸³⁴ *Jireček C.J.* Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe. S. 79; *Asboth J. de.* An Official Tour through Bosnia and Herzegovina. P. 258; *Peez C.* Mostar und sein Kulturkreis. P. 15; *Renner H.* Durch Bosnien und die Hercegovina kreuz und quer. S. 307; *Michel R.* Mostar. S. 14; *Idem.* Auf der Südbastion unsers Reiches. S. 30; *Ajkić M.* Mostarski stari most. S. 8; *Idem.* Stari most – simbol Mostara. S. 7; *Bajraktarević F.* Mostar. III. knj. S. 608–09; *Čelić D., Mujezinović M.* Stari mostovi u Bosni i Hercegovini. S. 184; *Hasandedić H.* Spomenici kulture turskog doba u Mostaru. S. 112.
- ⁸³⁵ *Čelić D., Mujezinović M.* Stari mostovi u Bosni i Hercegovini. S. 187.
- ⁸³⁶ *Celebi E.* Putopis. S. 470.
- ⁸³⁷ *Capus G.* A travers la Bosnie et l'Herzegovine. P. 304; *Renner H.* Durch Bosnien und die Hercegovina kreuz und quer. S. 307; *Michel R.* Auf der Südbastion unsers Reiches. S. 30; *Ajkić M.* Mostarski stari most. S. 13; *Čelić D., Mujezinović M.* Stari mostovi u Bosni i Hercegovini. S. 187; *Hasandedić H.* Spomenici kulture turskog doba u Mostaru. S. 114.
- ⁸³⁸ *Asboth J. de.* An Official Tour through Bosnia and Herzegovina. P. 258; *Renner H.* Durch Bosnien und die Hercegovina kreuz und quer. S. 307; *Muhibić M.H.* Stara ćuprija u Mostaru. S. 13; *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 166–167; *Michel R.* Auf der Südbastion unsers Reiches. S. 30; *Neidhardt J., Čelić D.* Stari most u Mostaru. S. 135; *Hasandedić H.* Spomenici kulture turskog doba u Mostaru. S. 116.
- ⁸³⁹ *Muhibić M.H.* Stara ćuprija u Mostaru. S. 13.
- ⁸⁴⁰ *Ajkić M.* Mostarski stari most. P. 6; *Idem.* Stari most – simbol Mostara. S. 15.
- ⁸⁴¹ *Asboth J. de.* An Official Tour through Bosnia and Herzegovina. P. 258; *Capus G.* A travers la Bosnie et l'Herzegovine. P. 304; *Renner H.* Durch Bosnien und die Hercegovina kreuz und quer. P. 307; *Muhibić M.H.* Stara ćuprija u Mostaru. P. 13; *Michel R.* Mostar. S. 14; *Idem.* Auf der Südbastion unsers Reiches. S. 31; *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 167; *Gordon J., Gordon C.* Two Vagabonds in the Balkans. P. 193; *Ajkić M.* Mostarski stari most. S. 5; *Idem.* Stari most – simbol Mostara. S. 14; *Neidhardt J., Čelić D.* Stari most u Mostaru. S. 135; *Čelić D., Mujezinović M.* Stari mostovi u Bosni i Hercegovini. S. 196; *Hasandedić H.* Spomenici kulture turskog doba u Mostaru. S. 116.
- ⁸⁴² *См.: Jireček K.* Cesty po Bulharsku. S. 444–445; *Walker M.A.* Untrodden Path in Roumania. P. 50–52; *Vivian H.* The Serbian Tragedy with some Impressions of Macedonia. P. 250–251; *Newman B.* Albanian Journey. P. 75.
- ⁸⁴³ *Creagh J.* Over the Borders of Christendom and Eslamiah. Vol. II. P. 331–333; *Hugonnet L.* La Turquie inconnue. P. 253; *Glück L.* Albanien und Macedonien. S. 14; *Edmonds S.* The Land of the Eagle. P. 240.
- ⁸⁴⁴ *Renner H.* Durch Bosnien und die Hercegovina kreuz und quer. S. 195; *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 133.
- ⁸⁴⁵ *Asboth J. de.* An Official Tour through the Balkans. P. 258; *Renner H.* Durch Bosnien und die Hercegovina kreuz und quer. S. 197, 358.
- ⁸⁴⁶ *Edsman C.* Bridges. P. 313.
- ⁸⁴⁷ *Chaumette A.* Voyage en Bosnie dans les années 1807 et 1808. P. 25, 43.
- ⁸⁴⁸ *Гильердинг А.Ф.* Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. С. 43; *Creagh J.* Over the Borders of Christendom and Eslamiah. Vol. II. P. 171; *Asboth J. de.* An Official Tour through Bosnia and Herzegovina. P. 257; *Capus G.* A travers la Bosnie et l'Herzegovine. P. 304; *Renner H.* Durch Bosnien und die Hercegovina kreuz und quer. S. 306; *Muhibić M.H.* Stara ćuprija u Mostaru. S. 12; *Lavtizar J.* Pri Jugoslavanih. S. 131; *Wester J.* Iz domovine u tujine. S. 214.
- ⁸⁴⁹ *Thoemmel G.* Geschichtliche, politische und topographisch-statische Beschreibung des Vilajet Bosnien. S. 130; *Forsyth W.* The Slavonic Provinces South of the Danube. P. 85; *Renner H.* Durch Bosnien und die Hercegovina kreuz und quer. S. 306; *Andrejka J.* Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878. S. 187.
- ⁸⁵⁰ *Pertusier C.* La Bosnie considérée dans ses rapports avec l'empire Ottoman. P. 265, 356.
- ⁸⁵¹ *Boué A.* La Turquie d'Europe. P. II, 384; *Biasoletto B.* Relazione del viaggio fatto nella primavera dell'anno 1838 dalla maesta del re Federico Augusto di Sas-

- sonia nell' Istria, Dalmazia e Montenegro. P. 129; *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. II. P. 59-60; *Reinsberg-Düringsfeld I.* Aus Dalmatien. Bd. III. S. 327; *Lazen C. de.* L'Herzegovine et le pont de Mostar. P. 2; *Arbuthnot G.* Herzegovina. P. 89; *Roškiewicz J.* Studien über Bosnien und die Herzegovina. S. 140; *Evans A.J.* Through Bosnia and the Herzegovina On Foot During the Insurrection, August and September 1875. P. 348-349; *Stuart - Glennie J.S.* Europe and Asia. P. 383; *Capus G.* A travers la Bosnie et l'Herzegovine. P. 304; *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 166; *Blunt A.* Where the Turk Trod. P. 47.
- ⁸⁵² *Boué A.* Recueil d'itinéraires dans la Turquie d'Europe. Vol. II. P. 211.
- ⁸⁵³ *Capus G.* A travers la Bosnie et l'Herzegovine. P. 304.
- ⁸⁵⁴ *Jaechel B.* The Lands of the Tamed Turk or the Balkan States To-day. P. 171.
- ⁸⁵⁵ *Yriarte C.* Les bords de l'Adriatique et le Montenegro. P. 6; *Stuart-Glennie J.S.* Europe and Asia. P. 383.
- ⁸⁵⁶ *Quiclet.* Les Voyages de M. Quiclet a Constantinople par terre. P. 60.
- ⁸⁵⁷ *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. II. P. 59-60.
- ⁸⁵⁸ *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. II. P. 60; *Lazen C. de.* L'Herzegovine et le pont de Mostar. P. 2; *Arbuthnot G.* Herzegovina. P. 89; *Evans A.J.* Through Bosnia and the Herzegovina On Foot During the Insurrection, August and September 1875. P. 348; *Muhibić H.M.* Stara ćuprija u Mostaru. P. 11; *Capus G.* A travers la Bosnie et l'Herzegovine. P. 304; *De Windt H.* Through Savage Europe. P. 83.
- ⁸⁵⁹ *Blau O.* Reisen in Bosnien und der Hertzegovina. S. 36; *Asboth J. de.* An Official Tour through Bosnia and Herzegovina. P. 257.
- ⁸⁶⁰ *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. II. P. 61; *Arbuthnot G.* Herzegovina. P. 89; *Roškiewicz J.* Studien über Bosnien und die Herzegovina. S. 140.
- ⁸⁶¹ *Boué A.* Recueil d'itinéraires dans la Turquie d'Europe. Vol. II. P. 212; *Arbuthnot G.* Herzegovina. P. 89.
- ⁸⁶² *Hartley J.* Researches in Greece and the Levant. P. 37; *Benaglia G.* Relazione del Viaggio Fatto a Constantinopoli, e ritorno in Germania. P. iii.
- ⁸⁶³ *Browne E.* A Brief Account of some Travels in Hungaria, Servia, Bulgaria, Macedonia, Thessaly, Austria, Styria, Carinthia, Carniola, and Friuli. P. 82.
- ⁸⁶⁴ *Buxton N.* Europe and the Turks. P. 24.
- ⁸⁶⁵ Cm.: *Johnson R.* Relations, Of the Most Famous Kingdoms and Commonwealths Through the World. P. 268; *Howell J.* Instructions and Directions For Forren Travell. P. 134; *Burbury J.* A Relation of a Journey of the Right Honourable My Lord Henry Howard. P. 142, 173; *Gemelli Careri F.* Giro del Mondo. Vol. I. P. 241, 295-296.
- ⁸⁶⁶ *Pouillet.* Nouvelles relations du Levant. Vol. I. P. 75.
- ⁸⁶⁷ *Semple R.* Observations on A Journey through Spain and Italy to Naples. Vol. II. P. 180.
- ⁸⁶⁸ *Knighton W.* European Turkey. P. 153.
- ⁸⁶⁹ *Walsh R.* Narrative of a Journey from Constantinople to England. P. 191.
- ⁸⁷⁰ *Hartley J.* Researches in Greece and the Levant. P. 37.
- ⁸⁷¹ *Boué A.* La Turquie d'Europe. Vol. II. P. 415.
- ⁸⁷² *Rasch G.* Die Türken in Europa. S. v; *Loti P.* Turkey in Agony. P. 40.
- ⁸⁷³ *Cockerell C.R.* Travels in Southern Europe and the Levant, 1810-1817. P. 26-27.
- ⁸⁷⁴ *Boué A.* La Turquie d'Europe. Vol. III. P. 73; *Borsa M.* Dal Montenegro. P. 63.
- ⁸⁷⁵ *Angell N.* Peace Theories and the Balkan War. P. 33.
- ⁸⁷⁶ *Lazen C. de.* L'Herzegovine et le pont de Mostar. P. 2.
- ⁸⁷⁷ *Gemelli Careri F.* Giro del Mondo. Vol. VI. P. 200-201.
- ⁸⁷⁸ *Jukić I.F.* Putovanje po Bosni godine 1843. S. 26; *Kukuljević I.* Putovanje po Bosni. S. 74; *De Windt H.* Through Savage Europe. P. 107; *Solta S.* Bosnijski kraj a raj. S. 26.
- ⁸⁷⁹ *Reinsberg-Düringsfeld I.* Aus Dalmatien. Bd. III. S. 194.
- ⁸⁸⁰ *Ibid.* S. 327.

- 881 *Blau O.* Reisen in Bosnien und der Hertzegovina. P. 36.
- 882 *Evans A.J.* Through Bosnia and the Herzegovina On Foot During the Insurrection, August and September 1875. P. 348–349.
- 883 *Munro R.* Rambles and Studies in Bosnia-Herzegovina. P. 181.
- 884 *Asboth J. de.* An Official Tour through Bosnia and Herzegovina. P. 257; *De Windt H.* Through Savage Europe. P. 83.
- 885 *Styx E.* Das Bauwesen in Bosnien und der Hercegovina vom Beginn der Occupation durch die österreichisch-ungarische Monarchie bis in das Jahr 1887. S. 14.
- 886 *Muhibić M.H.* Stara ćuprija u Mostaru. S. 13.
- 887 *Ajkić M.* Stari most – simbol Mostara. S. 3, 17.
- 888 *См.: Schweiger-Lerchenfeld A.F.* Bosnien, das Land und seine Bewohner. S. 89; *Peez C.* Mostar und sein Culturkreis. S. 15; *Thomson H.C.* The Outgoing Turk. P. 94; *De Windt H.* Through Savage Europe. P. 83; *Michel R.* Mostar. P. 14; *Whitwell Mrs E.R.* Through Bosnia and Herzegovina. P. 51; *Jaekel B.* The Lands of the Tamed Turk or the Balkan States To-day. P. 172; *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 166; *Gordon J., Gordon C.* Two Vagabonds in the Balkans. P. 194; *Köhler A.* Sonne über dem Balkan. S. 91; *Ellison G.* Yugoslavia. P. 258; *Burr M.* Slouch Hat. P. 31; *McCulloch J.I.B.* Drums in the Balkan Night. P. 103.
- 889 Narodna enciklopedija srpsko-hrvatska-slovenačka. II. knj. S. 1049.
- 890 *Matzhöld L.A.* Brandherd Balkan. P. 39.
- 891 *Curipeschitz B.* Itinerarivm Wegrayß kün. May. potschaft gen Constantinopel zudem Türkischen keiser Soleyman.
- 892 *Plut M.* Po macedonskem bojišču. S. 53; *Melik A.* Do Ohrida in Bitolja. S. 20.
- 893 *Tučan F.* Po Makedoniji. S. 36; *см. также: Novaković S.* Balkanska pitanja i manje istorijsko-političke beleške o Balkanskom poluostrvu 1886–1905. S. 30.
- 894 *Jireček C.J.* Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe. S. 79; *Celić D., Mujezinović M.* Stari mostovi u Bosni i Hercegovini. S. 184; *Hasandedić H.* Spomenici kulture turskog doba u Mostaru. S. 5.
- 895 *Jireček C.J.* Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe. S. 79; *Styx E.* Das Bauwesen in Bosnien und der Herzegovina vom Beginn der Occupation durch die österreichisch-ungarische Monarchie bis in das Jahr 1887. S. 10; *Renner H.* Durch Bosnien und die Herzegovina kreuz und quer. S. 306; *Sabanović H.* Bosanski pašaluk. S. 142; *Mandić D.* Mostar u Hercegovini, njegov postanak i značenje imena. S. 96–97; *Hasandedić H.* Spomenici kulture turskog doba u Mostaru. S. 6, 9.
- 896 *Nametak A.* Mostarski stari most. S. 135.
- 897 *Celebi E.* Putopis. S. 469.
- 898 *Chaumette A.* Voyage en Bosnie dans les années 1807 et 1808. P. 25; *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. II. P. 59–60; *Boué A.* Recueil d'itinéraires dans la Turquie d'Europe. Vol. II. P. 212; *Гильфердинг А.Ф.* Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. С. 43; *Arbuthnot G.* Herzegovina. P. 89; *Roskiewicz J.* Studien über Bosnien und die Herzegovina. S. 140; *Blau O.* Reisen in Bosnien und der Hertzegovina. S. 34; *Stuart - Glennie J.S.* Europe and Asia. P. 383; *Asboth J. de.* An Official Tour through Bosnia and Herzegovina. P. 260; *Muhibić M.H.* Stara ćuprija u Mostaru. S. 13; *Capus G.* A travers la Bosnie et l'Herzegovine. P. 303; *Lavtizar J.* Pri Jugoslavanih. S. 129; *Wester J.* Iz domovine in tujine. S. 214; *Blunt A.* Where the Turk Trod. P. 42.
- 899 *Arbuthnot G.* Herzegovina. P. 89.
- 900 *Schweiger-Lerchenfeld A.F.* Bosnien, das Land und seine Bewohner. S. 89; *Peez C.* Mostar und sein Culturkreis. S. 18.
- 901 *Гильфердинг А.Ф.* Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. С. 43.
- 902 *Peez C.* Mostar und sein Culturkreis. S. 18.
- 903 *Ćorović V.* Mostar i njegovi književnici. S. 4; *Žunković M.* Die Slaven, ein Urvolk Europas. S. 165; *Ajkić M.* Mostarski stari most. S. 11; *Idem.* Stari most – simbol Mostara. S. 21; *Kreševljaković H.* Esnaf i obrti u Bosni i Hercegovini. S. 61; *Hasandedić H.* Spomenici kulture turskog doba u Mostaru. S. 6.

- 904 *Mandić D.* Mostar u Hercegovini, njegov postanak i značenje imena. P. 107.
- 905 *Ajkić M.* Stari most – simbol Mostara. S. 21; *Mandić D.* Mostar u Hercegovini, njegov postanak i značenje imena. S. 103.
- 906 *Ajkić M.* Stari most – simbol Mostara. S. 13.
- 907 *Burr M.* Slouch Hat. P. 31; *Neidhardt J., Čelić D.* Stari most u Mostaru. S. 134; *Zdravković I.* Opravka kula kod Starog mosta u Mostaru. S. 141; *Dizdar M., Pi-lja D.* The District of Mostar. P. 13.
- 908 *Neidhardt J., Čelić D.* Stari most u Mostaru. S. 134.
- 909 *De Windt H.* Through Savage Europe.
- 910 *Sloane W.M.* The Balkans.
- 911 Цлгг по: *Villari L.* The Balkan Question. P. 33–34.
- 912 *Spencer E.* Travels in European Turkey in 1850. Vol. II. P. 74.
- 913 *Vambéry A.* Western Culture in Eastern Lands. P. 281; *Pears E.* Turkey and its People. P. 318.
- 914 *Gopčević S.* Makedonien und Alt-Serbien. S. 182.
- 915 *Austell H.* The voyage of M. Henry Austell by Venice to Ragusa, and thence over-land to Constantinople: and from thence through Moldavia, Polonia, Silesia, and Germany into England, Anno 1586. P. 320.
- 916 *Sandys G.* A relation of a journey begun Anno. Dom. 1610. P. 36.
- 917 См.: *Russell A.* The Natural History of Aleppo. P. 14; *Clarke E.D.* Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Vol. I. P. 691; *Greg W.R.* Sketches in Greece and Turkey. P. 28; *Spencer E.* Travels in European Turkey in 1850. Vol. II. P. 371–372; *Knighton W.* European Turkey. P. 110; *Гильердинз А.Ф.* Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. С. 311; *Jeran L.* Potovanje v Sveto Deželo, v Egipt, Fenicijo, Sirijo, na Libanon, v Carigrad in druge kraje. S. 356; *Adams W.T.* Cross and Crescent. P. 145; *De Windt H.* Through Savage Europe. P. 63, 216; *Fox F.* The Balkan Peninsula. P. 90.
- 918 *Pardoe Mrs.* The City of the Sultan. Vol. I. P. 1; *A Lady.* Wayfaring Sketches among the Greeks and Turks. P. 173; *Leech H.H.* Letters of a Sentimental Idler. P. 37; *Bartlett E.A.* The Battlefields of Thessaly. P. 325; *Douglas J.A.* The Redemption of Saint Sophia. P. 18; *Neave D.L.* Romance of the Bosphorus. P. 11.
- 919 *Gautier T.* Constantinople. P. 76.
- 920 *James L.* With the Conquered Turk. P. 184.
- 921 См.: *Sandys G.* A relation of a journey begun Anno. Dom. 1610. P. 36; *Veryard E.* An Account on divers Choice Remarks. P. 341; *Thompson C.* The Travels Of the Late Charles Thompson, Esq. Vol. II. P. 43; *Calvert F.* A Tour to the East, In the Years 1763 and 1764. P. 56; *Tott F. de.* Memoirs of the Baron de Tott, on the Turks and the Tartars. Vol. I. P. 41; *Sutherland C.* A Tour up the Saits, from Gibraltar to Constantinople. P. 348; *Jenour M.* The Route to India. P. 19; *Watkins T.* Travels through Switzerland, Italy, Sicily, the Greek Islands to Constantinople. Vol. II. P. 244; *Wittman W.* Travels in Turkey, Asia-Minor, Syria, and Across the Desert into Egypt During the Years 1799, 1800, and 1801. P. 13; *Clarke E.D.* Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Vol. I. P. 687; *Galt J.* Voyages and Travels, in the Years 1809, 1810, and 1811. P. 255; *Spencer E.* Travels in Circassia, Krim Tartary, &c. Vol. I. P. 129; *Pfeiffer I.* Reise eine Wienerin in das heilige Land. P. 16; *Titmarsh M.A.* Notes of a Journey from Cornhill to Grand Cairo. P. 100; *Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro. Vol. II. P. 88; *Vere A. de.* Picturesque Sketches of Greece and Turkey. Vol. II. P. 114; *Dunne L.* A Trip to Constantinople. P. 4; *Black A.P.* A Hundred Days in the East. P. 499; *Grey Mrs W.* Journal of a Visit to Egypt, Constantinople, the Crimea, Greece, &c. P. 154; *Barkley H.C.* Between the Danube and the Black Sea. P. 7; *Mackenzie G.M., Irby A.P.* Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. I. P. 54–55; *Elliot F.* Diary of an Idle Woman in Constantinople. P. 230; *Curtis W.E.* The Turk and His Lost Provinces. P. 95; *Alfalo F.G.* An Idler in the Near East. P. 9.
- 922 *Du Mont J.* A New Voyage to the Levant. P. 148.
- 923 *Bruce P.H.* Memoirs. P. 48–49.
- 924 *Upward A.* The East End of Europe. P. 185.

- ⁹²⁵ *Johnson R.* Relations, of the Most Famous Kingdoms and Common-Weales Through the World. P. 268; *Hill A.* A Full and Just Account of the Present State of The Ottoman Empire in all its Branches. P. 129; *Gislenius A.* Travels into Turkey. P. 14-15; *Davy J.* Notes and Observations on the Ionian Isles and Malta. Vol. II. P. 416.
- ⁹²⁶ *Montague M.W.* Letters. Vol. II. P. 69-70.
- ⁹²⁷ *Montague J.* A Voyage Performed by the Late Earl of Sandwich. P. 168; *Hobhouse J.C.* A Journey through Albania and other Provinces of Turkey in Europe and Asia. P. 513; *Vere A. de.* Picturesque Sketches of Greece and Turkey. Vol. II. P. 119-120; *Bent J.T.* Early Voyages and Travels in the Levant. P. 178.
- ⁹²⁸ *Abbott G.F.* Under the Turk in Constantinople. P. 33.
- ⁹²⁹ *Titmarsh M.A.* Notes of a Journey from Cornhill to Grand Cairo. P. 74; *Thomson H.C.* The Outgoing Turk. P. 11; *Miller W.* Travels and Politics in the Near East. P. 365-366; *Eliot C.N.E.* Turkey in Europe. P. 92; *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 74; *Curtis W.E.* The Turk and His Lost Provinces. P. 297.
- ⁹³⁰ *Cm.: Macmichael W.* Journey from Moscow to Constantinople. P. 117; *Bramsen J.* Travels in Egypt, Syria, Cyprus, the Morea, Greece, Italy &c. Vol. II. P. 90; *Turner W.* Journal of a Tour in the Levant. Vol. I. P. 86; *Alexander J.E.* Travels from India to England. P. 253; *Blaquiere E.* Letters from Greece. P. 110; *Cochrane G.* Wanderings in Greece. Vol. I. P. 202; *Eremiten.* Reise nach dem Orient. Bd. I. S. 107; *Mure W.* Journal of a Tour in Greece and the Ionian Islands. Vol. II. P. 51; *Parnauvel O.T.* A Trip to Turkey. P. 46; *Jerningham H.E.H.* To and from Constantinople. P. 203; *Field H.M.* The Greek Islands and Turkey after the War. P. 81; *Samuelson J.* Bulgaria, Past and Present. P. 118; *Brayley Hodgetts E.A.* Round about Armenia. P. 7; *Dwight H.O.* Constantinople and its Problems. P. 180-182; *Cockerell C.R.* Travels in Southern Europe and the Levant, 1810-1817. P. 46; *Curtis W.E.* The Turk and His Lost Provinces. P. 95, 196; *Jastrebov I.* Stara Srbija i Albanija. S.38; *Barry J.P.* At the Gates of the East. P. 52; *Buxton N.* Europe and the Turks. P. 15; *Kanitz F.* Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Bd. III. S. 125; *Garnett L.M.* Turkey of the Ottomans. P. 154; *Morritt J.B.S.* The Letters of John B.S. Morrirt of Rokeby. P. 232; *Blackwood H.G.* My Russian and Turkish Journals. P. 196; *Graves R.* Storm Centres of the Near East. P. 36.
- ⁹³¹ *Chaumette A.* Voyage en Bosnie dans les années 1807 et 1808. P. 77; *Boué A.* La Turquie d'Europe. Vol. II. P. 296; *Laveleye E.L.V. de.* The Balkan Peninsula. P. 74; *Roskiewicz J.* Studien über Bosnien und die Herzegovina. S. 190-191; *Asboth J. de.* An Official Tour through Bosnia and Herzegovina. P. 177; *Coufopoulos D.* A Guide to Constantinople. P. 36; *Nušić B.* Kosovo. S. 14; *Durham M.E.* Through the Lands of the Serb. P. 193; *Holbach M.M.* Bosnia and Herzegovina. P. 166-167; *Fox F.* The Balkan Peninsula. P. 159-160; *West R.* Black Lamb and Grey Falcon. P. 308; *Golczewski M.* Der Balkan in deutschen und österreichischen Reise und Erlebnisberichten. S. 133.
- ⁹³² *Alexander J.E.* Travels from India to England. P. 253; *Walsh R.* Narrative of a Journey from Constantinople to England. P. 208-209; *Slade A.* Travels in Germany and Russia. P. 170-171; *Smith W.W.* A Year with the Turks. P. 11.
- ⁹³³ *The Man Who Dined with Kaiser.* My Secret Service. P. 43.
- ⁹³⁴ *Ustinov P.* A country with too much past tries to come to terms with the present.
- ⁹³⁵ *Wratislaw W.* Adventures of Baron Wenceslas Wratislaw of Mitrowitz. P. 15.
- ⁹³⁶ *Burbury J.* A Relation of a Journey of the Right Honourable My Lord Henry Howard. P. 88; *Broune E.* A Brief Account of some Travels in Hungaria, Servia, Bulgaria, Macedonia, Thessaly, Austria, Styria, Carinthia, Carniola, and Friuli. P. 32-35; *Benaglia G.* Relazione del Viaggio Fatto a Constantinopoli, e ritorno in Germania. P. 21.
- ⁹³⁷ *Lusignan S.* A Series of Letters. Vol. I. P. 254; *Hunter W.* Travels in the Year 1792. P. 418; *Townson R.* Travels in Hungary. P. 83; *Morrirt J.B.S.* The Letters of John B.S. Morrirt of Rokeby. P. 46; *A Lady.* Wayfaring Sketches among the Greeks and Turks. P. 320.
- ⁹³⁸ *Spencer E.* Travels in Circassia, Krim Tartary, &c. Vol. I. P. 18.
- ⁹³⁹ *Bramsen J.* Travels in Egypt, Syria, Cyprus, the Morea, Greece, Italy, &c. Vol. I. P. 117-118; *Burgess R.* Greece and the Levant. Vol. II. P. 306.

- 940 *Creagh J.* Over the Borders of Christendom and Eslamiah. Vol. I. P. 33.
- 941 *Celebi E.* Putopis. S. 376.
- 942 *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 379.
- 943 An Itinerary from London to Constantinople. P. 45; *Hunter W.* Travels in the Year 1792. P. 412; *Best J.J.* Excursions in Albania. P. 327.
- 944 *Paton A.A.* Researches on the Danube and the Adriatic. Vol. II. P. 37–38.
- 945 *Ibid.* P. 254.
- 946 An Itinerary from London to Constantinople. P. 58; *Alexander J.E.* Travels from India to England. P. 250; *A British Resident.* The Frontier Lands of the Christian and the Turk. P. 213; *Johnson E.E.* On the Track of the Crescent. P. 115.
- 947 *Walsh R.* Narrative of a Journey from Constantinople to England. P. 206.
- 948 *Frankland C.C.* Travels to and from Constantinople. Vol. I. P. 37.
- 949 *Burton N.* Narrative of a voyage from Liverpool to Alexandria. P. 276; *A British Resident.* The Frontier Lands of the Christian and the Turk. P. 213.
- 950 См.: *A Lady.* Wayfaring Sketches among the Greeks and Turks. P. 231; *Knighon W.* European Turkey. P. 103; *Noyes J.O.* Roumania. P. 179; *De Burton A.* Ten Months' Tour in the East. P. 41; *Field H.M.* The Greek Islands and Turkey after the War. P. 211–213; *Hulme-Beaman A.G.* Twenty Years in the Near East. P. 117; *Moore A.* The Orient Express. P. 174; *Reed J.* The War in Eastern Europe. P. 295; *The Man Who Dined with Kaiser.* My Secret Service. P. 43.
- 951 *Sloane W.M.* The Balkans. P. 125.
- 952 *Colville J.R.* Fools' Pleasure. P. 63.
- 953 *Messner-Sporšić A.* Od Bukurešta do Ankare. P. 18.
- 954 *Mundy P.* The Travels in Europe, 1608–1628. P. 152.
- 955 *Bevk F.* Deset dni v Bolgariji. S. 15.
- 956 *Minchin J.G.C.* The Growth of Freedom in the Balkan Peninsula. P. 361.
- 957 *Jireček K.* Cesty po Bulharsku. P. 26; *Aškerc A.* Izlet v Carigrad. P. 59; *Huyshé W.* The Liberation of Bulgaria. P. 90, 94; *Miller W.* Travels and Politics in the Near East. P. 456–458; *Modrich G.* Nella Bulgaria Unita. P. 20; *Curtis W.E.* The Turk and His Lost Provinces. P. 199; *Fraser J.F.* Pictures from the Balkans. P. 66–68; *Herbert W. von.* By-paths in the Balkans. P. 20; *Moore F.* The Balkan Trail. P. 56–58; *De Windt H.* Through Savage Europe. P. 200; *Woods H.C.* Washed by Four Seas. P. 219–220; *Gordon W.* A Woman in the Balkans. P. 68; *Graves R.* Storm Centres of the Near East. P. 36; *Hauser H.* Süd-Ost-Europa ist erwacht. P. 174.
- 958 *Booth J.L.C.* Trouble in the Balkans. P. 16; *Moore F.* The Balkan Trail. P. 69; *De Windt H.* Through Savage Europe. P. 200; *Woods H.C.* Washed by Four Seas. P. 227; *Rittih P.A.* Po Balkanam. S. 19; *Thomsett R.G.* A Trip through the Balkan. P. 66–67; *Pears E.* Turkey and Its People. P. 223; *Messner-Sporšić A.* Od Bukurešta do Ankare. S. 75.
- 959 См.: *More R.J.* Under the Balkans. S. 9–10; *Messner-Sporšić A.* Od Bukurešta do Ankare. S. 146.
- 960 *Fox F.* The Balkan Peninsula. P. 91
- 961 *Hadži-Kalfa.* O balkanskom poluostrvu. S. 36.
- 962 *Bisani N.* A Picturesque Tour Through Part of Europe, Asia, and Africa. P. 36.
- 963 *Holland H.* Travels in the Ionian Isles, Albania, Thessaly, Macedonia, &c. P. 315–316; *Cousinéry E.M.* Voyage dans La Macedoine. Vol. I. P. 41; *Leake W.M.* Travels in Northern Greece. Vol. III. P. 239–241; *Grisebach A.* Reise durch Rumelien und nach Brussa im Jahre 1893. Bd. II. S. 61; *Walker M.A.* Through Macedonia to the Albanian Lakes. P. 42; *Tozer H.F.* Researches in the Highlands of Turkey. Vol. I. P. 143; *Goltz C. von.* Ein Ausflug nach Macedonien. P. 10; *Bérard V.* La Macédoine. P. 166; *Fraser J.F.* Pictures from the Balkans. P. 184; *Кондаков H.П.* Македония. С. 74, 113–120; *Aflalo F.G.* An Idler in the Near East. P. 265; *Barker A.* Memoire of Macedonia. P. 17; *Anon.* Fusilier Bluff. P. 30.
- 964 *Miller W.* Travels and Politics in the Near East. P. 365–366.
- 965 *Fraser J.F.* Pictures from the Balkans. P. 184.

- ⁹⁶⁶ *Reed J.* The War in Eastern Europe. P. 22–23; *Conway A.E.* A Ride Through the Balkans. P. 53; *Bouchié de Belle E.* La Macédoine et les Macédoïniens. P. 173; *Köhler A.* Sonne über dem Balkan. S. 167.
- ⁹⁶⁷ *Newton C.T.* Travels and Discoveries in the Levant. Vol. I. P. 121; *Minchin J.G.C.* The Growth of Freedom in the Balkan Peninsula. P. 148; *Goltz C. von.* Ein Ausflug nach Macedonien. S. 12; *Bérard V.* La Macédoine. P. 22, 186; *Bigham C.* With the Turkish Army in Thessaly. P. 8; *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 19; *Vivian H.* The Serbian Tragedy with some Impressions of Macedonia. P. 268; *Brailsford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. P. 83; *Salgündžiev S.K.* Lični dela i spomeni po vuzroždaneto na solunskiot i serski Bulgari ili 12-godišna žestoka neravna borba s gürckata propaganda. S. 24; *Köhler A.* Sonne über dem Balkan. S. 166.
- ⁹⁶⁸ *Goltz C. von.* Ein Ausflug nach Macedonien. S. 12.
- ⁹⁶⁹ *Bisani N.* A Picturesque Tour Through Part of Europe, Asia, and Africa. P. 42; *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 75.
- ⁹⁷⁰ *Gilbert M.* The Holocaust. P. 551; *Hilberg R.* The Destruction of European Jews. P. 239, 295; *Stavrianos L.S.* The Balkans since 1453. P. 11.
- ⁹⁷¹ *Guillette de la.* Athenesancienne et nouvelle. P. 148; *Wheler G.* A Journey into Greece. P. 350–352; *Randolph B.* The Present State of the Morea. P. 23; *Thompson.* The Travels Of the Late Charles Thompson, Esq. Vol. I. P. 332; *Chandler R.* Travels in Greece. P. 34; *Chateaubriand F. de.* Travels in Greece, Palestine, Egypt, and Barbary, during the years 1806 and 1807. Vol. I. P. 186–187; *Galt J.* Voyages and Travels. P. 184; *Holland H.* Travels in the Ionian Isles, Albania, Thessaly, Macedonia &c. P. 412; *Vaudoncourt G. de.* Memoirs of the Ionian Islands. P. 178; *Forbin L.N.P.A.* Travels in Greece, Turkey, and the Holy Land, in 1817–18. P. 3; *Hughes T.S.* Travels in Sicily Greece and Albania. P. 246; *Leake W.M.* The Topography of Athens. P. xcvi; *Keppel G.* Narrative of a Journey across the Balcan. Vol. I. P. 19; *Quin M.J.* A Steam Voyage Down the Danube. Vol. II. P. 196; *Röser J.* Tagebuch meiner Reise nach Griechenland. S. 88; *Walsh R.* A Residence at Constantinople. Vol. I. P. 124; *Cochrane G.* Wanderings in Greece. Vol. I. P. 147; *Klenze L. von.* Aphoristische Bemerkungen gesammelt auf seiner Reise nach Griechenland. S. 404; *Cumming W.F.* Notes of a Wanderer. Vol. II. P. 108; *Levinge G.* The Traveller in the East. P. 131; *Stephens J.L.* Incidents of travel in the Russian and Turkish Empires. P. 41; *Zachariá E.* Reise in den Orient in den Jahren 1837 und 1838. S. 112; *Willis N.P.* Summer Cruise in the Mediterranean. P. 209.
- ⁹⁷² *Chandler R.* Travels in Greece. P. 34; *Chateaubriand F. de.* Travels in Greece, Palestine, Egypt, and Barbary, during the years 1806 and 1807. Vol. I. P. 186–187; *Galt J.* Voyages and Travels. P. 184; *Holland H.* Travels in the Ionian Isles, Albania, Thessaly, Macedonia &c. P. 412; *Vaudoncourt G. de.* Memoirs of the Ionian Islands. P. 178; *Forbin L.N.P.A.* Travels in Greece, Turkey, and the Holy Land, in 1817–18. P. 3; *Hughes T.S.* Travels in Sicily Greece and Albania. P. 246; *Leake W.M.* The Topography of Athens. P. xcvi; *Keppel G.* Narrative of a Journey across the Balcan. Vol. I. P. 19; *Quin M.J.* A Steam Voyage Down the Danube. Vol. II. P. 196; *Röser J.* Tagebuch meiner Reise nach Griechenland. S. 88; *Walsh R.* A Residence at Constantinople. Vol. I. P. 124; *Cochrane G.* Wanderings in Greece. Vol. I. P. 147; *Klenze L. von.* Aphoristische Bemerkungen gesammelt auf seiner Reise nach Griechenland. S. 404; *Cumming W.F.* Notes of a Wanderer. Vol. II. P. 108; *Levinge G.* The Traveller in the East. P. 131; *Stephens J.L.* Incidents of travel in the Russian and Turkish Empires. P. 41; *Zachariá E.* Reise in den Orient in den Jahren 1837 und 1838. S. 112; *Willis N.P.* Summer Cruise in the Mediterranean. P. 209.
- ⁹⁷³ *Wilson S.S.* A Narrative of the Greek Mission. P. 426.
- ⁹⁷⁴ *Titmarsh M.A.* Notes of a Journey from Cornhill to Grand Cairo. P. 74, 81; *Barrington mrs R.* Through Greece and Dalmatia. P. 84.
- ⁹⁷⁵ *De Burton A.* Ten Months' Tour in the East. P. 334.
- ⁹⁷⁶ *Stark C.B.* Nach dem Griechischen Orient. S. 301.
- ⁹⁷⁷ *Wordsworth C.* Greece: Pictorial, Descriptive, and Historical. P. 138.
- ⁹⁷⁸ *Vernon F.* Francis Vernon's Letter, written to Mr Oldenburg. P. 357.
- ⁹⁷⁹ *Wheler G.* A Journey into Greece. P. 360–361.

- ⁹⁸⁰ *Des Hayes L.* Voyage de levant Fait par le Commandement du Roy en l'année 1621. P. 474; *Loir du.* Les voyages du sieur du Loir. P. 312; *Guillette de la.* Athènes ancienne et nouvelle. P. 178; *Wheler G.* A Journey into Greece. P. 363-364; *Randolph B.* The Present state of the Morea. P. 23; *Perry C.* A View of the Levant. P. 506; *Thompson C.* The Travels of the Late Charles Thompson, Esq. Vol. I. P. 323-324; *Chandler R.* Travels in Greece. P. 47; *Bisani N.* A Picturesque Tour Through Part of Europe, Asia, and Africa. P. 84; *Pomardi S.* Viaggio nella Grecia fatto negli anni 1804, 1805, e 1806. Vol. I. P. 124; *Turner W.* Journal of a Tour in the Levant. Vol. I. P. 326; *Auldjo J.* Journal of a Visit to Constantinople. P. 24; *Zachariá E.* Reise in den Orient in den Jahren 1837 und 1838. S. 139; *Damer Mrs G.L.D.* Diary of a Tour in Greece, Turkey, Egypt, and the Holy Land. Vol. I. P. 19; *Mure W.* Journal of a Tour in Greece and the Ionian islands. Vol. II. P. 73, 76-77; *Stent W.D.* Egypt and the Holy Land in 1842. P. 61; *Plumley M.* Days and Nights in the East; *Willis N.P.* Summer Cruise in the Mediterranean. P. 208; *Arnold A.* From the Levant, the Black Sea, and the Danube. Vol. I. P. 55-56.
- ⁹⁸¹ *Randolph B.* The Present State of the Islands in the Archipelago. P. 23; *Perry C.* A View of the Levant. P. 507; *Pococke R.* A Description of the East, and Some other Countries. P. 162; *Voltaire F.M.A.* The Works. Vol. VI. P. 111; *Chandler R.* Travels in Greece. P. 42, 47; *Craven E.* A Journey Through the Crimea to Constantinople. P. 256-257; *Sutherland C.* A Tour up the Saits, from Gibraltar to Constantinople. P. 226; *Watkins T.* Travels through Switzerland, Italy, Sicily, the Greek Islands to Constantinople. Vol. II. P. 294; *Montague J.* A Voyage Performed by the Late Earl of Sandwich. P. 62; *Chateaubriand F. de.* Travels in Greece, Palestine, Egypt, and Barbary. Vol. I. P. 211-212; *Hobhouse J.C.* A Journey through Albania and other Provinces of Turkey in Europe and Asia. P. 340; *Hughes T.S.* Travels in Sicily Greece and Albania. P. 256; *Colton W.* Visit to Constantinople and Athens. P. 259; *Röser J.* Tagebuch meiner Reise nach Griechenland. S. 91; *Slade A.* Turkey, Greece and Malta. Vol. II. P. 303; *Levinge G.* The Traveller in the East. P. 136; *Zachariá E.* Reise in den Orient in den Jahren 1837 und 1838. S. 139; *Stent W.D.* Egypt and the Holy Land in 1842. P. 60; *Vere A. de.* Picturesque Sketches of Greece and Turkey. Vol. I. P. 82-83; *Arnold A.* From the Levant, the Black Sea, and the Danube. Vol. I. P. 55; *Jousset P.* Un tour de Méditerranée, de Venise à Tunis, par Athènes, Constantinople et le Caire. P. 59; *Curtis W.E.* The Turk and His Lost Provinces. P. 371.
- ⁹⁸² *Dodwell E.* A Classical and Topographical Tour through Greece. Vol. I. P. 323-324; *Crowe E.E.* The Greek and the Turk. P. 110.
- ⁹⁸³ *Michaelis A.* Ancient Marbles in Great Britain. P. 142, 150-151; см. также: *Dodwell E.* A Classical and Topographical Tour through Greece. P. 322-323; *Hughes T.S.* Travels in Sicily Greece and Albania. P. 261; *Turner W.* Journal of a Tour in the Levant. Vol. I. P. 325; *Fuller J.* Narrative of a tour through some parts of the Turkish Empire. P. 540-541; *Burgess R.* Greece and the Levant. Vol. I. P. 279; *Colton W.* Visit to Constantinople and Athens. P. 259-261; *Röser J.* Tagebuch meiner Reise nach Griechenland. S. 91; *Walsh R.* A Residence at Constantinople. Vol. I. P. 125; *Stephens J.G.* Incidents of Travel in Greece, Turkey, Russia, and Poland. Vol. I. P. 74; *Mrs Russell Barrington.* Through Greece and Dalmatia. P. 52-54.
- ⁹⁸⁴ *Spencer E.* Travels in European Turkey in 1850. Vol. II. P. 266-267.
- ⁹⁸⁵ *Johnson E.E.* On the Track of the Crescent. P. 70.
- ⁹⁸⁶ *Galt J.* Voyages and Travels. P. 164.
- ⁹⁸⁷ *Graves R.* Storm Centres of the Near East. P. 265; *Matthews R.* Sons of the Eagle. P. 22; *Robinson V.* Albania's Road to Freedom. P. 18; *Kollegger W.* Albanien wiedergeburt. S. 72; *Luckwald E. von.* Albanien. S. 16.
- ⁹⁸⁸ *Müller J.* Albanien, Rumelien und die österreichisch-montenegrische Gränze. S. 71; *Hahn J.G. von.* Albanische Studien. S. 85; *Hecquard H.* Histoire et description de la Haute Albanie ou Guegarie. P. 255; *Durham M.E.* The Burden of the Balkans. P. 301; *Edmonds P.* The Land of the Eagle. P. 119; *Robinson V.* Albania's Road to Freedom. P. 19.
- ⁹⁸⁹ См.: *Müller J.* Albanien, Rumelien und die österreichisch-montenegrische Gränze. P. 48-49; *Lear E.* Journals of a Landscape Painter in Albania, etc. P. 23-25; *Spencer E.* Travels in European Turkey in 1850. Vol. II. P. 141; *Hahn J.G. von.*

- Albanische Studien. Vol. I. P. 95; *Hecquard H.* Histoire et description de la Haute Albanie ou Guegarie. P. 21; *Wingfield W.F.* A Tour in Dalmatia, Albania, and Montenegro. P. 155; *Sangford E.A.* The Eastern Shores of the Adriatic in 1863 with a Visit to Montenegro. P. 178; *Hugonnet L.* La Turquie inconnue. P. 238; *Glück L.* Albanien und Macedonien. P. 11; *Durham M.E.* Through the Lands of the Serb. P. 107; *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 350; *Peacock W.* Albania, the founding state of Europe. P. 52; *Conway A.E.* A Ride through the Balkans. P. 180; *Lane R.W.* The Peaks of Shala. P. 12.
- ⁹⁹⁰ *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 351.
- ⁹⁹¹ *Newman B.* Albanian Journey. P. 26.
- ⁹⁹² *Peacock W.* Albania, the founding state of Europe. P. 52.
- ⁹⁹³ *Hervé F.* A Residence in Greece and Turkey. Vol. II. P. 315–316; *Spencer E.* Travels in Circassia, Krim Tartary, &c. Vol. I. P. 53; *Paton A.A.* Servia, the youngest member of the European family. P. 53; *A Lady.* Wayfaring Sketches among the Greeks and Turks. P. 302–303; *Lamartine A. de.* Visit to the Holy Land. Vol. II. P. 239; *Kapper S.* Südslavische Wanderungen im Sommer 1850. Bd. I. S. 51; *Noyes J.O.* Roumania. P. 42.
- ⁹⁹⁴ *Kapper S.* Südslavische Wanderungen im Sommer 1850. Vol. I. S. 107.
- ⁹⁹⁵ *Browne E.* A Brief Account of some Travels in Hungaria, Servia, Bulgaria, Macedonia, Thessaly, Austria, Styria, Carinthia, Carniola, and Friuli. P. 39; *Idem.* A Brief Account of some Travels in Divers Parts of Europe. P. 21; *Hadži-Kalfa.* O balkanskom poluostrvu. P. 65; *Mundy P.* The Travels in Europe, 1608–1628. P. 74.
- ⁹⁹⁶ *Rašid-bey.* Istorija čudnovatih događaja u Beogradu i Srbiji. S. 2, 10, 55.
- ⁹⁹⁷ *Milosavljević P.* Ruski putešestvenici u Srbiji. S. 142.
- ⁹⁹⁸ *Aškerc A.* Izlet v Carigrad. P. 68.
- ⁹⁹⁹ *Paton A.A.* Servia, the youngest member of the European family. P. 59, 256.
- ¹⁰⁰⁰ *Hulme-Beaman A.G.* Twenty Years in the Near East. P. 119–120.
- ¹⁰⁰¹ *Paton A.A.* Servia, the youngest member of the European family. P. 53–54; *Spencer E.* Travels in European Turkey in 1850. Vol. I. P. 15–16; *Denton W.* Servia and the Servians. P. 53–54; *Minchin J.G.C.* The Growth of Freedom in the Balkan Peninsula. P. 188; *Laveleye E.L.V. de.* The Balkan Peninsula. P. 172–173; *Vivian H.* Servia, the Poor Man's Paradise. P. 199–200; *Idem.* The Servian Tragedy with some Impressions of Macedonia. P. 170; *Mantegazza V.* Macedonia. P. 30–31; *Durham M.E.* Through the Lands of the Serb. P. 143; *Fraser J.F.* Pictures from the Balkans. P. 19; *De Windt H.* Through Savage Europe. P. 112–116; *Morgan W.Y.* The New East. P. 63; *Fox F.* The Balkan Peninsula. P. 124–125; *Gordon W.* A Woman in the Balkans. P. 9.
- ¹⁰⁰² *Morgan W.Y.* The New East. P. 68–69.
- ¹⁰⁰³ *Smith W.W.* A Year with the Turks. P. 272; *Arnold A.* From the Levant, the Black Sea, and the Danube. Vol. II. P. 277; *Creagh J.* Over the Borders of Christendom and Eslamiah. Vol. I. P. 82, 96; *Laveleye E.L.V. de.* The Balkan Peninsula. P. 174; *Samuelson J.* Bulgaria, Past and Present. P. 55, 118; *Vivian H.* Servia, the Poor Man's Paradise. P. 199–200; *Mantegazza V.* Macedonia. P. 31, 170; *Hulme-Beaman A.G.* Twenty Years in the Near East. P. 119–120; *Durham M.E.* Through the Lands of the Serb. P. 146; *Karić E.* Essays (on behalf) of Bosnia. P. 59.
- ¹⁰⁰⁴ *Kanitz F.* Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Bd. I. S. 40.
- ¹⁰⁰⁵ *CM.: Laveleye E.L.V. de.* The Balkan Peninsula. P. 174; *Kanitz F.* Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Bd. I. S. 40, 131.
- ¹⁰⁰⁶ *Paton A.A.* Servia, the youngest member of the European family. P. 50; *Denton W.* Servia and the Servians. P. 59; *Kanitz F.* Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Bd. II. S. 45.
- ¹⁰⁰⁷ *Edwards H.S.* Sir William White. P. 93.
- ¹⁰⁰⁸ *Creagh J.* Over the Borders of Christendom and Eslamiah. Vol. I. P. 96.
- ¹⁰⁰⁹ *Ellison G.* Yugoslavia. P. 82.
- ¹⁰¹⁰ *Gopčević S.* Makedonien und Alt-Serbien. S. 89; *Kanitz F.* Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Bd. II. S. 158.

- ¹⁰¹¹ *Durham M.E.* Through the Lands of the Serb. P. 175–177; *Vivian H.* The Servian Tragedy with some Impressions of Macedonia. P. 199; *Novaković S.* Balkanska pitanja i manje istorijsko-političke beleške o Balkanskom poluostrvu 1886–1905. S. 49.
- ¹⁰¹² *Evans A.J.* Illyrian Letters. P. 161; *Knight E.F.* Albania. P. 177; *Schwarz B.* Montenegro. P. 238; *Hassert K.* Reise durch Montenegro nebst Bemerkungen über Land und Leute. P. 14; *Borsa M.* Dal Montenegro. P. 67; *Müller W.* Travels and Politics in the Near East. P. 78; *Durham M.E.* Through the Lands of the Serb. P. 21; *Idem.* The Struggle for Scutari. P. 303; *De Windt H.* Through Savage Europe. P. 63; *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 296–298; *Gordon W.* A Woman in the Balkans. P. 276; *Edmonds P.* The Land of the Eagle. P. 98; *Burr M.* Slouch Hat. P. 67; *Peterlin-Petruška R.* Ahasverjeva kronika. P. 76.
- ¹⁰¹³ *Lyall A.* The Balkan Road. P. 168.
- ¹⁰¹⁴ *Durham M.E.* Through the Lands of the Serb. P. 51.
- ¹⁰¹⁵ *Browne E.* A Brief Account of some Travels in Hungary, Servia, Bulgaria, Macedonia, Thessaly, Austria, Styria, Carinthia, Carniola, and Friuli. P. 48.
- ¹⁰¹⁶ *Knighton W.* European Turkey. P. 118; *Goltz C. von.* Ein Ausflug nach Macedonien. P. 123; *Bérard V.* La Macédoine. P. 53; *Novaković S.* Dva dana u Skoplju. 14–15–16 jul 1905. P. 12; *Idem.* Balkanska pitanja i manje istorijsko-političke beleške o Balkanskom poluostrvu 1886–1905. S. 49; *Кондаков Н.П.* Македония. С. 169; *Baring M.* Letters from the Near East 1909 and 1912. P. 129; *Doflein F.* Mazedonien. P. 257.
- ¹⁰¹⁷ *Tučan F.* Po Makedoniji. P. 45; *Kuba L.* Čteni o Makedonii. S. 128.
- ¹⁰¹⁸ *Ellison G.* Yugoslavia. P. 91–92.
- ¹⁰¹⁹ *West R.* Black Lamb & Grey Falcon. P. 634.
- ¹⁰²⁰ *Paton A.A.* Servia, the youngest member of the European family. P. 101; *Minchin J.G.C.* The Growth of Freedom in the Balkan Peninsula. P. 45; *Stuart-Glennie J.S.* Europe and Asia. P. 277; *Curtis W.E.* The Turk and His Lost Provinces. P. 281.
- ¹⁰²¹ *Asboth J. de.* An Official Tour through Bosnia and Herzegovina. P. 14.
- ¹⁰²² *Minchin J.G.C.* The Growth of Freedom in the Balkan Peninsula. P. 45; *Curtis W.E.* The Turk and His Lost Provinces. P. 279; *Henderson P.* A British Officer in the Balkans. P. 93; *Zavadil A.* Obrazky z Bosny. S. 22.
- ¹⁰²³ *Čelebi E.* Putopis. P. 405.
- ¹⁰²⁴ *Klaić V.* Bosna. P. 177–178; *Asboth J. de.* An Official Tour through Bosnia and Herzegovina. P. 383; *Renner H.* Durch Bosnien und die Hercegovina kreuz und quer. S. 496; *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 30; *Jukić I.F.* Putopisi i istorisko-etnografski radovi. S. 83, 377; *Horozović I.*, *Vukmanović M.* Banja Luka i okolina. S. 56.
- ¹⁰²⁵ *Komlenović U.* Rolling Stones na Vrbasu. S. 30–31.
- ¹⁰²⁶ *Renner H.* Durch Bosnien und die Hercegovina kreuz und quer. S. 493; *Džaja M.* Banja Luka u putopisima i zapisima. S. 8.
- ¹⁰²⁷ *Ellison G.* Yugoslavia. P. 264–265.
- ¹⁰²⁸ *Alexander J.E.* Travels from India to England. P. 251; *Johnson E.E.* On the Track of the Crescent. P. 21; *Laveleye E.L.V. de.* The Balkan Peninsula. P. 97.
- ¹⁰²⁹ *Laketić M.* Kalemegdanci i Beogradani. S. 90.
- ¹⁰³⁰ *Miller W.* Travels and Politics in the Near East. P. 258.
- ¹⁰³¹ *Cm.: Pahor J.* Hodil po zemlji sem naši. S. 126.
- ¹⁰³² *Ibid.* S. 106, 180.
- ¹⁰³³ *Urquhart D.* The Spirit of the East. Vol. I. P. 368; *Richter W.* Serbiens Zustände unter dem Fürsten Milosch. P. 44; *Mac Farlane C.* Turkey and Its Destiny. Vol. I. P. 50–51; *Kukuljević I.* Putovanje po Bosni. P. 31; *Hornby L.* Constantinople during the Crimean War. P. 171–172; *Black A.P.* A Hundred Days in the East. P. 499; *Sandwith H.* Notes on the South Slavonic countries in Austria and Turkey in Europe. P. 38; *Poole S.L.* The People of Turkey. Vol. II. P. 53; *Nušić B.* Kraj obala Ohridskoga Jezera. S. 160; *Durham M.E.* Through the Lands of the Serb. P. 280; *Mihačević L.* Po Albaniji. S. 49; *Reed J.* The War in Eastern Europe. P. 52–53; *Köhler A.* Sonne über dem Balkan. S. 87.

- 1034 *Jerningham H.E.H.* To and from Constantinople. P. 202.
- 1035 *Slade A.* Travels in Germany and Russia. P. 188.
- 1036 *Ibid.* P. 220.
- 1037 *Hornby L.* Constantinople during the Crimean War. P. 174.
- 1038 *Titmarsh M.A.* Notes of a Journey from Cornhill to Grand Cairo. P. 72.
- 1039 *Johnson E.E.* On the Track of the Crescent. P. 5.
- 1040 *Woods H.C.* Washed by Four Seas. P. 220, 226; *Askew A., Askew C.* The Sick-
en Land. P. 72-73.
- 1041 *Askew A., Askew C.* The Sicken Land. P. 154.
- 1042 *Thornton P.* Dead Puppets Dance. P. 272.
- 1043 *Loti P.* Turkey in Agony. P. 63.
- 1044 *Brayley Hodgetts E.A.* Round about Armenia. P. 5.
- 1045 *Fox F.* The Balkan Peninsula. P. 158.
- 1046 *Colville J.R.* Fools' Pleasure. P. 65.
- 1047 *Kabbani R.* Europe's Myths of Orient. P. 6.
- 1048 *Гильфердинг А.Ф.* Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. С. 373.
- 1049 *Creagh J.* Over the Borders of Christendom and Eslamiah. Vol. I. P. 92.
- 1050 *Chaumette A.* Voyage in Bosnie dans les années 1807 et 1808. P. 63; *Pertusier C.*
La Bosnie consideree dans ses rapports avec l'empire Ottoman. P. 99; *Pashley R.*
Travels in Crete. Vol. I. P. 181; *Kukuljević I.* Putovanje po Bosni. S. 40; *Гиль-
фердинг А.Ф.* Поездка по Герцеговине, Боснии и старой Сербии. С. 158; *Walk-
er M.A.* Through Macedonia to the Albanian Lakes. P. 257; *Tozer H.F.* Researches
in the Highlands of Turkey. Vol. I. P. 175; *Creagh J.* Over the Borders of Chris-
tendom and Eslamiah. Vol. II. P. 327; *Munro R.* Rambles and Studies in Bosnia-
Herzegovina. P. 176-177; *Buxton N.* Europe and the Turks. P. 16; *Holbach M.M.*
Bosnia and Herzegovina. P. 33.
- 1051 *Brewer J.* A Residence at Constantinople, in the Year 1827. P. 128.
- 1052 *Sandwith H.* Notes on the South Slavonic countries in Austria and Turkey in
Europe. P. 38.
- 1053 *Cumming W.F.* Notes of a Wanderer. Vol. II. P. 165.
- 1054 *Durham M.E.* Through the Lands of the Serb. P. 318.
- 1055 *Ramberti B.* Libri tre delle cose de Turchi. P. 29.
- 1056 *Glover T.* The Journey of Edward Barton Esq. P. 1296; *Kanitz F.* Das Königreich
Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Vol. I. S. 173; *Hol-
bach M.M.* Bosnia and Herzegovina. P. 226.
- 1057 *См.: Russell A.* The Natural History of Aleppo. P. 222-223; *Hobhouse J.C.*
A Journey through Albania and other Provinces of Turkey in Europe, and Asia to
Constantinople, during the years 1809 and 1810. P. 513; *Clarke E.D.* Travels in
various countries of Europe, Asia and Africa. Vol. III. P. 478; *Dodwell E.* A Classi-
cal and Topographical Tour through Greece. Vol. II. P. 275; *Pouqueville F.C.* Trav-
els in Epirus, Albania, Macedonia, and Thessaly. P. 24; *Vujić J.* Putešestvie po
Srbii. S. 194-195; *Spencer E.* Travels in European Turkey in 1850. Vol. I. P. 244;
Roškiewicz J. Studien über Bosnien und die Herzegovina. P. 251; *Forsyth W.* The
Slavonic Provinces South of the Danube. P. 33, 159; *Mackenzie G.M., Irby A.P.*
Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. Vol. I. P. 11; *Hamlin C.*
Among the Turks. P. 334; *Nušić B.* Kraj obala Ohridskoga Jezera. S. 136-137;
Kanitz F. Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur
Gegenwart. Bd. III. S. 125; *Knezović O.* Ali-paša Rizvanbegović-Stoičević, herce-
govacki vezir 1832-1851. S. 16.
- 1058 *Gjurgjević M.* Memoari sa Balkana. S. 55-56.
- 1059 *Lamartine A.* Visit to the Holy Land. Vol. II. P. 163.
- 1060 *Belon P.* Les observations de plvsievrz singvlatitez & chosez memorables,
trouées en Grece, Asie, Iudée, Egypte, Arabie, & autres pays estranges, redi-
gées en trois liures. P. 180.
- 1061 *Urquhart D.* The Spirit of the East. Vol. II. P. 236-237.

- ¹⁰⁶² *Garnett L.M.* Turkey of the Ottomans. P. 141.
- ¹⁰⁶³ *Müller Mrs. M.* Letters from Constantinople. P. 18.
- ¹⁰⁶⁴ *CM.: Boemus J.* The Fardle of factions; *Sandys G.* A relation of a journey begyn Anno. Dom. 1610. P. 81; *Rycaut P.* The Present State of the Ottoman Empire. P. 103; *Burbury J.* A Relation of a Journey of the Right Honourable My Lord Henry Howard. P. 114; *Thevenot J. de.* Travels of the Monsieur de Thevenot into the Levant. P. 94; *Randolph B.* The Present State of the Morea. P. 15; *Du Mont J.* A New Voyage to the Levant. P. 185–186; *Montague M.W.* Letters. Vol. II. P. 44; *Sutherland C.* A Tour up the Saits, from Gibraltar to Constantinople. P. 186–187; *Watkins T.* Travels through Switzerland, Italy, Sicily, the Greek Islands to Constantinople. Vol. II. P. 227; *MacGill T.* Travels in Turkey, Italy, and Russia, During the Years 1803, 1804, 1805, & 1806. P. 84; *Ross D.* Opinions of the European Press on the Eastern Question. P. 8, 118; *Pardoe Mrs.* The City of the Sultan. Vol. I. P. 50; *Urquhart D.* The Spirit of the East. Vol. I. P. 340; *Munro-Butler-Johnstone H.A.* The Turks. P. 27; *Chirol M.V.* Twixt Greek and Turk. P. 185; *Hugonnet L.* La Turquie inconnue. P. 216; *Lusignan A. de.* The Twelve Years' Reign of His Imperial Majesty Abdul Hamid. P. 130; *Müller Mrs. M.* Letters from Constantinople. P. 11; *Eliot C.N.E.* Turkey in Europe. P. 17; *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 20; *Upward A.* The East End of Europe. P. 233; *Koetschet J.* Osman Pascha. S. 25; *Jaechel B.* The Lands of the Tamed Turk or the Balkan State To-day. P. 118; *Loti P.* Turkey in Agony. P. 87; *Plut M.* Po macedonskem bojišću. S. 126; *Sloane W.M.* The Balkans. A laboratory of history. P. 27; *Laffan R.G.D.* The Guardians of the Gate. P. 22; *Rupprecht.* Reise-Erinnerungen aus dem Südosten Europas und dem Orient. S. 127, 196.
- ¹⁰⁶⁵ *CM.: Nicolay N.* Les quatre premieres livres des navigations et peregrinations Orientales. P. 149; *Dallaway J.* Constantinople Ancient and Modern. P. 389; *Noyes J.O.* Roumania. P. 504; *Tozer H.F.* Researches in the Highlands of Turkey. Vol. I. P. 146; *Brown J.* Eastern Christianity and the War. P. 51; *Stuart-Glennie J.S.* Europe and Asia. P. 266; *Chirol M.V.* Twixt Greek and Turk. P. 9; *Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. P. 20; *Brailsford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. P. 82; *Wherry A.* From Old to New. P. 17; *Garnett L.M.* Turkey of the Ottomans. P. 38; *Baker B.G.* The Passing of the Turkish Empire in Europe. P. 194; *Loti P.* Turkey in Agony. P. 60.
- ¹⁰⁶⁶ *Guilietiere de la.* Athenes ancienne et nouvelle. P. 152.
- ¹⁰⁶⁷ *Ruthner F.* Un Viaggio a Maria Stella convento dei trappisti. P. 20; *Asboth J. de.* An Official Tour through Bosnia and Herzegovina. P. 389; *Renner H.* Durch Bosnien und die Hercegovina kreuz und quer. S. 499; *Thomson H.C.* The Outgoing Turk. P. 167; *Holbach M.M.* Dalmatia. P. 75; *Trevor R.* My Balkan Tour. P. 29; *Zavadil A.* Obrazky z Bosny. S. 3, 36; *Solta P.* Bosniski kraj a raj. S. 26.
- ¹⁰⁶⁸ *Lyall A.* The Balkan Road. P. 179.
- ¹⁰⁶⁹ *Bisani N.* A Picturesque Tour through part of Europe, Asia, and Africa. P. 152.
- ¹⁰⁷⁰ *Hornby L.G.* Balkan Sketches. P. 153.
- ¹⁰⁷¹ *Scott-Stevenson E.* On Summer Seas. P. 217.
- ¹⁰⁷² *CM.: Rihtman Auguštín D.* Ulice moga grada. S. 193.

Избранная библиография

- Abbott G.F.* The Tale of a Tour in Macedonia. London: Edward Arnold, 1903.
- Abbott G.F.* Under the Turk in Constantinople. A Record of Sir John Finch's Embassy 1674–1681. London: Macmillan & Co, 1920.
- About E.* Greece and the Greeks of the Present Day. Edinburgh: Thomas Constable and Co; London: Hamilton, Adams, and Co, 1855.
- Achleitner A.* Reisen im slavischen Süden (Dalmatien und Montenegro). Berlin: Verlag von Gebrüder Paetel, 1913.
- Adams W.T.* Cross and Crescent. Boston: Lee and Shepard, 1873.
- Aflalo F.G.* An Idler in the Near East. London: John Milne, 1910.
- Ajkić M.* Mostarski stari most. Mostar: Hrvatska tiskara F. P., 1936.
- Ajkić M.* Stari most – simbol Mostara. Mostar, 1955.
- Alastos D.* The Balkans and Europe. A Study of Peace and the Forces of War. London: John Lane and Bodley Head, 1937.
- Alcock T.* Travels in Russia, Persia, Turkey, and Greece. In the years 1828–29. London: E. Clarke and Son, 1831.
- Alcott W.A.* Tea and Coffee, Their Physical, Intellectual, and Moral Effects on the Human System. New York: Fowlers and Wells, 1850.
- Aldridge O.M.* The Retreat from Serbia Through Montenegro and Albania. London: The Minerva Publishing, 1916.
- Aldrovandi U.* Monstrorum historia. Bononiæ: Nicolai Tebaldini, 1642.
- Aléšovec J.* Vojska na Turškem od leta 1875 do konca leta 1878. Ljubljana: Janez Giontini, 1908.
- Alexander J.E.* Travels from India to England; Comprehending a Visit to the Burman Empire, and a Journey through Persia, Asia Minor, European Turkey, &c. In the Years 1825–26. London: Parbury, Allen, and Co, 1827.
- Allason T.* Picturesque views of the antiquities of Pola and Istria. London: John Murray, 1819.
- Allen T.* The Tracks They Trod. Salonica and the Balkans, Gallipoli, Egypt and Palestine Revisited. London: Herbert Joseph, 1932.
- Amicis E. de.* Constantinople. London: Sampson Low, Marston, Searle & Co, 1878.
- Anastasoff C.* The Tragic Peninsula. A History of the Macedonian Movement for Independence since 1878. St. Louis: Blackwell Wielandly Co, 1938.
- Andonović M.J.* Makedonski su Sloveni Srbi. U odbranu opravdanih srpskih prava i interesa na Balkanu. Beograd: Naumović i Stefanović, 1913.
- Andreas (Mui Shuko).* With Gypsies In Bulgaria. Liverpool: Henry Young and Sons, 1916.
- Andrejka J. pl.* Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878. Celovec: Družba sv. Mohorja, 1904.

- Andreossy M.* Le Comte. Constantinople et Bosphore de Thrace, pendant les annés 1812, 1813 et 1814, et pendant l'anné 1826. Paris: Théophile Barrois et Benj. Duprat; J.S. Merlin, 1828.
- Angell N.* Peace Theories and the Balkan War. London: Horace Marshall & Son, 1912.
- Anon.* The Siege of Vienna. A Story of the Turkish War in 1683. Edinburgh: William Oliphant, 1880.
- Anon.* The Near East from within. London: Cassell and Company, 1915.
- Anon.* Fusilier Bluff. The Experiences of an Unprofessional Soldier in the Near East 1918 to 1919. London: Geoffrey Bles, 1934.
- An Arabian Phisician.* The Nature of the drink kauhi, or coffee, and the Berry of which it is made, Described by an Arabian Phisician. Oxford, 1659.
- Arbuthnot G.* Herzegovina; or Omer Pasha and the Christian Rebels. London: Longman, Green, Longman, Roberts & Green, 1862.
- Arendonk C. Van.* Kahwa // The Encyclopaedia of Islam II. / Ed. Houtsma Th. etc. Leiden: Late E.J. Brill; London, Luzac & Co, 1927. P. 630-635.
- Armstrong H.* Turkey in Travail. The Birth of a New Nation. London: John Bodley; The Bodley Head, 1925.
- Arnold A.* From the Levant, the Black Sea, and the Danube. London: Chapman & Hall, 1868.
- Arnold T.* History of Rome. London: B. Fellows; J.G. Rivington; J. Duncan; E. Hodgson; G. Lawford; J. M. Richardson; J. Boin; J. Bain; S. Hodgson; F.C. Westley; and L.A. Lewis, 1838-1843.
- Asboth J. de.* An Official Tour through Bosnia and Herzegovina. London: Swan Sonnenschein, 1890.
- Aškerc A.* Izlet v Carigrad. Ljubljana: Narodna tiskarna, 1893.
- Askew A., Askew C.* The Stricken Land. Serbia as we saw it. London: Eveleigh Nash Company, 1916.
- Auldjo J.* Journal of a Visit to Constantinople, and Some of the Greek Islands, in the Spring and Summer of 1833. London: Longman, Rees, Omre, Brown, Green, & Longman, 1835.
- Austell H.* The voyage of M. Henry Austell by Venice to Ragusa, and thence ouer-land to Constantinople: and from thence through Moldavia, Polonia, Silesia, and Germany into England, Anno 1586 // Hakluyt's Collection of the Early Voyages, Travels, and Discoveries, of the English Nation II. London: R.H. Evans, J. Mackinlay, and R. Priestley, 1810. P. 318-339.
- Avril F.* Travels Into divers Parts of Europe and Asia, Undertaken by the French King's Order to discover a new Way by Land into China. London: Tim Goodwin, 1693.
- Azaïs D.C.* Journal d'un voyage en Orient. Avignon: F. Seguin Ainé, 1858.
- Babinger F.* Die Brücke von Mostar // Morgenblatt 53/115: 11. Zagreb, 1938.
- Baedeker K.* Austria, including Hungary, Transsylvania, Dalmatia, and Bosnia. Handbook for travellers. Leipsic: Karl Baedeker; London, Dulan & Co, 1896.
- Baerlein H.* The Birth of Yugoslavia. London: Leonard Parsons, 1922.
- Bagge H.* Reise nach dem Orient, der europäischen Türkei, Aegypten, Nubien und Palästina. Frankfurt am Main: Verlag der Johann Christian Hermann'schen Buchhandlung, 1847.
- Bailey B.* Hangmen of England. A History of Execution from Jack Ketch to Albert Pierrepont. London: W.H. Allen, 1989.
- Bajraktarević F.* Mostar / Ed. Houtsma M.Th. etc. Vol. III. 1936.

- Baker B.G.** The Passing of the Turkish Empire in Europe. London: Seeley, Service & Co, 1913.
- Baldacci A.** Crnagora. Memorie di un botanico. Bologna: Ditta Nicola Zanichelli, 1897.
- Bale J.** The Actes of Englysh votaryes, comprehendynge their unchaste practises and examples by all ages, from the worldes begynnge to thys present yeare, collected out of their owne legends and Chronicles. London, 1546.
- Balkanicus.** Albanski problem i Srbija i Austro-Ugarska. Beograd: Dositije Obradović, 1913.
- Balkanicus.** The Aspirations of Bulgaria. London: Simpkin, Marshall, Hamilton, Kent & Co, 1915.
- Baring M.** Letters from the Near East 1909 and 1912. London: Smith, Elder & Co, 1913.
- Barker A.** Memoire of Macedonia. London: Arthur H. Stockwell, 1917.
- Barker E.** Macedonia. Its Place in Balkan Power Politics. London in New York: Royal Institute of International Affairs, 1950.
- Barkley H.C.** Between the Danube and Black Sea. London: John Murray, 1876.
- Barlett E.A.** The Battlefields of Thessaly. With Personal Experiences in Turkey and Greece. London: John Murray, 1897.
- Barnes H.E., Negley K.T.** New Horizons in Criminology. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1959.
- Barrington. Mrs. R.** Through Greece and Dalmatia. A diary of impressions recorded by pen & picture. London: Adam and Charles Black, 1912.
- Barry J.P.** At the Gates of the East: A Book of Travel among Historic Wonderlands. London: Longmans, Green, and Co, 1906.
- Barth H.** Reise durch das Innere der Europäischen Türkei von Rustchuk über Philippopol, Rilo (Monastir), Bitolia und den Thessalischen Olymp nach Saloniki im Herbst 1862. Berlin: Verlag von Dietrich Reimer, 1864.
- Barton E.** A description of a Voiage to Constantinople and Syria, begun the 21. of March 1593 and ended the 9. of August, 1595, wherein is shewed the order of deliuering the second Present by Master Edward Barton her maiesties Ambassador, which was sent from her Maiestie to Sultan Murad Can, Emperor of Turkie // Hakluyt's Collection of the Early Voyages, Travels, and Discoveries, of the English Nation II. London: R.H. Evans, J. Mackinlay, and R. Priestley, 1810. P. 443-453.
- Bašeskija M.M.Š.** Ljetopis (1746-1804). Sarajevo: Veselin Masleša, 1987.
- Bashmakoff A.** Through the Montenegro in the Land of the Geugeus, North Albania. 1915.
- Bašmakov A.** Bulharsko a Makedonie. Praha: E. Beaufort, 1903.
- Baudier M.** Histoire generall dv Serrail, et de la Covr Du Grand Seigneur Empereur de Turcs. Paris, 1635.
- Beaujour F. de.** Voyage militaire dans l'Empire Othoman, ou description de ses frontières et de ses principales défenses, soit naturelles soit artificielles, avec cinq cartes géographiques. Paris: Firmin Didot, Bossange, Delaunay, 1829.
- Belon du Mans P.** Les observations de plvsievrz singvlatitez & chosez memorables, trouuées en Greece, Asie, Iudée, Egypte, Arabie, & autres pays estranges, redigées en trois liures. Paris: Gilles Corrozer, 1554.
- Benaglia G.** Relazione del Viaggio Fatto a Constantinopoli, e ritorno in Germania, dell'Illustrissimo Sig. Conte Alberto Caprara, Gentiluomo della Camera dell'Imperatore. E da Esso mandato come Internuntio Straordinario, e Plenipotentinario per trattare le continuatione della Tregua. Bologna: Per gli Heredi di Gio. Recaldini, 1684. 1684.

- Benjamin S.G.W.* The Turk and the Greek; or, Creeds, Races, Society, and Scenery in Turkey, Greece, and the Isles of Greece. New York: Hurd and Houghton, 1867.
- Bent J.T.* Early Voyages and Travels in the Levant. London: Hakluyt Society, 1893.
- Bérard V.* La Macédoine. Paris: Calmann Lévy, 1897.
- Bercovici K.* The Incredible Balkans. New York: G.P. Putnam's Sons, 1932.
- Best J.J.* Excursions in Albania; comprising a description of the wild boar, deer, and woodcock shooting in that country; and a journey from thence to Thessalonica & Constantinople, and up the Danube to Pest. London: Wm. H. Allen and Co, 1842.
- Bevan T.* The Insurgent Trail. A Story of the Balkans. London: Thomas Nelson and Sons, 1910.
- Bevk F.* Deset dni v Bolgariji. Gorizia: Unione editoriale Goriziano, 1938.
- Bezenšek A.* Bolgarija in Srbija. Celovec: Družba sv. Mohorja, 1897.
- Biasoletto B.* Relazione del viaggio fatto nella primavera dell'anno 1838 dalla maestà del re Federico Augusto di Sassonia nell'Istria, Dalmazia e Montenegro. Trieste: Tipografia Weis, 1841.
- Biasutti R.* Le razze e i popoli della terra. Torino: Unione tipografica - Editrice torinese, 1967.
- Biddulph W.* The Travels of certaine Englishmen into Africa, Asia, Troy, Bythinia, Thracia, and to the Black Sea, and into Syria, Cilicia, Pisidia, Mesopotamia, Damascus, Canaan, Galile, Samaria, Iudea, Palestina, Ierusalem, Iericho, and to the Red Sea: and to sundry other places. Begunne in the yeere of Iubile 1600. and by some of them finished this yeere 1608. The others not yet returned. London: W. Aspley, 1609.
- Bigham C.* With the Turkish Army in Thessaly. London: Macmillan and Co.; New York: The Macmillan Company, 1897.
- Bisani N.* A Picturesque Tour Through Part of Europe, Asia, and Africa: Containing Many New Remarks on the Present State of Society, Remains of Ancient Edifices, &c. London: R. Faulder, 1793.
- Black A.P.* A Hundred Days in the East: A Diary of a Journey to Egypt, Palestine, Turkey in Europe, Greece, the Isles of Archipelago, and Italy. London: John F. Shaw, 1865.
- Black Lambs and Grey Falcons* / Ed. J. Allcock, A. Bradford Young: University of Bradford Press, 1991.
- Blackwood H.G.* My Russian and Turkish Journals. London: John Murray, 1916.
- Blaquiere E.* Letters from Greece: With Remarks on the Treaty of Intervention. London: James Ilbery, 1828.
- Blau O.* Reisen in Bosnien und der Hertzegovina. Berlin: Dietrich Reimer, 1877.
- Blount H.* A Journey into the Levant. London: Andrew Croke, 1636.
- Blowitz M. de.* Une course a Constantinople. Paris : E. Plon, Nourrit et Cie, 1884.
- Blunt A.* Where the Turk Trod. A Journey to Sarajevo with a Slavonic Mussulman. London: Weidenfeld and Nicolson, 1956.
- Boemus J.* The Fardle of facions conteneing the annciente maners, customes, and Lawes, of the peoples inhabiting the two partes of the earth, called Afrike and Asie. London: John Kingstone, and Henry Sutton, 1555.
- Booth J.L.C.* Trouble in the Balkans. London: Hurst and Blackett, 1905.
- Borsa M.* Dal Montenegro. Bergamo: Istituto italiano d'arti grafiche, 1896.
- Boscovich R.G.* Giornale di un Viaggio da Constantinopoli in Polonia dell' Abate Ruggiero Giuseppe Boscovich. Con una sua Relazione delle Rovine di Troja,

- E in fine il Prospetto delle Opere nuove Matematiche del medesimo Autore, contenute in cinque Tomi, che attualmente lui presente si stampano. Bassano: A spese Remondini di Venezia, 1784.
- Bouchié de Belle E.* La Macédoine et les Macédoins. Paris: Librairie Armand Colin, 1922.
- Boué A.* Le Turquie d'Europe ou observations sur la géographie, la géologie, l'histoire naturelle, la statistique, les moeurs, les coutumes, l'archéologie, l'agriculture, l'industrie, le commerce, les governments divers, le clergé, l'histoire et l'état politique de cet empire. Paris: Arthus Bertrand, 1840.
- Boué A.* Recueil d'itinéraires dans la Turquie d'Europe. Détails géographiques, topographiques et statistiques sur cet empire. Vienne: W. Braumüller, 1854.
- Boulden J.E.P.* An American among the Orientals: Including an Audience with the Sultan, and a Visit to the Interior of a Turkish Harem. Philadelphia: Lindsay & Blakiston, 1855.
- Bowen G.F.* Mount Athos, Thessaly, and Epirus: A Diary of a Journey from Constantinople to Corfu. London: Francis & John Rivington, 1852.
- Brailsford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. London: Methuen & Co, 1906.
- Bramsen J.* Travels in Egypt, Syria, Cyprus, the Morea, Greece, Italy &c. &c. In a Series of Letters. Interspersed with Anecdotes of Distinguished Persons, and Illustrations of Political Occurrences. London: Henry Colburn & Co, 1820.
- Brassey A.* Sunshine and Storm in the East, or Cruises to Cyprus and Constantinople. London: Longmans, Green, and Co, 1880.
- Braun-Wiesbaden K.* Eine türkische Reise. Stuttgart: Verlag von August Auerbach, 1876.
- Braun-Wiesbaden K.* Reise-Eindrücke aus dem Südosten. Ungarn, Istrien, Montenegro, Griechenland, Türkei. Stuttgart: Aug. Berth. Auerbach, 1878.
- Brayley Hodgetts E.A.* Round about Armenia. The Record of a Journey across The Balkans, through Turkey, The Caucasus, and Persia in 1895. London: Sampson, Low, Marston and Company, 1896.
- Bremer F.* Greece and the Greeks. The Narrative of a Winter Residence and Summer Travel in Greece and Its Islands. London: Hurst and Blackett, 1863.
- Brewer J.* A Residence at Constantinople, in the Year 1827. With the Notes to the Present Time. New-Haven: Durrie and Peck, 1830.
- A British Resident of Twenty Years in the East.* The Frontier Lands of the Christian and the Turk; Comprising Travels of the Regions of the Lower Danube, In 1850 and 1851. London: Richard Bentley, 1853.
- Brown H.A.* A Winter in Albania. London: Griffith, Farran, Okeden & Welsch, 1888.
- Brown J.* Eastern Christianity and the War. The Idolatry, Superstition, and Corruption of the Christians of Turkey, Greece, and Asia, Exposed and Considered with the Present War, and the Prospects of a Reformation. London: Edward Stanford, 1877.
- Browne E.* A Brief Account of some Travels in Hungaria, Servia, Bulgaria, Macedonia, Thessaly, Austria, Styria, Carinthia, Carniola, and Friuli. London: Benj. Tooke, 1673.
- Browne E.* A Brief Account of some Travels in Divers Parts of Europe. London: Benj. Tooke, 1685.
- Bruce P.H.* Memoirs. Containing An Account of his Travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies, &c. as also Several very interesting private Anecdotes of the Czar, Peter I. of Russia. London: Printed for the Author's Widow, 1782.

- Bruce Rosslyn and His Sister Kathleen.* Letters from Turkey: Being Glimpses of Macedonian Misery. Nottingham: Henry B. Saxton, 1907.
- Bruyn C. le.* A Voyage to the Levant, or, Travels in the Principal Parts of Asia Minor, the Islands of Scio, Rhodes, Cyprus, &c. With An Account of the most Considerable Cities of Egypt, Syria and the Holy Land. London: Jacob Tonson and Thomas Bennet, 1702.
- Buffon G.L.* Le Clerc de. How to Study Natural History // The Age of Enlightenment / Ed. S. Eliot, B. Stern. London: Open University Press, 1979.
- Buffon G.L.* Le Clerc de. The Natural History of Animals, Vegetables, Minerals, &c. London: T. Bell, 1775.
- Buffon G.L.* Le Clerc de. Natural History. London: J. S. Barr, 1792.
- Burbury J.* A Relation of a Journey of the Right Honourable My Lord Henry Howard, From London to Vienna, and thence to Constantinople. London: T. Collins and I. Ford, and S. Hickman, 1671.
- Burgess R.* Greece and the Levant; or, Diary of a Summer's Excursion in 1834; with Epistolary Supplements. London: Longman, Rees, Orme, Brown, Green, & Longman, 1835.
- Burr M.* Slouch Hat. London: George Allen & Unwin, 1935.
- Burt G.* Notes of a Three Months' Trip to Egypt, Greece, Constantinople, and the Eastern Shores of the Mediterranean Sea, etc., etc. London: Marchant Singer & Co, 1878.
- Burton N.* Narrative of a Voyage from Liverpool to Alexandria, Touching at the Island of Malta, From thence to Beirut in Syria; With a Journey to Jerusalem, Voyage from Jaffa to Cyprus and Constantinople, and a Pedestrian Journey from Constantinople, through Turkey, Wallachia, Hungary, and Prussia, to the Town of Hamburg, in the Years 1836-37. Dublin: John Yates, 1838.
- Burton R.* Personal Narrative of a Pilgrimage to al-Madinah and Meccah. London: Longmans and Co, 1855-1856.
- Burton R.* A Pilgrimage to Mecca and Medina. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1874.
- Burton R.* Love, War and Fancy. The Customs and Manners of the East from Writings on The Arabian Nights. London: William Kimber, 1964.
- Buxton L.W.W.* The Black Sheep of the Balkans. London: Nisbet & Co, 1920.
- Buxton N.* Europe and the Turks. London: John Murray, 1907.
- Calvert F., Lord of Baltimore.* A Tour to the East, In the Years 1763 and 1764. With remarks on the City of Constantinople and the Turks. London: W. Richardson and S. Clark, 1767.
- Cantemir D.* The History of the Growth and Decay of the Othman Empire. London: A. Millar, 1756.
- Cappelletti L.* Il Montenegro e i suoi principi. Livorno: Tipografia di Raff. Giusti, 1896.
- Capus G.* A travers la Bosnie et l'Herzégovine. Paris: Hachette et Cie, 1896.
- Cardigan The Earl of.* Youth Goes East. London: Eveleigh Nash & Grayson, 1928.
- Carne J.* Letters from the East: Written during a Recent Tour through Turkey, Egypt, Arabia, the Holy Land, Syria, and Greece. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1830.
- Carnegie Endowment for International Peace.* Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. Washington: The Carnegie Endowment, 1914.
- Carnegie Endowment for International Peace.* Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. Chapter 1: Macedonia. Sofia: Al. Paskaleff & Co, 1925.

- Carr W.* Montenegro. Oxford: James Thornton, 1884.
- Cassas L.F.* Travels in Istria and Dalmatia; A Collection of Modern and Contemporary Voyages and Travels. Vol. I. London: Richard Phillips, 1805.
- Castellan A.L.* Turkey, Being a Description of the Manners, Customs, Dresses, and other Peculiarities Characteristic of the Inhabitants of the Turkish Empire. London: R. Ackerman, 1821.
- Castelnau F. des.* Renseignements sur l'Afrique Centrale et sur une nation d'hommes a queue qui s'y trouverait, d'après le rapport des négres du Soudan, esclaves a Bahia. Paris: Chez P. Bertnard, 1851.
- Cerciello G.* Uno sguardo al Montenegro (Cenno storico). Naples: Stabilimento Tipografico G. Cerciello, 1896.
- Chaillé Long C.* Central Africa: naked truth of naked people. An account of expeditions to the Lake Victoria Nyaza and the Makraka Niam-Niam, west of the Bahr-el-Abiad (White Nile). London: Sampson Low, Marston, Searle, & Rivington, 1876.
- Chandler R.* Travels in Asia Minor: or, An Account of a Tour Made at the Expence of the Society of Dilettanti. Dublin: R. Marchbank, 1775.
- Chandler R.* Travels in Greece: or, An Account of a Tour Made at the Expence of the Society of Dilettanti. London: J. Dodsley, J. Robson, T. Cadell, P. Elmsly, and G. Robinson; Oxford, D. Prince, 1776.
- Chateaubriand F. de.* Travels in Greece, Palestine, Egypt, and Barbary, during the years 1806 and 1807. London: Henry Colburn, 1812.
- Chaumette des Fossés A.* Voyage en Bosnie dans les années 1807 et 1808. Paris: F. – Didot, 1816.
- Chaura E.* Obrázky z okupace bosenské. Prague, 1893.
- Chesney F.R.* The Russo-Turkish Campaigns of 1828 and 1829: With a View of the Present State of Affairs in the East. London: Smith, Elder & Co, 1854.
- Chirol M.V.* Twixt Greek and Turk. Edinburgh in London: William Blackwood and Sons, 1881.
- Chiudina G.* Storia del Montenero (Crnagora) da' tempi antichi fino a' nostril. Spalato: Antonio Zannoni – Tipografo Editore, 1882.
- Chishull E.* Travels in Turkey and back to England. London: W. Bowyer, 1747.
- Chrismar F.S.* Skizzen einer Reise durch Ungarn in die Türkei. Pesth: Georg Kilian, jun., 1834.
- Christowe S.* Heroes and Assassins. London: Victor Gollancz, 1935.
- Claridge R.T.* A Guide along the Danube, from Vienna to Constantinople, Smyrna, Athens, the Morea, the Ionian Islands, and Venice. From the Notes of a Journey Made in the Year 1836. London: F. C. Westley, 1837.
- Clarke E.D.* Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Cambridge: T. Cadell and W. Davies, 1810–1823.
- Clement C.E.* Constantinople. The City of the Sultans. Boston: Estes and Lauriat, 1895.
- Cochrane G.* Wanderings in Greece. London: Henry Colburn, 1837.
- Cockerell C.R.* Travels in Southern Europe and the Levant, 1810–1817, New York in Bombay: Longmans, Green, and Co, 1903.
- Constantinople in 1887. Leaves from the Diary of Thomas Kerr Lynch / Ed. H.F.B. Lynch. Printed for Private Circulation Only, 1887.
- Constantinople To-day or The Pathfinder Survey of Constantinople / Ed. C.R. Johnson. New York: The Macmillan Company, 1922.
- Çokorilo P.* Türkische Zustände. Schilderungen von Fremden Denkschriften von Eingeboren. Bautzen: J. C. Schmalzer, 1858.

- Colbeck A.* A Summer's Cruise in the Waters of Greece, Turkey, and Russia. London: T. Fisher Unwin, 1887.
- Colton W.* Visit to Constantinople and Athens. New York: Leavitt, Lord & Co.; Boston: Crocker & Brewster, 1836.
- Colville J.R.* Fools' Pleasure. A leisurely journey down the Danube, to the Black Sea, the Greek Islands and Dalmatia. London: Methuen and
- Comyn - Platt, T.* The Turk in the Balkans. London: Alston Rivers, 1906.
- Conway A.E.* A Ride Through the Balkans. On Classic Ground with a Camera. London: Robert Scott, 1917.
- Cosmopoulos M.B.* Macedonia. Winnipeg: Manitoba Studies in Classical Civilization. 1992.
- Coufopoulos D.* A Guide to Constantinople. London: Adam and Charles Black, 1895.
- Cousinéry E.M.* Voyage dans La Macédoine, contenant des recherches sur l'histoire, la géographie et les antiquités de ce pays. Paris: Imprimerie royale, 1831.
- Craven E.* A Journey Through the Crimea to Constantinople. In Series of Letters from the Right Honourable Elizabeth Lady Craven, to His Serene Highness the Margrave of Brandenburg, Anspach, and Bareith. London: G. G. J. and J. Robinson, 1789.
- Creagh J.* Over the Borders of Christendom and Eslamiah. London: Samuel Tinsley, 1876.
- Cronia A.* La conoscenza del mondo slavo in Italia. Padova: Instituto di studi adriatici Venezia, 1958.
- Crow S.* Subtily and Cruelty: or a Trve Relation of the Horrible and unparallel'd abuses and intolerable Oppressions. London: R. Cotes, 1646.
- Crowe E.E.* The Greek and the Turk, or, Power and prospects in the Levant. London: Richard Bentley, 1853.
- Cumming W.F.* Notes of a Wanderer, in Search of Health, through Italy, Egypt, Greece, Turkey, up the Danube, and down the Rhine. London: Saunders and Otley; Edinburgh: Blackwood and Sons, 1839.
- Cuny Ch.* Observations générales sur le Mémoire sur le Soudan de M. le comte d'Escayrac de Lauture. Paris: Arthus Bertrand, 1858.
- Curipeschitz B.* Itinerarium Wegrays kün. May. potschaft gen Constantinopel zudem Türkischen keiser Soleyman. Wien, 1531.
- Curtis W.E.* The Turk and His Lost Provinces. Chicago: Fleming H. Revell Company, 1903.
- Curzon R.J.* Visits to Monasteries in the Levant. London: John Murray, 1849.
- Cuthbertson J.* Sacred and Historic Lands, Being a Record of Travels in Egypt, Palestine, Syria, Greece, Constantinople, &c. London: Wesleyan Conference Office, 1885.
- Cvijić J.* Nekolika promatranja o etnografiji makedonskih Slovena. Beograd, 1906.
- Cvijić J.* La Péninsule Balkanique. Géographie humaine. Paris : Librairie Armand Colin, 1918.
- Čelebi E.* Narrative of Travels in Europe, Asia, and Africa in the Seventeenth Century. London: Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1834.
- Čelebi E.* Putopis. Sarajevo: Veselin Masleša, 1979.
- Čelić D., Mujezinović M.* Stari mostovi u Bosni i Hercegovini. Sarajevo: Veselin Masleša, 1969.

- Ćorović V. Mostar i njegovi književnici. Mostar, 1907.
- Ćorović V. Bosna i Hercegovina. Beograd: Srpska književna zadruga, 1925.
- Ćurčić V. Zanimljivi pabirci iz narodne medicine // Gajret 7–8. Sarajevo, 1933. S. 127–129.
- Dako C.A. Albania. The Master Key to the Near East. Boston: E.L. Grimes Company, 1919.
- Dallaway J. Constantinople Ancient and Modern, with Excursions to the Shores and Islands of the Archipelago and to the Troad. London: T. Cadell Jun. & W. Davies, 1797.
- Damer Mrs. G.L.D. Diary of a Tour in Greece, Turkey, Egypt, and the Holy Land. London: Henry Colburn, 1841.
- Danforth L.M. The Macedonian Conflict. Ethnic Nationalism in a Transnational World. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Daniel G. A Hundred and Fifty Years of Archaeology. Cambridge: Duckworth, 1975.
- Dapper O. Kaffraria or Land of the Kafris, otherwise named Hottentots // Schapera I., Farrington B. The Early Cape Hottentots. Cape Town: The Van Riebeeck Society, (1668).
- Davy J. Notes and Observations on the Ionian Islands and Malta: With Some Remarks on Constantinople and Turkey, and on the System of Quarantine as at Present Conducted. London: Smith, Elder & Co, 1842.
- De Burton A. Ten Months' Tour in the East. Being A Guide to all that is Most Worth Seeing in Turkey in Europe, Greece, Asia Minor, Palestine, Egypt, and the Nile. London: F. Bowyer Kitto, 1870.
- De Bunsen V., Buxton N. Macedonian Massacres. Photos from Macedonia. London: The Balkan Committee, 1907.
- De Windt H. Through Savage Europe. London: T. Fisher Unwin, 1907.
- Delarue H. Le Monténégro: Histoire, description, moeurs, usages, législation. Paris: Benjamin Duprat, 1862.
- Denton W. Servia and the Servians. London: Bell and Daldy, 1862.
- Denton W. The Christians of Turkey. Their condition under Musلمان rule. London: Daldy, Isbister & Co, 1876.
- Denton W. Montenegro. Its People and their History. London: Daldy, Isbister & Co, 1877.
- Des Hayes L. Baron de Courmemin. Voiage de levant Fait par le Commandement dv Roy en l'année 1621. Paris: Adrian Tappinar, 1632.
- D'Escayrac de Lauture. Mémoire sur le Soudan. Paris: Imprimerie de I. Martinet, 1855.
- Descamps É.E.F. L'avenir de l'Albanie. Louvain: Charles Peeters, 1913.
- Dacey E. The Peasant State. An Account of Bulgaria in 1894. London: John Murray, 1894.
- Diderot D., D'Alambert. L'Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Vol. II. Paris: Briasson, David, Le Breton in Durand, 1751.
- Diderot D., D'Alambert. L'Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Vol. VIII. Paris: Briasson, David, Le Breton in Durand, 1765.
- Dimitz A. Geschichte Krains von der ältesten Zeit bis auf das Jahr 1813. Laibach: Ig. V. Kleinmayr & Fed. Bamberg, 1876.
- A Diplomatist. Nationalism and War in the Near East. Oxford: Clarendon Press, 1915.

- Dizdar M., Pilja D.* The District of Mostar. Sarajevo: Narodna prosvjeta, 1959.
- D'Othsson I. de Mouradja.* Tableau général de l'Empire Othoman, divisé en deux parties, Don't l'une comprend la Législation Mahométane; l'autre l'Histoire de l'Empire Othoman. Paris: L'imprimerie de Monsieur, 1790.
- Dodwell E.* A Classical and Topographical Tour through Greece, During the Years 1801, 1805, and 1806. London: Rodwell and Martin, 1819.
- Doflein F.* Mazedonien. Erlebnisse und Beobachtungen eines Naturforschers im Gefolge des deutschen Heeres. Jena: Verlag von Gustav Fisher, 1921.
- Dorđević V.* Europa i Crna Gora. Beograd: Sv. Sava, 1912.
- Dorđević V.* Kuda si se uputila Austrijo? Beograd: Štampa, 1913.
- Dorr B.* Notes of Travel in Egypt, the Holy Land, Turkey, and Greece. Philadelphia: J.B. Lippincott & Co, 1856.
- Douglas J.A.* The Redemption of Saint Sophia. A Historical & Political Account of the Subject. London: The Faith Press, 1919.
- Draganof.* Macedonia and the Reforms. London, 1908.
- Dragnich A.N., Todorovich S.* The Saga of Kosovo. Boulder: East European Monographs, 1984.
- Du Mont J.* A New Voyage to the Levant. London: M. Gillyflower, T. Goodwin, M. Wotton, J. Walthoe, and R. Parker, 1696.
- Duckett Ferriman Z.* Turkey and the Turks. London: Mills & Boon, 1911.
- Ducouret L.* Voyage au pays des Niams-Niams ou les hommes à queue avec le portait d'un Niam-Niam, et une notice biographique sur l'auteur par Alexandre Dumas, par Hadji-Abd-El-Hamid-Bey. Paris: Martinon, 1854.
- Dunne L.* A Trip to Constantinople. London: J. Sheppard, 1862.
- Durham M.E.* Through the Lands of the Serb. London: Edward Arnold, 1904.
- Durham M.E.* The Burden of the Balkans. London: Edward Arnold, 1905.
- Durham M.E.* High Albania. London: Edward Arnold, 1909.
- Durham M.E.* The Struggle for Scutari. London: Edward Arnold, 1914.
- Durham M.E.* Twenty Years of Balkan Tangle. London: George Allen & Unwin, 1920.
- Durham M.E.* Some Tribal Origins, Laws, and Customs of the Balkans. London: Allen & Unwin, 1928.
- Dwight H.G.* Constantinople, Old and New. London: Longmans, Green & Co, 1915.
- Dwight H.G.* Turkish Life in War Time. London: Wm. H. Allen & Co, 1881.
- Dwight H.G.* Constantinople and its Problems. Its Peoples, Customs, Religions and Progress. London in Edinburgh, Oliphant, Anderson & Ferrier, 1901.
- Džaja M.* Banja Luka u putopisima i zapisima. Banja Luka: Glas, 1973.
- Ebel W.* Zwölf Tage auf Montenegro. Königsberg: Verlag von J. H. Bon, 1842.
- Edib H.* Turkey Faces West. A Turkish View on Recent Changes and Their Origin. New Haven: Yale University Press, 1930.
- Edmonds P.* The Land of the Eagle. London: George Rouledge & Sons; New York, E.P. Dutton & Co, 1927.
- Edsman C-M.* Bridges // Mircea Eliade ed The Encyclopedia of Religion 2. New York in London: Macmillan, 1987. S. 310–314.
- Edwards H.S.* Sir William White. For Six Years Ambassador at Constantinople. His Life and Correspondence. London: John Murray, 1902.
- Eisenstein R., Freiherr von und zu.* Reise nach Malta, Tripolitanien und Tunesien. Wien: Commissionsverlag von Carl Gerold's Sohn, 1902.
- Elezović G.* Kafa i kafana na balkanskom prostoru // Prilozi za istoriju, književnost i folklor XVIII. 1938. S. 617–637.

- Elias N.* The History of Manners. Oxford, UK, in Cambridge, USA: Blackwell, 1983.
- Eliot C.N.E.* Turkey in Europe. London: Edward Arnold, 1900.
- Eliot W.* A Letter to the Right Honourable The Earl of D***, on the Political Relations of Russia, in Regard to Turkey, Greece, and France. London: T. Cadell and W. Davies, 1807.
- Elliot F.* Diary of an Idle Woman in Constantinople. London: John Murray, 1893.
- Ellis J.* An Historical Account of Coffee. London: Edward and Charles Dilly, 1774.
- Ellison G.* Yugoslavia. A New Country and Its People. London: John Lane The Bodley Head, 1933.
- Emerson J., Humpreys W.H.* A Picture of Greece in 1825. London: Henry Colburn, 1826.
- Erba F. Dell'.* Il Montenegro. Napoli: Casa editrice E. Pietrococola, 1896.
- Eremiten von Gauting.* Reise nach dem Orient. Stuttgart: Hallberger'sche Verlagshandlung, 1839.
- Eton W.* A Survey of the Turkish Empire. London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798.
- Evans A.J.* Through Bosnia and the Herzegovina On Foot During the Insurrection, August and September 1875. London: Longmans, Green, and Co,
- Evans A.J.* Illyrian Letters. London: Longmans, Green, and Co, 1878.
- Fabre A.* Histoire du siege de Missolonghi, suivie de pieces justificatives. Paris: Moutardier, 1827.
- Farrer R.R.* A Tour in Greece 1880. Edinburgh in London: William Blackwood and Sons, 1882.
- Fiedler K.G.* Reise durch alle Theile des Königsreiches Griechenland in Auftrag der Königl. Griechischen Regierung in den Jahren 1834 bis 1837. Leipzig: Friedrich Fleischer, 1840–1841.
- Field H.M.* The Greek Islands and Turkey after the War. New York: Charles Scribner's Sons, 1885.
- Fife-Cookson J.* With the Armies of the Balkans and at Gallipoli in 1877–1878. London: Cassell, Petter, Galpin & Co, 1879.
- Filipović M.* Prilozi etnološkom poznavanju Severoistočne Bosne. Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, 1969.
- Filipović-Fabijanić R.* O narodnoj medicini stanovništva Lišnice s okolinom // Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine XXIV/XXV. Sarajevo, 1970. S. 319–335.
- Filipović-Fabijanić R.* »Domaći lekar« iz 1668. godine sa Širokog Brijega // Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine XXVI. Sarajevo, 1971. S. 117–183.
- Forbin L.N.P.* A. Travels in Greece, Turkey, and the Holy Land, In 1817–18. London: Sir Richard Phillips, 1820.
- Forder A.* In Brigand's Hands and Turkish Prisons 1914–1919. London: Marshall Brothers, 1920.
- Forsyth W.* The Slavonic Provinces South of the Danube. A Sketch of Their History and Present State in Relation to the Ottoman Porte. London: John Murray, 1876.
- Fortis A.* Saggio d'osservazioni sopra l'isola di Cherso ed Osero. Venezia: Gaspare Storti, 1771.
- Fortis A.* Viaggio in Dalmazia. Venezia: Alvise Milocco, 1774.
- Fortis A.* L'abate Fortis al Signor Giovanni Lovrich. Brescia, 1777.
- Fortis A.* Travels into Dalmatia. London: J. Robson, 1778.
- Fox F.* The Balkan Peninsula. London: A. & C. Black, 1915.

- Franck H.A.* The Fringe of the Moslem World. New York in London: The Century Co, 1928.
- Franić D.* S gijacima kroz Bosnu-Hercegovinu, Crnu Goru, Dalmaciju, Jadranko more, Istru (Trst, Mletke, Rijeku) i Hrvatsku. Donja Tuzla, 1901.
- Frankland C.C.* Travels to and from Constantinople, in the years 1827 and 1828: or Personal narrative of a journey from Vienna, through Hungary, Transylvania, Wallachia, Bulgaria, and Roumelia, to Constantinople. London: Henry Colburn, 1829.
- Fraser J.B.* A Winter's Journey (TATAR) from Constantinople to Tehran. London: Richard Bentley, 1838.
- Fraser J.F.* Pictures from the Balkans. London: Cassell and Company, 1906.
- Freeman D.* Severed Heads that Germinate // Fantasy and Symbol. Studies in Anthropological Interpretation. / Ed. R.H. Hook. London in New York: Academic Press, 1979.
- Freeman E.* The Ottoman Power in Europe. London: Macmillan & Co, 1877.
- Fresne-Canaye P. de.* Le Voyage du Levant (1573). (Publié et annoté par M.H. Hauser.) Paris: Ernest Leroux, 1897.
- Friedrichsthal E.R.* Reise in den südlichen Theilen von Neu-Griechenland. Beiträge zur Charakteristik dieses Landes. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1838.
- Frilley G., Wlahovitj J.* Le Monténégro contemporain. Paris: E. Plon et Cie, 1876.
- Frischauf J.* Gebirgsführer durch die Österreichischen Alpen und die Theile Bayern, Italien und Montenegro. Wien: Verlag des Österreichischen Touristen-Club, 1883.
- Fritsch G.* Die Eingeborenen Süd-Afrika's. Breslau: Ferdinand Hirt, 1872.
- Fuller J.* Narrative of a tour through some parts of the Turkish Empire. London: Richard Taylor, 1829.
- Galland A.* De l'origine et du progrès du café. Caen: Jean Cavelier; Paris: Florentin & Pierre Delauline, 1699.
- Galt J.* Voyages and Travels, in the Years 1809, 1810, and 1811; Containing Statistical, Commercial, and Miscellaneous Observations on Gibraltar, Sardinia, Sicily, Malta, Serigo, and Turkey. London: T. Cadell and W. Davies, 1812.
- Galton F. ed.* Vacation Tourists and Notes of Travel in 1862-3. London in Cambridge: Macmillan and Co, 1864.
- Gambier J.W.* Servia. London: C. Kegan Paul & Co, 1878.
- Garbiglietti P.* I Pigmei della favola di Omero gli Akkà dell'Africa equatorial. Torino: Vincenzo Bona, 1877.
- Garnett L.M.J.* Turkish Life in Town & Country. London: George Newnes, 1904.
- Garnett L.M.J.* The Turkish people. Their social Life, Religious Beliefs and Institutions and Domestic Life. London: Methuen & Co, 1909.
- Garnett L.M.J.* Turkey of the Ottomans. London: Sir Isaac Pitman, 1911.
- Garrido F., Cayley C.B.* A History of Political and Religious Persecutions: From the Earliest Days of the Christian Church. London: The London Printing and Publishing Company, 1876-1879.
- Gautier T.* Constantinople. Paris: Michel Lévy Frère, Libraires-Éditeurs, 1853.
- Gay P.* The Cultivation of Hatred. New York: W.W. Norton, 1993.
- Geary G.* Through Asiatic Turkey. Narrative of a Journey from Bombay to the Bosphorus. London: Sampson Low, Marston, Searle, & Rivington, 1878.
- Gell W.* Narrative of a Journey in the Morea. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1823.

- Gemelli Careri G.* Francesco Giro del mondo. Napoli: Giuseppe Roselli, 1699–1700.
- Georgevitch V.* Die Albanesen und die Großmächte. Leipzig: S. Hirzel, 1913.
- Georgieuz B.* Offspring of the House of Ottomano. London, 1570.
- Gerlach S.* Deß Aeltern Tage-Buch. Frankfurth am Mayn: Johann David Zün-
ners, 1674.
- Gesemann G.* Heroische Lebensform. Zur Literatur und Wesenkunde der Bal-
kanischen Patriarchalität. Berlin: Wiking Verlag, 1943.
- Gibson W.J.* In the Near East. Holiday Letters for Lewis Readers. Stornoway, 1837.
- Giffard E.* A Short Visit to the Ionian Islands, Athens, and the Morea. London:
John Murray, 1837.
- Gilbert M.* The Holocaust: a history of the Jews of Europe during the Second
World War. New York: Henry Holt and Company, 1985.
- Gilman S.L.* Difference and Pathology. Ithaca: Cornell University Press, 1985.
- Gislenius A.* Travels into Turkey: Containing the most accurate Account of the
Turks, and Neighbouring Nations, Their Manners, Customs, Religion, Su-
perstition, Policy, Riches, Coins, &c. London: J. Robinson, 1744.
- Gjurgević M.* Memoari sa Balkana 1858–1878. Sarajevo, 1910.
- Gladdstone W.E.* Montenegro // Current Discusion I. / Ed. E.L. Burlingame. New
York, 1878. S. 119–153.
- Glazebrook P.* Journey to Kars. Harmondsworth: Penguin, 1985.
- Gleisberg J.P.* Kritische Darlegung der Urgeschichte des Menschen nach Carl
Vogt. Dresden: Conrad Weiske, 1868.
- Glover T.* The Journey of Edward Barton Esq., her Majesties Ambassador with
the Grand Signor, otherwise called the Great Turke, in Constantinople,
Sultan Mahumet Chan // Purchas S. Purchas his Pilgrimage. Vol. VIII. Lon-
don, 1625. S. 1293–1333.
- Glück L.* Albanien und Macedonien. Eine Reiseskizze, Würzburg in Wien: Ver-
lag von Leo Woerl, 1892.
- Goff A., Fawcett H.A.* Macedonia. A Plea for the Primitive. London: John Lane
The Bodley Head; New York: John Lane Company, 1921.
- Golczewski M.* Der Balkan in deutschen und österreichischen Reise- und Erleb-
nisberichten 1912–1918. Wiesbaden: Steiner, 1981.
- Goldring D.* Dream Cities. London: T. Fisher Unwin, 1913.
- Goldsworthy V.* Inventing Ruritania. The Imperialism of Imagination. New Ha-
ven in London: Yale University Press, 1998.
- Goltz C. von.* Ein Ausflug nach Macedonien. Besuch der deutschen Eisenbahn
von Salonik nach Monastir. Berlin: R. v. Decker's Verlag, 1894.
- Gopčević S.* Montenegro und die Montenegriner. Leipzig: Hermann Fries, 1877.
- Gopčević S.* Der turco-montenegrinische Krieg 1876–1878. Wien: L.W. Seidel &
Sohn, 1879.
- Gopčević S.* Makedonien und Alt-Serbien. Wien: L. W. Seidel & Sohn, 1889.
- Gopčević S.* Geschichte von Montenegro und Albanien. Gotha: Friedrich An-
dreas Perthes, 1914.
- Gordon J., Gordon C.* Two Vagabonds in the Balkans. New York: Robert M. McBride
and Company, 1925.
- Gordon T.* History of the Greek Revolution. Edinburgh: William Blackwood; Lon-
don: T. Cadell, 1832.
- Gordon W.* A Woman in the Balkans. New York: Dodd, Mead & Company, 1916.
- Gossip R.* Turkey and Russia. Their Races, History, and Wars. Embracing a Gra-
phic Account of the Great Crimean War and of the Russo-Turkish War.
Edinburgh: Thomas C. Jack, 1878.

- Gozzi C. *Memorie inutile della vita di Carlo Gozzi scritte da lui medesimo e pubblicate per umiltà*. Bari: Gius. Laterza & Figli, 1910.
- Graves R. *Storm Centres of the Near East. Personal Memories 1879–1929*. London: Hutchinson & Co, 1933.
- Gray A. *Over the Black Coffee*. New York: The Baker and Taylor Company, 1902.
- Green P.J. *Sketches of the War in Greece, In a Series of Extracts, from the Private Correspondence*. London: Thomas Hurst and Co, 1827.
- Greg W.R. *Sketches in Greece and Turkey: with the Present Condition and Future Prospects of the Turkish Empire*. London: James Ridgway, 1833.
- Grelot G.J. *A late voyage to Constantinople*. London: Henry Bonwicke, 1683.
- Grey Hon. Mrs. William. *Journal of a Visit to Egypt, Constantinople, the Crimea, Greece, &c. In the Suite of the Prince and Princess of Wales*. London: Smith, Elder & Co, 1869.
- Griffiths J. *Travels in Europe, Asia Minor, and Arabia*. London: T. Cadell and W. Davies; Edinburgh: Peter Hill; John Crown, 1805.
- Grisebach A. *Reise durch Rumelien und nach Brussa im Jahre 1839*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1841.
- Grosvenor E.A. *Constantinople*. London: Sampson Low; Marston and Company, 1895.
- Gruden J. *Zgodovina slovenskega naroda*. Celje: Družba sv. Mohorja, 1941.
- Guilietiere de la. *Athenes ancienne et novvelle. Et l'estat present de l'empire des Turcs, contenant la vie du Sultan Mahomet IV*. Paris: Estienne Michallet, 1675.
- Guys P.A. de. *A Sentimental Journey Through Greece. In a series of letters, written from Constantinople*. London: T. Cadell, 1772.
- Habesci E. *The Present State of the Ottoman Empire. Containing a More Accurate and Interesting Account of the Religion, Manners, Government, Customs, Military Establishments and Amusements, of the Turks Than Any Yet Extant. Including a Particular Description of the Court and Seraglio of the Grand Signior*. London: R. Baldwin, 1784.
- Hadži-Kalfa ili Čatib-Čelebija. *O balkanskom poluostrvu*. Beograd: Spomenik Srpske kraljevske akademije XVIII, 1892.
- Haga C. A Trve Declaration of the arriual of Cornelius Haga, (with others that accompanied him) Ambassador for the generall States of the Vnited Netherlands, at the great Citie of Constantinople. London: Thomas Archer, 1613.
- Hahn J.G. von. *Albanische Studien*. Jena: Verlag von Friedrich Mauke, 1854.
- Halpern J.M. *The Changing Village Community*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1967.
- Hamilton W.J. *Researches in Asia Minor, Pontus, and Armenia; With Some Accounts of Their Antiquities and Geology*. London: John Murray, 1842.
- Hamlin C. *Among the Turks*. London: Sampson Low, Marston, Searle, & Rivington, 1878.
- Hangi A. *Život i običaji Muslimana u Bosni i Hercegovini*. Sarajevo: Naklada Daniel A. Kajona, 1906.
- Hartley J. *Researches in Greece and The Levant*. London: Hatchard and Son; and Seeley and Sons, 1831.
- Hasandedić H. *Spomenici kulture turskog doba u Mostaru*. Sarajevo: Veselin Masleša, 1980.
- Hassert K. *Reise durch Montenegro nebst Bemerkungen über Land und Leute*. Wien: A. Hartleben's Verlag, 1893.

- Hattox R.S.* Coffee and coffeehouses. Seattle in London: University of Washington Press, 1985.
- Hauser H.* Süd- Ost-Europa ist erwacht. Berlin: Rowohlt, 1938.
- Haynes J.* Travels in several Parts of Turkey, Egypt, and the Holy Land. London: Printed for the Author, 1774.
- Hazard P.* Kriza evropske zavesti. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1959.
- Hazard P.* Evropska misel v XVIII. stoletju. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1960.
- Hecquard H.* Histoire et description de la Haute Albanie ou Guégarie. Paris: Chez Arthus Bertrand, 1858.
- Hegel G.W.F.* The Phenomenology of Mind. London: Swan Sonnenschen Co, 1910.
- Helmreich E.C.* The Diplomacy of the Balkan Wars 1912–1913. Cambridge: Harvard University Press, 1938.
- Henderson P.* A British Officer in the Balkans. London: Seeley & Co, 1909.
- Herbert T.* A Relation of some Yeares Travile, begvnnee Anno 1626. London: William Stansby, and Jacob Bloome, 1634.
- Herbert W. von.* By-paths in the Balkans. London: Chapman & Hall, 1906.
- Herodot.* Zgodbe. Knj. IV. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1953–1955.
- Hertzberg G.* Montenegro und sein Freiheitskampf. Halle: Schrödel & Simon, 1853.
- Hervé F.* A Residence in Greece and Turkey; with notes of the Journey through Bulgaria, Servia, Hungary, and the Balkan. London: Whittaker & Co, 1837.
- Heuzey L., Daumet H.* Mission archéologique de Macédoine. Paris: Librairie de Firmin-Didot et Cie, 1876.
- Heyerdahl T.* Aku-aku. The secret of Easter Island. London: George Allen & Unwin, 1958.
- Hibbert C.* The Roots of Evil. A Social History of Crime and Punishment. Harmondsworth: Penguin Books, 1966.
- Hichens R.* The Near East. Dalmatia, Greece and Constantinople. New York: The Century Co, 1913.
- Hilberg R.* The Destruction of the European Jews. New York in London: Holmes & Meier, 1985.
- Hill A.* A Full and Just Account of the Present State of The Ottoman Empire In all its Branches: with The Government, and Policy, Religion, Customs, and Way of Living of the Turks, in General. Faithfully Related From a Serious Observation, taken in many Years Travels thro' those Countries. London: Printed for the Author, 1709.
- Hitti P.K.* History of the Arabs. London: Macmillan, 1970.
- Hobhouse J.C.* A Journey through Albania and other Provinces of Turkey in Europe and Asia, to Constantinople, during the years 1809 and 1810. London: J. Cawthorn, 1813.
- Hobhouse J.C.* Travels in Albania and other Provinces of Turkey in 1809 & 1810. London: John Murray, 1855.
- Hogarth D.G.* A Wandering Scholar in the Levant. London: John Murray, 1896.
- Hogarth D.G.* Accidents of an Antiquarian's Life. London: Macmillan & Co, 1910.
- Holbach M.M.* Dalmatia. The Land where East Meets West. London: John Lane The Bodley Head; New York: John Lane Company, 1908.
- Holbach M.M.* Bosnia and Herzegovina. London: John Lane The Bodley Head; New York: John Lane Company, 1910.
- Holeček J.* Černá Hora. Praha: Spolek pro vydávání laciných knih českých, 1876.

- Holland H.* Travels in the Ionian Isles, Albania, Thessaly, Macedonia, &c. during the years 1812 and 1813. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1815.
- Hornby L.* Constantinople during the Crimean War. London: Richard Bentley, 1863.
- Hornby L.G.* Balkan Sketches. London: Brentano's, 1927.
- Horozović I., Vukmanović M.* Banja Luka i okolina. Zagreb: Turistkomerc, 1984.
- Horton G.* Constantine. A Tale of Greece under King Otho. London: T. Fisher Unwin, 1896.
- Howell J.* Instructions and Directions For Forren Travell. London: Humphrey Maseley, 1650.
- Hozier H.M.* The Russo-Turkish War: Including an Account of the Rise and Decline of the Ottoman Power, and the History of the Eastern Question. London: William Mackenzie, 1877-1879.
- Hron K.* Das Volksthum der Slaven Makedoniens. Ein Beitrag zur Klärung der Orientfrage. Wien: Selbstverlag, 1890.
- Hughes T.S.* Travels in Sicily Greece and Albania. London: J. Mawman, 1820.
- Hugo V.* Les Orientales. Paris: Charles Gosselin, 1829.
- Hugonnet L.* La Turquie inconnue. Roumélie, Bulgarie, Macédoine, Albanie. Paris: L. Frinzine et Cie, 1886.
- Hull E.C.P.* Coffee Planting in Southern India and Ceylon. Madras: Higginbotham and Co, 1877.
- Hulme-Beaman A.G.* Twenty Years in the Near East. London: Methuen & Co, 1898.
- Hunter W.* Travels in the Year 1792 through France, Turkey, and Hungary, to Vienna: Concluding with an Account of that City. London: B. and J. White, 1794.
- Hutchinson F.K.* Motoring in the Balkans. Chicago: A. C. McClurgh & Co, 1909.
- Hutton J.* Theory of the Earth; or an Investigation of the Laws observable in the Composition, Dissolution, and Restoration of Land upon the Globe. Edinburgh: Royal Society of Edinburgh, 1785.
- Huyshe W.* The Liberation of Bulgaria. War Notes in 1877. London: Bliss, Sands and Foster, 1894.
- . An Itinerary from London to Constantinople, in sixty days; taken in the suite of his excellency, the British Ambassador to the Ottoman Porte, in the year 1794. London: Richard Phillips, 1805.
- Ivanić I.* Iz crkvene istorji Srba u Turskoj. Beograd in Novi Sad: Rad, 1902.
- Ivanić I.* Mačedonija i Mačedonci. Beograd, 1906.
- Jackson T.G.* Dalmatia, the Quarnero and Istria with Cettigne in Montenegro and the Island of Grado. Oxford: Clarendon Press, 1887.
- Jacob H.E.* The Saga of Coffee. London: George Allen & Unwin, 1935.
- Jaekel B.* The Lands of the Tamed Turk or the Balkan States To-day. Boston: L.C. Page and Company, 1910.
- James L.* With the Conquered Turk. The Story of a Later-day Adventurer. London: Thomas Nelson and Sons, 1913.
- James N.G.B.* My Term Off. London: George Allen & Unwin, 1921.
- Janke A.* Reise-Erinnerungen aus Italien, Griechenland und dem Orient. Berlin: J. Schneider & Comp, 1874.
- Jastrebov I.* Stara Srbija i Albanija. Beograd: Spomenik Srpske Kraljevske Akademije 41, 1904.
- Jelavić V.* Kratki francuski putopis kroz Hercegovinu i novopazarski sandžak iz godine 1611 // Glasnik zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine XIX, 1907. S. 471-482.

- Jelić I.* Šta znači kamen o vratu? Beograd: Rajković i Čuković, 1931.
- Jelić M.* Albanija. Beograd: Geca Kon, 1933.
- Jelliffe D.B., Jelliffe E.F.P.* Human Milk in the Modern World. Oxford, 1978.
- Jenour M.* The Route to India through France, Germany, Hungary, Turkey, Naxos, Syria, and the Desert of Arabia, Delineated in a Clear Concise Manner, With the Distances, Time, Mode, and Expence of Travelling. London: Printed for the Author, 1791.
- Jensen A.E.* Myth and Cult among Primitive Peoples. Chicago in London: The University of Chicago Press, 1963.
- Jeran L.* Potovanje v Sveto Deželo, v Egipt, Fenicijo, Sirijo, na Libanon, v Carigrad in druge kraje. Ljubljana: Založil pisatelj, 1872.
- Jerningham H.E.H.* To and from Constantinople. London: Hurst and Blackett, 1873.
- Jezernik B.* Non cogito ergo sum: arheologija neke šale. Ljubljana: Društvo za preučevanje zgodovine, literature in antropologije, 1994.
- Jezernik B.* Zigeunerlager on the planet Auschwitz // Acta Ethnographica Hungarica 46. 2001. S. 343–368.
- Jireček C.J.* Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe. Prag: F. Tempsky, 1877.
- Jireček K.* Cesty po Bulharsku. Praha: Matica česká, 1888.
- Johnson E.E.* On the Track of the Crescent. London: Hurst and Blackett, 1885.
- Johnson H.H. (Yahya Effendi).* Reminiscences of the Near East (1891–1913). London: Henry J. Drane, 1920.
- Johnson R.* Relations, Of the Most Famous Kingdoms and Common-weales Thorough the World. Discoursing of their Scituations, Manners, Customes, Strengthes and Policies. London: Iohn Iaggard, 1608.
- Johnson S.* The Prince of Abissinia. London: R. and J. Dodsley, and W. Johnston, 1759a.
- Johnson S.* The Philosophick Mirror. Dublin: M. Williamson, 1759b.
- Jousset P.* Un tour de Méditerranée, de Venise à Tunis, par Athènes, Constantinople et le Caire. Paris, 1893.
- Jukić I.F.* Putovanje po Bosni godine 1843 // Kolo 3. 1847. S. 3–32.
- Jukić I.F.* Putopisi i istorisko-etnografski radovi. Sarajevo: Svjetlost, 1953.
- Kabbani R.* Europe's Myths of Orient. London: Macmillan, 1986.
- Kajmaković Z.* Zidno slikarstvo u Bosni i Hercegovini. Sarajevo: Veselin Masleša, 1971.
- Kanitz F.P.* Donau-Bulgarien und der Balkan. Historisch-geographisch-ethnographisch Reisestudien am den Jahren 1860–1875. Leipzig: Hermann Fries, 1875–1879.
- Kanitz F.P.* Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart. Leipzig: Bernh. Meyer, 1904–1909.
- Kanitz F.P.* Srbija. Zemlja i stanovništvo. Beograd: Srpska književna zadruga & Rad, 1985.
- Kaplan R.D.* Balkan Ghosts. New York: Vintage Books, 1994.
- Kapper S.* Südslavische Wanderungen im Sommer 1850. Leipzig: Friedr. Ludw. Herbig, 1851.
- Karadžić V.* Srpski rječnik, istolkovan njemačkim i latinskim riječima. Beč: P.P. Armeniern, 1818.
- Karadžić V.* Montenegro und die Montenegriner. Stuttgart in Tübingen: Verlag der J. G. Gott'schen Buchhandlung, 1837.

- Karić E.* Essays (on behalf) of Bosnia. Sarajevo: El-Kalem, 1999.
- Kennedy R.J.* Montenegro and Its Borderland. London: Hatchards, 1894.
- Keppel G.* Narrative of a Journey across the Balcan, by the two Passes of Selimo and Pravadi; also of a Visit to Azani, and other Newly Discovered Ruins in Asia Minor, in the Years 1829–1830. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1831.
- Kern S.* Anatomy and destiny. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1975.
- Kesnin bey.* The Evil of the East; or, Truth about Turkey. London: Vizetelly & Co, 1888.
- Kinglake A.W.* Eöthen, or Traces of Travel Brought Home from the East. London: John Ollivier, 1844.
- Kirkness K.* Ferdinand of Bulgaria. The Dream of Byzantium. London: Hurst & Blackett, 1933.
- Klaić V.* Bosna. Zagreb: Matica Hrvatske, 1878.
- Klaić V.* Kosovo. Geografsko-historijske crtice. Zagreb: Dionička tiskara, 1889.
- Klenze L. von.* Aphoristische Bemerkungen gesammelt auf seiner Reise nach Griechenland. Berlin: G. Reimer, 1838.
- Kmet M.* Iz Bosne // Ljubljanski zvon. Ljubljana, 1914. S. 214–219.
- Knezović O.* Ali-paša Rizvanbegović - Stoičević, hercegovački vezir 1832–1851 // Glasnik zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine XL. 1928. S. 11–52.
- Knežević S.* Kulna mesta i manastiri u tradicionalnoj zdravstvenoj kulturi Srba, Makedonaca i Arbanasa // Bigorsko naučno-kulturni sobiri. Gostivar, 21–22. X, 1971. Skopje, 1973. S. 243–255.
- Knight E.F.* Albania. A Narrative of Recent Travel. London: Sampson Low, Marston, Searle & Rivington, 1880.
- Knighton W.* European Turkey; Its People, Its Provinces, and Its History. London: John Cassell, 1854.
- Knolles R.* The Generall Historie of the Turkes, from the First beginning of that Nation to the rising of the Othoman Familie: with all the notable expeditions of the Christian Princes against them. Together with The Lives and Conquests of the Othman Kings and Emperous. London: Adam Islip, 1631.
- Koetschet J.* Aus Bosniens letzter Türkenzeit. Wien in Leipzig: A. Hartleben's Verlag, 1905.
- Koetschet J.* Osman Pascha, der letzte Grosse Wesier Bosniens, und seine Nachfolger. Sarajevo: Daniel A. Kajan, 1909.
- Kohl J.G.* Reisen nach Istrien, Dalmatien und Montenegro. Dresden: Arnoldische Buchhandlung, 1851.
- Köhler A.* Sonne über dem Balkan. Dresden: Carl Reissner, 1930.
- Kohn H.* Western Civilization in the Near East. London: George Routledge and Sons, 1936.
- Kolberg O.* Działa wszystkie, 46. zv. Wrocław in Poznań: Ludow Spolz. Wydawn, 1967.
- Kollegger W.* Albaniens wiedergeburt. Wien: Wiener Verlagsgesellschaft, 1942.
- Komlenović U.* Rolling Stones na Vrbasu // Vreme 199. Beograd, 1994. S. 28–31.
- Konitza F.* Albania: The Rock Garden of Southeastern Europe and Other Essays. Boston: Vatra, 1957.
- Kosovo – Srbija – Jugoslavija /* Ur. S. Gaber, T. Kuzmanić. Ljubljana: Univerzitetna konferenca ZSMS, 1989.
- Krasinski V.* Montenegro, and the Slavonians of Turkey. London: Chapman and Hall, 1853.
- Kreševljaković H.* Esnafi i obrti u Bosni i Hercegovini (1463–1878) // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena 35. 1951. S. 61–138.

- Krešuljaković H.* Stari hercegovački gradovi // Naše starine II. 1954. S. 9–21. Sarajevo,
- Kristeva J.* Strangers to Ourselves. New York: Harvester Wheatsheaf, 1991.
- Krumbacher K.* Griechische Reise. Blätter aus dem Tagebuche einer Reise in Griechenland und in der Türkei. Berlin: August Hettler, 1886.
- Kuba L.* Čtení o Makedonii. Cesty a studie z roku 1925–1927. Praha: Družstevní práce, 1932.
- Kukuljević Sakcinski I.* Putovanje po Bosni. Zagreb: Lavoslav Župan, 1858.
- Künčov V.* Makedonija. Etnografija i statistika. Sofia: Državna pečatnica, 1900.
- Kutschbach A.* In Montenegro und im Insurgentenlager der Herzegowizen. Reiseskizze eines Kriegsberichterstatters Dortmund: Verlag C.L. Krüger, 1877.
- La Roque J. de.* A Voyage to Arabia the Happy, and the Eastern Ocean, and the Streights of the Red-Sea Perform'd by the French for the first time, A.D. 1708, 1709, 1710. London: G. Strahan and R. Williamson, 1726.
- A Lady.* Wayfaring Sketches among the Greeks and Turks, and on the Shores of the Danube. London: Chapman and Hall, 1847.
- Laffan R. G. D.* The Guardians of the Gate. Historical Lectures on the Serbs. Oxford: Clarendon Press, 1918.
- Laketić M.* Kalemegdanci i Beogradani // Duga 1555. Beograd, 1995. S. 90–93.
- Lamartine A. de.* Visit to the Holy Land: or, Recollections of the East. London: George Virtue, 1847.
- Landau R.* Search for Tomorrow. The things which are and the things which shall be hereafter. London: Nicholson and Watson, 1938.
- Lane R. W.* The Peaks of Shala. London: Chapman & Dodd, 1922.
- Lang Teslow T.* Reifying race. Science and art in Races of Mankind at the Field Museum of Natural History The Politics of Display // Museums, science, culture / Ed. S. Macdonald. London in New York: Routledge, 1998.
- Larpernt G.* Turkey; Its History and Progress: From the Journals and Correspondence of Sir James Porter, Fifteen Years Ambassador at Constantinople; Continued to the Present Time, With a Memoir of Sir James Porter. London: Hurst and Blackett, 1854.
- Laskaris M.* Vizantijske princeze u srednjovekovnoj Srbiji. Beograd: Knjižara Franje Baha, 1926.
- Laveleye E. L. V. de.* The Balkan Peninsula. London: T. Fisher Unwin, 1887.
- Lavtizar J.* Pri Jugoslovanih. Ljubljana: Slovenska Matica, 1903.
- Layard A. H.* Autobiography and Letters. London: John Murray, 1903.
- Lazen C. de.* L'Herzegovine et le pont de Mostar. Vienne: Gérold, 1861.
- Le Croy.* An Account of the Turks Wars with Poland, Muscovy, and Hungary. London: J. King and Bible, 1711.
- Le Queux W.* An Observer in the Near East. London: Eveleigh Nash, 1907.
- Leach H.* A Bit of Bulgaria. London: Simpkin, Marshall, & Co, 1877.
- Leake W. M.* Researches in Greece. London: John Booth, 1814.
- Leake W. M.* The Topography of Athens. With some remarks on its antiquities. London: John Murray, 1821.
- Leake W. M.* Travels in Northern Greece. London: J. Rodwell, 1835.
- Lear E.* Journals of a Landscape Painter in Albania, etc. London: Richard Bentley, 1851.
- Leech H. H.* Letters of a Sentimental Idler, From Greece, Turkey, Egypt, Nubia, and the Holy Land. New York: D. Appleton and Company, 1869.

- Lenormant F.* Turcs et Monténégriens. Paris: Didier et Cie, 1866.
- Lessing G.E.* Laookon: oder über der Grenzen der Malerei und Poesie. Berlin: Christian Friedrich Gotz, 1766.
- Levin H.* The Broken Column. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1931.
- Levinge G.* The Traveller in the East; Being a Genuine Guide through the Levant, Syria and Palestine, Egypt and Nubia, With practical Information; Containing Descriptions of the principal Cities, Antiquities, and Interesting Localities: Excursions through the Southern Provinces of the Kingdom of Naples, Albania, the Ionian Islands, and the Principal Islands of the Archipelago; and A Variety of Tours, with Distances. London: Printed by the Author, 1839.
- Lewis B.* Istanbul and the Civilization of the Ottoman Empire. Norman: University of Oklahoma Press, 1963.
- Lewis R.* Everyday Life in Ottoman Turkey. London: Batsford, 1971.
- Linnaei C.* Systema naturae. Lugduni Batavorum (Leyden): Theodorus Naak, 1735.
- Linnaeus C.* Systema naturae. Nieuwkoop : B. de Graaf (Факсимиле первого издания), 1964.
- Linton W.* The scenery of Greece and its Islands, illustrated by fifty views, sketched from nature, executed on steel, and described en route, with a map of the country. London: Published by the artist, 1856.
- Lithgow Scotus W.* A Delectable, and true discourse, of an admired and painfull peregrination from Scotland, to the most famous Kingdomes in Europe, Asia, and Affricke. London: Thomas Archer, 1614.
- Lloyd Evans J.* British Journalists' tour in the Adriatic & Bosnia. Warwick, 1907.
- Loftus W.K.* Travels and Researches in Chaldaea and Susianna. London: James Nisbet and Co, 1857.
- Loir du.* Les voyage dv sievr dv Loir, Ensemble de ce qui se passa à la mort du feu Sultan Mourat dans le Serrail, les ceremonies de ses funerailles; & celles de l'auenement à l'Empire de Sultan Hibraim son frete, qui luy succeda. Avec la relation du Siege de Babylone fait en 1639. par Sultan Mourat. Paris: Francois Clovzier, 1654.
- Loti P.* Turkey in Agony. London: The Ottoman Committee, 1913.
- Lourich G.* Osservazioni di Giovanni Lovrich sopra diversi pezzi del Viaggio in Dalmazia del signor abate Alberto Fortis coll' aggiunta della vita di Soçivizca. Venezia: Francesco Sansoni, 1776.
- Lucas P.* Voyage du sieur Paul Lucas fait en M.DCCXIV, &c. par ordre de Louis XIV dans la Turquie, l'Aise, Sourie, Palestine, Haute & Basse Egypte, &c. Rouen: Robert Machuel, 1719.
- Luckwald E. von.* Albanien. Land zwischen Gestern und Morgen. München: F. Bruckmann Verlag, 1942.
- Lunn H.S.* How to Visit the Mediterranean. A Guide-Book to Jerusalem, Cairo, Constantinople, Athens, and other Places of Interest on the Littoral of the Mediterranean. London: Horace Marshall and Son, 1896.
- Lusignan A. de.* A Word about Turkey and Her Allies. London: Chapman and Hill, 1885.
- Lusignan A. de.* The Twelve Years' Reign of His Imperial Majesty Abdul Hamid II. Sultan of Turkey. London: Sampson Low, Marston, Searle, & Rivington, 1889.
- Lusignan S.* A Series of Letters. London: Printed for the Author, 1788.
- Lyall A.* The Balkan Road. London: Methuen & Co, 1930.
- Lynch H.F.B.* Europe in Macedonia. Being Five Articles Reprinted from the «Morning Post». London: Edward Stanford, 1908.

- Macdonald J.* Turkey and the Eastern Question. London: T. C. & E. C. Jack, 1913.
- Macedonia – The Politics of Identity and Difference* / Ed. J.K. Cowan. London in Sterling: Pluto Press, 2000.
- MacGill T.* Travels in Turkey, Italy, and Russia, During the Years 1803, 1804, 1805, & 1806. With an Account of Some of the Greek Islands. London: John Murray; Edinburgh: Archibald Constable & Co, 1808.
- Mac Farlane C.* Constantinople in 1828. A Residence of Sixteen Months in the Turkish Capital and Provinces: With an Account of the present State of the Naval and Military Power, and of the resources of the Ottoman Empire. London: Saunders and Otley, 1829.
- Mac Farlane C.* Turkey and Its Destiny. London: John Murray, 1850.
- Macintosh A.F.* A Military Tour in European Turkey, the Crimea, and on the Eastern Shores of the Black Sea: Including Routes across the Balkan into Bulgaria, and Excursions in the Turkish, Russian, and Persian Provinces of the Caucasian Range; With Strategical Observations on the Probable Scene of the Operations of the Allied Expeditionary Force. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1854.
- Mackenzie G.M., Irby A.P.* Travels in Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. London: Daldy, Isbister & Co, 1878.
- Macmichael W.* Journey from Moscow to Constantinople, in the Years 1817, 1818. London: John Murray, 1819.
- Maćczak A.* Travel in Early Modern Europe. Cambridge: Polity Press, 1995.
- Madden R.R.* Travels in Turkey, Egypt, Nubia, and Palestine, in 1824, 1825, 1826 and 1827. London: Henry Colburn, 1829.
- Mahmut.* Letters Written by a Turkish Spy, Who lived Five and Forty Years, Undiscovered, at Paris: Giving an Impartial Account to the Divan at Constantinople, of the most Remarkable Transactions of Europe; And discovering several Intrigues and Secrets of the Christian Courts, (especially of that of France) from the Year 1637, to the Year 1682. London: Henry Rhodes, 1691.
- Maliszewski E.* Albania. Warszawa: Wincent Jakowicki; Poznań: M. Niemierkiewicz, 1913.
- Mandić D.* Mostar u Hercegovini, njegov postanak i značenje imena // Hrvatski kalendar 1968. Chicago, 1968. S. 96–105.
- Mandrou R.* Possession et sorcellerie au XVIIe siècle. Paris: Fayard, 1979.
- Mantegazza V.* Al Montenegro. Note ed impressioni (agosto-settembre 1896), Firenze: Successori le Monnier, 1896.
- Mantegazza V.* Macedonia. Milano: Fratelli Treves, 1903.
- Marcotti G.* Il Montenegro e le sue donne. Milano: Fratelli Treves, 1896.
- Marković V.* Pravoslavno monaštvo i monastiri u srednjovekovnoj Srbiji. Sremski Karlovci : Srpska manastirska štamparija, 1920.
- Markovich S.G.* British Perceptions of Serbia and the Balkans, 1903–1906. Paris: Dialogue, 2000.
- Marmont M., Duc de Raguse.* The Present State of the Turkish Empire. London: John Olivier, 1839.
- Marsden W.* The History of Sumatra, Containing an Account of the Government, Laws, Customs, and Manners of the Native Inhabitants, with a Description of the Natural Productions, a Relation of the Ancient Political State of that Island. London: Printed for the Author, 1783.
- Martis N.K.* The Falsification of Macedonian History. Athens, 1984.
- Mastnak T.* Kristjanstvo in muslimani. Ljubljana: Znanstveno in publicistično središče, 1996.

- Mastnak T.* Evropa: med evolucijo in evtanazijo. Ljubljana: Studia humanitatis, 1998.
- Matthews C.* Experiences of a Woman Doctor in Serbia. London: Mills & Boon, 1916.
- Matthews R.* Sons of the Eagle. Wanderings in Albania. London: Methuen & Co, 1937.
- Matzhold L.A.* Brandherd Balkan. Wien: L. W. Seidel & Sohn, 1936.
- Mazro S.* Turkish Barbarity. An Affecting Narrative of the Unparalleled Sufferings of Mrs. Sophia Mazro, a Greek Lady of Missolonghi. Providence: G.C. Jennings, 1828.
- McCulloch J.I.B.* Drums in the Balkan Night. New York: G. P. Putnam's Sons, 1936.
- Medaković V.M.G.* Život i običaji Crnogoraca. Novi Sad: Episkopska knjižopечатna, 1860.
- Melas G.* The Turk as he is. Answer to a libel. Hove, Emery & Son, 1922.
- Melik A.* Do Ohrida in Bitolja. Ljubljana: Jutro, 1926.
- Memoari prote Matije Nenadovića / Ur. L.P. Nenadović.* Beograd: Državna knjigopечатnija, 1867.
- Mérimee P.* La Guzla. Paris: Charpentier, 1842.
- Meslin M.* Eye / The encyclopedia of religion. Ed. M. Eliade. Vol. 5. New York: Macmillan; London: Collier Macmillan, 1987. P. 236–239.
- Meslin M.* Head / The encyclopedia of religion. Ed. M. Eliade. Vol. 6. New York: Macmillan; London: Collier Macmillan, 1987. P. 221–225.
- Messner-Sporšić A.* Od Bukurešta do Ankare. Crte iz Rumunjske, Bugarske i Turske. Zagreb: Tipografija D. D., 1937.
- Meylan A.* A travers l'Herzégovine. Paris: Sandoz et Fischbacher, 1876.
- Michaelis A.* Ancient Marbles in Great Britain. Cambridge: Cambridge University Press, 1822.
- Michel R.* Mostar. Prag: Carl Bellmann, 1909.
- Michel R.* Auf der Südbastion unsers Reiches. Leipzig: Insel-Verlag, 1915
- Miecznik A.* Macedonja i Macedonczycy. Warszawa: M. Arct, 1904.
- Mihačević L.* Po Albaniji. Zagreb: Matica Hrvatske, 1911.
- Milaković D.* Storia del Montenegro. Ragusa: Carlo Pretner Tip. Editore, 1877.
- Miles M.M.* The Virgin's one bare breast. // The Female Body in Western Culture / Ed. S.R. Suleiman. Cambridge, London: Harvard University Press, 1986.
- Miller W.* The Balkans. London: T. Fisher Unwin; New York: G.P. Putnam's Sons, 1896.
- Miller W.* Travels and Politics in the Near East. London: T. Fisher Unwin, 1898.
- Milojević M.S.* Odlomci istorije Srba i srpskih-jugoslavenskih-zemalja u Turskoj i Austriji. Beograd: Državna štamparija, 1872.
- Milosavljević P.* Ruski putešestvenici u Srbiji // Balcanica XII. 1981. S. 131–147.
- Minchin J.G.C.* The Growth of Freedom in the Balkan Peninsula. London: John Murray, 1886.
- Mirković M.* Ekonomska historija Jugoslavije. Zagreb: Informator, 1968.
- Misheff D.* The Truth about Macedonia. Berne: Pochon-Jent & Bühler, 1917.
- Misirkov K.P.* Za makedonckite raboti. Sofia: Liberalni klub, 1903.
- Močnik R.* Temne zore // Razledi 3. 1995. S. 11.
- Modrich G.* Nella Bulgaria Unita. Note di Viaggio. Trieste: Tipografia di A. Levi, 1902.
- Mønnesland S.* A thousand and one days. Bosnia and Herzegovina in pictures and words through the centuries. Oslo: Syppress Vorlag, 2001.

- Monson W.I.* Extracts from a Journal. London: Rodwell and Martin, 1820.
- Montagu A.* An Introduction to Physical Anthropology. Illinois, 1960.
- Montague J., Earl of Sandwich.* A Voyage Performed by the Late Earl of Sandwich Round the Mediterranean in the Years 1738 and 1739. London: T. Cadell Jun. and W. Davies, 1799.
- Montague M.W.* Letters, written during her travels in Europe, Asia and Africa. London: T. Becket and P.A. De Hondt, 1763.
- Moore A.* The Orient Express. London: Constanble & Company, 1914.
- Moore F.* The Balkan Trail. London: Smith, Elder, & Co, 1906.
- More R.J.* Under the Balkans. Notes of a Visit to the District of Philippolis in 1876. London: Henry S. King & Co, 1877.
- Morgan W.Y.* The New East. Topeka: Crane & Company, 1913.
- Morier J.* A Journey through Persia, Armenia, and Asia Minor, to Constantinople, in the Years 1808 and 1809. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1812.
- Morritt J.B.S.* The Letters of John B. S. Morrirt of Rokeby Descriptive of Journeys in Europe and Asia Minor in the Years 1794–1796. London: John Murray, 1914.
- Moryson F.* Itinerary. Containing His ten yeers travell through the twelve dominio of Germany, Bohmerland, Sweitzerland, Netherland, Denmarke, Poland, Italy, Turkey, France, England, Scotland, and Ireland. London: John Beale, 1617.
- Mrkun A.* Ljudska medicina v dobrépoljski dolini // Etnolog X–XI. 1939. S. 1–10.
- Muhibić M.H.* Stara ćuprija u Mostaru // Glasnik zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine III. Sarajevo, 1889. S. 10–13.
- Mujić M.A.* Krivi most na Radobolji u Mostaru // Naše starine II. 1954. S. 213–215.
- Müller J.* Albanien, Rumelien und die österreichisch-montenegrinische Gränze, oder statistisch-topographische Darstellung der Paschaliks Skutari, Priserend, Ipek, Toli-Monastir, Jakova, Tirana, Kavaja, Elbassan und Ohrida, so wie des Gränzdistricts von Budua in Österreichisch-Albanien, nach eigenen Beobachtungen dargestellt. Prag: Verlag von J. E. Calve'shen Buchhandlung, 1844.
- Müller M.* Letters from Constantinople. London: Longmans, Green, and Co, 1897.
- Mundy P.* The Travels in Europe and Asia, 1608–1628. Cambridge: Hakluyt Society, 1907.
- Munro R.* Rambles and Studies in Bosnia-Herzegovina. Edinburgh in London: W. Blackwood & Sons, 1895.
- Munro-Butler-Johnstone H.A.* The Turks: Their Character, Manners, and Institutions. Oxford in London: James Parker and Co, 1876.
- Mure W.* Journal of a Tour in Greece and the Ionian Islands, with Remarks on the Recent History – Present State – and Classical Antiquities of Those Countries. Edinburgh in London: William Blackwood and Sons, 1842.
- Murray D.* Museums. Their History and their Use. Glasgow: James MacLehose and Sons, 1904.
- Naironus F.B.* A Discourse on Coffee: Its Description and Vertues. London: Abel Roper, 1710.
- Nametak A.* Mostarski stari most // Napredak 11–12. 1932. S. 135–142.
- Nametak A.* Islamski kulturni spomenici turskoga perioda u Bosni i Hercegovini. Sarajevo: Državna štamparija, 1939.
- Narodna enciklopedija srpsko-hrvatska-slovenačka / Ur. S. Stanojević. Zv. II.* Zagreb: Bibliografski zavod, 1925.

- Neale J.M.* Notes, Ecclesiological and Picturesque, on Dalmatia, Croatia, Italia, Styria, with a Visit to Montenegro. London: J.T. Hayes, 1861.
- Neave D.L.* Romance of the Bosphorus. London: Hutchinson & Co, 1949.
- Neidhardt J., Čelić D.* Stari most u Mostaru // Naše starine I. 1953. S. 133–140.
- Neilson G.* Caudatus Anglicus: A mediæval slander. Edinburgh: George J. Johnston, 1896.
- Nenadović L.P.* O Crnogorcima. Pisma iz Cetinja 1878. godine. Cetinje: Obod, 1975.
- Newman B.* Albanian Journey. London: Sir Isaac Pitman & Sons, 1938.
- Newman B.* Balkan Background. London: Robert Hale, 1944.
- Newman B.* Tito's Yugoslavia. London: Robert Hale, 1952.
- Newman F.W.* Personal Narrative, In Letters, Principally from Turkey, In the Years 1830–3. London: Holyoake and Co, 1856.
- Newton C.T.* Travels and Discoveries in the Levant. London: Day & Son, 1865.
- Nicolaides C.* Macedonien. Die geschichtliche Entwicklung der macedonischen Frage im Altertum, im Mittelalter und in der neueren Zeit. Berlin: Verlag von Johannes Råde, 1899.
- Nicolay de Dauphinois N.* Les quatre premiers livres des navigations et peregrinations Orientales. Lyon: Gvillavme Roville, 1568.
- Niebuhr C.* Travels through Arabia, and the other Countries of the East. Edinburgh: R. Morison and Son, G. Mudie, and T. Vernor, 1792.
- Nishani T.O.* Albanien, das Wunschland Mussolinis. Halle: Akademischer Verlag, 1936.
- Novaković S.* Vaskrs države srpske. Političko-istorijska studija o prvom srpskom ustanku 1804–1813. Novi Sad: Srpska knjižara Braće M. Popovića, 1904.
- Novaković S.* Dva dana u Skoplju. 14–15–16 jul 1905. Beleške i razmišljanja s puta. Beograd: Državna štamparija Kraljevine Srbije, 1905.
- Novaković S.* Balkanska pitanja i manje istorijsko-političke beleške o Balkanskom poluostrvu 1886–1905. Beograd: Zadužbina I. M. Kolarca 114, 1906.
- Noyes J.O.* Roumania: The Border Land of the Christian and the Turk, Comprising Adventures of Travel in Eastern Europe and Western Asia. New York: Rudd & Carleton, 1858.
- Nušić B.* Kraj obala Ohridskoga Jezera. Beograd: Državna štamparija Kraljevine Srbije, 1894.
- Nušić B.* Kosovo. Opis zemlje i naroda. Novi Sad: Matica srpska, 1902–1903.
- Ogilby J.* Africa. London: Printed for the author, 1670.
- Omout M.H.* Voyages à Athènes, Constantinople et Jérusalem de François Arnaud (1602–1605). Paris, 1909.
- Orbini M.* Il regno de gli slavi. Pesaro: Girolamo Concordia, 1601.
- Ostrorog L.* The Turkish Problem. Things Seen and a Few Deductions. London: Chatto & Windus, 1919.
- Oztürk O.* Folk Treatment of the Mental Illness in Turkey // Ari Kiev. Magic, Faith & Healing. New York: Free Press; London: Collier – Macmillan, 1974. P. 343–363.
- Pahor J.* Hodil po zemlji sem naši ... Ljubljana: Mladinska knjiga, 1951.
- Palerne I.* Peregrinations. Lyon: Iean Pillehotte, 1606.
- Palmer R.* An Account of the Present War Between the Venetians & Turk; With the State of Candie: (In a Letter to the King, from Venice.). London: H. Herringman, 1666.
- Pardoe Mrs.* The City of the Sultan; and Domestic Manners of the Turks, in 1836. London: Henry Colburn, 1837.

- Pardoe Mrs.* The Beauties of the Bosphorus. London: George Virtue, 1838.
- Parnauvel O.T.* A Trip to Turkey, and Traveller's Guide to the Turkish Capital, By Way of Gibraltar, Malta, Syra, and Alexandria. London: Houlston & Stoneman, 1855.
- Pashley R.* Travels in Crete. Cambridge in London: John Murray, 1837.
- Pašić A.* The Old Bridge (Stari Most) in Mostar. Istanbul: Research Centre for Islamic History, Art and Culture, 1995.
- Passarge L.* Dalmatien und Montenegro. Reise- und Kulturbilder. Leipzig: Verlag von B. Elischer Nachfolger, 1904.
- Paton A.A.* Servia, the youngest member of the European family: or, a residence in Belgrade, and travels in highlands and woodlands of the interior, during the years 1843 and 1844. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1845.
- Paton A.A.* Highlands and Islands of the Adriatic. London: Chapman and Hall, 1849.
- Paton A.A.* Researches on the Danube and the Adriatic; or, the contributions to the modern history of Hungary and Transylvania, Dalmatia and Croatia, Servia and Bulgaria. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1861.
- Patrick M.M.* Under Five Sultans. New York in London: The Century Co, 1929.
- Pavičević M.* Crnogorke u pričama i anegdota. Zagreb, 1930.
- Pavlowitch S.K.* A History of the Balkans 1804–1945. London in New York: Longman, 1999.
- Peacock W.* Albania, the foundling state of Europe. London: Chapman & Hall, 1914.
- Pears E.* Turkey and its People. London: Methuen & Co, 1911.
- Pears E.* Forty Years in Constantinople. London: Herbert Jenkins, 1915.
- Pearson E.M., McLaughlin L.E.* Service in Serbia under the Red Cross. London: Tinsley Brothers, 1877.
- Peez C.* Mostar und sein Culturkreis. Leipzig: J. U. Brockhaus, 1891.
- Pelerin C.* Excursion artistique en Dalmatie et au Montenegro. Paris: Imprimerie de Dubuisson & Co, 1860.
- Pénel J-D.* Homo caudatus. Les hommes à queue d'Afrique Centrale: un avatar de l'imaginaire occidental. Paris, Société d'études linguistiques et anthropologiques de France, 1982.
- Perićić Š.* Dalmacija uoči pada Mletačke Republike. Zagreb: Sveučilište u Zagrebu, 1980.
- Perry C.* A View of the Levant: Particularly of Constantinople, Syria, Egypt, and Greece. In which Their Antiquities, Government, Politics, Maxims, Manners, and Customs, (with many other Circumstances and Contingencies) are attempted to be Described and Treated on. London: T. Woodward, and C. Davis, and J. Shuckburgh, 1743.
- Perry D.M.* The Politics of Terror. The Macedonian Liberation Movements 1893–1903. Durham in London: Duke University Press, 1988.
- Perry R.* Colonizing the breast. Sexuality and maternity in eighteenth-century England // Forbidden History / Ed. J.C. Fout. Chicago in London: University of Chicago Press, 1992. P. 107–137.
- Pertusier C.* La Bosnie considérée dans ses rapports avec l'empire Ottoman. Paris: Librairie de Charles Gosselin, 1822.
- Peterlin-Petruška R.* Ahasverjeva kronika. Ljubljana: Odmevi, 1936.
- Pfeiffer I.* Reise eine Wienerin in das heilige Land, Unternommen in März bis Dezember 1842. Wien: Verlag von Jakob Dirnböck, 1846.
- Pienkouski K.* Czarnagóra pod względem geograficznym, statystycznym i historycznym. Lwów: Nakładem autora, 1869.

- Plamenac J.* Koze muslimanske, koze pravoslavne // Duga 8. 1988. S. 29–32.
- Plumley M.* Days and Nights in the East; from the Original Notes of a Recent Traveller through Egypt, Arabia-Petra, Syria, Turkey and Greece. London: T.C. Newby, 1845.
- Plut M.* Po macedonskem bojišču. Ljubljana: Samozaložba, 1913.
- Pococke R.* A Description of the East, and Some other Countries. Vol. II Part II. Observations on the Islands of the Archipelago, Asia Minor, Thrace, Greece, and some other Parts of Europe. London: Printed for the Author, 1745.
- Polo M.* The Travels of Marco Polo, a Venetian in the Thirteen Century, Being a Description, By That Early Traveller, of Remarkable Places and Things, in the Eastern Parts of the World. Translated from the Italian, with Notes, by William Marsden. London: Printed for the Author, 1843.
- Pomardi S.* Viaggio nella Grecia fatto negli anni 1804, 1805, e 1806. Roma: Vincenzo Poggioli, 1820.
- Pomet P.* Histoire generale des Drogues, traitant des Plantes, des Animaux, & des Mineraux; Ouvrage enrichy de plus de quatre cent Figures en Taille-douce tirées d'après Nature; avec un discours qui explique leurs differens Noms, les Pays d'où elles viennent, la maniere de connoître les Veritables d'avec les Falsifiées, & leurs proprietes, où l'on découvre l'erreur des Anciens & des Modernes; Le tout tres utile au Public. Paris: Jean-Baptiste Loyson, & Augustin Pillon; Estienne Ducastin, 1694.
- Pomet P.* A Compleat History of Drugs. London: R. and J. Bonwicke, and R. Wilkin; John Walthoe and Tho. Ward, 1725.
- Popović D.J.* O Cincarima. Beograd: Drag. Gregorić, 1937.
- Popović P.* Serbian Macedonia. An Historical Survey. London: The Near East, 1916.
- Popović S.L.* Putovanje po novoj Srbiji. Beograd: Srpska knjižara Braće M. Popovića, 1879–1884.
- Port M. van de.* Gypsies, War and Other Instances of the Wild. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1998.
- Porter J.* Observations on the Religion, Law, Government, and Manners of the Turks. London: J. Nourse, 1771.
- Post H.A.V.* A Visit to Greece and Constantinople, in the Year 1827–8. New York: Sleight & Robinson, 1830.
- Poullet.* Nouvelles relations du Levant, qui continent pluieurs remarques fort curieuses non encore observées, touchant la Religion, les mœurs & le politique des diuers Peuples. Aues un Discours sur le Commerce des Anglois & des Hollandois. Paris: L. Billaine, 1667–1668.
- Pouqueville F.C.* Travels in the Morea, Albania, and other parts of the Ottoman Empire. London: Henry Colburn, 1813.
- Pouqueville F.C.* 1820. Travels in Epirus, Albania, Macedonia, and Thessaly. London: Sir Richard Phillips, 1813.
- Poynter M.A.* When Turkey Was Turkey. In and around Constantinople. London: George Routledge and Sons; New York: E. P. Dutton and Co. 1921.
- Pribichevich S.* Macedonia. Its People and History. University Park in London: The Pennsylvania State University Press, 1982.
- Prel C. du.* Unter Tannen und Pinien. Wanderungen in den Alpen, Italien, Dalmatien und Montenegro. Berlin: Denicke's Verlag, 1875.
- Price C.* The Rebirth of Turkey. New York: Thomas Seltzer, 1923.
- Price W.H.C.* The Balkan Cockpit. The Political and Military Story of the Balkan Wars in Macedonia. London: T. Werner Laurie, 1914.
- Prime E.D.G.* Forty Years in the Turkish Empire; or, Memoirs of Rev. William Goodell, D.D. New York: Robert Carter and Brothers, 1876.

- Protić S.M.* O Makedoniji i Makedoncima. Beograd: K. S. Taumanović, 1888.
- Puljevski D.M.* Rečnik od tri jezika s. makedonski, arbarski i turski. Beograd: Državna štamparija, 1875.
- Purchas S.* Relations of the world and religions observed in all ages. London: H. Fetherstone, 1613.
- Quiclet.* Les voyages de M. Quiclet a Constantinople par terre. Paris: Pierre Promé, 1664.
- Quin M.J.* A Steam Voyage Down the Danube. With Sketches of Hungary, Wallachia, Servia, and Turkey, &c. London: Richard Bentley, 1835.
- R. H. R.* Rambles in Istria, Dalmatia and Montenegro. London: Hurst and Blackett, 1875.
- Radovich E.* Land of Destiny. New York: Philosophical Library, 1951.
- Rajić M.* Srpski pakao u komunističkoj Jugoslaviji. Čikago, 1975.
- Raleigh W.* The English voyages of the sixteenth century // R. Hakluyt. The Principal Navigations Voyages Traffiques & Discoveries of the English Nation. Vol. 12. London: James MacLehose & Sons, 1905.
- Ramberti B.* Libri tre delle cose de Turchi. Vinegia: Casa de' figliuoli di Aldo, 1539.
- Ramsay W.M. Mrs.* Everyday Life in Turkey. London: Hodder and Stoughton, 1897.
- Randolph B.* The Present State of the Islands in the Archipelago, (Or Arches) Sea of Constantinople, and Gulph of Smyrna; With the Islands of Candia, and Rhodes. Oxford: The Theater, 1687.
- Randolph B.* The Present State of the Morea, Called Anciently Peloponnesus: Together with a Description of the City of Athens, Islands of Zant, Strafades, and Serigo. London: Will. Notts, Tho. Basset, and Thomas Bennet, 1689.
- Rasch G.* Die Türken in Europa. Prag: Skrejšovský, 1873.
- Rašid-bej.* Istorija čudnovatih događaja u Beogradu i Srbiji. Beograd: Spomenik Srpske kraljevske akademije XXIII, 1894.
- Rauwolf L.* Aigentliche beschreibung der Raisz in die Morgenländer. Laugingen, 1582.
- Reed J.* The War in Eastern Europe. London: Eveleigh Nash, 1916.
- Régla P. de.* La Turquie officielle. Constantinople, son gouvernement ses habitants, son présent et son avenir. Geneva: C.-E. Alioth et Cie, 1890.
- Reinsberg-Düringsfeld I. von.* Aus Dalmatien. Prag: Carl Bellman's Verlag, 1857.
- Reiss R.A.* The Kingdom of Serbia. Infringements of the Rules and Laws of War Committed by the Austro-Bulgaro-Germans: Letters of a Criminologist on the Serbian Macedonian Front. London: George Allen & Unwin, 1919.
- Renner H.* Durch Bosnien und die Hercegovina kreuz und quer. Berlin: Dietrich Riemer, 1897.
- Reshid M.* Tourist's Practical Guide to Constantinople and Environs. Constantinople, 1925.
- Reuter J.* Policy and Economy in Macedonia; James Pettifer, ur. // The New Macedonian Question. Basingstoke in London: Macmillan Press, 1999. P. 28–46.
- Richer C.* Des Covstvmes et manieres de viure des Turcs. Paris: Robert Estienne, 1540.
- Richter W.* Serbiens Zustände unter dem Fürsten Milosch. Leipzig: Adolf Frohberger, 1840.
- Rihtman Auguštín D.* Ulice moga grada. Beograd: Biblioteka XX. vek, 2000.
- Rihtman Auguštín D.* Etnologija i etnomit. Zagreb: Publica, 2001.
- Robert C.* Les Slaves de Turquie. Paris: L. Passard et Jules Labitte, 1852.

- Robinson E.F.* The Early History of Coffee Houses in England, London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co, 1893.
- Robinson V.* Albania's Road to Freedom. London: George Allen & Unwin, 1941.
- Roden C.* Coffee. London: Faber & Faber, 1977.
- Rolamb N.* A relation of a Journey to Constantinople // Churchill. A Collection of Voyages and Travels, some Now first Printed from Original Manuscripts, others Now First Published in English. Vol. V. London: John Walthoe, Tho. Wotton, Samuel Birt, Daniel Browne, Thomas Osborne, John Shuckburgh, and Henry Lintot, 1732. P. 669–716.
- Röser J.* Tagebuch meiner Reise nach Griechenland, in die Türkei, nach Aegypten und Syrien, im Jahre 1834 bis 1835. Mergentheim: Neue Buch- und Kunsthandlung, 1836.
- Roškiewicz J.* Studien über Bosnien und die Herzegovina. Leipzig in Wien: F.A. Brockhaus, 1868.
- Ross D., of Bladenburg.* Opinions of the European Press on the Eastern Question. Translated and extracted from Turkish, German, French, and English papers and reviews. London: James Ridgway and Sons, 1836.
- Ross L.* Erinnerungen und Mittheilungen aus Griechenland. Berlin: Verlag von Rudolph Gaertner, 1863.
- Rossi A.* Un'Escursione nel Montenegro. Milano: Carlo Aliprandi, 1897.
- Rouillard C.D.* The Turk in French History, Thought, and Literature (1520–1660). Paris: Boivin & Cie, 1941.
- Rousseau J.-J.* A Discourse upon the Origin and Foundation of the Inequality among Mankind. London: R. & J. Dodsley, 1761.
- Ruland B.* Orient Expresß. Bayreuth: Hestia, 1967.
- Rupprecht Kronprinz von Bayern.* Reise-Erinnerungen aus dem Süd-Osten Europas und dem Orient. München: Josef Kösel & Friedrich Pustet, 1923.
- Russell A.* The Natural History of Aleppo. London: G. G. and J. Robinson, 1794.
- Russell F.S.* Russian Wars with Turkey. London: Henry S. King & Co, 1877.
- Russell B., Mrs.* Through Greece and Dalmatia. A Diary of Impressions Recorded by Pen & Picture. London: Adam and Charles Black, 1912.
- Ruthner F.* Un Viaggio a Maria Stella convento dei trappisti nella valle dell'Urbas presso Banjaluka in Bosnia colla descrizione della vita e delle opere dei poveri monaci di San Bernardo. Venezia: L. Merlo, 1877.
- Rycaut P.* The Present State of the Ottoman Empire. Containing the Maxims of the Turkish Politie, The most material Points of the Mahometan Religion, Their Sects and Heresies, their Convents and Religious Votaries, Their Military Discipline, With an exact Computation of their Forces both by Land and Sea. London: John Starkey and Henry Brome, and The Star, 1668.
- Rycaut P.* The History of the Turkish Empire From the Year 1623. to the Year 1677. Containing the Reigns Of the three last Emperours, viz. Sultan Morat or Amurath IV. Sultan Ibrahim, and Sultan Mahomet IV. his Son, The XIII. Emperour now Reigning. London: John Starkey, 1680.
- Saint Clair S.G., Brophy C.A.* A Residence In Bulgaria; or, Notes on the resources and Administration of Turkey: The Condition and Character, Manners, Customs, Language of the Christian and Mussulman Populations, with Reference to the Eastern Question. London: John Murray, 1869.
- Salgündžijev S.K.* Lični dela i spomeni po vüzoždaneto na solunskiot i serski Bŭlgari ili 12-godišna žestoka neravna borca s gŭrkata propaganda. Plovdiv: Trud, 1906.
- Salisbury P.H.B.* Two Months with Tcherniaeff in Servia. London: Chapman and Hall, 1877.

- Samuelson J.* Bulgaria, Past and Present. Historical, Political, and Descriptive. London: Trübner & Co, 1888.
- Sanders I.T.* Balkan Village. Lexington: The Kentucky University Press, 1949.
- Sanderson I.* Sundrie the personall Voyages performed by Iohn Sanderson of London, Merchant, Begun in October 1584. Ended in October 1602. With an historical Description of Constantinople // Purchas His Pilgrimes. Vol. V. London: Henrie Fetherstone, 1635. P. 1614–1640.
- Sandwith H.* Notes on the South Slavonic countries in Austria and Turkey in Europe. Edinburgh in London: William Blackwood and Sons, 1865.
- Sandys G.* A relation of a iourney begvn Anno Dom. 1610. London: W. Barrett, 1615.
- Schäperclaus I., Farrington B.* The Early Cape Hottentots. Cape Town: The Van Riebeeck Society, 1933.
- Schimmer K.A.* The Sieges of Vienna by the Turks. London: John Murray.
- Schwarz, Bernhard.* 1883. Montenegro. Schilderung einer Reise durch das Innere nebst Entwurf einer Geographie des Landes. Leipzig: Verlag von Paul Froberg, 1847.
- Schweinfurth G.* The Heart of Africa. Three Years' Travels and Adventures in the Unexplored Regions of Central Africa. From 1868 to 1871. London: Sampson Low, Marston, Low, and Searle, 1873.
- Sclamer P.* Sermone parenetico di Pietro Sclamer Chersino al Signor Giovanni Lovrich, Nativo di Sign in Morlacchia, Autore delle Osservazioni sopra il Viaggio in Dalmazia del sig. Abate Alberto Fortis. Modena, 1776.
- Schweiger-Lerchenfeld A.* Freiherr von. Bosnien, das Land und seine Bewohner. Wien: L.C. Zamarski, 1878.
- Scopetea E.* Greek and Serbian enlightenment: a comparative approach. Proceedings of the Fifth Greek-Serbian symposium. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1991. P. 201–209.
- Scott-Stevenson E.* On Summer Seas. London: Chapman and Hall, 1883.
- Semple R.* Observations on A Journey through Spain and Italy to Naples; and thence to Smyrna and Constantinople. London: C. and R. Baldwin, 1807.
- Senior N.W.* A Journal Kept in Turkey and Greece in the Autumn of 1857 and the Beginning of 1858. London: Longman, Brown, Green, Longmans, and Roberts, 1859.
- Serristori A.* La costa Dalmata e il Montenegro durante la guerra del 1877. Firenze: Tipografia di G. Barbèra, 1877.
- Shorter E.* A History of Women's Bodies. London: Allen Lane, 1983.
- Shotwell J.T.* A Balkan Mission. New York: Columbia University Press, 1949.
- Siebertz P.* Albanien und die Albanesen. Wien: Verlag der Manz'schen k.u.k. Hofverlags- und Universitätsbuchhandlung, 1910.
- Sís V.* Nový Balkán. Praha, 1924.
- Skarić V.* Trebinje u 18 vijeku // Glasnik zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine VL. Sarajevo, 1933. S. 39–70.
- Skarić V.* Uticaj turskog vladanja na društveni život // Knjiga o Balkanu II. Beograd: Balkanski institut, 1937. S. 134–142.
- Skene J.H.* The Frontier Lands of the Christian and the Turk. London: Richard Bentley, 1853.
- Skene J.H.* With Lord Stratford in the Crimean War. London: Bentley & Son, 1883.
- Slade A.* Turkey, Greece and Malta. London: Saunders and Otley, 1837.
- Slade A.* Travels in Germany and Russia: Including a Steam Voyage by the Danube and the Euxine from Vienna to Constantinople, In 1838–39. London: Longman, Orme, Brown, Green, and Longmans, 1840.

- Slade A.* Records of Travels in Turkey and Greece, etc. And of a Cruise with the Capitan Pacha. London: Saunders and Otley, 1854.
- Slišković J.* Albanija i Macedonija. Sarajevo: Vlastita naklada, 1904.
- Sloane W.M.* The Balkans. A laboratory of history. New York: The Abingdon Press, 1914.
- Smith A.* A Month at Constantinople. London: David Bogue, 1850.
- Smith I.* The True Travels, Adventvres, and Observations of Captain Iohn Smith, In Europe, Asia, Affrica, and America, from Anno Domini 1593. to 1629. London: Thomas Slater, 1630.
- Smith T.* Remarks Upon the Manners, Religion and Government Of the Turks. Together with A Survey of the Seven Churches of Asia, As they now lye in their Ruines: and A Brief Description of Constantinople. London: Moses Pitt, 1678.
- Smith W.W.* A Year with the Turks or Sketches of Travel in the European and Asiatic Dominions of the Sultan. London: John W. Parker and Son, 1854.
- Snow R.* Journal of Steam Voyage down the Danube to Constantinople, and thence by way of Malta and Marseilles to England. London: Moyes and Barclay, 1842.
- Sommières L.C.V. de.* Travels in Montenegro. London: Richard Phillips, 1820.
- Spaho F.* Prve kafane su otvorene u našim krajevima // Novi behar 3. 1931. S. 41–42.
- Spencer E.* Travels in Circassia, Krim Tartary, &c. Including a steam voyage down the Danube, from Vienna to Constantinople and round the Black Sea. London: Henry Colburn, 1837.
- Spencer E.* Travels in European Turkey in 1850. London: Colburn and Co, 1851.
- Spencer E.* Turkey, Russia, the Black Sea, and Circassia. London: George Routledge & Co, 1854.
- Spencer E.* Travels in France and Germany in 1865 and 1866. Vol. II. London: Hurst and Blackett, 1866.
- Spens A.B.* Half Hours in the Levant. Personal Impressions of Cities & Peoples of the Near East. London: Stanley Paul & Co, 1912.
- Spry W.J.J.* Life on the Bosphorus. Doings in the City of Sultan. Turkey Past and Present. Including Chronicles of the Caliphs from Mahomet to Abdul Hamid II. London: H. S. Nichols, 1895.
- Stanojević G.* Šćepan Mali. Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti, 1957.
- Stark C.B.* Nach dem Griechischen Orient. Reise-Studien. Heildelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1874.
- Stavrianos L.S.* The Balkans since 1453. New York: Rinehart & Company, 1958.
- Steinmetz K.* Eine Reise durch die Hochländergaue Oberalbaniens. Wien in Leipzig: A. Hartleben's Verlag, 1904.
- Steinmetz K.* Od Adrije do Crnoga Drima. Skoplje, 1910.
- Stent W.D.* Egypt and the Holy Land in 1842, With Sketches of Greece, Constantinople, and the Levant. London: Richard Bentley, 1843.
- Stephens J.G.* Incidents of Travel in Greece, Turkey, Russia, and Poland. Dublin: William Curry, Jun. and Company, 1839.
- Stephens J.G.* Incidents of Travel in the Russian and Turkish Empires. London: Richard Bentley, 1839.
- Stieglitz H.* Ein Besuch auf Montenegro, Stuttgart in Tübingen: J.G. Cotta'scher, 1841.
- Stillman W.J.* Herzegovina and the late uprising: the causes of the later and the remedies. London: Longmans, Green, and Co, 1877.
- Stomma L.* Antropologia kultury wsi polskiej XIX w. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1986.

- Strangford E.A.* The Eastern Shores of the Adriatic in 1863. With a Visit to Montenegro. London: Richard Bentley, 1864.
- Struys J.* The Perillous and most Unhappy Voyages. London: Samuel Smith, 1683.
- Stuart-Glennie J.S.* Europe and Asia. Discussions of the Eastern Question in Travels through Independent, Turkish, and Austrian Illyria. London: Chapman Hall, 1879.
- Stucley P.* Two Months' Grace. London: Selwyn & Blount, 1935.
- Styx E.* Das Bauwesen in Bosnien und der Hercegovina vom Beginn der Occupation durch die österreichisch-ungarische Monarchie bis in das Jahr 1887. Wien: Holder, 1887.
- Sullivan J.* Diary of a Tour in the Autumn of 1856 to Gibraltar, Malta, Smyrna, Dardanelles, Marmora, Constantinople, Scutari, Sweet Waters, Greece, Italy, and France. Printed for Presentation to His Friends, 1857.
- Sutherland C.* A Tour up the Straits, from Gibraltar to Constantinople. With the Leading Events in the Present War between the Austrians, Russians, and the Turks, to the Commencement of the Year 1789. London: Printed for the Author, 1790.
- Svetek A.* Spomini na okupaciju Bosne // Ljubljanski zvon. Zv. 8. 1888.
- Swift J.* Travels into several Remote Nations of the World. London: Benj. Motte, 1726.
- Sykes M.* Dar-ul-Islam. A Record of a Journey through Ten of the Asiatic Provinces of Turkey. London: Bickers & Son, 1904.
- Šabanović H.* Bosanski pašaluk. Sarajevo: Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine, 1959.
- Šamić M.* Francuski putnici u Bosni na pragu XIX stoljeća i njihovi utisci o njoj. Sarajevo: Veselin Masleša, 1966.
- Šamić M.* Francuski putnici u Bosni i u Hercegovini u XIX stoljeću 1836–1878. Sarajevo: Veselin Masleša, 1981.
- Šimčik A.* Jesu li samo Turci kopali oči hrišćanskim ikonama? // Novi behar 13–18. Sarajevo, 1932. S. 193.
- Šolta P.* Bosniski kraj a raj. Budyšin, 1918.
- Tachard G.* A Relation of Voyage to Siam. London: J. Robinson and A. Churchill, 1688.
- Tancoigne M.* A Narration of a Journey into Persia, and Residence in Teheran: Containing A Descriptive Itinerary from Constantinople to the Persian Capital. London: William Wright, 1820.
- Tannahill R.* History of Food. London: Eyre Methuen, 1973.
- Tavernier J.B. de.* Persian Travels; Collection of Travels through Turkey into Persia, and the East-Indies. Vol. I. London, 1684.
- Temple G.T.* Travels in Greece and Turkey. London: Saunders and Otley, 1836.
- The Invention of Tradition* / Ed. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- The Balkan Question.* The present condition of the Balkans and of European responsibilities / Ur. L. Villari. London: John Murray, 1905.
- The Man Who Dined with Kaiser.* My Secret Service. London: Herbert Jenkins.
- Thevenot J. de.* 1687. The Travels of the Monsieur de Thevenot into the Levant. London: John Taylor, 1916.
- The People of Turkey: Twenty Years Residence among Bulgarians, Greeks, Albanians, Turks, and Armenians.* By a Consul Daughter and Wife. / Ed. S.L. Poole. London: John Murray, 1878.

- Thierfelder F.* Schichsalstunden des Balkan. Wien in Leipzig: Adolf Inzer Verlag, 1941.
- Thoemmel G.* Geschichtliche, politische und topographisch-statistische Beschreibung des Vilajet Bosnien. Wien: Albert A. Wenedikt, 1867.
- Thompson C.* The Travels Of the Late Charles Thompson, Esq; Containing his Observations on France, Italy, Turkey in Europe, The Holy Land, Egypt, And many other Parts of the World: Giving A particular and faithful Account of what is most remarkable in the Manners, Religion, Polity, Antiquities, And Natural History of those Countries: With a Curious Description of Jerusalem. London: J. Newberry and C. Micklewright, 1744.
- Thomsett R.G.* A Trip through the Balkan. London: Digby, Long & Co, 1909.
- Thomson H.C.* The Outgoing Turk. Impression of a Journey through the Western Balkans. London: William Heinemann, 1897.
- Thornton P.* Dead Puppets Dance. London: Collins, 1937.
- Thornton P.* Ikons and Oxen. London: Collins, 1939.
- Tischendorf C.* Reise in den Orient. Leipzig: Verlag von Bernh. Tauschnitz jun, 1846.
- Titmarsh M.A.* Notes of a Journey from Cornhill to Grand Cairo, by Way of Lisbon, Athens, Constantinople, and Jerusalem: Performed in the Steamers of the Peninsular and Oriental Company. London: Chapman and Hall, 1846.
- Tobin C.* Shadows of the East; or Slight Sketches of Scenery, Persons, and Customs, from Observations during a Tour in 1853 and 1854, in Egypt, Palestine, Syria, Turkey, and Greece. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855.
- Todorova M.* Imagining the Balkans. New York in Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Tollot.* Nouveau voyage fait au Levant, ès années 1731 & 1732. Paris : Andre Cailleau, 1742.
- Tomić J.* Rat na Kosovu i Staroj Srbiji 1912. godine. Novi Sad, 1913.
- Tomić J.* Rat u Albaniji i oko Skadra 1912. i 1913. godine. Novi Sad, 1913.
- Tomitch S.* Who are the Macedonian Slavs // J. T. Markovitch, ur. Macedonia and Macedonians. Rome: Printing-office C. Colombo, 1918. P. 43–124.
- Tooke W.* Russia: or, A Complete Historical Account of All the Nations Which Compose that Empire. London: J. Nichols, T. Cadell, H. Payne, and N. Cnant, 1780.
- Tott F. de.* Memoirs of the Baron de Tott, on the Turks and the Tartars. Dublin: L. White, J. Cash, and R. Marchbank, 1785.
- Tournefort J.P. de.* A Voyage into the Levant: Perform'd by Command of the Late French King. London: D. Browne, A. Bell, J. Darby, A. Bettesworth, J. Pemberton, C. Rivington, J. Hooke, D. Cruttenden and T. Cox, 1718.
- Townshend A.F.* A Military Consul in Turkey. The Experiences & Impressions of a British Representative in Asia Minor. London: Seeley & Co, 1910.
- Townson R.* Travels in Hungary, with a short account of Vienna in the year 1793. London: G. G. and J. Robinson, 1797.
- Toynbee A.J.* The Western Question in Greece and Turkey. A Study in the Contact of Civilisations. London: Constable and Company, 1922.
- Tozer H.F.* Researches in the Highlands of Turkey; Including Visit to Mounts Ida, Athos, Olympus, and Pelion, the Mirdite Albanians, and Other Remote Tribes. With Notes on the Ballads, Tales, and Classical Superstitions of the Modern Greeks. London: John Murray, 1869.
- Trevor R.* My Balkan Tour. London: John Lane The Bodley Head; New York: John Lane Company, 1911.

- Trotsky L.* The Balkan Wars 1912–1913. New York in Sidney: Monad Press, 1980.
- Tucović D.* Srpska sirotinja; Sabrana dela. I. knj. Beograd: Rad, 1975. S. 64–71.
- Tućan F.* Po Makedoniji. Zagreb: Hrvatska tiskarna, 1920.
- Turner W.* Journal of a Tour in the Levant. London: John Murray, 1820.
- Tyson E.* Orang-Outan, sive Homo Sylvestris; or the Anatomy of a Pygmie Compared with that of a Monkey, an Ape, and a Man. London: T. Bennett and D. Brown, 1699.
- Ukers W.H.* All About Coffee. New York: The Tea & Coffee Trade Journal Company, 1935.
- Upward A.* The East End of Europe. London: John Murray, 1908.
- Urošević A.* Etnički procesi na Kosovu tokom turske vladavine. Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti, 1987.
- Urquhart D.* The Spirit of the East, Illustrated in a Journal of Travels through Roumeli During an Eventful Period. London: Henry Colburn, 1838.
- Ustinov P.* A country with too much past tries to come to terms with the present // The European 256. London, 1995. P. 7–11.
- Vaka D.* The Eagle and the Sparrow. Boston, 1913.
- Vaka D.* The Unveiled Ladies of Stamboul. Boston: Houghton Mifflin Company, 1923.
- Valentini G.W. de.* Description of the Seat of War in European Turkey. London: James Ridgway, 1854.
- Valentini M.B.* Museum museorum, oder Vollständige Schau-Bühne Aller Materialien und Specereyen Nebst deren Natürlichen Beschreibung /Election, Nutzen und Gebrauch/ Aus andern Material – Kunst- und Naturalien-Kammern Oost- und West-Indischen Reisz-Beschreibungen. Franckfurt am Mayn: Johann David Zunners, 1704.
- Valle P. della.* Viaggi. Roma: Vitale Mascardi, 1650.
- Valoušek F.* Vzpomínky na Bosnu. Brno: Společnost přátel jižních Slovanu v česke republice, 1999.
- Valvasor J.W.* Die Ehre deß Hertzogthums Crain. Laybach in Nürnberg, 1689.
- Vambéry A.* Western Culture in Eastern Lands. A Comparison of the Methods Adopted by England and Russia in the Middle East. London: John Murray, 1906.
- Vaudoncourt G. de.* Memoirs of the Ionian Islands, Considered in a Commercial, Political, and Military, Point of View; In which Their Advantages of Position Are Described, As Well As Their Relations with the Greek Continent; Including the Life and Character of Ali Pasha, the Present Ruler of Greece; Together with a Comparative Display of the Ancient and Modern Geography of the Epirus, Thessaly, Morea, Part of Macedonia, &c. &c. London: Baldwin, Cradock, and Joy, 1816.
- Vane C.W., Marquess of Londonderry.* A Steam Voyage to Constantinople, by the Rhine and the Danube, In 1840–41, and to Portugal, Spain, &c., In 1839. London: Henry Colburn, 1842.
- Vasić M.* O gradnji starog mosta u Mostaru // Balcanica VIII. 1977. S. 189–195.
- Vavouškos C.A.* Macedonia's Struggle for Freedom. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1973.
- Vere A. de.* Picturesque Sketches of Greece and Turkey. London: Richard Bentley, 1850.
- Verne J.* Cinq semaines en ballon. Voyage de découvertes en Afrique. Par trios Anglais. Rédigé sur les Notes de docteur Fergusson. Paris: J. Hetzel, 1863.

- Vernon F.* Francis Vernon's Letter, written to Mr. Oldenburg, Ja. 10. 1675/6, giving a short account of some of his Observations in his travels from Venice through Istria, Dalmatia, Greece, and the Archipelago, to Smyrna // R.J. Ray. A Collection of Curious Travels and Voyages. Containing Dr. Leonhart Rauwolf's Journey Into the Eastern Countries. Vol. II. London: J. Walthoe, D. Midwinter, A. Bettesworth, and C. Hitch, W. Innys, R. Robinson, J. Wilford, A. Ward, J. and P. Knapton, T. Longman, O. Payne, W. Shropshire, J. and R. Tonson, T. Woodman, R. Chandler, and J. Wellington, 1738. P. 355-363.
- Veryard E.* An Account on divers Choice Remarks, as well Geographical, as Historical, Political, Mathematical, Physical, and Moral; Taken in a Journey through the Low-Countries, France, Italy, and Part of Spain; With the Isles of Sicily and Malta. As also, A Voyage to the Levant. London: S. Smith and B. Walford, 1701.
- Veselinović M.V.* Srbi u Mačedoniji i u južnoj Staroj Srbiji. Beograd: Štamparija Kraljevine Srpske, 1888.
- Vivanti A.* A Journey to Crete, Constantinople, Naples, and Florence. Three Months Abroad. London: Printed for Private Circulation, 1865.
- Vivian H.* Servia, the Poor Man's Paradise. London: Longmans, Green, and Co, 1897.
- Vivian H.* The Servian Tragedy with some Impressions of Macedonia. London: Grant Richards, 1904.
- Volonakis M.D.* Saint Sophia and Constantinople. History and Art. London: Hesperia Press, 1920.
- Voltaire F.M.A. de.* The Works. With Notes, Historical and Critical. London: J. Newbery, R. Baldwin, W. Johnston, S. Crowder, T. Davies, J. Coote, G. Kearsley, and B. Collins, 1761.
- Vujić J.* Putešestvie po Srbii. Budim grad, 1828.
- Walker M.A.* Through Macedonia to the Albanian Lakes. London: Chapman and Hall, 1864.
- Walker M.A.* Untrodden Path in Roumania. London: Chapman and Hall, 1888.
- Walker M.A.* Old Tracks and New Landmarks. London: Richard Bentley and Son, 1897.
- Wallisch F.* Die Pforte zum Orient. Innsbruck: Tyrolia, 1917.
- Wallisch F.* Der Atem des Balkans. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1928.
- Walsh R.* Narrative of a Journey from Constantinople to England. London: Frederick Westley, 1828.
- Walsh R.* A Residence at Constantinople, During a Period Including the Commencement, Progress, and Termination of the Greek and Turkish Revolutions. London: Frederick Westley and A. H. Davis, 1836.
- Walshe D.* With the Serbs in Macedonia. London: John Lane The Bodley Head; New York: John Lane Company, 1920.
- Watkins T.* Travels through Switzerland, Italy, Sicily, the Greek Islands to Constantinople; through Part of Greece, Ragusa, and the Dalmatian Isles. London: J. Owen, 1794.
- Watson R.W.S.* The Rise of Nationality in the Balkans. London: Constable & Co, 1917.
- Weideger P.* History's Mistress. Harmondsworth: Penguin, 1986.
- Weigand G.* Ethnographie von Makedonien. Geschichtlich-nationaler, sprachlich-statistischer Teil. Leipzig: Friedrich Brandstetter, 1924.
- Wendel H.* Von Belgrad bis Buccari. Ein unphilosophische Reise durch Westserbien, Bosnien, Hercegovina, Montenegro und Dalmatien. Frankfurt am Main: Frankfurter Societäts-Druckerei, 1922.

- West R.* Black Lamb & Grey Falcon. London: Macmillan, 1977.
- Wester J.* Iz domovine in tujine. Ljubljana: Slovensko planinsko društvo, 1944.
- Weyand J.K.* Reisen durch Europa, Asien, und Afrika von dem Jahre 1818 bis 1821 incl. Amberg: Auf Kosten des Verfassers, 1822–1825.
- Wheler G.* A Journey into Greece. In Company of Dr Spon of Lyons. London: William Cademan, Robert Kettlewell, and Awnsham Churchill, the Hand and Scepter, and the Black Swan, 1682.
- Wherry A.* From Old To New; being some personal experiences at Constantinople in April, 1909. Cambridge: Bowes and Bowes, 1909.
- White C.* Three Years in Constantinople; or, Domestic Manners of the Turks in 1844. London: Henry Colburn, 1845.
- Whitwell Mrs. E.R.* Through Bosnia and Herzegovina. London: Dresser, 1909.
- Wilkinson H.R.* Maps and Politics. A Review of the Ethnographic Cartography of Macedonia. Liverpool: The University Press, 1951.
- Wilkinson J.G.* Dalmatia and Montenegro: with a Journey to Mostar in Herzegovina. London: John Murray, 1848.
- Willis N.P.* Summer Cruise in the Mediterranean, on board an American Frigate. New York: Charles Scribner, 1853.
- Wilson F.M.* Portraits and Sketches of Serbia. London: The Swarthmore Press, 1920.
- Wilson R.* Travels in Egypt and the Holy Land. With A Journey through Turkey, Greece, the Ionian Islands, Sicily, Spain, &c. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, Brown, and Green, 1824.
- Wilson S.S.* A Narrative of the Greek Mission; or, Sixteen Years in Malta and Greece: including Tours in the Peloponnesus in the Ægean and Ionian Isles. London: John Snow, 1839.
- Wingfield W.F.* A tour in Dalmatia, Albania, and Montenegro with an historical sketch of the Republic of Ragusa. London: Richard Bentley, 1859.
- Withers R.* The Grand Signiors Serraglio; Purchas His Pilgrimes. Vol. V. S. 1580–1613. London: Henrie Fetherstone, 1625.
- Wittman W.* Travels in Turkey, Asia-Minor, Syria, and Across the Desert into Egypt During the Years 1799, 1800, and 1801, in Company with the Turkish Army and the British Military Mission. London: Richard Phillips, 1803.
- Wolff R.L.* The Balkans in Our Time. Cambridge: Harvard University Press, 1956.
- Woods H.C.* Washed by Four Seas. London: T. Fisher Unwin, 1908.
- Woods H.C.* The Danger Zone of Europe. London: T. Fisher Unwin, 1911.
- Woods H.C.* War and Diplomacy in the Balkans. London: The Field & Queen (Horace Cox), 1915.
- Wordsworth C.* Greece: Pictorial, Descriptive, and Historical. London: William S. Orr and Co, 1839.
- Wratislaw W.* Adventures of Baron Wenceslas Wratislaw of Mitrowitz. What he saw in the Turkish metropolis, Constantinople; experienced in his captivity; and after his happy return to his country, committed to writing in the year of Our Lord 1599. London: Bell and Daldy, 1862.
- Wutzer C.W.* Reise in den Orient Europa's und einen Theil Westasien's, zur Untersuchung des Bodens und seiner Producte, des Klima's, der Salubrität-Verhältnisse und vorherrschenden Krankheiten. Mit Beiträgen zur Geschichte, Charakteristik und Politik der Bewohner. Elberfeld: Bädeker'schen Buch- und Kunsthandlung, 1860–1861.
- Wyon R.* The Balkans from Within. London: James Finch & Co, 1904.
- Wyon R., Prance G.* The Land of Black Mountain. London: Methuen & Co, 1903.

- Young G. Constantinople. London: Methuen & Co, 1926.
- Yriarte C. La Dalmazia. Milan: Fratelli Treves, 1878a.
- Yriarte C. Les bords de l'Adriatique et le Montenegro. Paris: Hachette, 1878b.
- Yriarte C. Bosna i Hercegovina – putopis iz vremena ustanka 1875–1876. Sarajevo: Veselin Masleša, 1981.
- Zachariá E. Reise in den Orient in den Jahren 1837 und 1838. Ueber Wien, Venedig, Florenz, Rom, Neapel, Malta, Sicilien and Griechenland nach Saloniki, dem Berge Athos, Konstantinopel und Trapezunt. Heidelberg: J.C.B. Mohr, 1840.
- Zavadil A. Obrázky z Bosny. Praha: Josef Pelcl, 1911.
- Zdravković I. Opravka kula kod Starog mosta u Mostaru // Naše starine I. 1953. S. 141–143.
- Zedtwitz F.X. Zaubervoller Balkan. Berlin: Ullstein, 1937.
- Zimmerman A. Anthropology and Antihumanism in Imperial Germany. Chicago in London: The University of Chicago Press, 2001.
- Zotiadēs G.B. The Macedonian Controversy. Thessaloniki: Society of Macedonian Studies, 1954.
- Žunković M. Die Slaven, ein Urvolk Europas. Kremser: A Piša, 1910.
- Амфи́театров А.В. Страна раздора. СПб.: Изд. И. В. Райской, 1903.
- Амфи́театров А.В. В моих скитаниях. СПб.: Изд. И. В. Райской, 1903.
- Амфи́театров А.В. Славянское горе. М.: Московское книгоиздательство, Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземномъ море подъ начальством Вице-Адмирала Дмитрия Николаевича Сеньявина от 1805 по 1810 год. СПб: Тип. Императорской Российской Академии, 1818.
- Броневский В.Б. Письма морского офицера. М.: Тип. С. Селивановского, 1825–1826.
- Водовозов В.В. На Балканах: статьи, путевые очерки. Петроград: Огни, 1917.
- Гильфердинг А.Ф. Путешествие по Герцеговине, Боснии и старой Сербии // Записки Русского географического общества. СПб, 1859/60. Т. 13; СПб, 1859.
- Григорович В.И. Очерк путешествия по европейской Турции. Казань, 1848.
- Кондаков Н.П. Македония. Археологическое путешествие. СПб: Тип. Императорской Академии Наук, 1909.
- Ковалевский Е.П. Четыре месяца в Черногории. СПб: Тип. А.А. Плюшара, 1909.
- Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М.: МГУ, 1960.
- Риттих П.А. По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. СПб: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1909.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Езерник Божидар
Дикая Европа
Балканы
глазами западных
путешественников

Для возрастной категории 16+

Выпускающий редактор
Ю.А. Созина

Компьютерная верстка
П.Н. Морозов

Корректор
Т.Г. Шаманова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Лингвистика»
109240, г. Москва, ул. Никольямская, д. 4

Отдел реализации издательства:

+7 (495) 915-31-00,

+7 (905) 717-05-20

Адрес электронной почты:
veniamin.a.astrakhantsev@libfl.ru

Подписано в печать 10.03.2017. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 22,38 печ. л.

Заказ № 821.

Тираж 1000 экз.

